

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит девять раз в год.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2 (87)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2026

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев
Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко, чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария), д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов, д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев, И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеев, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалёв, д.э.н. Л. А. Попова, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская, д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукарев, д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И. О. Васкул (зам. ответственного редактора), д.филол.н. Е. А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Милохин (ответственный секретарь), д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. А. Бровина, акад. РАН А. В. Головнев, к.филол.н. Н. В. Горинова, д-р наук И. Жепниковска (Польша), д.и.н. А. Е. Загребин, д.филол.н. Т. И. Зайцева, к.и.н. Н. М. Игнатова, д.и.н. В. А. Исупов, д.филол.н. Л. Л. Карпова, д-р наук Г. Клумпп (Эстония), д.филол.н. Н. В. Кондратьева, к.и.н. П. П. Котов, к.филол.н. Ю. А. Крашенинникова, д.и.н. Е. Ф. Кринко, д.филол.н. Р. А. Кудрявцева, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Леэте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. А. В. Мартыненко, д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), чл.-корр. РАН И. И. Муллонен, к.филол.н. А. Г. Мусанов, д-р филос. Э. Надь (Венгрия), д.филол.н. О. И. Налдеева, д.и.н. П. Ю. Павлов, д.и.н. И. В. Побережников, д.филол.н. В. А. Поздеев, к.и.н. С. А. Попов, д.и.н. С. А. Прокопенко, д.и.н. А. В. Репневский, акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), к.филол.н. С. А. Сажина, д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский, к.и.н. М. В. Таскаев, д.и.н. Ю. П. Шабаетов, д-р филос. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С. Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77-26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук», 2026

Science Journal

Founded in 2010
Published 9 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 2 (87)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2026

Editor-in-chief – RAS acad. A. M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S. V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V. N. Lazhentsev

Executive secretary – Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V. V. Alekseev, RAS acad. A. A. Baryakh, RAS acad. V. I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E. R. Bojko,
RAS corresp. member I. N. Bolotov, RAS acad. V. N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.- Math.) T. M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I. N. Burtsev, RAS acad. A. D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N. A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V. G. Zainullin,
RAS corresp. member V. A. Ilyin, RAS acad. S. V. Krivovichev, I. V. Kurlyak, RAS acad. A. V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu. B. Marin, RAS acad. V. P. Matveenkov, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G. A. Mesyats, RAS corresp. member A. A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L. A. Popova,
Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A. M. Pystin, RAS corresp. member I. M. Roshchevskaya, Dr. Sci. (Chem.) S. A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E. A. Savel'yeva, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A. F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S. N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I. F. Chadin, RAS acad. V. N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu. Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E. V. Shamrikova, RAS acad. V. S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A. G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Yudin

Editorial Board of «History and Philology» series:

Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I. O. Vaskul (deputy executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) E. A. Tsypanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) E. T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A. A. Brovina, RAS acad. A. V. Golovnev, Cand. Sci. (Philology) N. V. Gorinova,
Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A. E. Zagrebin, Dr. Sci. (Philol.) T. I. Zaitseva,
Cand. Sci. (Hist.) N. M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V. A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L. L. Karpova,
Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Dr. Sci. (Philol.) V. V. Kondratyeva, Cand. Sci. (Hist.) P. P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu. A. Krasheninnikova,
Dr. Sci. (Hist.) E. F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R. A. Kudryavtseva, Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia),
PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (History) A. V. Martynenko, Dr. Sci. (Hist.) M. A. Matsuk,
Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus), RAS corresp. member I. I. Mullonen, Cand. Sci. (Philol.) A. G. Musanov,
PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O. I. Naldeeve, Dr. Sci. (Hist.) P. Yu. Pavlov,
Dr. Sci. (Hist.) I. V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V. A. Pozdeev, Cand. Sci. (History) S. A. Popov, Dr. Sci. (Hist.) S. A. Prokopenko,
Dr. Sci. (Hist.) A. V. Repnevsky, RAS acad. V. N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), Cand. Sci. (Philology) S. A. Sazhina,
Dr. Sci. (Geogr.) V. I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A. V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M. V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu. P. Shabaev,
PhD M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S. Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

© Federal State Budgetary Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences», 2026

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration -
ПИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии

От редакционной коллегии.....	7
Шао Ици Договоры России и Цинской империи как источник изучения Дальнего Востока в российской историографии (конец XIX – начало XX века).....	8
Стволыгин К. В. Освобождение от военной службы инородцев в Российской империи (1874–1917).....	14
Шабасова М. А. Проектирование элитного и массового жилья в СССР в 1920–1930-е годы.....	20
Кан Нань От Минска до Нанкина: сравнительное исследование памяти о Второй мировой войне в Беларуси и Китае.....	26
Пашков Н. О. К вопросу признания патриаршего достоинства Болгарской православной церкви Кипрской Архиепископией (1953–1961).....	32
Веремейчик М. А. Вопросы этнической идентичности в исторической политике Республики Армения.....	38
Хай Пэйвэнь О роли и функциях музеев в международном культурном обмене и продвижении (на примере Лувра).....	43
Кононова Е. Е. Микроистория как метод: сопоставление интернациональных исследовательских традиций.....	50
Петаченко Г. А. Этнические регионы России в эпоху первых пятилеток: контексты и интерпретации в современной российской историографии.....	57
Статьи	
Смертин А. Р., Савельева Э. А. Технология кузнечных изделий Кокпомъягского могильника.....	63
Шахнович М. М. Полевое изучение православных могильников Русской Лапландии в XIX–XXI веках.....	75
Гладких С. А. Список с церковной летописи: портрет переписчика и особенности вторичного источника.....	85
Котов П. П. Переходы удельных крестьян Русского Севера в состав городских сословий.....	89
Бердинских В. А. Сергей Лобовиков – фотохудожник крестьянской Руси.....	99
Лисовская Г. К. Киев и Петербург в художественном мире Жакова К. Ф.	106
Гизатуллина Д. Н. Татарская народная волшебная сказка: зарождение и развитие жанра.....	113
Джакели А. Э. Агитационные мероприятия партии и местной власти в рамках повышения мобилизационной готовности населения Кабардино–Балкарии в начальный период Великой Отечественной войны.....	117

Шкрибитель Е. А.	
Организация и особенности функционирования немецких лагерей советских военнопленных в рейхскомиссариате «Украина».....	121
Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф.	
Организация шефской помощи советским госпиталям в период освобождения Ростовской области в декабре 1942 – августе 1943 года.....	126
Золотарев О. В.	
Коми государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны: учебный процесс и научная деятельность.....	134
Столетова А. С.	
Вербальное измерение ценностных ориентаций представителей власти на Русском Севере во второй половине XX века.....	139
Учватов П. С.	
История общественно-политического развития и государственного устройства Мордовии XX века в работах профессора В. А. Юрчёнкова.....	147
Чочиева О. А.	
Этноэкономика как фактор сохранения социально-экономического развития горных территорий	154
Остапова З. В., Чудова Т. И.	
Детям о Республике Коми: работа по созданию учебно-методических пособий для воспитателей детских садов	159
Рецензии	
Жеребцов И. Л.	
Фаузер В. В. Коренные народы Севера России	164
Мусанов А. Г.	
Кириллова Л. Е. Географические термины в удмуртской топонимии.....	165
Юбилей	
Юбилей Дроновой Т. И.	167

CONTENTS

Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union, and post-Soviet Eurasia

From the Editorial Board	7
Shao Yiqi Treaties between Russia and the Qing empire as a source for the study of the Far East in Russian historiography (late XIX–early XX century).....	8
Stvolygin K. V. Exemption of nonnatives from military service in the Russian Empire (1874–1917).....	14
Shabasova M. A. Design of elite and mass housing in the USSR in the 1920s–1930s.....	20
Kang Nan From Minsk to Nanjing: a comparative study of the memory of the World War II in Belarus and China	26
Pashkov N. O. On the recognition of the Patriarchal dignity of the Bulgarian Orthodox Church by the Archdiocese of Cyprus in 1953–1961.....	32
Veremeichik M. A. Issues of ethnic identity in the historical policy of the Republic of Armenia.....	38
Hai Peiwen On the role and functions of museums in international cultural exchange and promotion (taking the Louvre as an example).....	43
Kononova E. E. Microhistory as a method: comparison of international research traditions	50
Petachenko G. A. Ethnic regions of Russia in the era of the first five-year plans: contexts and interpretations in modern Russian historiography	57
Papers	
Smertin A. R., Savelyeva E. A. The technology of blacksmith products from the Kokpomyag burial ground	63
Shakhnovic M. M. Field study of the Orthodox burial grounds in Russian Lapland in the XIX–XXI centuries	75
Gladkikh S. A. List from the church chronicle: portrait of the transcriber and features of the secondary source	85
Kotov P. P. The transition of appanage peasants of the Russian North to the urban classes	89
Berdinskikh V. A. Sergey Lobovikov – a photographer of peasant Russia	99
Lisovskaya G. K. Kiev and St. Petersburg in the Fiction of K. F. Zhakov	106
Gizatullina D. N. Tatar folk fairy tale: the origin and development of the genre	113
Dzhakeli A. E. Agitation activities of the party and local authorities to increase the mobilization readiness of the population of Kabardino-Balkaria in the initial period of the Great Patriotic War.....	117

Shkribitko E. A.	
Organization and functional characteristics of the German camps for Soviet prisoners of war in the reichskommissariat «Ukraine»	121
Afanasenko V. I., Krinko E. F.	
Organization of patronage assistance to Soviet hospitals during the liberation of the Rostov Region in December 1942 – August 1943	126
Zolotarev O. V.	
The Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War: educational process and scientific activities	134
Stoletova A. S.	
Verbal dimension of value orientations of government officials in the Russian North in the second half of the XX century	139
Uchvatov P. S.	
The history of the socio-political development and state structure of Mordovia in the XX century in the works of Prof. V. A. Yurchyonkov	147
Chochieva O. A.	
Ethnoeconomics as a factor in the preservation of social and economic development of mountainous territories	154
Ostapova Z. V., Chudova T. I.	
For children about the Komi Republic: work on the creation of educational and methodical manuals for kindergarten teachers	159
Reviews	
Zherebtsov I. L.	
Fauzer V. V. Indigenous peoples of the North of Russia	164
Musanov A. G.	
Kirillova L. E. Geographical terms in Udmurt toponymy	165
Anniversaries	
Anniversary of T. I. Dronova	167

Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Перед вами – первый номер 2026 г. серии «История и филология» научного журнала «Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН», в котором мы с особой гордостью представляем белорусский тематический блок. Этот выпуск стал результатом плодотворного сотрудничества с учеными и молодыми исследователями Белорусского государственного университета.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Отделение Российского исторического общества в Республике Коми, Северная секция Научного совета по исторической демографии и исторической географии Российской академии наук при поддержке Главы Республики Коми, Правительства Республики Коми, Государственного Совета Республики Коми, администрации и Совета муниципального образования «Город Сыктывкар» провели 24–26 ноября 2025 г. в г. Сыктывкаре II съезд историков Республики Коми «Межпоколенческая ретрансляция исторической памяти и сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей народов России». В рамках II съезда историков Республики Коми был проведен ряд научных форумов по актуальным проблемам истории и культуры Севера, других регионов России и зарубежных стран: II Международный симпозиум «Исследователи народов и культур Евразии (к 100-летию со дня рождения Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова)»; Международный симпозиум «Гуманитарная наука в регионах России и государствах постсоветского пространства: трудности становления, осмысление результатов, пути развития в меняющемся мире (к 190-летию со дня рождения Г. С. Лыткина и 130-летию со дня рождения В. И. Лыткина)»; Международный симпозиум «Народы России на защите единого Отечества: от сражений и смут Средневековья и баталей Нового времени до великих побед XX столетия и военных операций начала XXI века (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, победы над Японией и окончания Второй мировой войны)»; XIII Международный симпозиум по исторической демографии «Этнодемографический фактор развития Арктики и Субарктики: история, современность, будущность»; Всероссийская (с международным участием) научно-образовательная конференция «Актуальные проблемы исторической науки глазами молодых ученых».

По сложившейся доброй традиции в научных форумах приняли участие историки Белорусского государственного университета. Сотрудничество между историческим факультетом Белорусского государственного университета и Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН представляет собой важный пример интеграции академической науки и высшего образования в рамках Союзного государства, способствующее сохранению исторической памяти и укреплению гуманитарного диалога между народами Беларуси и России. Оно подтверждает, что даже при значительных географических расстояниях академиче-

Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union, and post-Soviet Eurasia

From the Editorial Board

ская наука остается единой и нацеленной на решение общих цивилизационных задач.

В современной науке, где границы между дисциплинами становятся все более проницаемыми, а исследовательские подходы – все более междисциплинарными, диалог между научными школами и национальными академическими традициями приобретает особое значение. Представленный блок статей белорусских авторов является целостным проектом, демонстрирующим широту исследовательских интересов, методологическую гибкость и актуальную проблематику, волнующую сегодня историков. Проект основан на задании «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии», выполняемом кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

В представленных материалах нашли отражение как фундаментальные исторические сюжеты – от договоров России и Цинской империи конца XIX в. до этнополитических процессов Новейшего времени, – так и современные методологические вызовы, включая микроисторический подход, историческую политику, коммеморативные практики и международное культурное взаимодействие. Особое внимание уделяется вопросам национальной и этнической идентичности, социальной политики, межгосударственных отношений и роли исторической памяти в формировании общественного сознания.

Мы убеждены, что публикация этого блока не только обогатит научный дискурс, но и послужит дальнейшему укреплению академических связей между российскими и белорусскими исследователями, а также расширению международного сотрудничества в области гуманитарных наук.

Благодарим всех авторов, рецензентов и организаторов этого проекта за вклад в создание выпуска, который, надеемся, станет заметным событием в научной жизни и будет полезен как специалистам, так и всем, кто интересуется историей, культурой и общественной мыслью.

*Жеребцов Игорь Любомирович,
доктор исторических наук,
директор ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
ответственный редактор серии «История и филология»,*

*Яновский Олег Антонович, профессор,
заведующий кафедрой истории России
Белорусского государственного университета,*

*Меньковский Вячеслав Иванович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Белорусского государственного университета*

Договоры России и Цинской империи как источник изучения Дальнего Востока в российской историографии (конец XIX – начало XX века)

Шао Ици

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
ylayiqi@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется использование договоров России и Цинской империи второй половины XIX–начала XX в. в российской историографии Дальнего Востока, Маньчжурии и российско-китайского пограничья. Показано, что в большинстве исследований договорные акты рассматриваются прежде всего как исходная нормативно-правовая и хронологическая основа анализа политических, административных, военных и колонизационных процессов, тогда как их собственный источниковедческий потенциал остается на периферии научного внимания. На материале работ российских историков выявлены основные модели функционирования договоров в историографических нарративах, включая их роль в периодизации, легитимации административных решений и интерпретации внешнеполитического курса Российской империи. Автор делает вывод о преобладании инструментального подхода к договорным текстам и необходимости более системного источниковедческого осмысления договоров как специфического типа исторического источника.

Ключевые слова:

договоры России и Цинской империи, российско-китайские отношения, Дальний Восток, Маньчжурия, историография, источниковедческий анализ, имперская политика

Введение

Во второй половине XIX–начале XX в. Дальний Восток стал одним из ключевых направлений внешней и внутренней политики Российской империи. Расширение российского присутствия в Приамурье, Приморье и Маньчжурии сопровождалось формированием системы договорных отношений с Цинской империей, в рамках которой международно-правовые акты выполняли не только дипломатические, но и административно-практические функции. Айгунский и Пекинский договоры, а также последующие соглашения о торговле, границах, коммуникациях и статусе территорий заложили правовую основу российской деятельности на Дальнем Востоке. В частности, Айгунский договор 1858 г. закреплял распределение пограничного пространства и режим владения ключевыми

Treaties between Russia and the Qing empire as a source for the study of the Far East in Russian historiography (late XIX–early XX century)

Shao Yiqi

St. Petersburg State University,
St. Petersburg
ylayiqi@gmail.com

Abstract

The paper analyzes the use of treaties between Russia and the Qing Empire in the second half of the XIX – early XX centuries in Russian historiography of the Far East, Manchuria, and the Russian–Chinese borderlands. It is shown that, in most studies, treaty acts are considered primarily as the normative legal and chronological basis for the analysis of political, administrative, military, and colonisation processes, while their own source potential remains on the periphery of scientific attention. Based on the works of Russian historians, the main models through which treaties function within historiographical narratives, including their role in periodization, legitimation of administrative decisions, and interpretation of the foreign policy course of the Russian Empire are identified. The conclusion is made about the predominance of an instrumental approach to treaty texts and the need for a more systematic source-based understanding of treaties as a specific type of historical source.

Keywords:

treaties between Russia and the Qing Empires, Russian–Chinese relations, the Far East, Manchuria, historiography, source analysis, imperial policy

территориями, устанавливая, что «левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья, да будет владением российского государства», тогда как земли к востоку от Усури «до определения по сим местам границы <...> да будут в общем владении дайцинского и российского государств» [1, с. 47]. Эти формулировки на протяжении десятилетий служили нормативным и хронологическим ориентиром для осмысления российско-китайских отношений в отечественной историографии.

Историография российско-китайского пограничья, Дальнего Востока и Маньчжурии в значительной степени опирается на договорные тексты как на исходную нормативную базу взаимодействия двух империй. При этом договоры, как правило, воспринимаются как заданная правовая

реальность, тогда как их источниковедческий потенциал и особенности использования в историографических нарративах остаются недостаточно проанализированными.

В этой связи исследовательский интерес представляет изучение способов функционирования договоров России и Цинской империи в российской историографии как исторического источника. Речь идет о том, каким образом договорные акты конца XIX – начала XX в. используются при реконструкции истории Дальнего Востока и какие аналитические функции им приписываются в различных исследовательских контекстах.

В современной российской историографии договоры преимущественно используются как нормативная и хронологическая основа анализа политических, административных и военных процессов. В результате особенности их структуры, языка и контекста заключения нередко остаются вне поля внимания, а сами договоры воспроизводятся прежде всего как фиксированная правовая рамка.

В зарубежных исследованиях последних лет обращение к истории российско-китайского пограничья связано с изучением повседневных практик и социальных механизмов формирования границы, что представлено, в частности, в монографии С. Урбански [2]. В китайской историографической традиции договоры XIX–начала XX в. продолжают рассматриваться преимущественно в контексте проблемы «неравноправных договоров» и утраты государственного суверенитета. На этом фоне специфика российской историографической традиции позволяет обратиться к вопросу о характере и функциях использования договоров России и Цинской империи при изучении истории Дальнего Востока.

Цель настоящей статьи – выявление основных направлений и особенностей использования договоров России и Цинской империи во второй половине XIX–начале XX в. в современной российской историографии Дальнего Востока. В центре внимания находятся труды российских историков, посвященные проблемам колонизации, пограничного пространства, российской политике в Китае и развитию инфраструктурных проектов. В работе используются приемы историографического и источниковедческого анализа, позволяющие рассматривать договоры не только как международно-правовые акты, но и как элемент формирования исторического знания о Дальнем Востоке Российской империи.

Договоры как нормативная основа освоения Дальнего Востока в российской историографии конца XIX – начала XX в.

История освоения Дальнего Востока Российской империи в российской историографии, как правило, реконструируется с опорой на договоры России и Цинской империи второй половины XIX–начала XX в., которые занимают в исследованиях особое, хотя и во многом имплицитное место. Договорные акты используются преимущественно не как самостоятельный объект источниковедческого анализа, а как нормативно-правовая основа административных, военных и экономических преобразований в регионе. Как отмечает Н. А. Самойлов, подписание договоров второй

половины XIX в. привело к установлению линии границы и создало предпосылки для развития приграничных и административных практик [3].

Подобное понимание нормативной функции договоров в историографии чаще всего связывается с Айгунским и Пекинским договорами, а также с протоколами демаркации начала 1860-х гг., задавшими исходные правовые рамки российского присутствия на Дальнем Востоке. Принцип обязательности и преемственности ранее достигнутых соглашений получил нормативное выражение в более поздних договорных актах. Так, в тексте Санкт-Петербургского (Илийского) договора 1881 г. подчеркивалось, что «постановления прежних договоров между Россией и Китаем, не измененные настоящим договором, остаются в полной силе» [4, с. 211–220], что закрепляло сохранение договорного режима как устойчивой правовой основы межгосударственных отношений и позволяло рассматривать его в историографии как фундамент последующих административных и территориальных преобразований.

Договорно закрепленные положения привлекаются в исследованиях прежде всего в связи с практиками освоения и управления пограничным пространством. Размещение казачьих поселений в Забайкалье осуществлялось вдоль военных коммуникаций, несмотря на ограниченную хозяйственную пригодность территорий, что отражало приоритет военно-стратегических задач. Как отмечает Р. С. Авиллов, «граф Н. Н. Муравьев–Амурский рассматривал учреждаемые им казачьи поселения прежде всего как военные этапы на пути вдоль Амура, а не как хозяйственно самодостаточные единицы» [5, с. 38]. Подобные практики формировались в условиях постоянного контакта с Цинской империей и опирались на договорно закрепленный режим пограничного взаимодействия, в рамках которого, согласно Айгунскому договору 1858 г., маньчжурские жители на левом берегу Амура «оставлялись вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства» при одновременном признании российской юрисдикции над соответствующей территорией [1].

Анализируя правительственные проекты заселения и инфраструктурного развития региона, Д. Г. Янченко подчеркивает, что «создание координационного центра русской дальневосточной колонизации стало предметом забот власти ввиду изменившегося внешнеполитического положения на Дальнем Востоке» [6, с. 74]. В его работах договорные акты выступают условием институционального оформления дальневосточной политики и используются преимущественно как фоновый источник, на основе которого реконструируются механизмы взаимодействия центральных и региональных органов власти.

В исследованиях Р. С. Авилова договоры также рассматриваются прежде всего как нормативный контекст, в рамках которого анализируются вопросы размещения войск, формирования военных округов и организации обороны на Дальнем Востоке [7]. Договорно закрепленный статус территорий трактуется как предпосылка институционального оформления военного и административного присутствия России в регионе. При этом сами договорные тексты

содержали положения, допускавшие такое присутствие, включая регулирование административных и охранных функций. В частности, Пекинский договор 1860 г. устанавливал особый порядок сношений российских представителей с местными властями, что создавало правовые предпосылки для функционирования российской администрации и военных структур на сопредельных территориях [1, с. 74–84]. Вместе с тем договоры в военно-историческом нарративе функционируют преимущественно как нормативный фон и не становятся объектом специального источниковедческого анализа.

В более широких историографических концепциях, связанных с изучением имперской политики на окраинах, подобный подход к договорным источникам выглядит закономерным. Как подчеркивается в обобщающих работах по истории имперской политики, внимание исследователей сосредоточено на институциональных практиках и механизмах реализации государственной стратегии, тогда как международно-правовые акты выступают в качестве заданного контекста [8]. В результате договоры в современной российской историографии преимущественно используются как нормативная и хронологическая основа анализа политических, административных и военных процессов, что ограничивает возможности их рассмотрения как многоуровневого исторического источника, отражающего сложность пограничных и административных практик конца XIX – начала XX в.

Договоры в исследованиях российско-китайских отношений и дальневосточной политики

В историографических интерпретациях российско-китайских отношений второй половины XIX – начала XX в. договоры России и Цинской империи выступают одним из ключевых инструментов хронологического и содержательного структурирования анализа. В качестве основных ориентиров для периодизации и интерпретации двусторонних отношений используются договоры 1860-х гг. и конца XIX в., включая Айгунский и Пекинский договоры, Чугучакский протокол 1864 г., Санкт-Петербургский договор 1881 г., а также последующие соглашения, закрепившие пограничный и торговый режим между двумя империями.

В исследованиях Н. А. Самойлова, основанных на широком привлечении архивных материалов Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного исторического архива, договоры функционируют как нормативный каркас, определяющий содержание дипломатической переписки, инструкций и отчетов, связанных с реализацией внешнеполитического курса России на Востоке. Подобный подход отражает характерное для российской историографии понимание договорных актов как основы внешнеполитической деятельности государства.

Схожая трактовка договоров прослеживается и в исследованиях российской политики в Китае после Русско-японской войны 1904–1905 гг. В работах Е. О. Старовойтовой аннулирование соглашений 1896 и 1898 гг. и заключение Портсмутского мирного договора рассматриваются как ключевые факторы пересмотра дальневосточной стра-

тегии Российской империи [9]. В этом контексте договоры используются прежде всего как ориентиры, позволяющие фиксировать изменения внешнеполитического курса и баланса сил в регионе.

Особое место в историографических интерпретациях занимают Московский договор 1896 г., соглашения, связанные со строительством Китайско-Восточной железной дороги, а также Цицикарский пограничный протокол 1911 г., которые используются для характеристики трансформации договорного режима на рубеже XIX–XX вв. При этом, договорные документы, как правило, включаются в традиционный дипломатический нарратив и выполняют функцию аргументативной опоры исторического изложения, не становясь объектом специального источниковедческого анализа.

В целом в исследованиях, посвященных российско-китайским отношениям и дальневосточной политике Российской империи, договоры России и Цинской империи функционируют как структурообразующий элемент историографического анализа. Они задают временные и политические рамки интерпретации и служат основой для периодизации внешнеполитических решений, однако редко рассматриваются как самостоятельный и многоуровневый исторический источник.

Источниковедческий потенциал договоров России и Цинской империи в российской историографии

Анализ современной российской историографии, посвященной истории Дальнего Востока и российско-китайских отношений второй половины XIX – начала XX в., позволяет говорить об устойчивой практике использования договоров России и Цинской империи как функционального, но во многом «прозрачного» исторического источника. В большинстве исследований договорные акты выступают в роли нормативного фона, задающего рамки политических, административных и военных процессов, тогда как их источниковедческая специфика остается вне сферы специального анализа. Речь идет прежде всего о договорных комплексах 1858–1860 гг., а также последующих соглашениях, активно привлекаемых в историографии конца XIX – начала XX в.

В работах, посвященных колониционной, военно-административной и дипломатической политике России на Дальнем Востоке, договоры включаются в анализ как уже заданная правовая реальность. У Д. Г. Янченко они выступают исходным условием реализации переселенческих и инфраструктурных проектов; в военно-исторических исследованиях Р. С. Авилова – основанием для развертывания оборонительной и военной инфраструктуры; в военно-политических очерках конца имперского периода – рамкой стратегических рассуждений о безопасности восточных окраин. В исследованиях по истории российско-китайских отношений (Н. А. Самойлов) договоры используются прежде всего как средство систематизации дипломатического и архивного материала.

При различии исследовательских задач договорные акты в этих работах функционируют сходным образом: они задают нормативный и хронологический контекст

анализа, но редко становятся объектом самостоятельного источниковедческого осмысления, связанного с изучением структуры, языка и условий формирования договорных текстов. Особенно наглядно это проявляется в практике использования договоров как ключевых маркеров исторической периодизации, что облегчает реконструкцию внешнеполитических процессов, но одновременно снижает аналитическое внимание к самим текстам соглашений.

Между тем, одной из характерных особенностей договоров второй половины XIX в. является внутренняя неопределенность и компромиссный характер формулировок. Так, в Айгунском договоре 1858 г. положение о территориях к востоку от Уссури, «впредь до определения по сим местам границы» находившихся в общем владении двух государств, фиксировало не окончательное решение, а ситуацию временного политико-правового баланса. Однако в историографических реконструкциях подобные положения, как правило, интерпретируются ретроспективно – как этап, ведущий к однозначному закреплению территории за Россией. В результате договорный текст утрачивает проблемный характер источника и начинает восприниматься как «прозрачная» нормативная предпосылка последующих административных решений.

Сходный подход прослеживается и в историографических обзорах российской политики в Китае после Русско-японской войны, где договоры используются главным образом как индикаторы изменения внешнеполитического курса и баланса сил, оставаясь в рамках традиционного дипломатического нарратива. В целом для современной российской историографии характерно преимущественно инструментальное обращение к договорам России и Цинской империи, ориентированное на реконструкцию механизмов государственной политики и административного управления, а не на анализ текстуальной и контекстуальной природы самих соглашений.

Вместе с тем отдельные исследования, посвященные административной практике на юге Дальнего Востока, демонстрируют потенциал более детального источниковедческого обращения к договорному материалу. Показательно, что договорное закрепление территорий в 1858–1860 гг. поставило перед российской администрацией проблему управления китайским населением, придав договорным нормам конкретное практическое значение. Подобные наблюдения указывают на перспективность дальнейших исследований, ориентированных на сопоставление различных языковых версий договоров и анализ контекста их применения.

В этом ракурсе договоры России и Цинской империи могут рассматриваться не только как элемент историографического нарратива, но и как самостоятельный исторический источник, обладающий собственной логикой формирования и функционирования.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что договоры России и Цинской империи второй половины XIX – начала XX в., прежде всего Айгунский и Пекинский договоры, а также последующие пограничные соглашения занимают устойчи-

вое место в современной российской историографии истории Дальнего Востока и российско-китайских отношений. В большинстве исследований они используются как нормативная и хронологическая основа анализа колониальной, административной и военной политики Российской империи.

Вместе с тем характер обращения к договорным текстам остается преимущественно утилитарным. Договоры обеспечивают логическую связность исторического повествования, но редко рассматриваются как самостоятельный исторический источник, отражающий сложность политических компромиссов и неопределенность пограничной ситуации своего времени. Между тем источниковедческий анализ договорных текстов позволяет выявить особенности их языка, структуры и контекста заключения, что открывает дополнительные возможности для изучения российско-китайских отношений и истории Дальнего Востока в целом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Айгунский договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 47–48.
2. Урбански, С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы / С. Урбански; авториз. пер. с англ. М. Закировой. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 480 с.
3. Самойлов, Н. А. Ключевые моменты истории российско-китайских отношений 1861–1901 годов: периодизация, архивные материалы и перспективы изучения / Н. А. Самойлов // Известия ДГПУ. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 24–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-momenty-istorii-rossijsko-kitayskih-otnosheniy-1861-1901-godov-periodizatsiya-arhivnye-materialy-i-perspektivy-izucheniya> (дата обращения: 26.01.2026).
4. Договор между Россией и Китаем об Илийском крае // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 211–220.
5. Авилов, Р. С. Дальневосточное казачество в конце XIX в. В воспоминаниях барона А. П. Будберга / Р. С. Авилов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – Т. 33, № 2. – С. 28–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dalnevostochnoe-kazachestvo-v-kontse-xix-v-vospominaniyah-barona-a-p-budberga> (дата обращения: 07.01.2026).
6. Янченко, Д. Г. Амурская экспедиция и комитет по заселению дальнего востока в планах совета министров России при П. А. Столыпине / Д. Г. Янченко // НИР. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 56–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amurskaya-ekspeditsiya-i-komitet-po-zaseleniyu-dalnego-vostoka-v-planah-soveta>

ministrov-rossii-pri-p-a-stolypine (дата обращения: 26.01.2026).

7. Авиллов, Р. С. Приамурский военный округ: военно-административные преобразования накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.) / Р. С. Авиллов // *Россия и АТР*. – 2018. – Т. 99, № 1. – С. 173–186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priamurskiy-voennyy-okrug-voenno-administrativnye-preobrazovaniya-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny-1906-1914-gg> (дата обращения: 26.01.2026).
8. Зубков, К. И. Имперская власть и политика преобразования окраин: Рецензия на книгу: Ходяков, М. В. (ред.), (2021). *Центр и регионы: Экономическая политика правительства на окраинах российской империи (1894–1917)*. Издательство Санкт-Петербургского университета / К. И. Зубков, И. В. Побережников, Г. Н. Шумкин // *Журнал фронтальных исследований*. – 2022. – Т. 7, № 2. – С. 165–175. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperskaya-vlast-i-politika-preobrazovaniya-okrain-retsenziya-na-knigu-hodyakov-m-v-red-2021-tsentr-i-regiony-ekonomicheskaya> (дата обращения: 26.01.2026).
9. Старовойтова, Е. О. Российская политика в Китае после русско-японской войны 1904–1905 годов: дискуссии в современной историографии / Е. О. Старовойтова // *Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика*. – 2013. – Т. 13, № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-v-kitae-posle-russko-yaponskoy-voyny-1904-1905-godov-diskussii-v-sovremennoy-istoriografii> (дата обращения: 07.01.2026).

References

1. Aigunskii dogovor mezhdru Rossiei i Kitaem o granistah i vzaimnoi trgovle [The Aigun Treaty between Russia and China on borders and mutual trade] // *Collection of treaties of Russia with other states. 1856–1917* / Ed. E. A. Adamova ; Comp. I. V. Kozmenko. – Moscow: Gospolitizdat Publ., 1952. – P. 47–48.
2. Urbansky, S. Za stepnym frontim: istoriya rossiisko-kitaiskoi granitsy [Beyond the steppe frontier: the history of the Russian-Chinese border] / S. Urbansky. – Moscow: New Literary Review, 2023. – 480 p.
3. Samoilov, N. A. Klyuchevie momenty istorii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii 1861–1901 godov: periodizatsiya, arhivnye materialy i perspektivy izucheniya [Key moments in the history of Russian-Chinese relations in 1861–1901: periodization, archival materials and prospects for the study] / N. A. Samoilov // *Izvestiya DGPU*. – 2017. – Vol. 11. – No. 1. – P. 24–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-momenty-istorii-rossiisko-kitayskikh-otnosheniy-1861-1901-godov-periodizatsiya-arhivnye-materialy-i-perspektivy-izucheniya> (accessed: 26.01.2026).
4. Dogovor mezhdru Rossiei i Kitaem ob Iliiskom krae [The Treaty between Russia and China on the Ili region] // *Col-*

lection of treaties of Russia with other states. 1856–1917 / Ed. E. A. Adamov ; Comp. I. V. Kozmenko. – Moscow: Gospolitizdat, 1952. – P. 211–220.

5. Avilov, R. S. Dalnevostochnoe kazachestvo v konce XIX v. v vospominaniyah barona A. P. Budberga [The Far Eastern Cossacks at the end of the XIX century in the memoirs of Baron A. P. Budberg] / R. S. Avilov // *Oikumena. Regional studies*. – 2015. – Vol. 33. – No. 2. – P. 28–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dalnevostochnoe-kazachestvo-v-kontse-xix-v-v-vozpominaniyah-barona-a-p-budberga> (accessed: 07.01.2026).
6. Yanchenko, D. G. Amurskaya ekspeditsiya i komitet po zaseleniyu dalnego vostoka v planah soveta ministrov Rossii pri P. A. Stolypine [The Amur expedition and the Committee for the Settlement of the Far East in the plans of the Council of Ministers of Russia under P. A. Stolypin] / D. G. Yanchenko // *Research*. – 2023. – Vol. 13. – No. 1. – P. 56–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amurskaya-ekspeditsiya-i-komitet-po-zaseleniyu-dalnego-vostoka-v-planah-soveta-ministrov-rossii-pri-p-a-stolypine> (accessed: 26.01.2026).
7. Avilov, R. S. Priamurskii voennii okrug: voenno-administrativnye preobrazovaniya nakanune Pervoi mirovoi voyny (1906–1914 gg.) [Amur Military District: military and administrative transformations on the eve of the First World War (1906–1914)] / R. S. Avilov // *Russia and the Asia-Pacific Region*. – 2018. Vol. 99. – No. 1. – P. 173–186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priamurskiy-voennyy-okrug-voenno-administrativnye-preobrazovaniya-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny-1906-1914-gg> (accessed: 26.01.2026).
8. Zubkov, K. I. Imperskaya vlast' i politika preobrazovaniya okrain: Recenziya na knigu: Khodyakov, M. V. (red.), (2021). *Centr i regiony: Ekonomicheskaya politika pravitelstva na okrainah rossiiskoi imperii (1894–1917)* [Imperial power and the policy of transformation of the suburbs: Book review: Khodyakov, M. V. (ed.), (2021). *Center and Regions: The Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*. – St. Petersburg University Publ. / K. I. Zubkov, I. V. Poberezhnikov, G. N. Shumkin // *J. of Frontier Studies*. – 2022. – Vol. 7. No. 2. – P. 165–175. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperskaya-vlast-i-politika-preobrazovaniya-okrain-retsenziya-na-knigu-hodyakov-m-v-red-2021-tsentr-i-regiony-ekonomicheskaya> (accessed: 26.01.2026).
9. Starovoitova, E. O. Rossiiskaya politika v Kitae posle russko-yaponskoi voyny 1904–1905 godov: diskussii v sovremennoi istoriografii [Russian policy in China after the Russian-Japanese War of 1904–1905: discussions in modern historiography] / E. O. Starovoitova // *Bull. of St. Petersburg State University. Oriental studies. African studies*. – 2013. – Vol. 13. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-v-kitae-posle-russko-yaponskoy-voyny-1904-1905-godov-diskus-sii-v-sovremennoy-istoriografii> (accessed: 07.01.2026).

Благодарность:

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Шао Ици – аспирант исторических наук, кафедра источниковедения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0009-0009-7816-4463, SPIN-код: 2361-3299 (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: ylayiqi@gmail.com).

Author:

Shao Yiqi – graduate student in History, Department of Source Studies, Faculty of History, St. Petersburg State University; ORCID: 0009-0009-7816-4463, SPIN-code: 2361-3299 (5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg 199034, Russian Federation; e-mail: ylayiqi@gmail.com).

Для цитирования:

Шао, Ици. Договоры России и Цинской империи как источник изучения Дальнего Востока в российской историографии (конец XIX – начало XX века) / Ици Шао // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 8-13.

For citation:

Shao, Yi. Treaties between Russia and the Qing empire as a source for the study of the Far East in Russian historiography (late XIX–early XX century) / Yiqi Shao // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 2 (87). – P. 8-13.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Прошла рецензирование: 14.02.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 05.02.2026

Reviewed: 14.02.2026

Accepted: 20.02.2026

Освобождение от военной службы инородцев в Российской империи (1874–1917)

Стволыгин К. В.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
konstvol@mail.ru

Аннотация

В статье отражены результаты изучения государственной политики Российской империи по освобождению от военной службы инородцев в период с 1874 по 1917 г. Особое внимание уделено историческому опыту решения тесно коррелирующих ключевых проблем комплектования армии и флота Российской империи: перманентной потребности в увеличении численности вооруженных сил и освобождению от военной службы значительной части призывного контингента, отнесенного к инородцам. Проведенное исследование показало, что освобождение от обязательной военной службы инородцев в Российской империи было объективно обусловлено. При отсутствии возможности безусловного (полного) освобождения от обязательной военной службы членов той или иной социальной группы важно учитывать их мотивацию и желание выбирать ту или иную разновидность альтернативной службы, призванной заменить обязательную военную службу. Желание выполнять свой гражданский долг по защите своего Отечества в той или иной форме во многом определяется эффективностью военно-патриотического воспитания.

Ключевые слова:

комплектование вооруженных сил, военная служба, воинская повинность, освобождение от военной службы, инородцы, альтернативная служба

Военные конфликты последних лет со всей очевидностью показали ошибочность расчета на то, что современные войны будут вестись в короткие сроки компактными армиями, состоящими из профессионалов с использованием только высокотехнологичных вооружений. Соответственно, приоритетным способом комплектования российских вооруженных сил сохраняется обязательный призыв (воинская повинность), что неизменно выдвигает на повестку дня крайне сложную и многостороннюю проблему освобождения части потенциальных призывников от военной службы. Одна из составляющих данной проблемы в современной России – освобождение от обязательной военной службы призывников из числа коренных малочисленных народов Российской Федерации с последующим направлением их на альтернативную гражданскую службу. Вопрос об освобождении от военной службы представителей малочисленных народов является сложным и многогранным, затраги-

Exemption of nonnatives from military service in the Russian Empire (1874–1917)

Stvolygin K. V.

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
konstvol@mail.ru

Abstract

The paper presents the results of a study of the state policy of the Russian Empire on the exemption of nonnatives from military service from 1874 to 1917. Special attention is paid to the historical experience of addressing the closely inter-related key problems of recruiting the army and navy of the Russian Empire: the permanent need to increase the size of the armed forces and the exemption from military service of a significant part of the conscript contingent classified as nonnatives. The conducted research showed that the exemption of nonnatives from compulsory military service in the Russian Empire was objectively justified. Given the impossibility of unconditional (complete) exemption from compulsory military service for members of a particular social group, it is important to take into account their motivation and desire to choose a particular form of alternative service designed to replace compulsory military service. The desire to fulfill one's civic duty to defend one's fatherland in one form or another is largely determined by the effectiveness of military-patriotic education.

Keywords:

recruitment of the armed forces, military service, conscription, exemption from military service, nonnatives, alternative service

вающим аспекты прав человека, культурного наследия, национальной безопасности и социальной справедливости. Языковые барьеры, культурные различия, непривычные условия быта и питания, отсутствие навыков, необходимых для современной военной службы у этой категории потенциальных призывников, могут привести к существенным затруднениям при прохождении ими военной службы.

Данные обстоятельства побуждают вновь обратиться к историческому опыту решения тесно коррелирующих ключевых проблем комплектования вооруженных сил Российской империи: перманентной потребности в увеличении численности вооруженных сил и освобождению от военной службы значительной части призывного контингента, отнесенного к инородцам. Отражение этого опыта является целью данной статьи.

За точку отсчета хронологических рамок данного исследования приняты военные реформы, проведен-

ные в России в 60–70 гг. XIX в. Поскольку в этот период: во-первых, была введена всеобщая воинская повинность, в значительной степени увеличившая число потенциальных призывников, в том числе и тех, кто по различным основаниям подлежал освобождению от призыва на военную службу. Во-вторых, приоритет в комплектовании армии и флота путем призыва на военную службу (воинская повинность) сохранялся в Российской империи до конца ее существования в 1917 г. В-третьих, проблема освобождения от военной службы потенциальных призывников, в рассматриваемый период российской истории показала устойчивый тренд к своему обострению.

Отечественная историография уделяла перманентное внимание освещению проблем комплектования армии и флота Российской империи. Наиболее информативными представляются работы Р. А. Фадеева, А. Ф. Редигера, Н. Н. Головина, П. А. Зайончковского, А. А. Керсновского, М. Н. Зуева, Л. Г. Бескровного, Ф. Н. Иванова, В. А. Корнилова, Н. А. Фирсова, А. И. Архиповой и др. Вместе с тем, ряд проблем комплектования вооруженных сил России, в том числе и освобождения от обязательной военной службы, в контексте современных реалий нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

Изначально важно определить соотношение понятий «коренные малочисленные народы Российской Федерации» (малочисленные народы) и «инородцы». Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к малочисленным народам относит народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [1]. В 2025 г. в единый государственный перечень входило 47 коренных народов [2]. В России живут около 315 тыс. чел., которых относят к коренным малочисленным народам [3].

В рассматриваемый период в Российской империи инородцами в широком смысле назывались все подданные российского императора, не относившиеся к славянским народам. К инородцам относились коренные народы Сибири и Средней Азии, юго-восточной и северо-восточной частей Европейской России («восточные» инородцы), а также евреи иудейского вероисповедания («западные» инородцы). Последние были включены в состав инородцев как иноверцы, поскольку евреи, принимавшие христианство, переставали рассматриваться как инородцы. Термин «инородцы» был введен в официальное употребление Уставом об управлении инородцев 1822 г.

Точное определение численности инородцев в Российской империи в значительной мере затрудняет отсутствие единого понимания специалистами сущности понятия инородцы. Разрозненные данные на этот счет показывают, что численность инородцев в Российской империи многократно превышала численность коренных малочисленных народов в современной России. Так, в работе В. М. Кабузана «Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав» отмечено, что инородческое

население в эпоху первой ревизии в тогдашних губерниях, Казанской, Нижегородской и Воронежской, составляло от 500 до 700 тыс. чел. [4]. Численность коми-зырянского населения во второй половине XIX в. составляла 91 тыс. чел. Перепись 1897 г. показала 225 тыс. якутов, проживающих в России [5].

Государственная политика освобождения иноверцев от воинской повинности не была единой и универсальной. Она обуславливалась следующими основными предпосылками:

- традиционный образ жизни, в частности, кочевой или полукочевой образ жизни. Специфика хозяйственной деятельности, к примеру, оленеводство, охота, рыболовство, приносящая государству очевидную пользу. С учетом того, что на момент проведения военных реформ 1860–1870 гг., в соответствии с Уставом о воинской повинности 1874 г., срок действительной службы составлял 6 лет (на флоте – 7 лет), призыв на военную службу инородцев мог привести к упадку традиционных промыслов;

- призыв на военную службу инородцев, а следовательно, и их неизбежные потери в ходе ведения боевых действий могли вызывать протесты и способствовать негативному отношению иноверцев к пребыванию в составе Российской империи. С учетом перманентного ведения Российской империей боевых действий, призыв на военную службу мог поставить малочисленные народы на грань полного исчезновения;

- большинство мусульманских народов Российской империи не подлежало призыву в царскую армию в силу того, что им пришлось бы воевать со своими единоверцами;

- незнание русского языка, трудности в адаптации к культуре европейской части империи крайне осложняли адаптацию инородцев к условиям службы в армии и на флоте;

- с военной точки зрения народы, проживающие в отдаленных и труднодоступных регионах России, целесообразно было использовать по месту их проживания либо для непосредственной обороны своих территорий, либо для максимальной поддержки регулярных войск. Здесь важно отметить еще две проблемы. Во-первых, отсутствие посемейных списков и инфраструктуры для проведения полноценного призыва или мобилизации. Во-вторых, с учетом слабости военно-патриотического воспитания в отдаленных и труднодоступных регионах России достаточно сложно предположить, что проживающие там инородцы имели высокую мотивацию к ведению боевых действий за тысячи километров от родного дома.

Ко второй половине XIX в. освобождение от обязательной военной службы в различных странах, в том числе и в Российской империи (как и в современной России), могло принимать различные формы.

Во-первых, безусловное (полное) освобождение от воинской повинности. В Российской империи такая форма распространялась главным образом на инородцев, ведущих кочевой образ жизни.

Во-вторых, уплата налога взамен воинской повинности. Здесь важно учитывать следующее обстоятельство: военный налог может иметь несколько разновидностей.

Первая разновидность – лицо, подлежащее призыву, по своему желанию может заплатить налог взамен отбывания воинской повинности. Вторая – лицо, не подлежащее призыву, обязано платить военный налог. Третья – военный налог платит все население. Впервые в России военный налог был введен в 1887 г. в отношении мусульманской части населения Кавказского региона, отказывавшейся от исполнения воинской повинности по религиозным соображениям. Им облагались мужчины в возрасте до 43 лет в качестве материальной компенсации своего освобождения от военной службы. Во время Первой мировой войны в России на территории всего государства был введен временный военный налог (1915–1918). Им облагались мужчины в возрасте до 43 лет, освобожденные от мобилизации по различным основаниям (по физической непригодности, семейному положению, старшие возрастные группы) [6].

В-третьих, альтернативная служба. Именно на этой форме освобождения от военной службы инородцев, в силу ее наибольшей неоднозначности, имеет смысл остановиться подробнее. В самом общем понимании альтернативная служба являет собой службу, призванную заменить обязательную военную службу. При таком понимании основания замены военной службы не имеют принципиального значения, так же как и обязанности, которые выполняются в рамках альтернативной службы. Важно лишь то, что обязанности, налагаемые военной службой, заменяются другими обязанностями. Можно выделить две разновидности альтернативной службы в зависимости от характера выполняемых обязанностей лицами, призванными на эту службу.

Альтернативная гражданская служба, при которой выполняемые обязанности не связаны с обучением военному делу, использованием оружия и военной техники, выполнением вспомогательных работ по обеспечению боевых действий или подготовки к ним. Другими словами, эти обязанности максимально дистанцируются от военной службы и всех ее составляющих. Руководство данной альтернативной службой осуществляется преимущественно гражданскими ведомствами.

Вторая группа обязанностей, выполняемых в рамках альтернативной службы, предполагает или допускает выполнение различных работ, связанных непосредственно с обеспечением функционирования вооруженных сил как в мирное, так и военное время. Выполнение этих обязанностей исключает личное применение оружия и боевой техники. Достаточно часто это такие сферы обеспечения деятельности вооруженных сил, как медицинская помощь, обеспечение продовольствием, ремонт и обслуживание техники и т. п. Наиболее показательный вариант такой службы – служба на нестроевых должностях. Нестроевая служба – это вид военной службы, осуществляемой военнослужащими вне боевых и строевых подразделений, без вовлечения их в активные боевые действия. Это может быть служба, связанная с выполнением ремонтно-технических, тыловых работ или участием в военно-медицинском обеспечении вооруженных сил. Принципиальное отличие нестроевой службы – она не может считаться гражданской, так как проходят ее со всеми вытекающими

отсюда следствиями: зачисление непосредственно в штат воинских структур, подчинение военной администрации и т. п. Более того, в условиях ведения боевых действий лица, проходящие нестроевую службу, могут оказаться перед реальным выбором – применить оружие или погибнуть.

Если взять за основу определение инородцев как всех подданных российского императора, не относившихся к славянским народам, то нельзя обойти вниманием опыт функционирования в Российской империи института обязательной службы меннонитов. Предоставление меннонитам в Российской империи исключительного права на их полное освобождение от военной службы изначально, а в последующем на замену военной службы по призыву службой обязательной (полный аналог современной альтернативной гражданской службы), диктовалось экономическими интересами России и политической лояльностью меннонитов при условии учета их стойких пацифистских религиозных убеждений. По переписи 1897 г. общее число меннонитов в России равнялось 66 564 чел. [7, с. 80]. В 1875 г. в приложении к статье 157 Устава о воинской повинности 1874 г. были определены следующие места прохождения меннонитами обязательной службы: мастерские морского ведомства, пожарные команды и особые подвижные команды лесного ведомства. Меннониты, проходившие обязательную службу, официально именовались обязанными рабочими. С 1879 г. в мирное время лесные команды становятся единственным местом прохождения обязательной службы российскими меннонитами. При этом в военное время меннониты могли быть направлены для прохождения обязательной службы также в мастерские военного ведомства и пожарные команды [подр. там же, с. 193–199]. Следует отметить, что во время Первой мировой войны часть обязанных рабочих-меннонитов шла в санитары по их собственной просьбе [8, л. 91].

Анализ динамики развития государственной политики Российской империи относительно освобождения инородцев от военной службы показывает устойчивую тенденцию к расширению призывного контингента из числа инородцев. Н. Н. Головин в своей работе «Военные усилия России в Мировой войне» приводит следующие данные: «Согласно Уставу 1874 г., полное освобождение от воинской службы предоставлялось всему инородческому населению Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, Сибири, а равно самоедам, обитающим в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии. Это освобождение было сохранено и законом 1912 г. До 1887 г. все население Закавказья, а равно и инородцы Северного Кавказа были тоже совершенно освобождены от воинской службы. Но затем нетуземное население всего Кавказа было постепенно привлечено к отбыванию воинской повинности на общем основании. Кроме того, привлечены были к воинской службе (но согласно особому облегченному положению) некоторые из горских племен Северного Кавказа. Освобождено было также от воинской службы все население Туркестанского края, Приморской и Амурской областей и некоторых отдаленных местностей Сибири. По мере про-

ведения железных дорог в Туркестане и Сибири это изъятие сокращалось» [9, с. 11].

Льготы по освобождению от воинской повинности меннонитов также подлежали сокращению. Данные льготы сохранялись в течение 20 лет со времени переселения только за меннонитами, «поселившимися новыми колониями по правилам 19-го ноября 1851 года в Империи, а равно меннонитам, водворившимся новыми колониями на владельческих землях» [10, с. 7]. Меннониты, проживающие в Российской империи, но не попадающие под данное положение, освобождались от воинской повинности сроком на 6 лет [там же]. В дальнейшем меннониты подлежали призыву на военную службу, но могли быть назначены только на нестроевые должности при госпиталях или мастерских военно-сухопутного или морского ведомства и тому подобных заведениях, при этом они освобождались от ношения оружия. Это правило не распространялось на тех меннонитов, которые присоединялись к общине меннонитов или прибывали из-за границы для поселения в России уже после 1 января 1874 г. [там же, с. 57].

В конце XIX в. исследованием вопроса привлечения инородцев наряду с другими сословиями к военной службе занималась специально организованная комиссия, председателем которой назначили Н. Обручева. Изучив этот вопрос, организаторы пришли к выводу, что на общих основаниях стоит привлекать к службе инородческое население Томской и Тобольской губерний. Что же касается инородцев Восточной Сибири, их привлечение считалось возможным только «на основании специально изданных правил». В будущем предполагалось поручить Министерству внутренних дел подготовить проекты о привлечении абсолютно всех оседлых и кочевых инородцев к воинской повинности. В 1913 г. признали возможным привлечь к воинской повинности инородцев Кавказа, Туркестана и Сибири, однако принятию изменений помешала начавшаяся Первая мировая война [11].

В качестве основной причины государственной политики расширения призывного контингента из числа инородцев в Российской империи выступала наметившаяся начиная с 1905 г. устойчивая тенденция к нежелательному сокращению численности армии и числа новобранцев. Как следствие, остро встал вопрос некомплекта армии, доходившего, например, в 1909 г. в среднем до 47 тыс. чел. в месяц, что составляло 4 % штатного состава [12, л. 21]. Кроме того, ведение Россией боевых действий увеличивало потребность в людях, занятых на тыловых работах, к примеру, на строительстве оборонительных сооружений и коммуникаций для действующей армии.

Попытки российского правительства насильственными методами изменить предоставленное ранее право инородцам не нести военную службу не приносили желаемого результата, а нередко приводили к конфликтам и разобщению народов. Так, в Российской империи в 1916 г. была предпринята попытка привлечь инородческое население, в том числе и мусульманское население Туркестана и Степного края к строительству оборонительных сооружений и коммуникаций для действующей армии, приведшая к трагическим последствиям. В современной истори-

ографии эти события чаще всего именуют «Туркестанским восстанием», затронувшем все центральноазиатские владения Российской империи с населением общей численностью в 10 млн чел. Эпицентром выступлений стало Семиречье. Восстание было подавлено к началу 1917 г. Прямые и косвенные потери, включающие в свой состав погибших в ходе восстания, бежавших в Китай, а также неродившихся детей, составили 33,6 тыс. чел. [13].

Выводы

1. Освобождение от обязательной военной службы инородцев в Российской империи было объективно обусловлено.

2. При отсутствии возможности безусловного (полного) освобождения от обязательной военной службы членов той или иной социальной группы важно учитывать их мотивацию и желание выбирать ту или иную разновидность альтернативной службы, призванной заменить обязательную военную службу.

3. Желание выполнять свой гражданский долг по защите своего Отечества в той или иной форме во многом определяется эффективностью военно-патриотического воспитания.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (дата обращения: 28.12.2025).
2. Постановление Правительства от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». – URL: <http://government.ru/docs/all/34970/> (дата обращения: 28.12.2025).
3. Коренные малочисленные народы России. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68d86d9d9a7947b5cc0cb618> (дата обращения: 28.12.2025).
4. Кабузан, В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1992. – URL: <https://statehistory.ru/books/V-M-Kabuzan-Narody-Rossii-v-pervoy-polovine-XIX-v--Chislennost-i-etnicheskij-sostav/1> (дата обращения: 29.12.2025).
5. Развитие ЯАССР в 1928–1990 годах. – URL: <https://www.sakharparliament.ru/obshchestvo/10680-razvitiya-assr-v-1928-1990-godakh#:~:text=По%20данным%20первой%20всеобщей%20переписи,всего%20на%201%20%20%20тыс.%20человек> (дата обращения: 29.12.2025).
6. Военный налог / Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/voennyy-nalog-8d71fa> (дата обращения: 29.12.2025).
7. Стволыгин, К. В. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи: монография / К. В. Стволыгин. – Минск: РИВШ, 2010. – 248 с.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 18. Д. 68737.
9. Головин, Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2-х т. / Н. Н. Головин. – Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. – Т. 1. – 211 с.
10. Устав о воинской повинности. – СПб., 1874. – 79 с.
11. Архипова, А. И. Вопрос о воинской повинности инородцев северо-востока Сибири (середина XIX – начало XX в.) / А. И. Архипова // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 12.
12. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1294.
13. Туркестанское восстание 1916 года: проблема современной историографии. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15350> (дата обращения: 30.06.2025).
5. Razvitiye YaASSR v 1928-1990 godah [The development of the Yakut ASSR in 1928-1990]. – URL: <https://www.sakharparliament.ru/obshchestvo/10680-razvitiye-yaassr-v-1928-1990-godakh#:~:text=По%20данным%20первой%20всеобщей%20переписи,всего%20на%201%20С5%20тыс.%20человек> (accessed: 29.12.2025).
6. Voennii nalog [Military tax] / Great Russian Encyclopedia. – URL: <https://bigenc.ru/c/voennyi-nalog-8d71fa> (accessed: 29.12.2025).
7. Stvoligin, K. V. Otkazy ot voennoi sluzhbi vsledstvie ubezhdanii v Rossiiskoi imperii [Conscientious objectors to military service in the Russian Empire]: monograph / K. V. Stvoligin. – Minsk.: RIVSH [Republican Inst. of Higher Education], 2010. – 248 p.

References

1. Federalnii zakon "O garantiyah prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federacii" [Federal Law «On guarantees of the rights of indigenous minorities of the Russian Federation»]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (accessed: 28.12.2025).
2. Postanovlenie Pravitelstva ot 24 marta 2000 g. No. 255 "O edinom perechne korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federacii" [Government Resolution of March 24, 2000 No. 255 «On the Unified List of indigenous minorities of the Russian Federation»]. – URL: <http://government.ru/docs/all/34970/> (accessed: 28.12.2025).
3. Korennie malochislennnye narody Rossii [Indigenous minorities of Russia]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68d86d9d9a7947b5cc0cb618> (accessed: 28.12.2025).
4. Kabuzan, V. M. Narody Rissii v pervoi polovine XIX v.: chislennost' i etnicheskii sostav [The peoples of Russia in the first half of the XIX century: population and ethnic composition] / V. M. Kabuzan. – Moscow: Nauka, 1992. – URL: <https://statehistory.ru/books/V-M-Kabuzan-Narody-Rossii-v-pervoy-polovine-XIX-v--Chislennost-i-etnicheskii-sostav/1> (accessed: 29.12.2025).
8. Rossiiskii gosudarstvennii istoricheskii arhiv [Russian State Historical Archive] (РГИА). Ф. 387. Оп. 18. Д. 68737.
9. Golovin, N. N. Voennie usiliya Rossii v mirovoi voine [Russia's military efforts in the World War II]: in 2 vols / N. N. Golovin. – Paris: Association of United Publishers, 1939. – Vol. 1. – 211 p.
10. Ustav o voinskoj povinnosti [Charter on military service]. – St. Petersburg, 1874. – 79 p.
11. Arkhipova, A. I. Vopros o voinskoj povinnosti inorodcev severo-vostoka Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.) [The issue of military service for nonnatives in Northeastern Siberia (mid-XIX – early XX centuries)] / A. I. Arkhipova // Society: Philosophy, History, Culture. – 2018. – 12 p.
12. Rossiiskii gosudarstvennii istoricheskii arhiv [Russian State Historical Archive] (РГИА). Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1294.
13. Turkestanskoe vosstanie 1916 goda: problema sovremennoi istoriografii [The Turkestan uprising of 1916: the problem of modern historiography]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15350> (accessed: 30.06.2025).

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Стволыгин Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, докторант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета; ORCID: 0000-0001-8347-9317, SPIN-код: 7737-3336 (220004, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кальварийская, д. 9; e-mail: konstvol@mail.ru).

Author:

Konstantin V. Stvolynin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Social Work and Rehabilitation, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University (BSU); ORCID: 0000-0001-8347-9317, SPIN-code: 7737-3336 (9, Kalvariyskaya st., Minsk 220004, Republic of Belarus; e-mail: konstvol@maul.ru).

Для цитирования:

Стволыгин, К. В. Освобождение от военной службы инородцев в Российской империи (1874-1917) / К. В. Стволыгин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 14-19.

For citation:

Stvolynin, K. V. Exemption of nonnatives from military service in the Russian Empire (1874-1917) / K. V. Stvolynin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 14-19.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Прошла рецензирование: 14.02.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 05.02.2026

Reviewed: 14.02.2026

Accepted: 20.02.2026

Проектирование элитного и массового жилья в СССР в 1920–1930-е годы

Шабасова М. А.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
shabasovamarina@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется проблема проектирования массового и элитного жилья в СССР в 1920–1930-е гг. Рассматриваются идеи о создании в 1920-е гг. городов-садов с небольшими коттеджами на одну или несколько квартир, строительство многоквартирного жилья, проектирование домов-коммун. Архитекторы пытались одновременно решить острую проблему дефицита жилья и создать новый тип жилого пространства, который должен был способствовать трансформации советского общества на коллективистских началах. Советские архитекторы заимствовали опыт зарубежных коллег. Немецкий архитектор Э. Май был приглашен в СССР для проектирования современного типового экономичного жилья. Автор отмечает, что с началом индустриализации все средства были направлены на строительство промышленных предприятий, а финансирование жилищного строительства свелось к минимуму. Одновременно с массовым жильем советские архитекторы проектировали и элитное жилье. В статье показано, что в случае «домов для начальников» и иностранных специалистов архитекторы преимущественно отказывались от новаторских идей и создавали проекты, которые соответствовали представлениям о буржуазном благополучии. В качестве образцов советского комфортабельного жилья рассматриваются Дом Наркомфина и Дом на набережной, а также коттеджная застройка в соцгородах и соцпоселках.

Ключевые слова:

СССР, жилье, жилищный вопрос, советская архитектура, город-сад, дом-коммуна, индустриализация, Дом Наркомфина, Дом на набережной, урбанизация

После прихода к власти в 1917 г. большевики взялись решать жилищный вопрос. Рабочие больших городов скудно жили в подвалах, полуподвалах, казармах, необустроенных домиках на фабричных окраинах. До Первой мировой войны в Москве насчитывалось 327 тыс. жильцов, проживавших в коачных помещениях, а в Петербурге в 1912 г. имелось 150 тыс. обездоленных, снимавших «углы» [1, с. 78].

В период революции и гражданской войны речь не шла о развертывании строительства новых домов. Власти могли только постараться улучшить условия жизни пролетариата путем перераспределения имевшегося жилого

Design of elite and mass housing in the USSR in the 1920s–1930s

Shabasova M. A.

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
shabasovamarina@gmail.com

Abstract

The paper studies the problem of designing mass and elite housing in the USSR in the 1920s–1930s. It considers the creation of garden-towns with small single- or multi-family cottages, the construction of apartment blocks, and the design of communal houses. The architects attempted to simultaneously address the acute problem of housing shortage and create a new type of living space intended to facilitate the transformation of Soviet society on a collectivist basis. Soviet architects borrowed the experience of their foreign colleagues. The German architect Ernst May was invited to the USSR to design modern typical economical housing. The author notes that with the onset of industrialization, all resources were diverted to the construction of industrial enterprises, while housing funding was minimized. Simultaneously with mass housing, Soviet architects also designed elite residences. The paper demonstrates that for «houses for bosses» and foreign specialists, architects mostly rejected innovative ideas in favor of designs reflecting bourgeois prosperity. The Narkomfin House (the House of the People's Commissariat) and the House on the Embankment, as well as cottage buildings in socialist towns (sotsgorods) and socialist settlements, are considered as examples of comfortable Soviet living.

Keywords:

USSR, housing, housing issue, Soviet architecture, garden town, communal house, industrialization, Narkomfin House, House on the Embankment, urbanization

фонда, т. е. переселить рабочих из подвалов в благоустроенные квартиры буржуазии. В одной квартире одновременно селили несколько семей, превращая ее в коммуналку. Условия жизни в таких квартирах часто были далеки от цивилизованных.

С переходом к НЭПу началось строительство нового жилья, а перед архитекторами встала задача проектирования такого жилого пространства, которое служило бы не только местом проживания, но и соответствовало бы идеалам нового общества, обеспечило бы достойные условия жизни трудящихся и помогло бы перестроить быт человека на коллективистских основах.

В начале 1920-х гг. предполагалось, что основной формой жилой застройки станут коттеджные поселки, вдохновленные идеями города-сада Э. Говарда. Город-сад должен был сочетать лучшие стороны города и деревни. Построенный на городской окраине он представлял собой поселок, состоявший из компактных домиков, рассчитанных на 1-8 квартир. Вокруг домов имелся приусадебный участок, где можно было разбить огород и посадить сад.

Инициаторами строительства поселков были не только жилищные кооперативы, но также ведомства (наркоматы) и муниципальная власть [2, с. 21]. Ряд советских архитекторов (Г. Б. Бархин, В. Н. Марковников, М. Г. Диканский и др.) верили в малоэтажную застройку [3, с. 784]. Был построен ряд поселков, самими известными из которых являются московские «Сокол», Дукстрой, поселок при заводе «Красный богатырь». Однако обеспечение советских граждан отдельными домами было непосильной задачей для советской экономики. Квартира для малосемейного рабочего должна была иметь две комнаты, кухню, туалетную комнату и переднюю. Квартира для средней семьи площадью 61-66 м² состояла из кухни-столовой, двух спален, сеней, кладовой и туалетной комнаты. Многосемейная квартира предусматривала наличие кухни, отдельной комнаты-столовой, двух спален, передней и туалетной комнаты [там же, с. 784]. Архитекторы планировали в будущем совершенствовать дома трудящихся. К примеру, В. Н. Марковников мечтал об отказе от русской печи и переходе на современную систему отопления, рационализацию устройства кухни и вообще об использовании при строительстве новейших технических достижений [4, с. 106].

При возможностях советской экономики малоэтажные поселки были недостижимой утопией. Решение жилищной проблемы виделось в строительстве многоэтажных квартирных жилых домов. Ко второй половине 1920-х гг. проекты многоквартирного жилья усовершенствовались: предусматривались ваннные комнаты, сквозное проветривание, отсутствовали проходные комнаты [5, с. 256]. Однако при скудости жилищного фонда предоставление семье целой квартиры было непозволительной роскошью, поэтому широко практиковалось покомнатное расселение.

Еще одним ярким явлением архитектурной жилищной мысли 1920-х гг. стали дома-коммуны, которые должны были создать условия для переустройства быта и, соответственно, трансформации общества. Главная идея такого жилья сводилась к тому, чтобы сократить личное пространство и увеличить места общественного пользования. Жилая ячейка представляла собой весьма небольшое помещение, которое преимущественно можно было использовать для сна. Большая же часть активностей должна была проходить в общественных пространствах. Жильцы домов-коммун должны были питаться в общих столовых, проводить досуг в библиотеках или комнатах отдыха, отдавать в общие ясли и детские сады своих детей. Дискуссии о домах-коммунах развернулись на страницах журнала «Современная архитектура», бывшего печатным органом Объединения современных архитекторов (ОСА), отстаивавшего идеи конструктивизма и функционализма. В 1927 г. на страницах «Современной архитектуры» раз-

вернулась дискуссия о том, как должно выглядеть современное жилье. Авторы призывали «не возвращаться более к традициям буржуазной культуры в тех разновидностях, в которых она противоречит духу и смыслу пролетарской страны, страны строящегося социализма» [6, с. 125]. Самые радикальные проекты сводили жилую ячейку к спальню кабинке [7, с. 40] или же, например, предусматривали создание общей спальни с возможностью уединения супружеских пар в особых «двуспальнях» [8]. Более взвешенный подход предполагал использование жилой ячейки для сна, занятий, индивидуальных активностей, хранения вещей [7, с. 40]. На протяжении 1920-х гг. о домах-коммунах шли дискуссии, а в начале 1930-х гг. от домов-коммун отказались как от утопической идеи.

С началом первой пятилетки население городов стало стремительно увеличиваться. Вокруг индустриальных объектов возникли соцгорода и соцпоселки, необходимо было в краткие сроки обеспечить жильем огромное количество людей. В 1920-е гг. советские власти и архитекторы присматривались к немецкому опыту, а в частности, к типовым рабочим поселкам, которые соответствовали таким ключевым принципам, как максимальная экономичность, стандартизованность, рациональность, технологичность возведения, максимально возможная скорость проектирования и строительства [9, с. 231]. В 1930 г. в СССР приехал немецкий архитектор Эрнст Май, который должен был в кратчайшие сроки реализовать в Советском Союзе принципы немецкого типового строительства. Очень скоро оказалось, что на строительство более-менее качественного жилья у государства нет средств. «Архитекторы Мая были вынуждены проектировать жилье не только из кирпича и бетонных панелей (по образцу франкфуртских разработок Мая), но и из дешевых местных материалов, например из досок и глины. Одноэтажные дома со стенами из деревянных стоек, обшитых досками и заполненные в качестве утеплителя глиной, стружкой или торфом, мало чем отличались от обычных бараков, строившимися рабочими или заключенными для себя без участия архитекторов» [10].

Член группы Э. Мая в 1932 г. В. Швагеншайдт писал: «Исходя из реальной жизни в развивающихся районах, я говорю – Советский Союз еще долго сможет строить только примитивные бараки. Имеющиеся материалы и силы они вынуждены использовать для строительства промышленности. Люди, которые населяют социалистические города, находятся на очень низком культурном уровне, они не понимают, (хотя и предполагается, что они будут строить многоэтажные дома), как в этих домах жить. Одноэтажные застройки из местных материалов – это правильный путь» [11].

Приоритетными считались промышленное строительство и военная целесообразность. Со второй половины 1920-х гг. строительство новых городов и рабочих поселков при предприятиях были переведены в разряд «промышленного» и включались в производственно-финансовые планы отраслевых наркоматов. Гражданскому жилью и сфере коммунального обслуживания отводилась вспомогательная роль [12, с. 96].

В 1920-1930-е гг. разрабатываются и проекты элитного жилья. Идеи о том, каким должно быть «жилище для

начальников», было обусловлено вполне традиционными и всем понятными представлениями о благополучии. Оно должно было являть собой отдельную большую квартиру на семью или дом с прилегающей территорией. Предусматривались продуманная планировка, все бытовые удобства, качественные строительные и отделочные материалы.

Примером советского элитного дома можно считать знаменитый Дом Наркомфина, спроектированный архитекторами М. Я. Гинзбургом, И. Ф. Милинисом и инженером С. Л. Прохоровым и построенный в 1928–1930 гг. Ячейки в Доме Наркомфина предназначались для работников Народного комиссариата финансов СССР, в том числе и для самых высокопоставленных. Взгляды на то, каким должно быть советское жилое помещение, изложены в теоретической работе М. Я. Гинзбурга «Жилище». Создатель Дома Наркомфина признавал сильную сторону западноевропейского жилищного строительства и общий уровень жилищной культуры, проявлявшийся во внимании к деталям, в качественных строительных материалах, разнообразной мебели [13, с. 40].

Свой проект жилого дома М. Ю. Гинзбург относил к «переходному» типу жилья. Он не одобрял домов-коммун и считал тотальное обобществление быта преждевременным. Жилые ячейки были рассчитаны на семью и должны были располагать всеми удобствами, включая кухню и санузел, хотя и в усеченном варианте. Площади квартир далеко превосходили самые смелые мечты рядовых москвичей. Самая маленькая ячейка – F, предназначенная для одного или семейных пар без детей, должна была иметь площадь 27, 30 или 31 м² [там же, с. 72]. Самые большие ячейки – K, представлявшие собой трехкомнатные квартиры, вообще имели фантастические 78 м².

Планировалось строительство коммунального корпуса, соединенного теплым переходом с жилым корпусом. В коммунальном корпусе предполагалось разместить спортзал, кухню, столовую с помещениями для отдыха, летнюю столовую на крыше. Отдельно должен был стоять детский дом, а также предусматривалось оборудование служебного двора, где действовали бы прачечная и другие бытовые службы. Реализовать задуманное полностью не удалось. Столовая так и не заработала, а ясли разместились не в отдельной пристройке, а в коммунальном корпусе [там же, с. 82].

В 1930–е гг. элитные дома не имели новаторских характеристик и соответствовали представлениям о буржуазном образе жизни. Ярким примером может послужить построенный по проекту Б. М. Иофана Дом на набережной (1-й жилой Дом Совнаркома), ставший своего рода эмблемой эпохи и свидетелем как взлета своих жильцов, так и их трагической гибели в результате сталинских репрессий. Квартиры, метраж которых мог достигать 200 м², а количество комнат доходить до семи, предназначались для советской интеллигенции, высокопоставленных чиновников, генералитета. В доме жили дети И. В. Сталина Светлана Аллилуева и Василий Сталин, Алексей Стаханов, Л. П. Берия. Потолки были украшены художественными росписями, на полу лежал дубовый паркет, в ваннных комнатах были окна. Жильцы обеспечивались роскошной мебелью и ка-

чественными предметами домашнего обихода. Квартиры были оснащены всей необходимой техникой и даже мусоропроводами. Во многих квартирах предполагалась комната для домработницы. К жилью прилагалась развитая система обслуживания, а именно при доме имелись клуб, первый созданный специально для звукового кино кинотеатр «Ударник», промтоварный магазин (распределитель), ясли, детский сад, амбулатория, солярий, библиотека, прачечная, почта и даже теннисные корты [14, с. 102–103].

Достаточно редким примером искреннего описания представлений об элитном жилье является статья архитектора А. С. Урбана. В квартире на 4 ½ комнаты должны были размещаться жилая комната, кабинет, спальня, детская и комната для работницы. В передней должен был стоять столик с телефоном и двумя креслами. В квартире предполагалась отапливаемая лоджия с зимним садом, дубовые двери в резных рамах, а детскую предлагалось сделать в помещении с эркером [15].

Элитное жилье могло представлять собой и отдельные дома в коттеджных поселках, бывших частью спецпоселений, возникавших вокруг строившихся промышленных предприятий.

Контраст в уровне жилищного благополучия между разными социальными группами был разителен. Рабочие соцгородов и соцпоселков массово жили в бараках, общежитиях и даже землянках, а руководство проживало в весьма достойных условиях. При этом жилье для элиты находилось в обособленной части соцпоселения и зачастую было обнесено ограждением.

Коттеджная застройка имела в соцгороде Орске, Свердловске, спецпоселке Каменском-Уральском, на Днепрогэсе, Челябинске, в соцгороде Автострое при Нижегородском (Горьковском) автозаводе и др. Наиболее известным коттеджным поселком были магнитогорские «Березки», где селилось руководство Магнитогорского металлургического комбината, начальство НКВД, высококвалифицированные иностранные специалисты. Первоначально поселок назывался «Американка», поскольку строился для размещения специалистов из американской фирмы «Мак-Ки». После отъезда иностранцев дома полностью перешли в распоряжение местной элиты. Начальство проживало в отдельных благоустроенных домах, рассчитанных на одну семью. На 1930–1931 гг. в «Березках» проживало около 1500 чел., что составляло не более 2 % города. Директор Магнитогорского комбината А. П. Завенягин пользовался благами, которые в то время можно было считать поистине царскими. В его особняке на три этажа имелось 14 комнат с бильярдной, игровой для детей, музыкальным салоном и кабинетом. Позади дома находился олений заповедник, а перед домом – сад [16].

Провозглашаемое равенство советских трудящихся не находило своего отражения в жилищной сфере. На протяжении 1920–1930-х гг. контраст между жилищными условиями обычных граждан и привилегированных слоев общества только нарастал. При этом планировка, благоустройство, техническая оснащенность «домов для начальников» все более приобретали классический буржуазный вид, а комфорт элитного жилья перерастал в ро-

скошь. В 1930-е гг. переключалась идея о необходимости избавить советского человека от бытовых забот, воплотившись в осознании снабдить элитные дома такими вспомогательными службами, как столовые, общие кухни, ясли и т. д. В том же Доме на набережной в шикарных квартирах были кухоньки 4–6 м². Предполагалось, что жильцы дома будут преимущественно питаться вне дома. Только в данном случае целью, похоже, было не обобществление быта, а забота об удобстве жильцов.

В 1920–1930-е гг. жилищный вопрос оставался одной из самых острых нерешенных социальных проблем в Советском Союзе. Если в 1920-е гг. еще имело место новаторство при проектировании массового жилья и была некоторая уверенность в возможности обеспечить трудящихся достойными условиями жизни и даже преобразовать общество посредством жилищных условий, то в 1930-е гг. все средства уходило на строительство промышленных объектов и власти преимущественно пытались обеспечить граждан хотя бы минимально приличной жилплощадью и в принципе хотя бы где-то и как-то расселить людей. Комфортные условия проживания стали исключительной привилегией, доступной узкой группе советской элиты.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Орлов, И. Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-е–1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью / И. Б. Орлов // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – № 2. – С. 78–84.
2. Меерович, М. Г. «Социалистический город»: идея и ее воплощение в Советском Союзе 1920–1930-х годов / М. Г. Меерович, В. И. Меньковский, И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 72 с.
3. Яковлева, Г. Н. Жилище в структуре советского города 1920–1930-х гг. / Г. Н. Яковлева // Советское градостроительство. 1917–1941. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – С. 783–805.
4. Марковников, Н. В. Жилищное строительство за границей и в СССР / Н. В. Марковников. – М.: Центрожилсоюз, 1928. – 112 с.
5. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. – Л.; М.: Изд-во литературы по строительству, 1966–1977. – Т. 12 (первая книга): Архитектура СССР / под ред.: Н. В. Баранова (отв. ред.), Н. П. Былинкина, А. В. Иконникова [и др.], 1975. – 755 с.
6. Пастернак, А. Л. Новые формы современного жилья / А. Л. Пастернак // Современная архитектура. – 1927. – № 4–5. – С. 125–129.
7. Милютин, Н. А. Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рационального планирования и строительства населенных мест в СССР / Н. А. Милютин. – М.; Л.: Государственное изд-во, 1930. – 83 с.
8. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н. Б. Лебина. – СПб.: Изд-во «Летний сад», 1999. – URL: [https://](https://homeread.net/read/povsednevnyaya-zhizn-sovetskogo-goroda-nataliya-lebina?page=100#tx)

homeread.net/read/povsednevnyaya-zhizn-sovetskogo-goroda-nataliya-lebina?page=100#tx (дата обращения: 04.02.2026).

9. Конышева, Е. В. Эрнст Май в истории советской индустриализации / Е. В. Конышева, М. Г. Меерович, Т. Г. Фирль // Вестник ИргТУ. – 2011. – № 7. – С. 230–237.
10. Хмельницкий, Д. С. Иностранные архитекторы в сталинском СССР / Д. С. Хмельницкий // Уваровские чтения – VI. Граница и пограничье в истории и культуре. Муром. 16–18 мая 2005 г. – Муром, 2008. – URL: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vi/inostrannye-arhitektery-v-stalinskom-sssr> (дата обращения: 03.02.2026).
11. Волтерс, Р. Специалист в Сибири / Р. Волтерс. – Новосибирск: «Свиный и сыновья», 2007. – URL: <http://loveread.ec/book-comments.php?book=67731> (дата обращения: 04.02.2026).
12. Меерович, М. Г. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию / М. Г. Меерович, Д. С. Хмельницкий // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – С. 92–124.
13. Гинзбург, М. Я. Жилище: опыт пятилетней работы над проблемой жилища / М. Я. Гинзбург. – М.: Гос. научно-техническое изд-во строительной индустрии и судостроения, 1934. – 190 с.
14. Овсянникова, Е. Архитектура Москвы периода НЭПа и первой пятилетки / Е. Овсянникова, Н. Васильев, О. Панин. – М.: ABC Дизайн, 2014. – 328 с.
15. Урбан, А. С. Архитектура интерьера и внутреннего оборудования жилища / А. С. Урбан // Проблемы архитектуры: сб. материалов. Т. I, кн. 1. – М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1936. – URL: <https://tehne.com/event/arhivsyachina/s-urban-arhitektura-interera-i-vnutrennego-oborudovaniya-zhilishcha-1936> (дата обращения: 03.02.2026).
16. Меерович, М. Г. Жилой фонд соцгородов-новостроек первых пятилеток. Коттеджи / М. Г. Меерович // Творчество и современность. – 2016. – № 1. – URL: https://nsktvs.ru/1_of_2016 (дата обращения: 03.02.2026).

References

1. Orlov, I. B. Sovetskoe zhilishnoe hozyajstvo v 1920-e–1930-e gg.: mezhdru klassovoj liniej i samookupaemostyu [Soviet housing in the 1920s–1930s: between the class line and self-sufficiency] / I. B. Orlov // Sovremennye problemy servisa i turizma [Modern problems of service and tourism]. – 2014. – № 2. – P. 78–84.
2. Meerovich, M. G. «Socialisticheskij gorod»: ideya i ee voploshenie v Sovetskom Soyuze 1920–1930-h godov [«Socialist town»: the idea and its implementation in the Soviet Union of the 1920s–1930s] / M. G. Meerovich, V. I. Menkovsky, I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Inst. of Language, Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 72 p.
3. Yakovleva, G. N. Zhilishche v strukture sovetskogo goroda 1920–1930-h gg. [Housing in the structure of the Soviet town of the 1920s–1930s] / G. N. Yakovleva // Sovetskoe

- gradostroitelstvo. 1917–1941 [Soviet urban planning. 1917–1941] – Moscow: Progress-Tradition, 2018. – P. 783–805.
4. Markovnikov, N. V. Zhilishnoe stroitelstvo za granicej i v SSSR [Housing construction abroad and in the USSR] / N. V. Markovnikov. – Moscow: Centrozhilsoyuz, 1928. – 112 p.
 5. Vseobshaya istoriya arhitektury v 12 tomah. Gosudarstvennyj komitet po grazhdanskomu stroitelstvu i arhitekture pri Gosstroie SSSR, Nauchno-issledovatel'skij institut teorii, istorii i perspektivnyh problem sovetskoj arhitektury [General History of Architecture in 12 vols, State Committee for Civil Engineering and Architecture under the USSR State Construction Committee, Scientific Research Institute of Theory, History and Promising Problems of Soviet Architecture]. – Leningrad ; Moscow : Publishing House of literature on Construction. – 1966–1977. – Vol. 12 (Book 1) : Architecture of the SSSR / Eds. N. V. Baranov, N. P. Bylinkin, A. V. Ikonnikov [et al.]. – 1975. – 755 p.
 6. Pasternak, A. L. Novye formy sovremennogo zhilya [New forms of modern housing] / A. L. Pasternak // Sovremennaya arhitektura [Modern architecture]. – 1927. – № 4–5. – P. 125–129.
 7. Milyutin, N. A. Problema stroitelstva socialisticheskikh gorodov. Osnovnye voprosy racionalnogo planirovaniya i stroitelstva naselennykh mest v SSSR [The problem of building socialist towns. The main issues of rational planning and construction of settlements in the USSR] / N. A. Milyutin. – Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo [State Publ. House], 1930. – 83 p.
 8. Lebina, N. B. Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody [Everyday life of a Soviet town: Norms and anomalies. 1920s–1930s] / N. B. Lebina. – St. Petersburg: Izdatel'stvo «Letnij sad» [“Summer Garden” Publ.], 1999. – URL: <https://homeread.net/read/povsednevnyaya-zhizn-sovetskogo-goroda-nataliya-lebina?page=100#tx> (accessed: 04.02.2026).
 9. Konysheva, E. V. Ernst May v istorii sovetskoj industrializacii [Ernst May in the history of Soviet industrialization] / E. V. Konysheva, M. G. Meerovich, T. G. Firl // Bull. of IrGTU. – 2011. – № 7. – P. 230–237.
 10. Khmel'nitsky, D. S. Inostrannye arhitektory v stalinskom SSSR [Foreign architects in the Stalinist USSR] / D. S. Khmel'nitsky // Uvarovskie chteniya – VI. Granica i pograniचे v istorii i kulture [Uvarov Readings – VI. The border and the frontier in history and culture]. Murom. May 16–18, 2005. – Murom, 2008. – URL: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vi/inostrannye-arhitektory-v-stalinskom-sssr> (accessed: 03.02.2026).
 11. Volters, R. Specialist v Sibiri [Specialist in Siberia] / R. Volters. – Novosibirsk: «Svinyin i synovya», 2007. – URL: <http://loveread.ec/book-comments.php?book=67731> (accessed: 04.02.2026).
 12. Meerovich, M. G. Amerikanskije i nemeckije arhitektory v borbe za sovetskuyu industrializaciju [American and German architects in the struggle for Soviet industrialization] / M. G. Meerovich, D. S. Khmel'nitsky // Vestnik Evrazii [Bulletin of Eurasia]. – 2006. – № 1. – P. 92–124.
 13. Ginzburg, M. Ya. Zhilishche: opyt pyatiletnej raboty nad problemoj zhilisha [Housing: the experience of five years of work on the problem of housing] / M. Ya. Ginzburg. – Moscow: State Scientific and Technical Publishing House of the Construction industry and Shipbuilding, 1934. – 190 p.
 14. Ovsyannikova, E. Arhitektura Moskvy perioda NEPa i pervoj pyatiletki [Architecture of Moscow during the NEP and the first Five-year Plan] / E. Ovsyannikova, N. Vasilyev, O. Panin. – Moscow: ABC Design, 2014. – 328 p.
 15. Urban, A. S. Arhitektura interyera i vnutrennego oborudovaniya zhilisha [Architecture of the interior and interior equipment of a dwelling] / A. S. Urban // Problemy arhitektury [Problems of architecture]: Collected materials. – Vol. I, Book 1. – Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoj Akademii arhitektury [Publishing House of the All-Union Academy of Architecture], 1936. – URL: <https://tehne.com/event/arhivsyachina/s-urban-arhitektura-interera-i-vnutrennego-oborudovaniya-zhilishcha-1936> (accessed: 03.02.2026).
 16. Meerovich, M. G. Zhiloiy fond socgorodov-novostroek pervykh pyatiletok. Kottedzhi [Housing stock of new-build socialist towns of the first five-year plans. Cottages] / M. G. Meerovich. – Tvorchestvo i sovremennost [Creativity and modernity]. – 2016. – № 1. – URL: https://nsktvs.ru/1_of_2016 (accessed: 03.02.2026).

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Шабасова Марина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: shabasovamarina@gmail.com).

Author:

Marina A. Shabasova – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History of Belarusian State University (4, Nezavisimosti ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: shabasovamarina@gmail.com).

Для цитирования:

Шабасова, М. А. Проектирование элитного и массового жилья в СССР в 1920–1930-е годы / М. А. Шабасова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 20–25.

For citation:

Shabasova, M. A. Design of elite and mass housing in the USSR in the 1920s-1930s / M. A. Shabasova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 20-25.

Дата поступления статьи: 11.02.2026

Прошла рецензирование: 16.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 11.02.2026

Reviewed: 16.03.2026

Accepted: 20.03.2026

От Минска до Нанкина: сравнительное исследование памяти о Второй мировой войне в Беларуси и Китае

Кан Нань

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
kangn2099@gmail.com

Аннотация

Беларусь и Китай, как две крупнейшие воюющие страны Второй мировой войны, географически располагались на европейском и восточном фронтах глобальной антифашистской войны соответственно. Во временном отношении обе страны пережили годы кровопролитных сражений, сформировав глубокую коллективную военную память. В данной работе в качестве основной исследовательской перспективы используется материальная культура, сравниваются исторические траектории, национальные нарративы памяти и материальные носители двух стран во время Второй мировой войны, чтобы выразить и интерпретировать нарративные функции и механизмы построения памяти, связанные с военными артефактами, музеями и мемориальными залами. Путем сравнительного анализа материальных артефактов, изображающих травму, страдания, сопротивление, героизм и повседневную жизнь, исследование выявляет сходства и различия в нарративах памяти о войне в Беларуси и Китае, а также исследует возможность построения транснациональной перспективы памяти о Второй мировой войне на основе материальной культуры. Это открывает новые академические перспективы для изучения наследования антифашистской памяти и формирования международной памяти о мире.

Ключевые слова:

Беларусь, Китай, Вторая мировая война, военная память, материальная культура, транснациональная перспектива

The year 2025, which has just passed, marks the 80th anniversary of the victory of the Chinese Peoples War of Resistance against Japanese Aggression and the World Anti-Fascist War, as well as the 80th anniversary of the victory of the Great Patriotic War of the Soviet Union. Eighty years ago, Belarus and the Chinese people fought bloody battles against fascist invaders on their respective territories, paying heavy national sacrifices and composing a magnificent epic of the anti-fascist struggle. Minsk, the capital of Belarus, as the core battlefield of the Great Patriotic War, witnessed the tenacious resistance of the Belarusian people from the first shot of the Brest Fortress to the liberation of their homeland. Nanjing, the ancient capital of China, bears the heavy memory of the Nanjing Massacre and is also an important symbol

From Minsk to Nanjing: a comparative study of the memory of the World War II in Belarus and China

Kang Nan

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
kangn2099@gmail.com

Abstract

Belarus and China, as the two large belligerents of the World War II, were geographically situated on the European and Eastern fronts of the global anti-fascist war, respectively. In terms of time, both countries endured years of bloody battles, forging profound collective war memories. In the work, material culture is used as the main research perspective, comparing the historical trajectories, national memory narratives, and material carriers of the two countries during WWII to express and interpret the narrative functions and memory construction mechanisms of war-related artifacts, museums, and memorial halls. Through a comparative analysis of material artifacts depicting trauma, suffering, resistance, heroism, and everyday life, the study identifies similarities and differences in the war memory narratives in Belarus and China, further exploring the possibility of constructing a transnational perspective on WWII memory based on material culture. This provides new academic perspectives for studying the inheritance of anti-fascist memory and the formation of international peace memory.

Keywords:

Belarus, China, World War II, war memory, material culture, transnational perspective

of the indomitable resistance of the Chinese people in the War of Resistance against Japanese Aggression [3].

As tangible carriers of collective memory, material culture documents the true course of war, witnesses the silent progression of events, and embodies the emotional attachment of a nation, reflecting the core essence of war memory through its unique materiality. The material relics, museums, and memorial halls related to the war between Belarus and China serve not only as physical evidence of historical facts but also as important vehicles for both countries to construct and inherit war memory. From the homemade weapons of Belarusian partisans in the Minsk Museum of the Great Patriotic War to the bullet casings and daily life artifacts unearthed and exhibited at the Memorial Hall of the Victims of

the Nanjing Massacre by Japanese Invaders; from the site of the extermination camp in Troshchensk to the "Mass Grave" site at Jiangdongmen, these material carriers transcend time and space, making the abstract and intangible war memory tangible and perceptible.

This paper takes the material culture of World War II between Belarus and China as the research object, with war memory narrative and comparison as the main thread, constructing a research framework from historical background, conceptual foundation, comparative analysis to comprehensive interpretation. Based on the combination and reference of existing academic research achievements in the field, employing the research methods of comparative historiography, cultural studies, and memory studies, and using authentic historical documents, museum collections, and archaeological discoveries as research bases, it attempts to answer the following core questions: What are the historical and academic backgrounds of the construction of war memory between Belarus and China? What are the conceptual connotations and narrative functions of material culture in the construction of war memory? What are the similarities and differences in how the two countries express war memory through material artifacts? What are the internal mechanisms of memory formation in the two countries, and how can a transnational perspective on World War II memory be constructed based on material culture?

The research significance of this paper is reflected in two aspects: On the one hand, from a theoretical perspective, it fills the academic gap in comparative studies of war memories between Belarus and China from the perspective of material culture, enriching the research connotation of the worlds anti-fascist war memory, on the other hand, from a practical perspective, exploring the transnational dissemination path of war memories through material culture as a bridge is of great practical significance for defending the historical truth of World War II, opposing historical nihilism, and promoting the inheritance of anti-fascist memory and international peacebuilding.

The academic research on war memory and material culture between Belarus and China has formed a relatively complete theoretical system and research methods based on the absorption of international academic achievements, and has developed its own academic characteristics according to the historical facts and research needs of the country.

The study of war memory and material culture has been a longstanding focus in international academia, with multiple theoretical schools and research methodologies emerging since the late 20th century. As historical research underwent a "memory turn," scholars have increasingly emphasized the role of material culture in constructing war memory. Ian Hods "interpretive archaeology" theory posits that material remains are not passive reflections of historical facts but active agents capable of constructing and transmitting war memory. Alison Whaleys "epistemological pluralism" provides a philosophical foundation for multidimensional interpretations of war memory, highlighting the subjective, selective, and contextual nature of memories embedded in material remains (sup) [2]. Additionally, European academ-

ic theories like the "memory landscape," American theories such as "material representation," and Asian theories including "objectified memory" have enriched the research on war memory and material culture, offering crucial theoretical references for this study.

Academic research on the Great Patriotic War (World War II) in Belarus primarily draws from historical and museological scholarship, with a focus on preserving and interpreting wartime artifacts. The Minsk Museum of the Great Patriotic War, Belarus foremost institution dedicated to war studies, has amassed a vast collection of wartime relics, archival documents, and oral histories since its establishment in 1942. These materials have enabled in-depth investigations into the Belarusian guerrilla resistance, Nazi war crimes, and the heroic spirit of the Belarusian people. Belarusian scholars emphasize the historical authenticity of artifacts, employing archaeological methods and historical documentation to decode their cultural significance and commemorative value. Their research findings are prominently featured in museum exhibition catalogs, academic monographs, and specialized historical journals.

Chinas academic research on the memory and material culture of the Anti-Japanese War has formed a multidisciplinary research framework primarily based on history, archaeology, cultural studies, and memory studies, achieving fruitful results in recent years. Chinese scholars have absorbed advanced international theoretical achievements and combined them with historical facts in China to propose the "materialized memory" theory, deeply integrating archaeological material analysis with historical memory studies, emphasizing the construction process of memory within specific political and cultural contexts [5]. Archaeological research on Anti-Japanese War sites, represented by the Huangcang Anti-Japanese War Site in Pingyao, has made significant breakthroughs. Through the excavation and study of war material remains such as defensive fortifications, bullet casings, and daily life artifacts, it has revealed the material foundation and memory connotations of the Chinese peoples resistance. Additionally, research on Anti-Japanese War museums and memorial halls, represented by the Nanjing Massacre Memorial Hall of the Japanese Invading Army, has also yielded abundant results, focusing on the narrative function of museums in constructing war memories and the mechanisms of memory dissemination. [4] Chinese scholars also emphasize the defense of historical truth, using material relics as an important academic weapon to oppose historical nihilism and safeguard national cultural security.

The academic research of the two countries has laid a solid theoretical and empirical foundation for the comparative study of war memory and material culture between Belarus and China. At the same time, existing academic research also has certain limitations: the comparative study of war memory and material culture between the two countries is relatively scarce, and the transnational perspective of constructing World War II memory based on material culture needs further exploration. This paper will take this as the research starting point, and on the basis of absorbing existing academic research achievements, conduct an in-depth

comparative study of the war memory and material culture of the two countries [7].

Belarus and China had distinct yet interconnected historical trajectories during World War II. As important battlefields between Europe and the East, both countries made indelible contributions to the victory of the World Anti-Fascist War [9].

As a Soviet republic, Belarus was the first to face the invasion of German fascism. On June 22, 1941, the German army launched Operation Barbarossa, launching a massive invasion of the Soviet Union. The Belarusian people fired the first shots of the Great Patriotic War at the Brest Fortress, demonstrating indomitable resistance. Over the four-year war, Belarus became the core battlefield of the Soviet-German conflict [10, 11]. German fascists imposed brutal colonial rule in Belarus, constructing 250 extermination camps including Trostnitsy, where they carried out mass massacres. Statistics show that over 3 million Belarusian soldiers and civilians perished in the war, accounting for one-third of the population at the time, making it the republic with the heaviest casualties in the Soviet Unions Great Patriotic War. During the war, the Belarusian people waged vigorous guerrilla campaigns and underground resistance. The Belarusian army, as part of the Soviet Red Army, participated in major operations like the Battle of Bagration and the Battle of Berlin, making significant contributions to the Soviet liberation and the ultimate victory of the European Anti-Fascist War.

China was the main Eastern battlefield of the World Anti-Fascist War and the first country to launch and sustain the longest anti-fascist operations. On September 18, 1931, the Japanese army launched the "September 18th Incident," marking the beginning of Japanese militarisms invasion of China and the starting point of the Chinese peoples War of Resistance against Japan. On July 7, 1937, the "Marco Polo Bridge Incident" erupted, ushering China into the stage of nationwide resistance. During the 14-year war of resistance, the Chinese people, with indomitable spirit, engaged in arduous struggles against Japanese fascist invasion [1]. The Communist Party of China, as the backbone of the resistance, proposed and adhered to the comprehensive resistance line and the strategic general principle of protracted warfare, opened and developed rear enemy battlefields, led extensive guerrilla warfare, and established anti-Japanese democratic bases. The Chinese military and civilians paid a heavy price of 35 million casualties and ultimately achieved the great victory of the War of Resistance against Japan in September 1945, securing the first complete victory against foreign invasion in modern Chinese history and making significant contributions to the victory of the World Anti-Fascist War [9].

During World War II, Belarus and the Chinese people supported each other and fought side by side, forging a profound revolutionary friendship with their blood [2]. Many Belarusian pilots joined the Soviet Volunteer Air Force and came to China to participate in the early air battles against Japan during Chinas War of Resistance. After the war in Europe ended, numerous Belarusian soldiers followed the Soviet Red Army to Northeast China, engaging in combat against the Japanese Kwantung Army. The Chinese people also made their own contributions to Belaruss anti-fascist struggle. Comrade

Tang Duo, known as the "Chinese Eagle," flew in the battle to liberate Minsk and was awarded the Order of Lenin. Many Chinese patriots devoted themselves to guerrilla warfare, underground activities, or logistical support for the Belarusian Red Army. The bloody battles on both countries battlefields became an important part of the worlds anti-fascist war and laid the historical foundation for the construction of their shared war memories.

The national memory narrative of Belarus and China about World War II is formed based on historical facts and shaped by the national political system, cultural traditions, and post-war development needs, presenting characteristics of national identity and historical continuity.

Belarus national narrative of the Great Patriotic War centers on the theme of "patriotic resistance and Soviet solidarity," with the sacrifices and struggles of its people as its core. After the war, the Soviet Union integrated the construction of Great Patriotic War memory into its national identity-building efforts, and Belarus, as a Soviet republic, inherited this narrative framework. Following the Soviet Unions dissolution, Belarus has consistently preserved and developed this historical memory, viewing the victory over fascism as a vital symbol of national spirit and identity. The national narrative emphasizes the Belarusian peoples historical resistance against German fascist invasion, celebrates the heroic spirit of martyrs and guerrilla fighters, and highlights the crucial role of Soviet unity in achieving victory. The state has established numerous war museums, memorial halls, and patriotic education bases, such as the Minsk Great Patriotic War Museum and Brest Fortress Memorial Hall, while also creating national commemorative days and organizing memorial activities, making war memory an integral part of the nations spiritual and cultural life [6].

Chinas national memory narrative about the War of Resistance against Japan, with "national salvation and rejuvenation" as its core theme, centers on the entire nations resistance and the great victory of the War of Resistance. After the victory, the Chinese nation regarded the memory of the War of Resistance as a vital driving force for national rejuvenation. Following the founding of the Peoples Republic of China, the state has consistently emphasized the construction and inheritance of the memory of the War of Resistance, incorporating it as a key component of national modern history and national spirit education. The national memory narrative highlights the Communist Party of China as the backbone of the War of Resistance, celebrates the heroism and sacrifice of the Chinese people and military during the war, and underscores the historical significance of the victory for national independence and rejuvenation. In recent years, China has further strengthened the construction of the national memory of the War of Resistance, designating December 13 as the National Memorial Day for the Victims of the Nanjing Massacre, including the "Nanjing Massacre Archives" in UN-ESCOS Memory of the World Register, and building numerous museums and memorial halls such as the Memorial Hall for the Victims of the Nanjing Massacre by Japanese Invaders, making the memory of the War of Resistance an integral part of the nations core values.

The national memory narratives of the two countries share the same anti-fascist core connotation, both aiming to defend historical truth, celebrate heroism, and inherit the spirit of peace. At the same time, due to differences in historical background and national conditions, the memory narratives of the two countries also have their own characteristics: Belarus memory narrative is more closely tied to Soviet history, emphasizing the unity and cooperation of the socialist camp; China's memory narrative is more closely linked to the country's modernization process, highlighting the pivotal role of the Communist Party of China and the tremendous strength of the entire nation in the war of resistance.

This study takes the material culture of World War II in Belarus and China as its research object, with war memory narratives as the main thread. By employing research methods such as comparative historiography, cultural studies, and memory studies, it conducts a systematic comparative study of the war memories and material cultures of the two countries from four dimensions: historical context, conceptual foundation, comparative analysis, and comprehensive interpretation [5]. The study reveals the commonalities and differences in the war memory narratives based on material culture between the two countries, analyzes the formation mechanisms of their war memories, and explores the path for constructing a transnational perspective on World War II memory based on material culture.

Research has found that Belarus and China, as the main battlefields of the anti-fascist wars in Europe and Asia, both possess historical evidentiary attributes, memory narrative functions, and cultural spiritual connotations in their World War II material cultural relics, which serve as the core carriers of the national collective memory of the two countries [8]. These material cultural relics can be divided into three major categories: trauma and suffering, resistance struggles, and heroism and daily life. Different types of material relics play distinct narrative roles in the construction of war memory, collectively forming a complete war memory narrative system for both countries. The war memory narratives based on material culture in the two countries share a common anti-fascist core connotation, with the narrative purposes of commemorating war suffering, highlighting the spirit of resistance, and inheriting the value of peace, presenting an emotional expression intertwined with sorrow and pride. At the same time, due to differences in historical background, national conditions, and forms of war, the two countries exhibit significant differences in narrative focus, structure, and expression. Belarus emphasizes the victory and sacrifice memories of collectivism, with a linear narrative structure, while China achieves the unification of suffering memories, resistance memories, and revival memories, with a multidimensional narrative structure.

The formation mechanisms of war memories between Belarus and China both take material culture as the core carrier, exhibiting the basic characteristics of state leadership, social participation, and cultural drive, which are the results of the joint action of historical facts, national will, social needs, and cultural traditions. State leadership is

the core of memory formation, promoting the construction of memory carriers through top-level design, the establishment of statutory memorial days, and the infiltration of national education. Social participation serves as an important support for memory formation, allowing war memories to sink to the grassroots level through diverse folk practices. Cultural drive is the deep-seated power behind memory formation, transforming war memories into national emotional identity through the integration and presentation of diverse cultures. At the same time, the memory formation mechanisms of the two countries differ in terms of power structures, cultural driving forces, and inheritance priorities, reflecting the unique historical development trajectories and cultural cores of each nation [4].

The core focus of this study lies in establishing a transnational perspective on China-Belarus WWII memory through material culture. This framework is grounded in the objectivity and cross-cultural nature of material cultural relics, with bilateral exchanges and cooperation as its foundation. By conducting joint research, co-organizing international exhibitions, and integrating memory narratives across borders, it achieves a progressive shift from material exchange to shared memory and ultimately value consensus. Beyond its academic significance in filling the gap of comparative studies on WWII memory between China and Belarus, this perspective carries profound bilateral and global implications. It not only strengthens cultural identity and bilateral relations but also provides a practical pathway to safeguarding historical truth, combating historical nihilism, and advancing the construction of international peace memory.

The innovation of this study lies in adopting material culture as the core research perspective, breaking away from the previous limitations in China-Belarus WWII studies that focused on historical events and textual sources. It reveals the central role of material culture in constructing war memories. Simultaneously, the study places the WWII memories of China and Belarus within the broader framework of the global anti-fascist war for comparative analysis, establishing a transnational research framework that transcends single-country perspectives. This provides a new academic model for studying global anti-fascist war memories. However, the study still has certain limitations, such as the need for deeper field research on material cultural remains in both countries and insufficient attention to grassroots-level material cultural memory practices in the two nations. These issues require further refinement in subsequent research.

The victory of the World Anti-Fascist War is a shared historical treasure of all humanity, and its memory should not be confined to the perspective of a single nation. As important participants in the World Anti-Fascist War, Belarus and China shoulder the significant mission of preserving the memory of the war and promoting the values of peace. Constructing a transnational perspective on World War II memory through material culture and advancing the global inheritance of anti-fascist memory is not only a tribute to history but also a commitment to the future. Under the backdrop of globalization, China and Belarus should continue to deepen transnational cooperation in material culture and war mem-

ory, ensuring that the anti-fascist friendship forged in blood is passed down through generations and that the spirit of anti-fascism and the values of peace become a common pursuit of all humanity, contributing more strength to the building of a community with a shared future for mankind and the promotion of world peace and development.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература/References

1. Belarus during the Great Patriotic War 1941–1945 / A. A. Kovalenya [et al.]; Ed. A. A. Kovaleni. – Minsk: BELTA, 2005. – 540 p.
2. Belarus in advance of the Vyalikay Aichynaya war: educational textbook. dapamozhnik / A. A. Kovalenya [et al.]; Ed. A. A. Kovaleni. – Minsk: Academy of the ICC of the Republic of Belarus, 2004. – 123 p.
3. Belyaev, A. V. History of Belarus 1917–1985. (Soviet period): lecture notes / A. V. Belyaev, A. A. Kiselev. – Minsk: Military Academy of the Republic of Belarus, 2009. – 97 p.
4. The Great Patriotic War of the Soviet People (in the Context of World War II): a textbook for students of institutions providing higher education / A. A. Kovalenya [et al.]; Ed. A. A. Kovalenya, N. S. Stashkevich. – Minsk: Publishing Center of BSU, 2004. – 278 p.
5. Vernigorov, V. I. The Great Patriotic War of the Soviet People (in the Context of World War II): textbook / V. I. Vernigorov. – Minsk: New Knowledge, 2005. – 160 p.
6. Friendship: Reliable Accounts of the Joint Struggle of China and the Soviet Union Against the Fascists / Ed. Peng Xunhou. – Beijing: Wuzhou Chuanbo Chubanshe, 2015. – 182 p. (in Chinese).
7. History of Belarus. In 2 parts. Part 2. / Ed. Ya. K. Novik, G. S. Martsul. – Minsk: Universitetskaya, 2003. – P. 217–279.
8. Practical teaching aid for schoolchildren: history. – Beijing: Renmin Jiaoyu Chubanshe, 2019. – 289 p. (in Chinese).
9. Handbook for preparing and conducting history lessons for higher secondary school teachers. – Shanghai: Huadong Shifan Daxue Chubanshe, 2020. – 356 p. (in Chinese).
10. Shchetinov, Yu. A. History of Russia. 20th century: manual / Yu. A. Shchetinov. – Moscow, 1998. – P. 208–234.
11. Mitter, R. Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945 / R. Mitter. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 464 p.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Кан Нань (Китайская Народная Республика) – магистрант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: kangn2099@gmail.com).

Author:

Kang Nan (People's Republic of China) – master's student of the Department of Russian History of Belarusian State University (4, Nezavisimosti ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: kangn2099@gmail.com).

Для цитирования:

Кан, Нань. От Минска до Нанкина: сравнительное исследование памяти о Второй мировой войне в Беларуси и Китае / Нань Кан // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 26–31.

For citation:

Kang, Nan. From Minsk to Nanjing: comparative study of thr memory of the World War II in Belarus and China / Kang Nan // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 26–31.

Дата поступления статьи: 11.02.2026

Прошла рецензирование: 09.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 11.02.2026

Reviewed: 09.03.2026

Accepted: 20.03.2026

К вопросу признания патриаршего достоинства Болгарской православной церкви Кипрской Архиепископией (1953–1961)

Пашков Н. О.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
nikodimkrysko@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен межцерковный диалог Болгарской церкви и Кипрской Архиепископии по вопросу восстановления Патриаршего достоинства Болгарской церкви в 1953 г. Особое внимание уделено роли патриарха Константинопольского Афинагора (Спиру) в вопросе признания Патриаршего статуса Болгарской церкви. Также отмечается, что Кипрская церковь полностью была подчинена по вышеуказанному вопросу Вселенскому Патриарху. На материалах Архива Кипрской Архиепископии показано, каким образом формировалось мнение кипрского предстоятеля в вопросе признания Патриаршего достоинства Болгарской церкви.

Ключевые слова:

межцерковные отношения, Константинопольский патриархат, Болгарская православная церковь, Кипрская православная церковь, архиепископ Макариос (Мускос), православные поместные церкви, социалистический блок, автокефалия, канонический статус, патриаршее достоинство

В послевоенный период XX век стал временем больших преобразований в истории Поместных Православных Церквей. Одним из актуальных предметов обсуждения как богословов, так и историков является вопрос признания или дарования автокефалии. Особым случаем в истории признания автокефалий значится процесс восстановления патриаршего достоинства Болгарской Православной Церкви в 1953 г. Восстановление Патриаршества в Болгарии проходили в специфических условиях «холодной войны», а также в непростом диалоге двух патриархатов: Константинопольского и Московского. Московский Патриархат содействовал образованию новых автокефалий без формального согласия Константинопольского Патриархата, что вызывало недовольство «старшего престола». Как отмечал архиепископ Эладский Иероним в письме патриаршему местоблюстителю митрополиту Пимену: «Все, – писал он, – что делается без согласия Старшего престола (т. е. Константинопольского) как, например, наименование Московской патриархией автокефальными Церквей Польши,

On the recognition of the Patriarchal dignity of the Bulgarian Orthodox Church by the Archdiocese of Cyprus in 1953–1961

Pashkov N. O.

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
nikodimkrysko@mail.ru

Abstract

The paper considers the inter-church dialogue between the Bulgarian Church and the Archdiocese of Cyprus on the restoration of the Patriarchal dignity of the Bulgarian Church in 1953. Special attention is paid to the role of Patriarch Athenagoras (Spyrou) of Constantinople in the recognition of the Patriarchal status of the Bulgarian Church. It is also noted that the Church of Cyprus was completely subordinated to the Ecumenical Patriarch on the above-mentioned issue. The Archive of the Archdiocese of Cyprus shows how the opinion of the Cypriot primate was formed on the issue of recognizing the Patriarchal dignity of the Bulgarian Church.

Keywords:

inter-church relations, Patriarchate of Constantinople, Bulgarian Orthodox Church, Cypriot Orthodox Church, Archbishop Makarios (Muskos), Orthodox local churches, socialist bloc, autocephaly, canonical status, patriarchal dignity

Чехословакии <...> является опасным неустроением и антиканоничным» [1, с. 378]. Данной позиции придерживалось большинство восточных церквей, в том числе и Кипрская Архиепископия. Русская Православная Церковь (РПЦ), напротив, считала, что поместные церкви, входящие в социалистический блок, являлись сферой ее компетенции. На одной из встреч со Вселенским Патриархом Афинагором I (Спиру) во время своего визита в Константинопольский Патриархат в 1960 г. патриарх Московский Алексий I (Симанский) предложил константинопольской стороне прокомментировать ситуацию с православными церквями в странах Балтии, которые перешли на юлианский календарь, при этом юридически и политически подчиняясь РПЦ и СССР [2, л. 18].

В целом в русскоязычной историографии проблема исследования взаимоотношений Болгарской Церкви и Кипрской Архиепископии не получила должного анализа, прежде всего в силу отсутствия архивных материалов по теме исследования. Однако вопрос о восстановлении

Патриаршества в Болгарской Церкви в 1953 г. частично отражен в ряде исторических источников. Прежде всего это статья «Восстановления Болгарского Патриаршества» в официальном «Журнале Московского Патриархата» [3]. Также вопрос признания Болгарского Патриаршества Поместными Церквями частично затрагивается в работах: А. Ю. Абрамова, М. В. Шкаровского, И. И. Меняйлова [4–8]. К примеру, в монографии «Православные церкви юго-восточной Европы 1945–1950 годы» М. Шкаровский описывает процесс получения признания от Константинопольского Патриарха Афинагора [7, с. 233–235]. И. И. Меняйлова в автореферате утверждает, что все главы, кроме Вселенского Патриарха, поздравили, значит, признали избранного патриарха [8, с. 27].

Цель статьи – исследовать ход, результаты и значение процесса признания патриаршего достоинства Болгарской Православной Церкви со стороны Кипрской Архиепископии, а также отметить роль Константинопольского Патриархата в данном вопросе. В статье используются материалы того времени, ранее не вводившиеся в публичный оборот. Это, прежде всего, переписка предстоятеля Кипрской церкви архиепископа Макариоса III (Мускоса), первого президента Республики Кипр, с предстоятелем Болгарской Православной Церкви митрополитом Пловдивским Кириллом, будущим Патриархом. Также особый интерес представляет переписка архиепископа Макариоса с патриархом Константинопольским Афинагором I по вопросу восстановления патриаршества в Болгарии.

Положение болгарского православия в послевоенный период было неоднозначным. В сентябре 1944 г., после вступления советских войск на территорию Болгарии, в результате государственного переворота к власти пришло правительство Отечественного фронта, в котором доминирующую роль играли коммунисты [7, с. 173]. После провозглашения 15 сентября 1946 г. нового государства – Народной Республики Болгарии – отношение к религии в стране резко изменилось в худшую сторону. Роль Болгарской православной церкви в жизни общества свелась к минимуму [9, с. 437]. Церковь была полностью отделена от государства, и одновременно с этим накладывался полный запрет катехизации в учебных заведениях. Начались гонения на священнослужителей и национализация церковной собственности. При этом руководству церкви приходилось демонстрировать лояльность власти, а государство шло на небольшие уступки: например, с 1955 г. разрешалось регистрировать новые приходы [7, с. 173–174]. В послевоенное время Болгарская Православная Церковь традиционно сохраняла тесные братские связи с Русской Православной Церковью. Как отмечают историки, «двусторонние церковные связи отличались подлинно братским характером благодаря общему историческому прошлому русских и болгар, родству веры...» [10]. Московский Патриархат оказывал Болгарской Церкви всестороннюю помощь, прежде всего, в вопросе признания автокефалии Константинопольским Патриархатом в феврале 1945 г., а взамен получал поддержку в области межправославных отношений. В частности, сотрудничество проявлялось в совместных усилиях по сохранению присутствия русских и болгарских монаше-

ствующих на Афоне, развитии межхристианских контактов и движении за мирное сосуществование народов. Активно велась также академическая и образовательная деятельность: болгарские студенты обучались в Московской и Ленинградской духовных школах, а методические разработки РПЦ учитывались при реформировании семинарий в Болгарии. Важную роль во взаимодействии играли официальные представительства Церквей – подворья Русской православной церкви в Софии и Болгарской Православной Церкви в Москве, а также обмен делегациями и переписка на высоком уровне. При этом позитивный фон отношений создавали тесные политические связи СССР и Народной Республики Болгарии.

Кипрская Православная Церковь, напротив, имела стратегическое положение на острове. Исторически сложившийся институт этнарха позволял ее главе возглавить народное стремление к независимости острова от Британского господства. А в 1960 г. на политической карте мира возникло новое государство – Республика Кипр, президентом которого стал глава Кипрской Архиепископии архиепископ Макариос (Мускас). При таком положении Церковь имела огромную политическую силу на острове. Однако в межцерковных отношениях по многим вопросам кипрский архиепископ прислушивался ко мнению константинопольского патриарха.

Межцерковное общение началось 3 января 1951 г., когда Священный Синод Болгарской Церкви принял одобренный правительством новый устав, который ограничивал ее общественную деятельность, а во многом давал возможность органам власти вмешиваться во внутренние вопросы ее жизни. Наместником-председателем Синода, а в будущем и патриархом, стал митрополит Пловдивский Кирилл (Марков), один из самых лояльных архиереев к советскому строю того времени [7, с. 228]. О данном факте в письме № 305 от 3 января 1951 г. было сообщено архиепископу Кипрскому Макариосу [11, л. 188]. Отметим интересный факт, что письма, отправленные из Болгарской церкви в Кипрскую Архиепископию, были на французском языке. В ответном письме от 10 апреля 1951 г. глава Кипрской церкви ответил, что «радуется и приветствует его избрания» [там же, л. 189]. Тем самым приняв новое положение Болгарской Церкви и статус ее предстоятеля.

30 марта 1953 г., на имя архиепископа Макариоса было отправлено новое письмо, в котором митрополит Кирилл сообщал о предстоящем созыве III Церковного Народного Собора Болгарской церкви [2, л. 25–27]. В тексте был дан исторический экскурс на тему получения автокефалии и учреждения Патриаршества в Болгарской Церкви, а также следовало приглашение предстоятелю Кипрской церкви принять участие в вышеуказанном Соборе. Удивительная деталь: данные материалы были обнаружены автором в Архиве Кипрской Архиепископии, в документах, посвященных межцерковным отношениям между Кипрской церковью и Константинопольским Патриархатом, а не в переписке с Болгарской Церковью. Вероятнее всего, это объясняется тем, что Кипрская церковь изначально в вопросе Патриаршества в Болгарии полностью придерживалась мнения Вселенского Патриарха.

В апреле 1953 г. (дата письма в документе нечитаемая) архиепископ Кипрский Макариос направил письмо Константинопольскому Патриарху Афинагору [2, л. 19]. В документе сообщалось, что получено письмо от главы Болгарской Церкви, где говорилось о предстоящем созыве Собора Болгарской Церкви, на котором должны пройти выборы патриарха. Также архиепископ Кипрский был приглашен принять участие в интронизации нового патриарха. В письме архиепископ подчеркнул, что подобные решения должны быть согласованы и одобрены «в соответствии с традицией, с Великой Церковью Христовой» (*Константинопольским Патриархатом*. – П. Н.) [2, л. 19]. В конце документа он добавил, что не отправит ответ в Болгарию, пока не получит решения из Константинополя. Такая реакция главы Кипрской Церкви была вызвана рядом исторических и политических факторов. Прежде всего, Кипрская и Константинопольская Церкви были «национальными», где греки пытались сохранять солидарность. Частично в межцерковных отношениях Кипрская Архиепископия зависела от Константинопольского Патриархата. Например, глава Кипрской Церкви не мог совершать чин освящения святого Мира и должен был получать его у Константинопольского Патриарха [2, л. 45]. Также в этот период (1950–1960) осуществлялась борьба кипрского народа за независимость острова от британского господства. И для главы Кипрской Церкви, возможно, было важно иметь поддержку патриарха Константинопольского Афинагора как носителя демократических идей и ставленника США.

23 апреля 1953 г. Синод Болгарской Церкви отправил телеграмму главе Кипрской Архиепископии. В ней содержалось приглашение принять участие в интронизации будущего Патриарха [там же, л. 35].

25 апреля 1953 г. архиепископ Макариос получил ответ от патриарха Афинагора, в котором сообщалось, что ему также пришло приглашение принять участие в интронизации предстоятеля Болгарской Церкви. Кроме того, архиепископу Макариосу передавалась копия ответа митрополиту Кириллу. Ответ Вселенского Патриарха сообщал следующее: «На заседании Священного Синода Константинопольского Патриархата Патриарх ознакомился с письмом № 2381 и знает о желании Болгарской Церкви созвать собор и провести выборы предстоятеля» [там же, л. 31–32]. Далее глава Константинопольского Патриархата описывает, как важно ему сохранить мировое православие и какой нелегкий путь совершила Болгарская Церковь в стремлении получить автокефалию и ее признание другими Поместными Церквями, а также как важно соблюсти канонические правила при восстановлении Патриаршества, при этом подчеркивая необходимость братского общения между Церквями-сестрами. Заодно предупреждая о возможных разногласиях, которые могут возникнуть при нарушении общепринятого порядка [там же, л. 32].

Получив ответ от Вселенского Патриарха, архиепископ Макариос отправил письма членам Синода Кипрской Церкви, а также копию письма митрополита Кирилла от 30 марта 1953 г. В письме митрополитам Пафскому, Китийскому и Кирийскому сообщалось, что «Вселенский Патриархат и Иерусалимская Церковь отрицательно вос-

приняли Высокопреосвященнейшего митрополита Кирилла, и, как Вы понимаете, отрицательный ответ должен быть и от Кипрской Церкви» [11, л. 181]. Члены Синода дали отрицательный ответ и поддержали предложения архиепископа [там же, л. 178–180].

8 мая 1953 г. с санкции болгарского правительства был созван III Церковный Народный Собор, который принял новый устав Православной Церкви и провозгласил восстановление Патриаршества [7, с. 233]. Предстоятелем Болгарской Церкви был избран митрополит Пловдивский Кирилл. На интронизации Патриарха Кирилла в соборе Александра Невского в г. Софии присутствовали представители Поместных Православных Церквей: Московского Патриархата, Грузинской Православной Церкви, Антиохийского Патриархата, а также главы Чехословацкой, Румынской и Польской Православных Церквей, тем самым подтвердив факт восстановления Патриаршества в Болгарской Церкви [3, с. 18].

8 мая 1953 г. архиепископ Макариос отправил письмо митрополиту Кириллу, в котором заявлялось, что «митрополит Кирилл получит Патриаршее достоинство и честь в полном неведении Вселенского Патриарха и всех других Православных Церквей, а также данное событие противоречит Церковным канонам» [11, л. 176–177]. О каких канонах писал архиепископ? Ведь до сегодняшнего дня нет четкого алгоритма дарования автокефалии, а тем более получения или признания Патриаршего достоинства. Поскольку официального разрыва отношений между Кипрской Архиепископией и Болгарской Церковью не последовало, то можно констатировать тот факт, что было просто прекращено официальное межцерковное общение.

23 мая 1953 г. патриархом Кириллом было направлено письмо предстоятелю Кипрской Церкви, в котором сообщалось о прошедшей интронизации, а также высказывалась просьба признать его Патриаршее достоинство [там же, л. 174–175]. Ответа от Кипрской Церкви не последовало. Возможно, подобные письма были отправлены в другие Поместные Православные Церкви, которые не признали новый статус Болгарской Церкви. Не получив ответа, Синод Болгарской Церкви 31 декабря отправляет на Кипр письмо, в котором содержится копия документа, адресованного Патриарху Константинопольскому Афинагору [там же, л. 158–172]. Отметим, что документ состоял из 15 листов, подписанный лично Патриархом и всеми членами Болгарского Синода. В нем содержались следующие положения:

- информировалось о получении письма от Вселенского Патриарха, а также благодарность за его молитвы;
- сообщалось о факте возрождения Патриаршего достоинства, которое никоим образом не противоречит Церковным канонам;
- объяснялось, что факт возрождения Патриаршества в Болгарии – это прежде всего историческая справедливость;
- приводился исторический и канонический экскурс в вопросе установления Патриаршества в Болгарии;
- в конце документа Болгарская Церковь просила признать ее в новом статусе, а также не нарушать единство в Православном мире.

Возможно, данная корреспонденция являлась ответной реакцией Болгарской Церкви на событие, прошедшее в мае 1953 г. в Стамбуле. Патриарх Кирилл получил приветственный адрес настоятеля болгарской общины в Стамбуле. При этом в храме данного прихода Патриарх Афинагор присутствовал на богослужении; патриарх Кирилл расценил приветствие как «признак надежды» на его признание Константинопольским Первосвященителем [7, с. 70]. Ответа на данное письмо от Кипрского архиепископа не последовало. На протяжении 7 лет патриарх Кирилл отправлял письма-поздравления архиепископу Макариосу с Пасхой и Рождеством [11, л. 144–156]. Обратной реакции с Кипра не было.

Ситуация коренным образом изменилась в 1960 г., когда патриарх Афинагор на правах негласного Всеправославного координатора подготавливал Всеправославное Собрание на острове Родос. Изначально предполагалось, что вопрос автокефалии будет обсуждаться именно на нем. Об этом свидетельствует фрагмент беседы патриарха Афинагора с патриархом Московским Алексием в Стамбуле в 1960 г. В ходе беседы двух предстоятелей патриарх Московский поднял тему Автокефалий в Православном мире, на что собеседник заявил, что «Автокефалии Польской, Болгарской и Албанской Церквей нужно в первую очередь обсудить на Всеправославном совещании глав поместных церквей» [2, л. 20]. Однако уже в августе 1961 г. каноническое общение с предстоятелем Болгарской Церкви было восстановлено. Вероятнее всего, данное решение было принято Вселенским Патриархом в связи с беспокойством о возможной блокировке предсоборного процесса Московским Патриархатом и солидаризовавшимися с Москвой Автокефальными церквями [22, с. 32].

4 августа 1961 г. Константинопольским Патриархом было отправлено письмо на имя архиепископа Макариоса, в котором сообщалось о признании Патриаршества в Болгарской Церкви [13, с. 399]. В ответном письме от 16 августа 1961 г. предстоятель Кипрской Церкви информировал: «Мы очень рады восстановлению канонических связей с Болгарской Православной Церковью. Болгарская Церковь присоединилась к Великой Церкви и другими Поместными Православными Церквям» [там же, с. 400]. Следует также упомянуть, что на имя главы Болгарской Церкви от Кипрского архиепископа не последовало документа, подтверждающего восстановление межцерковного общения. Первый контакт между представителями Кипрской Архиепископии и Болгарского Патриархата состоялся на конференции представителей Поместных Православных Церквей на острове Родос, что может считаться возобновлением контактов между двумя церквями.

Таким образом, на основании изложенного необходимо отметить следующее:

– Болгарская Православная Церковь в 50–60-х гг. XX в. находилась под влиянием Русской Православной Церкви; в свою очередь Кипрская Архиепископия учитывала мнение Константинопольского Патриархата. Кипрский Архиепископ не всегда принимал точку зрения Вселенского Престола в вопросах признания Автокефалий Поместных

Церквей. Например, при даровании автокефалии Чехословацкой Православной Церкви, архиепископ Макариос руководствовался собственными интересами [14];

– для Болгарской Церкви стало важным событием восстановление Патриаршества и получение признания Поместных Православных Церквей, в том числе и Кипрской Церкви;

– существенное влияние на признание Кипрской Православной Церковью Патриаршества в Болгарии оказал Константинопольский Патриархат.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Скурат, К. Е. История Поместных Православных Церквей: уч. пос. в 2 ч. / К. Е. Скурат. – М.: Русские огни, 1994. – 484 с.
2. Архив Кипрской Архиепископии. Фонд Архиепископ Макариос (Мускос) 1950–1977 г. – Оп. Константинопольский патриархат. – Т. 2.
3. Свящ. Чуб, М. Пребывание делегации Русской Православной Церкви в Болгарии / Свящ. М. Чуб. – Журнал Московской Патриархии. – 1953. – № 7. – С. 16–21.
4. Абрамов, А. Ю. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с Болгарской Православной Церковью в 1940-е – 1950-е годы (исторические и источниковедческие аспекты): автореф. дис. ... канд. богосл. / А. Ю. Абрамов. – М., 2019. – 24 с.
5. Абрамов, А. Ю. Архивные источники о поддержке избрания Патриарха Болгарского Кирилла Русской Православной Церковью, восстановления и признания Болгарского Патриаршества в период с конца 40-х до середины 50-х гг. XX в. / А. Ю. Абрамов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2018. – Вып. 1 (21). – С. 214–245.
6. Абрамов, А. Ю. Помощь Московского Патриархата Болгарской Православной Церкви в 1945–1957 гг. (по документам Государственного архива Российской Федерации) / А. Ю. Абрамов // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. – 2018. – № 4. – С. 39–56.
7. Шкаровский, М. В. Православные церкви юго-восточной Европы 1945–1950-е годы / М. В. Шкаровский. – М.: Познание, 2019. – 432 с.
8. Меняйлов, Е. Взаимоотношения Русской Православной и Болгарской Православной церквей в контексте государственной вероисповедной политики в 1944–1962 гг.: автореф. дис. ... канд. богосл. / Е. Меняйлов. – М., 2018. – 38 с.
9. Блохин, В. С. История Поместных Православных Церквей / В. С. Блохин. – М.: Учебный комитет РПЦ, Изд-во МП, 2023. – 880 с.
10. Звонарев, С. Л. «Русские люди и болгары – одно православное целое»: отношения Русской и Болгарской Православных Церквей в 1960-е – нач. 1970-х гг. / С. Л. Звонарев // Богословский вестник. – 2025. – № 1 (56). – С. 159–186.

11. Архив Кипрской Архиепископии. Фонд Архиепископ Макариос (Мускос) 1950–1977 г. – Оп. Болгарская Православная церковь.
12. Звонарев, С. Л. Ближневосточный визит 1960 года Патриарха Московского и всея Руси Алексия I как успех московской церковной дипломатии / С. Л. Звонарев // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2025. – № 2. – С. 30–41.
13. ΑΠΑΝΤΑ Αρχιεπισκόπου Μακαρίου (Речи Архиепископа Макариоса Мускоса). Т. В. – Λευκωσία, 1998. – 745 Σ.
14. Пашков, Н. О. Признание автокефалии Православной Церкви в Чехословакии Кипрской Православной Церковью в период правления архиепископа Кипрского Макария, первого президента Республики Кипр / Н. О. Пашков // Российский журнал истории Церкви. – 2025. – 6 (2). – С. 80–89.
6. Abramov, A. Yu. Pomoshch Moskovskogo Patriarhata Bolgarskoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1945–1957 gg. (po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii) Assistance of the Moscow Patriarchate to the Bulgarian Orthodox Church in 1945–1957 (according to the documents of the State Archive of the Russian Federation) / A. Yu. Abramov. – Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary, 2018. – № 4. – P. 39–56.
7. Shkarovsky, M. V. Pravoslavnye cerkvi jugo-vostochnoj Evropy 1945–1950-e gody [Orthodox Churches of South-eastern Europe in 1945–1950s] / M. V. Shkarovsky. – Moscow: Poznanie, 2019. – 432 p.
8. Menyailov, E. Vzaimootnosheniya Russkoj Pravoslavnoj i Bolgarskoj Pravoslavnoj cerkvej v kontekste gosudarstvennoj veroispovednoj politiki v 1944–1962 gg. [The Russian Orthodox and Bulgarian Orthodox Churches in the Context of State Religious Policy in 1944–1962] : abstract of diss... Cand. of Theology / E. Menyailov. – Moscow, 2018. – 38 p.
9. Blokhin, V. S. Istorija Pomestnyh Pravoslavnyh Cerkvei [The History of the Local Orthodox Churches] / V. S. Blokhin. – Moscow: ROC Educational Committee, MP Publishing House, 2023. – 880 p.
10. Zvonarev, S. L. «Russkie ljudi i bolgary – odno pravoslavnoe celoe»: otnosheniya Russkoj i Bolgarskoj Pravoslavnyh Cerkvej v 1960-e – nach. 1970-h gg. [“The Russians and Bulgarians are One Orthodox Whole»: relations between the Russian and Bulgarian Orthodox Churches in the 1960s–early 1970s] / S. L. Zvonarev. – Theological Bulletin, 2025. – № 1 (56). – P. 159–186.
11. Arhiv Kiprskoj Arhiepiskopii. Fond Arhiepiskop Makarios (Muskos) 1950–1977 g. [Archive of the Archdiocese of Cyprus. Archbishop Makarios (Muskos) Foundation 1950–1977]. – Op. Bulgarian Orthodox Church.
12. Zvonarev, S. L. Blichnevostochnyj vizit 1960 goda Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Aleksija I kak uspeh moskovskoj cerkovnoj diplomatii [The 1960 Middle East visit of Patriarch Alexy I of Moscow and all-Rus' as a success of Moscow church diplomacy] / S. L. Zvonarev. – Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary, 2025. – № 2. – P. 30–41.
13. ΑΠΑΝΤΑ Speeches by Archbishop Makarios Muskos. – Nicosia, 1998. – 745 p.
14. Pashkov, N. O. Priznanie avtokefalii Pravoslavnoi cerkvi v Chehoslovakii Kiprskoi Pravoslavnoi Cerkovy v period pravleniya arhiepiskopa Kiprskogo Makariya, Pervogo prezidenta Respubliki Kipr [The Recognition of the Autocephaly of the Orthodox Church of Czechoslovakia by the Church of Cyprus during the Presidency of Archbishop Makarios] / N. O. Pashkov // Russian J. of Church History, 2025. – 6 (2). – P. 80–89.

Referenses

1. Skurat, K. E. Istorija Pomestnyh Pravoslavnyh Cerkvej [The history of the Local Orthodox Churches] // Textbook in 2 parts / K. E. Skurat. – Moscow: Russkie ogni [Russian lights], 1994. – 484 p.
2. Arhiv Kiprskoj Arhiepiskopii. Fond Arhiepiskop Makarios (Muskos) 1950–1977 g. [Archive of the Archdiocese of Cyprus. Archbishop Makarios Foundation (Muskos) 1950–1977. – Op. Konstantinopolskij patriarhat [The Patriarchate of Constantinople]. – Vol. 2.
3. Sacred Chub, M. Prebyvanie delegacii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v Bolgarii [The stay of the delegation of the Russian Orthodox Church in Bulgaria] / Sacred M. Chub. – J. of the Moscow Patriarchate. – 1953. – № 7. – P. 16–21.
4. Abramov, A. Yu. Vzaimootnosheniya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi s Bolgarskoj Pravoslavnoj Cerkovju v 1940-e – 1950-e gody (istoricheskie i istochnikovedcheskie aspekty) [The relationship of the Russian Orthodox Church with the Bulgarian Orthodox Church in the 1940s–1950s (historical and source-based aspects)] : abstract of diss... Cand. of Theology / A. Yu. Abramov. – Moscow, 2019. – 24 p.
5. Abramov, A. Yu. Arhivnye istochniki o podderzhke izbraniya Patriarha Bolgarskogo Kirilla Russkoj Pravoslavnoj Cerkov'ju, vosstanovleniya i priznaniya Bolgarskogo Patriarshestva v period s konca 40-h do serediny 50-h gg. XX v. [Archival sources on the support of the Russian Orthodox Church for the election of Patriarch Kirill of Bulgaria, the restoration and recognition of the Bulgarian Patriarchate in the period from the late 1940s to the mid-1950s] / A. Yu. Abramov // Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary. – Ekaterinburg, 2018. – Issue 1 (21). – P. 214–245.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Пашков Никодим Олегович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета; ORCID: 0000-0002-4311-7917 (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: nikodimkrysko@mail.ru).

Author:

Nikodim O. Pashkov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Faculty of International Relations, Belarusian State University (BSU); ORCID: 0000-0002-4311-7917 (4, Nezavisimosti ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: nikodimkrysko@mail.ru).

Для цитирования:

Пашков, Н. О. К вопросу признания патриаршего достоинства Болгарской Православной Церкви Кипрской Архиепископией (1953–1961) / Н. О. Пашков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 32–37.

For citation:

Pashkov, N. O. On the recognition of the Patriarchal dignity of the Bulgarian Orthodox Church by the Archdiocese of Cyprus in 1953–1961 / N. O. Pashkov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 2 (87). – P. 32–37.

Дата поступления статьи: 20.02.2026

Прошла рецензирование: 09.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 20.02.2026

Reviewed: 09.03.2026

Accepted: 20.03.2026

Вопросы этнической идентичности в исторической политике Республики Армения

Веремейчик М. А.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск

MaxVerym@yandex.ru

Аннотация

В статье показана общая картина формирования этнической идентичности в Армении под влиянием государственной исторической политики. Рассмотрены существующие подходы к определению терминов «этническая идентичность» и «национальная идентичность». Определено влияние «армянского вопроса» на формирование внутригосударственной идентичности. Подробно рассмотрен комплекс праздников и памятных дат, влияющих на определение армянами своей идентичности. Среди них автор выделяет государственные, церковные, советские и два дня памяти. Особняком следует выделить древний праздник Навасард, отмечаемый как День национальной идентичности.

Ключевые слова:

идентичность, Первая Республика Армения, историческая политика, Республика Армения

Вопросы идентичности являются необходимым атрибутом государственности. На рубеже XX–XXI вв. под влиянием меняющейся мировой обстановки произошло обострение межнациональных и межэтнических конфликтов. В большей степени это затронуло новые независимые государства, возникшие на территории бывших советских республик. Исследование исторической политики суверенных государств позволяет проследить и определить влияние, оказываемое на этническую идентичность через создаваемые нарративы.

Понятие «этническая идентичность» достаточно молодое и стало применяться с начала XXI в. В советской историографии изучением проблемы развития этноса, этнической общности, их информационных связей и самосознания занимался основатель советской школы этносоциологии Ю. В. Бромлей [1]. По утверждению В. А. Тишкова, в советское время понятие «идентичность» не было распространено и вместо него использовался термин «национальное сознание», или «самосознание» [2, с. 139]. В современной российской историографии выделяют несколько направлений в определении понятия «идентичность»: этническая и национальная. Первый подход связан с рассмотрением «идентичности» через призму социологии и философии. Одним из ее представителей является российский исследователь Ю. В. Мухлынкина,

Issues of ethnic identity in the historical policy of the Republic of Armenia

Veremeichik M. A.

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

MaxVerym@yandex.ru

Abstract

The paper shows the general picture of the formation of ethnic identity in Armenia under the influence of the state historical policy. The existing approaches to the definition of the terms "ethnic identity" and "national identity" are considered. The influence of the "Armenian question" on the formation of national identity is determined. The complex of holidays and memorable dates influencing the definition of their identity by Armenians is considered in detail. Among them, the author highlights state, church, Soviet and two memorial days. The ancient holiday Navasard, celebrated as "National Identity Day", should be singled out in particular.

Keywords:

identity, the First Republic of Armenia, historical policy, Republic of Armenia

которая приводит следующее определение понятию «этническая идентичность»: «Это сложное и многоаспектное социальное явление, которое характеризуется осознанием индивидом (группой) своей принадлежности к определенной этнической общности, понимаем, оцениваем и переживанием своего членства в ней» [3, с. 27].

Во главе второго подхода стоит известный российский ученый, академик РАН В. А. Тишков, который в первую очередь определяет «идентичность» как «ощущение принадлежности или связи с той или иной общностью или культурой, традицией, идеологией» [4]. «Национальную идентичность» он рассматривает в качестве «одного из видов групповой идентичности по принадлежности к нации» [2, с. 139].

Отсюда следует, что разница между этнической и национальной идентичностью достаточно относительна. В обоих понятиях ключевым фактором становится принадлежность человека к конкретной общности, под влиянием которой у него формируется групповая идентичность. Если этническая идентичность отсылает к этнической общности и ее культуре, то национальная идентичность олицетворяет принадлежность к нации, стоящей по развитию выше, чем этнос.

При изучении исторической политики вопросы идентичности приобретают особое значение. В первую очередь это

связано с тем, что государственная историческая политика формирует устойчивое чувство «мы» на основе ряда критериев, среди которых наличие исторической территории и социокультурное развитие общества. На связь идентичности и памяти указывал немецкий социолог Ю. Хабермас: «Общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает своей идентичности, оно обязано своим собственным усилиям» [5, с. 8].

Рассматривая вопросы идентичности, следует обратить внимание на проблему «армянского вопроса»¹. Среди всего комплекса вопросов на первое место следует выделить проблему геноцида 1915 г. и ситуацию в Нагорном Карабахе, ставшими коллективной травмой армянского народа. Главной травмой безусловно является геноцид 1915 г. на территории Османской империи. Геноцид армян коренным образом изменил границы проживания, заставив их переместиться на территорию Восточной Армении. Главной целью сплотившейся нации стало стремление доказать факт свершения преступления Османской империей. Все это повлияло на формирование двух отличительных черт армянской идентичности – это выживание и жертвенность [6, с. 125].

На втором месте выделим ситуацию вокруг Нагорного Карабаха, серьезно обострившуюся с началом перестройки в СССР. Начавшийся вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе также послужил консолидирующим фактором для армянской нации. После начала вооруженного конфликта в противоборствующих странах начали формироваться полярные и в крайней степени враждебные нарративы в отношении истории государственности и образа противника. Обе стороны конфликта демонизируют противника, отводя ему роль заклятого врага, целью которого является полное уничтожение культурных ценностей, нации и захват территории. Итоги Первой Карабахской войны вызывали и продолжают вызывать гордость в армянском обществе в отличие от Второй Карабахской войны, закончившейся поражением и массовым переселением армян Нагорного Карабаха. Оба конфликта выполняли консолидирующую и мобилизационную роль в вопросе армянской идентичности.

Важной чертой армянской идентичности является стремление к созданию крупного государства в границах проживания армян. В настоящее время на государственном уровне принята концепция преемственности трех республик. Каждая из республик представляет серьезный этап для развития идентичности. Первая Республика Армения (ПРА) обладает сильным символическим значением – республика была образована по итогам значимых майских сражений с Османской империей. В ходе этих сражений большую известность получил ряд офицеров: А. Озаян, М. М. Силикян, П. Бек-Пирумян, Д. А. Бек-Пирумян, а также Д. М. Канаян и Г. Тер-Арутюнян. Последние две фигуры до сих пор не вызывают дискуссии: с одной стороны, они помогли отстоять армянскую независимость в 1918–1920 гг., однако позже, в годы Великой Отечественной войны, со-

трудничали с нацистской Германией. Хотя перечисленные военные деятели официально не включены в список национальных героев, память о них сохраняется в армянском обществе.

В современном символическом пространстве Республики Армения сохраняются элементы советского периода, в том числе Второй Республики. Комплекс мероприятий по декоммунизации и десоветизации, проведенный в первой половине 1990-х гг., носил сдержанный характер. Новые власти ограничились сменой государственных символов, названия республики и т. д. При этом государственная символика Армянской ССР сохранилась на Доме правительства в Ереване. Неизменными остались воинские звания и знаки отличия, включая главный советский символ – пятиконечную звезду. Советские революционные деятели, представленные в монументальной культуре, были демонтированы преимущественно в первой половине 1990-х гг.

Историческая политика Третьей Республики делает акцент на Первой Карабахской войне и ее результатах. Однако в последние годы под влиянием изменившихся условий (поражение во Второй Карабахской войне и потеря контроля над Нагорным Карабахом) все больший акцент делается на результаты смены власти в 2018 г. Такой подход можно рассматривать в качестве ремифологизации. Поскольку до Второй Карабахской войны основная консолидация внутри Армении строилась вокруг победы в Первой Карабахской войне. Это находит отражение в том числе в списке Национальных героев Армении, большинство из которых участники боевых действий.

Праздники и памятные даты являются ключевыми элементами символического пространства общества, оказывая влияние на формирование идентичности и сохранение исторической памяти. В Республике Армения за годы независимости сложился перечень официальных государственных праздников и памятных дат. Каждый праздник и дата закрепляют определенные ценностные ориентиры и формируют общенациональный нарратив. Среди важнейших государственных праздников следует выделить День Республики (28 мая) и День Независимости (13 сентября). Ежегодно 28 мая празднуется провозглашение Первой Республики Армения в 1916 г. в результате победы в сражениях при Сардарапате и Баш-Апаране. Основные мероприятия с участием первых лиц проходят возле мемориального комплекса «Сардарapat». В свою очередь, в День независимости принято отмечать итоги референдума, проведенного в Республике Армения в 1991 г., на котором подавляющая часть населения проголосовала за выход из состава СССР и провозглашение суверенного государства. В оба праздника проходит торжественный парад с участием военной техники.

В Армении отмечается две памятные даты, связанные с трагическими событиями. Первая – 28 февраля, посвящена памяти жертв убийств, организованных в Азербайджанской ССР, и защите прав депортированного армянского населения. Вторая памятная дата – День памяти жертв геноцида армян, отмечается 24 апреля [7].

Сохраняется в Армении и ряд советских праздников. Например, Международный женский день – 8 марта; День

¹ «Армянский вопрос» следует рассматривать как совокупность проблем, стоящих перед армянским народом на протяжении долгого периода времени, в их стремлении к созданию независимой государственности.

труда – 1 мая; День Победы и Мира – 9 мая. Большое влияние на праздничные дни оказал конфликт в Нагорном Карабахе. Для Армении, победившей в Первой карабахской войне было важно закрепить победу и в символическом пространстве. С этой целью в 2001 г. был учрежден новый праздничный день – День Еркарапа (Союз добровольцев Республики Армения), отмечаемый 8 мая [там же]. Дата выбрана неслучайно. Май традиционно считается месяцем, в котором празднуются победы армянских воинов: день взятия Шуши, победа в Великой Отечественной войне и победа в сражениях при Сардарапате и Баш-Апаране в 1918 г.

Важную роль в вопросе формирования и сохранения армянской идентичности играет Армянская Апостольская церковь. Примером служат два праздника. Первый – праздник Святого Эчмиадзина – колыбели Армянской Апостольской церкви и ее духовный центр, где располагаются древнейший Эчмиадзинский Кафедральный Собор и резиденция католикоса. Второй праздник носит официальное название Праздник святого Вардананта, день добрых дел и национального долга (Вардананк – арм.). Он посвящен историческому сражению 26 мая 451 г. на Аварайрском поле под командованием Вардана Мамиконяна против персов, пытавшихся захватить Армению и распространить там зороастризм. В ходе сражения все армяне, включая Вардана Мамиконяна, погибли. Несмотря на поражение, данное сражение лишь объединило армян вокруг Церкви и позволило отстаивать свое право на исповедование христианства. Впоследствии Вардан Мамиконян был причислен к лику святых, а павшие в сражении армяне почитаются Церковью как мученики [8]. Праздник почитается как в Армянской Апостольской церкви, так и на государственном уровне, являясь одним из символов единства армянской нации.

В 2001 г. был широко отпразднован 1700-летний юбилей принятия Арменией христианства. Данное мероприятие было призвано не только отпраздновать круглую дату, но и продемонстрировать миру и, самое главное, региону древнее происхождение армянской нации. Последнее приобретает особое значение, учитывая конкуренцию за право называться древнейшей цивилизацией на территории Южного Кавказа между Грузией, Арменией и Азербайджаном.

В 2017 г. была организована международная дискуссионная площадка «Форум древних цивилизаций», объединившая 10 основных древнейших цивилизаций, среди которых – египетская, римская, персидская, китайская, греческая, цивилизации майя, инков, ацтеков, Междуречья и долины Инда [9]. В 2018 г. к участию в форуме была приглашена Республика Армения, заменив членство Индии. Армения участвует в форуме для подтверждения своего особого древнего статуса – одной из древнейших цивилизаций мира. На форуме она представляет древнее государство Урарту. Преемственность с государством Урарту носит крайне политизированный характер. Данный нарратив используется исторической политикой Армении для объяснения своего древнего происхождения и ареала проживания на территориях Южного Кавказа, Западной Армении и Армянского нагорья.

Особого внимания заслуживает праздник День национальной идентичности (Навасард – арм.), который празднуется ежегодно 11 августа начиная с 2009 г. Праздник имеет глубокие корни – согласно древнеармянскому календарю, в этот день отмечалось начало древнего армянского Нового года и первый месяц назывался Навасард. В древней Армении дата праздника была выбрана неслучайно. Принято считать, что в этот день Айк Наапет² победил ассирийского правителя Бэла в 2492 г. до н. э. С этой даты началось армянское летоисчисление.

До 2009 г. празднование Навасарда в Армении проводилось на локальном уровне. Основным центром празднований являлся единственный сохранившийся на территории Армении языческий храм в Гарни. В 2007 г. в г. Чаренцаване был отмечен Навасард с участием местных властей, которые помогли организовать «навасардские игры», включавшие в себя праздничный концерт и спортивные состязания [10, с. 42]. Ситуация изменилась в 2009 г., когда решением Национального Собрания Республики Армения 11 августа Навасард был установлен как праздник армянской национальной идентичности. Данную инициативу продвигала одна из фракций Национального собрания – Армянская революционная федерация Дашнакцутюн (АРФД). Депутат от АРФД, В. Ованесян, отметил важность установления именно этой даты в качестве дня национальной идентичности, поскольку это «день первой одержанной армянами победы» [11]. Популяризация праздника Навасард вызвала дискуссию внутри парламента и критику со стороны Армянской Апостольской церкви. В первую очередь критика касалась того факта, что Навасард – языческий праздник, а в Армении сильные позиции занимает христианство. Тем не менее новый праздник был официально утвержден. С 2009 г. праздник ежегодно отмечается на государственном уровне, но не является выходным днем.

Таким образом, проблема формирования этнической идентичности в исторической политике Республики Армения носит сложный характер и состоит из ряда концептов. Среди них следует выделить: геноцид 1915 г., Первую карабахскую войну и этапы становления суверенной государственности. Все это находит отражение в праздниках и памятных датах, отмечаемых в Армении. Несмотря на то, что политическая элита Армении возводит истоки своей суверенной государственности к ПРА, она также демонстрирует сдержанное отношение к периоду Второй Республики. Сохраняется ее присутствие в символическом пространстве, а также через нее ведется преемственность суверенной государственности. Правительство, пришедшее к власти в ходе перестройки, имея врага в лице Турции и Азербайджана, не стремилось к ревизии исторического прошлого с Россией. Фактически в Армении отсутствовал постколониальный дискурс в государственной исторической политике. Главенствующими постулатами, на которых выстраивалась идентичность, являлась антитуркская позиция, память о геноциде 1915 г. и ситуация вокруг Нагорного Карабаха.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

² Айк Наапет, или Айк Ахехнавор (Айк-Лучник) – легендарный герой армянской истории. Его принято считать основателем царской династии Айказуни и родоначальником армянского народа.

Источники и литература

1. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
2. Тишков, В. А. Образ страны и национальная идентичность / В. А. Тишков // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2009 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 139–142
3. Мухлынкина, Ю. В. К вопросу формирования этнической идентичности / Ю. В. Мухлынкина // Научный вестник МГТУ ГА. – 2015. – № 215 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-formirovaniya-etnicheskoy-identichnosti> (дата обращения: 08.12.2025).
4. Тишков, В. А. Старые и новые идентичности. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html. (дата обращения: 15.10.2025).
5. Хабермас, Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи / Ю. Хабермас. – Донецк: Донбасс, 1999. – 123 с.
6. Погосян, Г. А. Контуры новой армянской идентичности и социальная солидарность / Г. А. Погосян // «Мониторинг общественного мнения», ВЦИОМ. – М., 2005. – № 3 (75). – С. 125–130.
7. Закон Республики Армения «О праздниках и Днях памяти Республики Армения». – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/158036>. (дата обращения: 15.10.2025).
8. День памяти Свв. Вардана Мамиконяна и его 1036 соратников. – URL: <https://www.armenianchurch.org/ru/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%8C/22>. (дата обращения: 16.10.2025).
9. Форум древних цивилизаций. – URL: <https://thenewgreece.com/interesting/ancient-civilizations-forum/>. (дата обращения: 17.11.2025).
10. Антонян, Ю. Ю. «Воссоздание» религии: неоязычество в Армении / Ю. Ю. Антонян // Laboratorium. – 2010. – № 1. – С. 103–128.
11. Праздник армянской национальной идентичности – по предложению депутатов. – URL: http://www.parliament.am/news.php?cat_id=2&NewsID=3166&year=2009&month=02&day=04&lang=rus. (дата обращения: 18.10.2025).
12. kov // Dialogue of cultures and partnership of civilizations : IX International Likhachev Scientific Readings, May 14–15, 2009. – St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University for the Humanities, 2009. – P. 139–142.
13. Mukhlinkina, Yu. V. K voprosu formirovaniya etnicheskoi identichnosti [On the issue of the formation of ethnic identity] / Yu. V. Mukhlinkina // Sci. Bull. of Moscow State Technical University of Civil Aviation. – 2015. – № 215 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-formirovaniya-etnicheskoy-identichnosti> (accessed: 08.12.2025).
14. Tishkov, V. A. Starie i novie identichnosti [Old and new identities] / V. A. Tishkov. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html. (accessed: 15.10.2025).
15. Khabermas, Yu. V. poiskah nacionalnoi identichnosti [In search of national identity. Philosophical and political articles] / Yu. Khabermas. – Donetsk: Donbass, 1999. – 123 p.
16. Pogosyan, G. A. Kontury novoi armyanskoi identichnosti i socialnaya solidarnost' [Contours of a new Armenian identity and social solidarity] / G. A. Pogosyan // Monitoring Public Opinion, All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM). – Moscow, 2005. – No. 3 (75), – P. 125–130.
17. Zakon respubliky Armeniya "O prazdnikah i Dnyah pamyati Respubliki Armeniya [The Law of the Republic of Armenia «On Holidays and Memorial Days of the Republic of Armenia»]. – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/158036>. (accessed: 15.10.2025).
18. Den' pamyati Sv. Vardana Mamikonyana i ego sorfatinikov [Memorial Day of St. Vardan Mamikonyan and his 1036 associates]. – URL: <https://www.armenianchurch.org/ru/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%8C/22>. (accessed: 16.10.2025).
19. Forum drevnih civilizacii [Forum of ancient Civilizations]. – URL: <https://thenewgreece.com/interesting/ancient-civilizations-forum/>. (accessed: 17.11.2025).
20. Antonyan, Yu. Yu. "Vossozdanie" religii: neoyazychestvo v Armenii [The «re-creation» of religion: Neo-Paganism in Armenia] / Yu. Yu. Antonyan // Laboratorium. – 2010. – No. 1. – P. 103–128.
21. Prazdnik armyanskoi nacionalnoi identichnosti [The celebration of the Armenian national identity] – at the suggestion of the deputies. – URL: http://www.parliament.am/news.php?cat_id=2&NewsID=3166&year=2009&month=02&day=04&lang=rus. (accessed: 18.10.2025).

References

1. Bromley, Yu. V. Oчерки теории этноса [Essays on the theory of ethnicity] / Yu. V. Bromley. – Moscow: Nauka, 1983. – 412 p.
2. Tishkov, V. A. Obraz strany i nacionalnaya identichnost' [The image of the country and national identity] / V. A. Tish-

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Веремейчик Максим Александрович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета; ORCID: 0009-0001-3674-3135, SPIN-код: 8368-4845 (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: MaxVerym@yandex.ru).

Author:

Maxim A. Veremeichik – Master of Sciences (History), Post-Graduate Student of the Department of History of Russia, Faculty of History, Belarusian State University; ORCID: 0009-0001-3674-3135, SPIN-code: 8368-4845 (4, Nezavisimosti ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: MaxVerym@yandex.ru).

Для цитирования:

Веремейчик, М. А. Вопросы этнической идентичности в исторической политике Республики Армения / М. А. Веремейчик // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 38–42.

For citation:

Veremeichik, M. A. Issues of ethnic identity in the historical policy of the Republic of Armenia / M. A. Veremeichik // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 2 (87). – P. 38–42.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Прошла рецензирование: 13.02.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 05.02.2026

Reviewed: 13.02.2026

Accepted: 20.02.2026

О роли и функциях музеев в международном культурном обмене и продвижении (на примере Лувра)

Хай Пэйвэн

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск

haipeiwen73@gmail.com

Аннотация

Как один из самых влиятельных музеев мира, Лувр в своей истории и культурной роли глубоко отражает эволюцию политических, социальных и художественных концепций во Франции и Европе.

Цель данной статьи — исследовать, как Лувр постепенно утвердился в качестве символа «мирового культурного дворца» посредством пространственной реконструкции, накопления коллекций и идеологического укрепления.

Исследование показывает, что Лувр позиционируется не только как место для сбора и демонстрации экспонатов, но и как носитель национальной памяти и платформа для межкультурного диалога.

Ключевые слова:

Лувр, международный культурный обмен, культурная дипломатия, цифровая трансформация, культурное наследие

In the context of globalization and the digital age, the Louvre has expanded its cultural influence through strategies such as overseas branches (like the Louvre Abu Dhabi) and virtual exhibitions. However, its core positioning still needs to strike a balance between the authority of the "temple of art" and the demand for "democratization of culture". After the pandemic, the Louvre has been more actively exploring narrative models that integrate online and offline, rethinking the relationship between physical space and digital experience.

The historical axis of the Louvre clearly outlines France's own political trajectory from absolute monarchy to democratic republic. The Louvre Castle, which was built at the end of the 12th century, began its art collection during the reign of Francis I, but the real milestone of its transformation was the French Revolution. In 1793, the National Assembly declared that it would be transformed into the "Central Museum of Art" and opened to the public. The act itself was revolutionary: it transformed the art treasures that were originally the private property of the royal family into the common heritage of the "French nation", marking the transfer of cultural rights from the privileged class to the general public. During the Napoleonic era, with a flood of artworks coming from mili-

On the role and functions of museums in international cultural exchange and promotion (taking the Louvre as an example)

Hai Peiwen

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

haipeiwen73@gmail.com

Abstract

As one of the world's most influential museums, the Louvre, in its history and cultural role, profoundly reflects the evolution of political, social and artistic concepts in France and Europe. This paper aims to explore how it has gradually established itself as a symbol of the "world cultural palace" through spatial reconstruction, collections accumulation and ideological strengthening. The study shows that the Louvre is positioned not only as a place for collecting and displaying exhibits, but also as a carrier of national memory and a platform for inter-civilizational dialogue.

Keywords:

Louvre Museum, international cultural exchange, cultural diplomacy, digital transformation, cultural heritage

tary conquests, the Louvre was once renamed the "Napoleon Museum", and its global ambitions for collecting began to emerge. After the systematic expansion in the 19th century and the modern intervention of Ieoh Ming Pei's glass pyramid in the 20th century, the Louvre finally completed its complete transformation from a symbol of monarchy to a public cultural institution. The evolution of its architecture and institution itself is a condensed history of French political culture [1].

The Central Gallery of the Louvre opened its doors to the Parisian people on August 10, 1793. The former royal sanctuary became the "Central Museum of Fine Arts of the French Republic". Crowds flocked to the promenade, gazing at the treasures that once belonged only to the Bourbon family – not just the opening of the museum, but a solemn declaration of cultural sovereignty by a new republic.

The transformation of the Louvre is a history of the transfer of power. As a building, it began as a defensive fortress in the 12th century and became a grand palace in the hands of Louis XIV, the Sun King, highlighting absolute monarchy. The artworks displayed in the promenade are the sum of the glory of the monarchy, the taste of the nobility and the spoils of conquest. When Louis XIV moved to Versailles, the Louvre fell silent for a while and thus became a vessel for the fer-

mentation of the Enlightenment. Philosophers such as Diderot were the first to conceive of a "national treasure house" open to the public, placing the private property of art under rational scrutiny.

The great waves of the French Revolution eventually broke the thousand-year covenant between the monarchy and art. The National Assembly declared in 1791: "The royal collection belongs to the people." Two years later, the Louvre changed its response. At the core of this transformation was the replacement of "subjects" and "Kings" with the concept of "citizens". Art is no longer an object of admiration, but a public resource that enlightens the mind and shapes the virtues of the republic. While the Napoleonic era enriched its collection with spoils of war and renamed the museum "Napoleon Museum" to reinforce the narrative of the empire's conquest, it objectively consolidated the modern model of the museum as a symbol of national power and cultural prestige.

In the 19th century, the Louvre completed its transformation from "palace" to "institution" through continuous architectural expansion and systematization of its collection. It became a figurative classroom of art history, and the classification of its exhibition halls and the route of its visit itself is a history of civilization written in space. More importantly, it has been given the sacred duty of building the national identity of France - from the Victory of Samothrace to the Mona Lisa, the museum's treasures have been elevated to the cultural totems of the nation.

In 1989, the glass pyramid designed by Ieoh Ming Pei was completed, sparking intense debate around the world. This modernist entrance, in a highly tense manner, heralds the Louvre's final identity leap: from the palace of the nation-state to the crossroads of world civilization. It is no longer just French, but belongs to all mankind. It must deal with the legacy disputes of colonial history, welcome a global audience, and redefine the value of physical museums in the digital age.

So the historical axis of the Louvre clearly outlines France's own political trajectory from absolute monarchy to democratic republic. The Louvre Castle, which was built at the end of the 12th century, began its art collection during the reign of Francis I, but the real milestone of its transformation was the French Revolution. In 1793, the National Assembly declared that it would be transformed into the "Central Museum of Art" and opened to the public. The act itself was revolutionary: it transformed the art treasures that were originally the private property of the royal family into the common heritage of the "French nation", marking the transfer of cultural rights from the privileged class to the general public. During the Napoleonic era, with a flood of artworks coming from military conquests, the Louvre was once renamed the "Napoleon Museum", and its global ambitions for collecting began to emerge. After the systematic expansion in the 19th century and the modern intervention of Ieoh Ming Pei's glass pyramid in the 20th century, the Louvre finally completed its complete transformation from a symbol of monarchy to a public cultural institution. The evolution of its architecture and institution itself is a condensed history of French political culture [1].

The story of the Louvre proves that the greatest museum is always the one that redefines itself to a wider public.

The Louvre is a physical monument to the memory of the French nation. Since its birth as a fortress in 1190, it has been deeply intertwined with the historical context of France. From the introduction of Italian art treasures by Francis I during the Renaissance to becoming a showcase of the glory of the monarchy during the reign of Louis XIV, the Louvre has always been a projection of national will and cultural ambition. The building itself is a layered history of French architecture, witnessing the dialogue and coexistence of Gothic, Renaissance, classicism and modern glass pyramids.

As the highest hall, it is not only a place of collection, but also a production center of meaning. The core thread of the collection - from "Venus de Milo" to "Liberty Leading the People" - is systematically woven into a grand narrative about "France": it symbolizes the succession from classical rational harmony to modern revolutionary spirit, establishing France's cultural identity as the core inheritor and innovator of European civilization. The Louvre, with its unparalleled collection authority and spatial narrative, has become the cornerstone of French cultural identity and the sanctuary of national aesthetic education.

So beyond national boundaries, the Louvre has long positioned itself as the guardian and interpreter of the common heritage of mankind. Its collection encompasses masterpieces of art from ancient Mesopotamia, Egypt, Greece and Rome, Islamic civilization to Europe, forming a visualized "global history" that transcends time, space, region and civilization. This encyclopedic collection pattern embodies the universalist ideal since the Enlightenment, that is, to understand the trajectory of the entire human civilization through art.

As a guardian, its role is filled with the complex tension of modernity. On the one hand, it actively takes on the international responsibility of preserving and showcasing multiculturalism through measures such as the restoration and protection of artifacts with cutting-edge technology and the establishment of the Islamic Arts Department; On the other hand, its large collection, which originated from colonial and imperial expansion history, inevitably places it at the center of controversy over cultural ownership and return. This has prompted the Louvre to constantly reflect on its ethical positioning and explore new models of cultural heritage sharing and dialogue in cross-border collaborations such as the ABU Dhabi branch.

Today, the Louvre is both a "mirror of the nation" that embodies the spirit of France and a "window of the world" that reflects human civilization. Its glass pyramid entrance is a perfect metaphor for this dual identity: embedded in the historical body in a modern form and open to the world. It symbolizes the transformation of cultural institutions from authoritative monopolists to reflective public forums and civilizational hubs that, while preserving history, continue to engage in a global dialogue about cultural values, memory and belonging.

So let's take a look at what measures the Louvre has taken in international cultural exchange. First of all the Louvre's international touring exhibitions are one of the core strategies

Image from the Louvre Museum official website.
Изображение с официального сайта Лувра.

of its "cultural diplomacy". Since 2000, the Louvre has curated nearly 200 international Tours covering more than 50 countries around the world. The most representative of these are the preheating exhibitions of the "Louvre in ABU Dhabi" series from 2013 to 2015, which were not only held in the United Arab Emirates but also toured in Japan, India and other places, laying the foundation for later branch construction [2].

The 2022 exhibition "Leonardo Da Vinci and Milan during the Renaissance" at the Tokyo National Museum demonstrated the academic depth of the exhibition through scientific analysis reports on the Louvre's research in art conservation [3].

- The curatorial strategy of the touring exhibition has notable features:
- Thematic adaptability: Adjust the exhibition narrative according to the cultural context of the target region. Such as strengthening the theme of East-West dialogue at exhibitions in Asia
- Academic accompaniment: Each exhibition is accompanied by academic catalogues in French, English and the local language
- Educational Extension: Develop complementary courses in collaboration with local educational institutions

And there are international Loan exhibitions and joint archaeological projects. For example the Louvre has long engaged in in-depth cultural relic loan exhibitions and joint archaeological research with countries such as Egypt, Italy and Iran. For example, in collaboration with the Egyptian Ministry of Antiquities, not only has the collection been lent out for special exhibitions on ancient Egyptian civilization, but also teams of experts have been sent to participate in archaeological excavations and conservation in Egypt. This model of "knowledge exchange" based on equal academic cooperation goes beyond one-way cultural export, builds long-term trust and professional ties, and deepens cultural exchange from

"the flow of things" to "collaboration of people" and "sharing of technology".

The Louvre's international loan exhibition network covers over 120 museums worldwide and has established a complete system for the safe transportation and insurance of its collections. The Louvre & Palace Museum Protocol, 2018, involved not only the exchange of exhibits with the Palace Museum in Beijing in 2019, but also mutual visits and training of heritage conservation experts.

The joint archaeological project demonstrated a deeper level of academic collaboration:

- Egypt Project: Since 2012, the Louvre and the Egyptian Ministry of Antiquities have been conducting continuous excavations at the Saqqara site, sharing the findings. The research results of the ancient Egyptian workshop site discovered here in 2021 were jointly published by scholars from both sides [4]
- Central Asia Project: Research on Silk Road sites in collaboration with the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan, with a particular breakthrough in the material exchange of Sogdian culture
- Research on the Origin of Collections: Collaborating with museums in Cambodia, Nigeria and other countries to jointly study the origin of related artifacts in their collections and establish transparent archives of collections [5]

And in 2012, the Louvre spent a huge amount of money to expand and reopen its gallery of Islamic Art. This move is widely interpreted as a major cultural project in the post-9/11 era by the French authorities to reconstruct the image of Islamic civilization and promote mutual understanding between the Christian world and the Islamic world through the museum, an elegant cultural venue. It shows that the

Image from the Louvre Museum official website.
Изображение с официального сайта Лувра.

curatorial act of the Louvre itself is a profound dialogue on international political and social issues.

Followed by digitalization and global cultural promotion. first of all Online collection database and Virtual Tours. The Louvre's digitalization project began in 2004, and the Louvre Online Database (Collections.louvre.fr) now contains detailed information on more than 480,000 items. The Louvre's online database contains over 482,000 items and offers high-resolution images for free download to the public [5].

Features of the database include:

1. Multilingual support: Offers interfaces in five languages: French, English, Spanish, Chinese, and Arabic
2. Academic Depth: Each collection entry contains complete bibliographic information, restoration history, exhibition records, and references
3. Open Access: Under the CC0 license, the highest resolution images can be used for educational and research purposes without authorization

Virtual tour systems have accelerated since the pandemic, with the "Immersive Louvre" project launched in 2021 using 360-degree panoramas and VR technology to develop seven themed virtual tour routes. The Napoleon Suite VR Tour, in collaboration with the French National Center for Scientific Research, recreates the historical furnishings and soundscapes of the rooms [7].

Followed by social Media and Digital Education Program. However, in this regard The Louvre's social media matrix covers major global platforms and adopts differentiated strategies for different regions:

- Instagram: Focusing on visual narrative, the "One Work, One Story" series of short videos released in 2023 received over 15 million global views in a single month
- wechat: Developed a mini-program called "Voice of the Louvre" for the Chinese market, offering Mandarin audio guides and localized cultural interpretations

- TikTok: Working with young artists to create short video content that enables dialogue between classical art and pop culture

So in terms of digital education programs, The MOOC project has attracted millions of registered learners from more than 190 countries [8]. A teacher resource platform for primary and secondary school educators, which offers customizable teaching modules and supports downloads in 30 languages, was downloaded 870,000 times in 2022.

It is particularly worth mentioning the "Global Campus Partnership Program" launched in 2023, which has established digital education partnerships with universities in 12 developing countries. Through remote lectures, virtual internships, and digital resource sharing, The Louvre Museum, through its "Global Campus" initiative, has established a network of universities in many countries to promote equitable access to cultural education [9].

And as a formulator of expertise and industry standards, global talent development and standard output: The Louvre Academy, affiliated with the Louvre, is one of the world's most renowned institutions for art history and museology education, and has trained a large number of professionals globally (especially in non-Western countries). Through this educational output, the Louvre actually spreads French art history research methods, cultural relic restoration techniques and museum management concepts in the global museum field, thereby subtly shaping the professional standards of the international museum industry.

So as the most visited museum in the world, the Louvre has long transcended the realm of mere art collection and display. It is not only the sanctuary of France's cultural heritage, but also plays a complex and crucial role in the global cultural map.

In an era of globalization and multiculturalism, one of the core functions of the Louvre is to build a platform for dialogue that transcends the barriers of civilizations. Rather than simply incorporating the "other" culture into the Western perspective of the exhibition framework, it attempts to

Image from Sina Blog "Shan Hai Zhi You".
Изображение из аккаунта Sina Weibo «客山海挚友».

promote deeper understanding and empathy by creating specific cultural Spaces and narrative strategies.

And it referenced the "third space" theory. What does that mean? The concept of the "third space" proposed by cultural theorist Homi Bhabha refers to a hybrid, consultative cultural field where different systems of cultural meaning meet, collide and generate new understandings. The Louvre consciously constructs such a "third space" through its curatorial practice and spatial design.

First of all, its exhibition layout breaks the strict linear narrative of geography and chronology. For example, in the exhibition hall of the Islamic Art Department, artifacts from Spain, the Middle East, and South Asia are placed side by side, highlighting the exchange and mutual influence among cultures (such as the influence of Arab patterns on European medieval art), rather than emphasizing the essential differences. This juxtaposition forces visitors to think about the historical connections and dynamic interactions between cultures, rather than viewing each culture as an isolated "window display".

Secondly, the Louvre actively constructs conversational themes through temporary special exhibition projects. The "Babylon" exhibition, held in 2006, not only showcases Mesopotamian civilization, but also delves deeper into the process by which the concept of "Babylon" has been constantly reshaped and misunderstood in the Judeo-Christian tradition,

Islamic culture and modern popular culture. The exhibition became a venue for reflecting on Orientalist narratives and exploring the political representation of culture. Research suggests that such exhibitions can effectively transform visitors from passive viewers to active negotiators of cultural meaning by offering multiple narrative perspectives.

Furthermore, the Louvre also serves to dispel cultural prejudices and shape shared memories. The Louvre has a potential mission to defuse historical cultural biases, particularly "Western centrism." The global origin of its collection - from ancient Egypt, the Tigris-Euphrates region to Eastern art - is in itself a visual rebuttal to the single narrative of "European civilization supremacy". The museum's continuous recontextualization of its collection history through academic research, labeling, and guided Tours, especially for colonial-acquired artifacts, acknowledging their complex provenance is in itself a process of correcting historical biases.

More importantly, the Louvre is involved in shaping a memory of "the common heritage of mankind". It places the most outstanding creations of different civilizations within the grand context of the pursuit of human art. When visitors see ancient Greek sculptures, ancient Chinese bronzes and Renaissance paintings sharing the status of the same "temple of art", a "universal" memory that transcends nation-states and is based on common aesthetics and creativity is quietly constructed. Sociologists believe that this process of classicalizing multiculturalism contributes to the formation of a "cosmopolitan memory" that provides a cultural and emotional foundation for global citizenship. For example, when dealing with the Maghreb artifact in North Africa, curators not only showcase its Islamic character but also emphasize its integration with the Roman and Byzantine cultures along the Mediterranean coast, shaping it as part of a shared Mediterranean heritage and thus downplaying the binary narrative of "Europe-Islam".

However, this function also faces challenges. Critics point out that the Louvre's display of non-Western art is still inevitably constrained by its European institutional framework, aesthetic standards and historical roots, and the "universal" narrative may mask the inequality of power. The museum is also making adjustments in its ongoing reflection, such as adding the voices of curators from their original cultural backgrounds and holding more collaborative exhibitions to enhance the equality and depth of the dialogue.

However, we cannot deny that the Louvre's function is deeply embedded in the global cultural, political, and economic network. It is both a "third space" dedicated to cross-cultural understanding and dialogue, striving to dissolve prejudices and shape shared memories; and a sophisticated engine of French cultural diplomacy, serving the nation's soft power and strategic interests. These two functions sometimes reinforce each other, enhancing France's image through cultural dialogue; at other times, they exhibit inherent tension, such as the balance between universalist aspirations and national interests. Understanding the Louvre is to understand a paradigm of how cultural institutions operate complexly within the multiple logics of aesthetics, ethics, and politics in the contemporary world.

The evolution and multi-functional practices of the Louvre provide a profound mirror for the global museum community. Both its success and challenges point to the new role and direction that museums should undertake in the 21st century. This chapter aims to summarize the core implications of the Louvre model and propose key research areas for the future to encourage museums to play a greater role in promoting social inclusion, global dialogue and knowledge production.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература/References

1. McClellan, A. 1994. *Inventing the Louvre: Art, politics, and the origins of the modern museum*. – Cambridge University Press. – 65–67 p.
2. Gauvin, J. (2017) / *The Louvre Abu Dhabi: Birth of a Universal Museum*. – Hazan. – 35 p.
3. Musée du Louvre. (2022). *Rapport d'activité et financier 2022 [Activity and financial report 2022]*. – Louvre Press. – P. 96.
4. Antiquities Department of Egypt & Musée du Louvre. (2021). *Saqqara archaeological mission: Joint report 2017-2021*. – P. 147.
5. International Council of Museums (ICOM) Ethics Committee. (2020). *Museum collections and cultural heritage: Ethical guidelines (Rev. ed.)*. – P. 15–25.
6. Musée du Louvre. (n.d.). *Collections*. Retrieved February 10, 2026, – from <https://collections.louvre.fr/en/>
7. Centre National de la Recherche Scientifique (CNRS) & Musée du Louvre. (2021). *Virtual reconstruction of historical spaces: Methodology report [VR project report]*. – P. 534.
8. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization & Musée du Louvre. (2022, October 19). *Art and civilizations MOOC*. UNESCO. Retrieved [2026], – from <https://www.unesco.org/en/mooc-art-civilizations>
9. Musée du Louvre. (2023). *Louvre Global Campus: A network for cultural education*. Retrieved February 10, 2026, – from <https://www.louvre.fr/en/louvre-global-campus>

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Хай Пэйвэнь (Китайская Народная Республика) – магистрант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: haipeiwen73@gmail.com).

Author:

Hai Peiwen (People's Republic of China) – master's student of the Department of Russian History of Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: haipeiwen73@gmail.com).

Для цитирования:

Хай, Пэйвэнь. О роли и функциях музеев в международном культурном обмене и продвижении (на примере Лувра) / Пэйвэнь Хай // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология»*. – 2026. – № 2 (87). – С. 43–49.

For citation:

Hai, Peiwen. On the role and functions of museums in international cultural exchange and promotion (taking the Louvre as an example) / Hai Peiwen // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 43–49.

Дата поступления статьи: 11.02.2026

Прошла рецензирование: 16.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 11.02.2026

Reviewed: 16.03.2026

Accepted: 20.03.2026

Микроистория как метод: сопоставление интернациональных исследовательских традиций

Кононова Е. Е.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
kononowva@mail.ru

Аннотация

Обосновывается актуальность обращения к истории «безымянного человека» как главного участника исторического процесса в условиях глобализационных процессов XXI в. В работе предпринята попытка систематизации основных положений микроисторического подхода, характерных для исследований его представителей. Отмечается особенность данного подхода – отсутствие единого теоретического базиса, ввиду чего все теоретические элементы традиционных для данного направления работ эклектичны. Основными методологическими установками называются: метод «улик», изменение масштаба исследования, идея «нормального исключения» и использование «насыщенного описания». Рассматриваются тенденции и особенности развития ключевых интернациональных микроисторических школ. Делается вывод, что микроистория в настоящее время является одним из традиционных подходов к изучению прошлого.

Ключевые слова:

методология, историография, микроистория, микроанализ, школа «Анналов», «казус», метод «улик», «насыщенное описание»

Глобализационные процессы, охватившие мир в XX–XXI вв., радикально трансформировали структуру социального пространства, способствуя размыванию традиционных государственно-политических, социокультурных и территориальных границ. На фоне этих изменений формируется новая модель человеческой общности – единая социальная система, в которой индивидуальность исторического актора постепенно уступает место коллективной идентичности, способной претендовать на глобальный масштаб.

В этих условиях особенно актуальным становится обращение к «голосам безымянных», к тем, кто, несмотря на отсутствие яркой индивидуализации, продолжает оставаться полноправным участником исторического процесса. Как отмечал американский антрополог К. Гирц, «в мире уже достаточно большого и громкого» [1, с. 29], и потому важно услышать тех, чьи истории зачастую остаются на периферии академического дискурса.

В 1970-е гг. возникает исследовательский подход, который впоследствии трансформируется в самостоятельное

Microhistory as a method: comparison of international research traditions

Kononova E. E.

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
kononowva@mail.ru

Abstract

The relevance of referring to the history of the “nameless man” as the main participant in the historical process in the context of globalization processes of the XXI century is substantiated. The paper attempts to systematize the main provisions of the microhistoric approach, characteristic of the research of its representatives. The peculiarity of this approach is the lack of a single theoretical basis, which is why all the theoretical elements of traditional works in this field are eclectic. The main methodological guidelines are: the “evidence” method, the change in the scale of research, the idea of “normal exclusion” and the use of “rich description”. The trends and features of the development of key international microhistoric schools are considered. It is concluded that microhistory is currently one of the traditional approaches to studying the past.

Keywords:

methodology, historiography, microhistory, microanalysis, Annales school, “casus”, “evidence” method, “rich description”

направление исторических исследований – микроисторию. Стоит отметить, что микроистория никогда не представляла собой единого направления, поскольку в каждой из стран, в которой сформировалось собственное микроисторическое сообщество историков, исследуемый подход развивался со своей спецификой.

Обращение научного сообщества к микроисторическому дискурсу стало реакцией на господство глобальной истории и метанарратива с их обобщающим и формальным характером, а также на унаследованный позитивизм, в связи с чем микроистория, по словам итальянского историка Дж. Леви, есть «не что иное, как одна из гамм возможных реакций, в которых особое внимание уделялось переосмыслению концепций и глубокому анализу существующих инструментов и методов» [2, с. 94]. Выдвинутая французской школой «Анналов» концепция тотальной истории стала считаться слишком элитарной и макроисторичной. К тому же, к рубежу 70–80-х гг. XX в. стал ярко выраженным кризис социальной истории. Как итог достоверность макроисторического подхода к социальным

явлениям оказалась спорной, и «симптомом этого кризиса доверия стало выдвижение микроистории» [3] как единственного возможного экспериментального направления.

Особенностью микроисторического направления является отсутствие единого теоретического базиса. Только в 1992 г. Дж. Леви в статье «On Microhistory» [2] сделал попытку представить общую для работ представителей зарождающегося направления характеристику. Здесь необходимо обратиться к словам французского историка, представителя четвертого поколения школы «Анналов» Ж. Ревеля: «Микроистория – это не комплекс общих идей, не научная школа и тем более не автономная дисциплина... Микроистория неотделима от практики историков, от тех препятствий, с которыми они сталкиваются в ходе своих исследований» [3]. В подтверждение первого пункта высказывания французского историка следует отметить, что исследования основоположников данного направления относились к различным периодам истории, охватывали различные объекты и субъекты изучения, однако при этом в процессе работы с самостоятельно накопленными и собранными материалами у исследователей складывалось общее желание включить в сферу исторического знания уникальные и казусные явления.

Инициатива итальянских историков заключалась в решительном изменении привычных масштаба и ракурса исторических исследований, направленных на фундаментальные для глобальной истории категории и понятия, что позволило обратить внимание на конкретных индивидов, межличностные отношения, роль «маленьких людей» в историческом процессе. В результате итальянская микроисторическая школа расширила поле исторических исследований привлечением новой тематики и одновременно сузила его до изучения микроуровня истории.

Институционализация микроисторической школы связана с комплексом идей и вопросов, который объединил итальянских историков под эгидой журнала «Quaderni storici» («Исторические тетради»), а затем и книжной серии «Microstorie» туринского издательства «Эйнауди». По словам Дж. Леви, в этой серии «обычно речь идет о небольших по объему работах, в центре внимания которых находится частный сюжет» [4, с. 298–299].

Итальянскому историку К. Гинзбургу принадлежит заслуга стать первым «осознанным» микроисториком, что стало возможным благодаря его труду «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке», который считается первым образцом микроисторического подхода к исследованию [5, с. 324]. Итальянский историк Дж. Леви осуществил попытку подхода к социальной истории через реконструкцию реальности с применением социального опыта в исследовании «Нематериальное наследие. Карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века» [6, с. 16].

К середине 1980-х гг. в сообществе итальянских микроисториков определились два направления, первое из которых было представлено Э. Гренди и Дж. Леви, а второе – К. Гинзбургом. Представители первой тенденции стремились превратить историю в социальную науку и осмысливать изучаемые явления в контексте социальной жизни. Явления, исследуемые К. Гинзбургом, в свою оче-

редь, вписывались в культурные контексты. Кроме того, в итальянской микроисторической школе отсутствовало единое мнение относительно взаимодействия масштабов исследования. Представители культурного направления основывались на том, что любой анализируемый объект «состоит из хронологий разной глубины, и по этой причине требует взаимодействия больших и меньших масштабов» [8, с. 19]. В свою очередь, микроисторики социального направления настаивали на применении именно микромасштаба, который предоставляет возможность анализировать явления различного масштаба [там же, с. 19].

С конца 1970-х гг. во французской исторической школе «Анналов» наблюдается эпистемологический кризис, в рамках которого пересматриваются существовавшие ранее подходы и установки к изучению прошлого. Если ранее предметом исторического исследования было общество как совокупность «структур большой длительности», то сейчас общество выступает в качестве продукта взаимодействия участников общественного процесса [9, с. 15]. Одним из классических французских исследований микроисторического дискурса является работа «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» французского историка Э. Ле Руа Ладюри. Чтобы в полной мере понять французские крестьянство и деревню, он призывал «начать с самого простого, рассмотреть "клетку", базовую ячейку, которая, будучи воспроизведена в количестве нескольких десятков экземпляров, и формирует Монтайю» [10, с. 37]. Изучая всесторонне «нижний геологический слой», т. е. повседневную жизнь деревни, Э. Ле Руа Ладюри воплощает одну из методологических установок школы «Анналов» – принцип «тотальной истории».

Необходимо отметить, что микроисторической институционализации во франко- и англоязычной историографии не состоялось, однако данный метод получил свое распространение здесь в качестве нового подхода к пониманию и анализу макроисторических явлений.

Так, микроисторическая методология была использована в начале 1970-х гг. в работах англоязычных историков – Э. Хобсбаума и Э. П. Томпсона, указавших на важность изучения некоторых исключительных событий, которые обладают способностью выявлять скрытые структуры [11, с. 110]. Британский историк Э. Хобсбаум в своем исследовании «Простые бунтовщики. Исследования архаичных форм социальных движений в XIX–XX вв.» [12] подчеркивал необходимость изучать такие «примитивные», или «архаичные», формы социальной агитации, как бандитизм, крестьянские революционные движения, бунты и т. п. Эти социальные явления часто остаются за пределами сферы научного интереса и изучения, так как относятся к миру неграмотных людей. Микроисторический характер методологии носил труд британского историка Э. П. Томпсона «Виги и охотники: происхождение закона о чернокожих» [13]. Исследователь начал с опыта простых лесничих и проследил структуры, которые связывали их с властью [там же, с. 16]. Американско-канадский историк Н. Земон Дэвис в сборнике эссе «Общество и культура в ранней Современной Франции» обратилась к микромасштабному анализу с целью проверки устоявшихся обобщений. Она

исследовала взаимодействие людей, большинство из которых были неграмотными, и культуры посредством набора конкретных примеров, а не систематически [14, с. 15].

Микроисторический дискурс в немецкой историографии проявился в научной концепции «Alltagsgeschichte» («Повседневная история» нем.). Сферой исследовательского интереса микроистории здесь является история повседневности, при этом первое понятие выступает в качестве метода для изучения второго [15]. В середине 1970-х гг. немецкие историки А. Людтке и Х. Медик настаивали на необходимости уделять особое внимание восприятию повседневной жизни самими «рядовыми» людьми, «глазами маленького человека» [16, с. 10–11].

Первой особенностью немецкой микроисторической концепции является то, что толчком к ее созданию стали, прежде всего, ревизия истории нацизма и потребность в ее более глубоком осмыслении, а также «открытый бунт против господствовавшей в 1970-е гг. в Германии историографической традиции» [там же, с. 13]. Вторая особенность «повседневной истории» заключается в ее генезисе в качестве общественного движения, инициированного простыми немецкими гражданами. Крайне болезненной и нуждающейся в полноценном и всестороннем освещении, в том числе в рамках политики коммеморации, темой, особенно для молодого поколения граждан Федеративной Республики Германия, стала жизнь при национал-социализме. Эта идея первоначально была воплощена на любительском уровне; позднее профессиональные историки включили в «любительскую историю повседневности» научную составляющую. В отличие от немецкой «повседневной истории» итальянские историки стремились не столько реконструировать повседневную жизнь непримечательных людей, сколько применять микроизмерение в процессе анализа определенных явлений с целью объяснения макромира [17].

Американский историк Б. С. Грегори называет «Alltagsgeschichte» попыткой интегральной истории, поскольку она выявляет и интегрирует все материальные, социальные, культурные и иные данные в целях наиболее полной реконструкции повседневной жизни населения [18, с. 102]. Также он предлагает ввести различия между «эпизодической» и «систематической» микроисторией. Первая отчетливо прослеживается в работе К. Гинзбурга «Сыр и черви...», которая основана на исследовании определенного незначительного «эпизода» в целях изучения таких аспектов прошлого, как, например, взаимосвязь между элитой и массовой культурой на основании материалов инквизиции, которые не поддаются изучению с помощью традиционных методологических приемов и установок. Систематическая микроистория фигурирует у Б. С. Грегори в качестве нового способа изучения социальной истории в рамках работы Дж. Леви [6]. Американский историк делает вывод о близости «Alltagsgeschichte» с систематической микроисторией, нежели с микроскопической областью исследования [18, с. 102–104].

О корнях возникновения российской ветви микроистории историк-медиевист М. А. Бойцов писал, что будущим последователям данного направления привлек перенос

внимания с традиционных для истории явлений и процессов на рядового человека, противостоящего общепринятым нормам, установкам и культурным клише [19, с. 115]. К тому же, в конце 1980-х гг. резко расширились международные контакты российского исторического сообщества. Прародителем этого направления стал историк-медиевист Ю. Л. Бессмертный, положивший начало институционализации микроистории в России путем основания альманаха «Казус», который просуществовал в 1996–2020 гг. В центре казуального подхода к микроистории находится «казус», частный, индивидуальный, нетипичный случай. То есть его представители смещали фокус на определенное событие, имевшее место в прошлом, в целях его всестороннего изучения и «насыщенного описания». Противопоставляя данный подход историографической традиции изучения больших долговременных процессов и событий и французской истории ментальностей, игнорировавшей индивидуальные и конкретные социальные практики, Ю. Л. Бессмертный с помощью анализа казусов предполагает получение отдельных примеров макроявлений [20, с. 20].

Таким образом, микроисторические веяния западной историографии, пришедшие в Россию, стали широко использоваться и получили название «казуального подхода». Отличительной особенностью российской микроистории стало то, что данное направление здесь стало развиваться по направлению от заимствованных теоретических и практических наработок зарубежных микроисториков к их практическому воплощению в исследованиях. В свою очередь, зарубежная микроистория шла по пути от практических исследований к формированию некоторых теоретических постулатов и концептуальных установок.

С нашей точки зрения, можно выделить ключевые характеристики микроисторического подхода, которые в целом сформировались к концу 1970-х гг. Необходимо напомнить, что «микроистория, как и любая экспериментальная работа, не имеет устоявшейся ортодоксии, на которую можно было бы опираться» [2, с. 94]. Поэтому теоретические элементы каждой из работ микроисторической направленности достаточно эклектичны.

В качестве первой характеристики микроисторический подход предполагает изменение масштаба исследования «для экспериментальных целей». По словам Дж. Леви, «для микроистории уменьшение масштаба является аналитической процедурой, которая может быть применена в любом месте независимо от размеров анализируемого объекта» [2, с. 95]. Однако он указывает, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [21, с. 193]. К тому же, объединяющим принципом всех микроисторических исследований выступает «вера в то, что микроскопическое наблюдение позволит выявить факторы, ранее не наблюдавшиеся» [2, с. 97]. Поэтому исследователи, следующие данному методологическому принципу, в подробностях изучают отдельного человека, деревню, социальную группу, их повседневную жизнь с целью понять путь, стремления и проблемы определенного человека или общества для включения полученного результата в макроисторический контекст, объяснения их взаимодействия и, как итог, по-

лучения полноценной картины анализируемого объекта или явления.

Вторым методологическим признаком рассматриваемого направления выступает введенный К. Гинзбургом метод «улик». Подробнее рассмотреть его уникальный подход позволит его исследование «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» [22]. Здесь необходимо обратиться к «мореллиевскому методу», к которому апеллировал К. Гинзбург. Дж. Морелли, итальянский историк искусства, с целью отличать копии великих картин от подлинников обратил свое внимание на их второстепенные детали, такие как мочки ушей, ногти, форма пальцев и т. п. Вскоре этот метод был дискредитирован из-за механистической и позитивистской направленности [там же, с. 189–190]. Так, подход Дж. Морелли, опорой которого является внимание к деталям, стал одной из частей, сформировавших метод «улик» К. Гинзбурга. Сопоставив далее «мореллиевский» подход с методом Шерлока Холмса, строившего свою работу на незаметных для большинства мелких уликах, с психоанализом З. Фрейда, выдвинувшего на первый план «отбросы», побочные факты, мелкие, незначительные подробности как проявления скрытой истины, К. Гинзбург приходит к объяснению тройной аналогии: «Фрейд был медиком; Морелли окончил медицинский факультет; Конан Дойль работал врачом, пока не посвятил себя окончательно литературе. Во всех трех случаях явственно просматривается модель медицинской семиотики – дисциплины, которая позволяет, опираясь на поверхностные симптомы, <...> диагностировать болезни, недоступные для прямого наблюдения» [там же, с. 196–197]. Так, ядром уликовой, или семиотической, парадигмы К. Гинзбург называет следующую идею: «Даже если реальность и непрозрачна, существуют привилегированные участки – приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [там же, с. 224–225].

Идея «нормального исключения» выступает как третий методологический признак микроисторического подхода. Данная концепция подчеркивает важность концентрации внимания исследователя на отдельных объектах, «выделяющихся из толпы», и обоснования их значимости в истории [23, с. 149]. Э. Гренди говорил о необходимости сосредоточить внимание на «исключительно нормальном», т. е. на необычных документах, которые в случае применения микроисторического подхода могли бы пролить свет на общие тенденции [17]. Феномен Меноккио, который, с одной стороны, является обычным мельником, а с другой – философом-примитивистом, что не характерно для социального слоя, к которому он принадлежит, представляет собой пример «нормального исключения» [24, с. 10].

Тесно связывает микроисторические исследования и антропологию «насыщенное описание» американского антрополога К. Гирца, которое позволяет успешно использовать микроскопический анализ незначительных явлений или событий в качестве средства для получения более глубоких и общих выводов. Этнографическое описание, по его мнению, имеет четыре особенности: интерпретативность; интерпретация социального дискурса; «интерпретация состоит в попытке спасти "сказанное" в этом дискурсе от исчезновения и зафиксировать его в доступной

для дальнейших исследований форме»; микроскопичность [1, с. 29]. Антропологи через детализированное исследование мелких явлений выходят к более широким интерпретациям «больших явлений», равно как и микроисторики.

Венгерский микроисторик И. Сиярто в качестве аргументов в пользу микроориентированной истории подчеркивал ее привлекательность для широкой публики, реалистичность и внимание к личному опыту людей. Однако будучи в первую очередь историческим исследованием, «занимательное микроисторическое повествование» отличается наличием в своем фундаменте действительно имевших место маленьких исторических фактов. Именно это придает ему реальный характер и приближает читателя к миру «маленьких людей», их повседневной жизни, т. е., по словам И. Сиярто, «дает более реальную историю», чего не может сделать историческое исследование [25, с. 210–211].

Работая с «микроскопом», историк концентрируется на определенных «казусах», событиях, людях с целью более глубоко погружения в предмет исторической науки, а также дать ответы на великие исторические вопросы. Взаимодействие мелких фактов и больших событий, таким образом, придает диалогический характер микроисторическим исследованиям. В результате получается совершенно другая картина прошлого, в том числе его повседневная сторона со всеми трагедиями, трудностями, с которыми столкнулись «рядовые» люди. Поэтому исследования подобного характера можно называть «историей снизу».

Следует сделать вывод, что на сегодняшний день положение микроисторического подхода к изучению истории в современном научном пространстве коренным образом изменилось. Если с момента его зарождения, примерно с 1970-х гг., наблюдалась вариативность его применения различными историческими школами, редко институционализированными, то теперь микроисторию можно с уверенностью назвать одним из способов и подходов к изучению прошлого. На приверженности этому дискурсу авторами исследований зачастую уже не делается акцент и не обосновывается необходимость его использования, что свидетельствует о высокой степени его интеграции в общепринятую методологическую науку и научную базу.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОС-СПЭН, 2004. – 560 с.
2. Levi, G. On Microhistory / G. Levi // *New Perspective on Historical Writing*. – University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 1992. – P. 93–113.
3. Ревель, Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж. Ревель // *Одиссей*. – 1996. – С. 111–112.
4. Гренди, Э. Еще раз о микроистории / Э. Гренди // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. – 1996. – Вып. 1. – С. 291–302.

5. Гинзбург, К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / К. Гинзбург // Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 287–320.
6. Levi, G. Inheriting power. The story of an exorcist / G. Levi. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. – 209 p.
7. Kracauer, S. History, the last things before the last / S. Kracauer. – New York: Oxford University Press, 1969. – 269 p.
8. Cerutti, S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / S. Cerutti // Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action, and nation-building. – Helsinki: SKS / Finnish Literature Society, 2004. – P. 17–40.
9. Бессмертный, Ю. Л. Что за «Казус»?.. / Ю. Л. Бессмертный // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1996. – Вып. 1. – С. 7–24.
10. Ле Руа Ладюри, Э. Монтаю, окситанская деревня (1294–1324) / Э. Ле Руа Ладюри; пер. с фр.: В. А. Бабинцева, Я. Ю. Старцева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 541 с.
11. Peltonen, M. What is micro in microhistory? / M. Peltonen // Theoretical discussions of biography. Approaches from history, microhistory, and life writing. – Leiden/Boston, 2014. – P. 105–118.
12. Hobsbawm, E. J. Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries / E. J. Hobsbawm. – New York: FREDERICK A. PRAEGER, 1959. – 208 p.
13. Thompson, E. P. Whigs and Hunters: the origin of the black act / E. P. Thompson. – London: Penguin Books, 1977. – 328 p.
14. Zemon Davis, N. Society and culture in early modern France / N. Zemon Davis. – Stanford, California: Stanford University Press, 1975. – 362 p.
15. Оболенская, С. В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» / С. В. Оболенская // Одиссей. – 1996. – С. 129–130.
16. Людтке, А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке; пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона [и др.]. – М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. – 271 с.
17. Trivellato, F. Is there a future for Italian microhistory in the age of global history? / F. Trivellato // California Italian Studies. – 2011. – Vol. 2. – № 1.
18. Gregory, B. S. Is small beautiful? Microhistory and the history of everyday life / B. S. Gregory // The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – P. 100–110.
19. Бойцов, М. А. Притихшая микроистория / М. А. Бойцов // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 160. – С. 113–121.
20. Акельев, Е. В. И снова «Казус»? / Е. В. Акельев, М. Б. Велижев // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – С. 18–27.
21. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – № 4. – С. 193–202.
22. Гинзбург, К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни / К. Гинзбург // Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 189–241.
23. Magnusson, S. G. What is Microhistory? Theory and Practice / S. G. Magnusson. – URL: https://www.academia.edu/5205155/What_is_Microhistory_Theory_and_Practice_2013_ (date of access: 15.07.2025).
24. Кошелева, О. Е. «Микроистория»: несколько слов к читателю новой книжной серии / О. Е. Кошелева // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – С. 7–17.
25. Szijártó, I. Four arguments for microhistory / I. Szijártó // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. – 2002. – Vol. 6. – № 2. – P. 209–215.

References

1. Geertz, C. Interpretaciya kul'tur [The Interpretation of Cultures] / C. Geertz. – Moscow: ROSSPEN, 2004. – 580 p.
2. Levi, G. On Microhistory / G. Levi // New Perspective on Historical Writing. – University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 1992. – P. 93–113.
3. Revel, J. Mikroistoricheskiy analiz i konstruirovaniye sotsialnogo [Microhistorical analysis and the construction of the social] / J. Revel // Odissey [Odysseus]. – 1996. – P. 111–112.
4. Grendi, E. Eshche raz o mikroistorii [Once again about microhistory] / E. Grendi // Kazus. Individualnoe i unikalnoe v istorii [Casus. Individual and unique in history]. – 1996. – P. 291–302.
5. Ginzburg, K. Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nej znayu [Microhistory: two or three things that I know about it] / C. Ginzburg // Mify-ehmblemy-primety: Morfologiya i istoriya [Myths, emblems, clues: Morphology and history]. – Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004. – P. 287–320.
6. Levi, G. Inheriting power. The story of an exorcist / G. Levi. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. – 209 p.
7. Kracauer, S. History, the last things before the last / S. Kracauer. – New York: Oxford University Press, 1969. – 269 p.
8. Cerutti, S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / S. Cerutti // Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action, and nation-building. – Helsinki: SKS / Finnish Literature Society, 2004. – P. 17–40.
9. Bessmertny, Yu. L. Chto za "Kazus"?.. [What kind of "casus?"] / Yu. L. Bessmertny // Kazus. Individualnoe i unikalnoe v istorii [Casus. Individual and unique in history]. – 1996. – Issue 1. – P. 7–24.
10. Le Roy Ladurie, E. Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324) [Montaillou, an Occitan Village (1294–1324)] / E. Le Roy Ladurie. – Ekaterinburg: Ural University Publ. House, 2001. – 541 p.
11. Peltonen, M. What is micro in microhistory? / M. Peltonen // Theoretical discussions of biography. Approaches from

- history, microhistory, and life writing. – Leiden/Boston, 2014. – P. 105–118.
12. Hobsbawm, E. J. Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries / E. J. Hobsbawm. – New York: FREDERICK A. PRAEGER, 1959. – 208 p.
 13. Thompson, E. P. Whigs and Hunters: the origin of the black act / E. P. Thompson. – London: Penguin Books, 1977. – 328 p.
 14. Zemon Davis, N. Society and culture in early modern France / N. Zemon Davis. – Stanford, California: Stanford University Press, 1975. – 362 p.
 15. Obolenskaya, S. V. Nekto Jozef Shefer, soldat gitlerovskogo vermakhta. Indi-vidual'naya biografiya kak opyt issledovaniya "istorii povsednevnosti" [A certain Josef Schaefer, a soldier of the Nazi Wehrmacht. Individual biography as an experience of researching the «history of everyday life»] / S. V. Obolenskaya // Odissey [Odysseus]. – 1996. – P. 129–130.
 16. Ludtke, A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: Noveye podkhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti [Everyday History in Germany. New Approaches to the Study of Labor, War and Power] / A. Ludtke. – Moscow: ROSSPEN; German Historical Institute in Moscow, 2010. – 271 p.
 17. Trivellato, F. Is there a future for Italian microhistory in the age of global history? / F. Trivellato // California Italian Studies. – 2011. – Vol. 2. – № 1.
 18. Gregory, B. S. Is small beautiful? Microhistory and the history of everyday life / B. S. Gregory // The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – P. 100–110.
 19. Boitsov, M. A. Pritihshaya mikroistoriya [Silent microhistory] / M. A. Boitsov // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. – 2019. – № 160. – P. 113–121.
 20. Akelyev, E. V. I snova "Kazus"? [And again "Casus"?] / E. V. Akelyev, M. B. Velizhev // Individualnoe i unikalnoe v istorii. Antologiya [Individual and unique in history. Anthology]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2022. – P. 18–27.
 21. Medick, H. Mikroistoriya [Microhistory] / H. Medick // THE-SIS. Theory and history of economic and social institutions and systems. – 1994. – № 4. – P. 193–202.
 22. Ginzburg, K. Primety. Ulikovaya paradigma i ee korni [Clues: Roots of an Evidential Paradigm] / K. Ginzburg // Mify-ehmblemy-primety. Morfologiya i istoriya [Myths, emblems, clues: Morphology and history]. – Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004. – P. 189–241.
 23. Magnusson, S. G. What is Microhistory? Theory and Practice / S. G. Magnusson. – URL: https://www.academia.edu/5205155/What_is_Microhistory_Theory_and_Practice_2013_ (accessed: 15.07.2025).
 24. Kosheleva, O. E. "Mikroistoriya": neskol'ko slov k chitate-lyu novoj knizhnoj serii ["Microhistory": A Few Words to the Reader of the New Book Series] / O. E. Kosheleva // Individualnoe i unikalnoe v istorii. Antologiya [Individual and unique in history. Anthology]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2022. – P. 7–17.
 25. Szijártó, I. Four arguments for microhistory / I. Szijártó // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. – 2002. – Vol. 6. – № 2. – P. 209–215.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Кононова Елизавета Евгеньевна – магистрант Белорусского государственного университета (220036, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, д. 6; e-mail: kononowva@mail.ru).

Author:

Elizaveta E. Kononova – Master's student of Belarusian State University (6, Krasnoarmeiskaya st., Minsk 220036, Republic of Belarus; e-mail: kononowva@mail.ru).

Для цитирования:

Кононова, Е. Е. Микроистория как метод: сопоставление интернациональных исследовательских традиций / Е. Е. Кононова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 50-56.

For citation:

Kononova, E. E. Microhistory as a method: comparison of international research traditions / E. E. Kononova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 50-56.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Прошла рецензирование: 14.02.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 05.02.2026

Reviewed: 14.02.2026

Accepted: 20.02.2026

Этнические регионы России в эпоху первых пятилеток: контексты и интерпретации в современной российской историографии

Петаченко Г. А.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Республика Беларусь, г. Минск
petakoff@yandex.ru

Аннотация

В статье осуществляется анализ ключевых направлений, концептуальных подходов и дискуссий в современной российской историографии, исследующей положение этнических регионов РСФСР в период первых советских пятилеток (1928–1941). На основе систематизации современных исследований, опубликованных с начала 2000-х гг., выявляется динамика изменения подходов к данной проблеме, отход от упрощенных оценочных парадигм советского времени («прогрессивная модернизация») и раннего постсоветского периода («внутренний колониализм») к изучению сложного взаимодействия центра и периферии. В центре внимания находятся направления исследования, посвященные трансформации советского национально-государственного строительства, социально-экономическим изменениям (индустриализация, коллективизация), культурные процессы. Особое внимание уделяется региональным историографическим направлениям, микроисторическим подходам. Автор отмечает, что современная российская историография характеризуется стремлением к преодолению идеологических парадигм прошлого к комплексному анализу механизмов власти, адаптивных стратегий местных сообществ в условиях революционного преобразования общества.

Ключевые слова:

этнические регионы, РСФСР, первые пятилетки, индустриализация, коллективизация, коренизация, советское национальное строительство, современная российская историография, региональная история, модернизация, социальная история

В период первых пятилеток в СССР произошли революционные переустройства экономики и социокультурные изменения в обществе. Данный процесс, инициированный центральной властью, радикально трансформировал жизнь многочисленных этнических регионов, входивших в состав РСФСР: республик и областей Поволжья, Урала, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока.

Историческое осмысление этого периода прошло сложную эволюцию. Для советской историографии он представлялся как период преодоления вековой отстало-

Ethnic regions of Russia in the era of the first five-year plans: contexts and interpretations in modern Russian historiography

Petachenko G. A.

Plekhanov Russian University of Economics,
Republic of Belarus, Minsk
petakoff@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes key trends, conceptual approaches, and discussions in contemporary Russian historiography studying the situation of ethnic regions of the RSFSR during the first Soviet five-year plans (1928–1941). By systematizing contemporary research published since the early 2000s, the paper reveals the dynamics of changing approaches to this problem, moving away from simplified evaluative paradigms of the Soviet era (“progressive modernization”) and the early post-Soviet period (“internal colonialism”) to studying the complex interaction between the center and the periphery. The focus is on research areas related to the transformation of Soviet national state building, socio-economic changes (industrialization, collectivization), and cultural processes. Special attention is paid to regional historiographic trends and microhistorical approaches. The paper notes that contemporary Russian historiography is characterized by a desire to overcome the ideological paradigms of the past and to comprehensively analyze the mechanisms of power and the adaptive strategies of local communities in the context of the revolutionary transformation of society.

Keywords:

ethnic regions, RSFSR, first five-year plans, industrialization, collectivization, indigenization, Soviet national building, contemporary Russian historiography, regional history, modernization, social history

сти национальных окраин, а для ранней постсоветской – часто как время насильственной колонизации и культурной гомогенизации. Современный этап (условно с конца 1990-х – начала 2000-х гг.) характеризуется значительным усложнением исследовательских подходов. Доступ к ранее закрытым архивным фондам (Центральный архив ФСБ, Государственный архив Российской Федерации, региональные архивы), методологический плюрализм и ослабление прямого идеологического давления сформировали новое пространство для научного поиска.

Цель данной статьи – провести системный обзор и анализ основных тенденций, достижений и проблем в современной российской историографии, посвященной судьбам этнических регионов в составе РСФСР (автономные республики, области, национальные округа) в период первых советских пятилеток. Акцент делается на исследованиях, которые стремятся не к моральной оценке, а к реконструкции логики исторических процессов, выявлению многовекторности и противоречивости последствий модернизации. В статье рассматриваются следующие ключевые аспекты: 1) эволюция теоретико-методологических подходов; 2) исследования в области национальной политики и управления; 3) социально-экономическая и демографическая история; 4) культурные трансформации и антропология повседневности.

Эволюция теоретико-методологических подходов прошла сложный путь от «имперской» парадигмы к анализу взаимодействий и практик. На рубеже 1990–2000-х гг. в российской исторической науке доминировало восприятие СССР через призму «имперскости», интерпретировавшей политику 1930-х гг. как откат от либеральной «коренизации» к имперской унификации и русификации. Однако в последующие два десятилетия эта схема была существенно пересмотрена и усложнена. В коллективном исследовании Т. Ю. Красовицкой, Д. А. Аманжоловой, Е. Ф. Кринко, О. В. Романько [1] указывается ограниченность жесткого противопоставления «империя» – «нация-государство» применительно к сталинскому периоду. Акцентируется внимание, что СССР представлял собой уникальный гибридный проект, сочетавший унификационные, централизаторские импульсы с продолжением политики институционализации этничности в строго очерченных рамках. В частности, отмечается: «...в СССР проводилась антиколониальная политика в отношении этнокультурного наследия, включение их ресурсов и инструментов в работу культурных институций как “представителей титульной нации”. Культурные практики модернизировали национальную идентичность, используя все ресурсы культуры, хотя, конечно, формирование ее советской ипостаси “освящалось” идеализированной репрезентацией» [там же, с. 6].

В современной российской историографии постепенно происходит изменение восприятия концепта «модернизация», который перестает быть оценочным и становится аналитическим инструментом для изучения конкретных механизмов трансформации общества, экономики, инфраструктуры.

Важным методологическим поворотом стал отказ от взгляда «сверху» и переход к изучению взаимодействия центра и периферии. Исследования И. Р. Такалы [2], Ю. А. Слѣзкина [3], А. Б. Юнусовой [4] показывают, что регионы не были пассивными объектами. Местные партийно-хозяйственные элиты, интеллигенция, рядовые граждане обладали определенными, хотя и крайне ограниченными возможностями: они адаптировали, искажали, договаривались и иногда саботировали общесоюзные директивы. Это привело к расцвету микроистории, истории повседневности и социальной антропологии, которые по-

зволили увидеть, как глобальные процессы переживались на уровне конкретного завода, колхоза, семьи.

Кроме того, активно развивается институциональная история (анализ деятельности наркоматов, ведомств, местных советов), история понятий (как термины «нация», «социализм», «традиция» наполнялись смыслом в разных контекстах) и визуальная история (изучение плакатов, кино, фотографий как инструментов пропаганды и отражения реалий).

Центральной темой остается эволюция национальной политики в области национального строительства и создание системы управления. Современная российская историография отошла от тезиса о тотальном и одномоментном свертывании «коренизации» после 1932–1933 гг. На материалах Татарстана (Д. М. Исхаков [5], И. Р. Тагиров [6]), Башкортостана (А. Б. Юнусова [4]), Якутии (С. И. Боякова [7]), Северного Кавказа (Х. М. Доного [8], Ю. Ю. Карпов [9], Т. П. Хлынина [10]) показано, что этот процесс был постепенным, противоречивым и неравномерным.

С одной стороны, признаются ужесточение идеологического контроля, разгром национальных интеллектуальных элит по обвинению в «буржуазном национализме», усиление централизованного планирования. С другой – подчеркивается, что задача создания лояльной и эффективной национальной по форме управленческой и культурной бюрократии оставалась актуальной. Исследования демонстрируют непрерывность процесса «индигенизации» аппарата, школ, культурных учреждений, но теперь в рамках жесткой иерархии и под пристальным надзором НКВД. Таким образом, «коренизация» не исчезла, а трансформировалась из политики поддержки этнического развития в технологию управляемой этнизации советских институтов.

Пиком этого давления стал Большой террор 1937–1938 гг. Современные российские историки (В. Н. Хаустов [11] и многочисленные авторы региональных «Книг памяти») на основе архивов ФСБ детально реконструируют ход репрессий в национальных регионах. Выявляется их специфика: проведение так называемых «национальных операций» НКВД (против поляков, немцев, латышей и др.), а также целенаправленные удары по партийно-хозяйственному активу автономий, обвиняемому в «национализме». По мнению И. В. Такалы, национальные операции Большого террора следует рассматривать в общем контексте массовых репрессий как одного из важных элементов этой политики. Региональные различия при проведении национальных операций были достаточно велики – в приграничных регионах по очевидным причинам они оказались жестче, чем во внутренних районах страны. И потому эффект от них оказался сильнее. В Карелии, где физически были уничтожены тысячи финнов, причем мужчины из числа перебежчиков и политэмигрантов едва ли не поголовно, запугать уцелевших в этой бойне удалось настолько, что они замолчали на 50 лет [2, с. 178].

Террор предстает как финальный этап унификации политического пространства, ликвидация остатков автономии и создание абсолютно послушной, управляемой из центра национальной номенклатуры.

Социально-экономические трансформации конца 1920-х – начала 1930-х гг. (индустриализация и коллективизация) оставили глубокий след в этнокультурном измерении. Экономическая история первых пятилеток перестала быть историей только экономических показателей. В современной историографии исследуются влияния макроэкономических процессов на демографию, расселение, социальную структуру и повседневную жизнь народов.

Индустриализация рассматривается как фактор этнодемографических сдвигов. Строительство гигантских предприятий (Магнитогорский комбинат, Уралмашзавод, предприятия ВПК в Поволжье) вызвало мощные миграционные потоки. В своих исследованиях М. Г. Меерович [9], Е. В. Кобышев, Д. С. Хмельницкий [12], М. С. Ильченко [13] анализируют, как приток населения разных союзных республик в города и рабочие поселки национальных республик менял этнический ландшафт, создавая напряженность в сфере занятости, жилья, бытового обслуживания. Это вело к маргинализации части титульного населения, которое медленнее включалось в индустриальную экономику. В то же время другие исследования (по Карелии, отчасти Татарстану) показывают, как создавалась новая индустриальная идентичность, в которой производственная солидарность и статус рабочего могли временно отодвигать этнические различия на второй план.

Тема коллективизации – одно из наиболее развитых направлений в современной историографии. На смену общим цифрам пришли глубокие региональные и локальные исследования, основанные на документах местных архивов, включая архивы НКВД. Трагедия кочевых и полукочевых народов (казахи в пределах РСФСР, народы Севера, Сибири, горцы Кавказа) показана не просто как экономическая реформа, а как тотальное наступление на весь уклад жизни. Исследования А. В. Головнёва [14], С. И. Бояковой [7], Ю. А. Слѣзкина [3] детально описывают механизмы насильственной оседлости, ликвидации традиционных форм самоуправления, конфискации скота, что привело к голоду, депопуляции и культурному шоку. Коллективизация здесь предстает как инструмент окончательного подчинения «неудобных», мобильных сообществ государственному контролю, что, по мнению исследователей, повлекло за собой катастрофу традиционных аграрных и промысловых обществ.

Отдельным сюжетом является спецпереселение и трудовая мобилизация. Исследования о раскулачивании и депортации в национальные регионы (например, в Коми АССР, на Урал) раскрывают еще один аспект взаимодействия: принудительное соседство депортированных народов, спецпереселенцев (украинцев, беларусов, немцев, представителей прибалтийских народов и др.) с местным населением, формирование сложной социальной ткани в местах ссылки.

Современные исследователи рассматривают культурную политику 1930-х гг. как поле напряженного диалога и принудительного консенсуса. В исследованиях Т. Ю. Красовицкой [15], Д. А. Аманжоловой [1], М. Н. Балдано [16], А. Б. Юнусовой [4] разрабатываются основные историографические направления, посвященные анализу того,

как в условиях ужесточения цензуры и курса на «культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию» происходило взаимодействие центральных и местных культурных институтов.

Исследователи отмечают особую важность процесса перехода на кириллицу для большинства письменных языков (после латинизации). Сам переход рассматривается не только как политический акт, но и как сложный лингвистический и педагогический процесс, вызвавший дискуссии среди исследователей. Создание системы национальных школ, театров, издательств, развитие литературы на национальных языках в канонах соцреализма рассматривается как парадоксальный результат: с одной стороны, это была унификация и идеологизация, с другой – институционализация и модернизация самих языков, создание нового корпуса текстов.

Важнейшее историографическое направление в контексте исследования культуры этнических регионов России – религиозный вопрос (ислам в Поволжье и на Кавказе, буддизм в Калмыкии, шаманизм в Сибири), анализируется в контексте не просто «борьбы с пережитками», а как часть более широкого проекта по созданию новой, светской советской идентичности. Исследования показывают разнообразие стратегий сопротивления и адаптации верующих, от ухода в подполье до попыток приспособить религиозные практики к новым условиям.

Современная российская историография периода первых пятилеток в изучении этнических регионов РСФСР прошла значительный путь от деконструкции советских мифов к сложному, многомерному синтезу. Постепенно происходили процесс децентрирования взгляда и перенос внимания со столицы СССР и других крупных городов на периферию, изучение регионов не как объектов, а как активных участников исторического процесса, обладавших своей логикой развития, элитами и ресурсами для маневра.

Отказ от единой господствующей парадигмы в пользу сочетания различных подходов: от анализа институтов и дискурсов до микроистории и антропологии. Преодолеваются упрощенные оценочные суждения. Период первых пятилеток в национальных регионах предстает не как история однозначного «прогресса» или «трагедии», а как процесс глубоко противоречивого становления новой социальной реальности – советской модерности, в которой элементы принудительной унификации, экономического рывка, культурной трансформации и этнической мобилизации были неразрывно и трагически переплетены.

Смещение акцента к повседневным практикам, стратегиям выживания, адаптации и сопротивления простых людей, к формированию новых идентичностей на пересечении этнического, социального и советского. Введение в научный оборот материалов региональных архивов позволило создать детальную, дифференцированную картину, выявив разнообразие опытов разных народов и территорий.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Новые ориентиры и повороты неокOLONиального дискурса: национальный вопрос в СССР (1917–1945 гг.) / Д. А. Аманжолова, Т. Ю. Красовицкая, Е. Ф. Кринко, О. В. Романько; отв. ред.: Д. А. Аманжолова, Т. Ю. Красовицкая. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2024. – 494 с.
2. Такала, И. Р. Большой террор в Карелии / И. Р. Такала // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. – Вып. 3. – С. 143–207.
3. Слёзкин, Ю. А. Арктические зеркала Россия и малые народы Севера / Ю. А. Слёзкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 509 с.
4. Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане / А. Б. Юнусова. – М.: Логос, 2007. – 91 с.
5. Исхаков, Д. М. Историческая демография татар / Д. М. Исхаков. – Казань: Изд-во «Фэн», 2014. – 440 с.
6. Тагиров, И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана / И. Р. Тагиров. – Казань: Татарское книжное издательство, 2008. – 455 с.
7. Боякова, С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии: XIX – 30-е годы XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ин-т гуманитар. исслед. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) / С. И. Боякова. – Якутск, 2004. – 47 с.
8. Доного, Х. М. С мечтой о Кавказе / Х. М. Доного. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2020. – 351 с.
9. Карпов, Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 1920–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. – 400 с.
10. Хлынина, Т. П. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко, А. Т. Урушадзе. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с.
11. Хаустов, В. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. – М.: РОССПЭН, 2016. – 432 с.
12. Меерович, М. Г. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.) / М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. С. Хмельницкий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 270 с.
13. Ильченко, М. С. Незавершенный проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов / М. С. Ильченко // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 2. – С. 56–74.
14. Головнёв, А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. – 496 с.
15. Красовицкая, Т. Ю. Культурная сложность Советской России. Идеология и практики управления 1917–1941 гг. / Т. Ю. Красовицкая, Д. А. Аманжолова. – М.: Новый хронограф, 2020. – 383 с.
16. Балдано, М. Н. «Национальная по форме, социалистическая по содержанию»: бурятская нация в советском идеологическом дискурсе / М. Н. Балдано, П. К. Варнаровский // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 412. – С. 40–49.

References

1. Novye orientiry i povoroty neokolonialnogo diskursa: nacionalny vopros v SSSR (1917–1945 gg.) [New landmarks and turns of the neocolonial discourse: the national question in the USSR (1917–1945)] / D. A. Amanzholova, T. Yu. Krasovitskaya, E. F. Krinko, O. V. Romanko; Eds. D. A. Amanzholova, T. Yu. Krasovitskaya – Moscow: Institute of Russian History, RAS, 2024. – 494 p.
2. Takala, I. R. Bolshoi terror v Karelii [The Great Terror in Karelia] / I. R. Takala // Almanac of Northern European and Baltic Studies. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2018. – Issue 3. – P. 143–207.
3. Slyozkin, Yu. A. Arkticheskie zerkala Rossiya i malye narody Severa [Arctic mirrors of Russia and the minorities of the North] / Yu. A. Slyozkin. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2017. – 509 p.
4. Yunusova, A. B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan] / A. B. Yunusova. – Moscow: Logos Publ., 2007 – 91 p.
5. Iskhakov, D. M. Istoricheskaya demografiya tatar [Historical demography of the Tatars] / D. M. Iskhakov. – Kazan: "Fan" Publ. House, 2014. – 440 p.
6. Tagirov, I. R. Istoriya nacionalnoj gosudarstvennosti tatarskogo naroda i Tatarstana [The history of the national statehood of the Tatar people and Tatarstan] / I. R. Tagirov. – Kazan: Tatar Book Publ. House, 2008. – 455 p.
7. Boyakova, S. I. Osvoenie Arktiki i narody` Severo-Vostoka Azii: XIX – 30-e gody` XX vv. [Arctic exploration and the peoples of Northeast Asia: the XIX – the 1930s of the XX century]: abstract of diss... Dr. Sci. (History): 07.00.02 / Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) / S. I. Boyakova. – Yakutsk, 2004. – 47 p.
8. Donogo, Kh. M. S mechtoyu o Kavkaze [With a dream of the Caucasus] / Kh. M. Donogo. – Makhachkala: Dagestan Book Publ. House, 2020. – 351 p.
9. Karpov, Yu. Yu. Nacionalnaya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoj periferii v 1920 – 30-e gg. XX v.: evolyuciya problem i reshenij [The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 1920s – 1930s of the XX century: the evolution of problems and solutions] / Yu. Yu. Karpov. – St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie [Petersburg Oriental Studies], 2017. – 400 p.
10. Khlynina, T. P. Rossijskij Severnyj Kavkaz: istoricheskij opyt upravleniya i formirovaniya granic regiona [The Russian North Caucasus: historical experience of managing and shaping the borders of the region] / T. P. Khlynina, E. F. Krinko, A. T. Urushadze. – Rostov-on-Don: Southern Sci. Centre, RAS, Publ., 2012. – 272 p.

11. Khaustov, V. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. [Stalin, NKVD and the repressions of 1936–1938] / V. Khaustov, L. Samuelson. – Moscow: ROSSPEN, 2016. – 432 p.
12. Meerovich, M. G. Kladbishhe sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.) [Cemetery of socialist towns: Urban planning policy in the USSR (1928–1932)] / M. G. Meerovich, E. V. Konyshova, D. S. Khmel'nitsky. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. – 270 p.
13. Ilchenko, M. S. Nezavershennyi proekt kak forma vospriyatiya sovetskogo gradostroitel'stva 1920–1930-h gg.: opyt socialisticheskikh gorodov [An unfinished project as a form of perception of Soviet urban planning in the 1920s and 1930s: the experience of socialist towns] / M. S. Ilchenko // Siberian historical research. – 2017. – № 2. – P. 56–74.
14. Golovnyov, A. V. Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii) [Anthropology of movement (Antiquities of Northern Eurasia)] / A. V. Golovnyov. – Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, Volot, 2009. – 496 p.
15. Krasovitskaya, T. Yu. Kulturnaya slozhnost Sovetskoy Rossii. Ideologiya i praktiki upravleniya 1917–1941 gg. [The cultural complexity of Soviet Russia. Ideology and management practices of 1917–1941] / T. Yu. Krasovitskaya, D. A. Amanzholova. – Moscow: New chronograph, 2020. – 383 p.
16. Baldano, M. N. Nacionalnaya po forme, socialisticheskaya po sodержaniyu: buryatskaya naciya v sovetskom ideologicheskom diskurse [“National in form, socialist in content”: the Buryat nation in Soviet ideological discourse] / M. N. Baldano, P. K. Varnavsky // Bull. of Tomsk State Univ. – 2016. – № 412. – P. 40–49.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Петаченко Григорий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий и социально-гуманитарных дисциплин Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; ORCID: 0009-0005-4343-1788, SPIN-код: 5689-9338 (220070, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, д. 40; e-mail: petakoff@yandex.ru).

Author:

Grigory A. Petachernko – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Information Technologies and Social and Humanitarian Disciplines of Plekhanov Russian University of Economics; ORCID: 0009-0005-4343-1788, SPIN-code: 5689-9338 (40, Radialnaya st., Minsk 220070, Republic of Belarus; e-mail: petakoff@yandex.ru).

Для цитирования:

Петаченко, Г. А. Этнические регионы России в эпоху первых пятилеток: контексты и интерпретации в современной российской историографии / Г. А. Петаченко // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 57–62.

For citation:

Petachenko, G. A. Ethnic regions of Russia in the era of the first five-year plans: contexts and interpretations in modern Russian historiography / G. A. Petachenko // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 57-62.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Прошла рецензирование: 16.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 05.02.2026

Reviewed: 16.03.2026

Accepted: 20.03.2026

Статьи

УДК 903-05

DOI 10.19110/1994-5655-2026-2-63-74

Технология кузнечных изделий Кокпомьягского могильника

Смертин А. Р.^{***}, Савельева Э. А.^{***}

*Институт гуманитарных исследований УрО РАН,
г. Пермь

** Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь

*** ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

arsmertin@mail.ru

eleonorasav@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена металлографическому исследованию технологии производства железных предметов Кокпомьягского могильника, относящегося к позднему этапу вымской культуры перми вычегодской, датируемому второй половиной XII–XIV в. Всего изучено 50 изделий нескольких категорий: топоры, наструги, стамеска, шилья, наконечники стрел, кресала, дужка котла, костюмное кольцо, пряжки, поясная накладка, ножи. Для их производства кузнецам было доступно разное сырье: простое и фосфористое железо, сырцовая и цементованная сталь. На изделиях зафиксированы практически все известные в Европе технологические схемы по сочетанию разносортного металла (целиком из железа или стали, цементация, трехслойный пакет, варка, наварка). По наиболее многочисленным клинковым инструментам установлено, что они значительно отличаются от аналогичных изделий других вымских могильников. Наиболее популярная ранее технология трёхслойного пакета на кокпомьягских ножах невыразительна (27,77 %), заменяется более простыми схемами – целиком из стали (33,33 %). Сварные технологии в виде варки зарегистрированы немногочисленной группой (16,66 %), а древнерусская технология наварки встречается лишь на одном топоре. На других памятниках вымской культуры схема трехслойного пакета преобладает (45,1 %), но вместе с этим известны схемы варки (16,66 %). Монолитные клинки целиком из стали (18,62 %) и железа (6,86 %) малочисленны, небольшой группой представлены также ножи с наваренным стальным лезвием (7,84 %). Преобладание монолитных технологических схем на клинках Кокпомьягского могильника является упрощением производства, ориентацией его на массовый выпуск продукции, что, наиболее вероятно, объясняется хронологической позицией Кокпомьягского могильника. Не исключается и смена производственной традиции инокультурной инфильтрацией в перми вычегодской.

Ключевые слова:

кузнечное дело, ремесло, металлография, эпоха средневековья, вымская культура, пермь вычегодская

Papers

The technology of blacksmith products from the Kokpomiyag burial ground

Smertin A. R.^{***}, Savelyeva E. A.^{***}

* Institute of Humanitarian Research, Ural Branch, RAS,
Perm

** Perm State National Research University,
Perm

*** Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

arsmertin@mail.ru

eleonorasav@yandex.ru

Abstract

The paper deals with a metallographic study of the technology of production of iron items in the Kokpomiyag burial ground, which belongs to the late stage of the Vym culture of the Vycheгда Perm, dating back to the second half of the XII–XIV centuries. A total of 50 wares of several categories have been studied: axes, planks, chisel, awl, arrowheads, flints, boiler bow, costume ring, buckles, belt lining, knives. For their production, blacksmiths had access to various raw materials: simple and phosphorous iron, raw and cemented steel. Almost all the technological schemes known in Europe for the combination of mixed metal (entirely made of iron or steel, cementation, three-layer package, in-welding, on-welding) are fixed on the wares. According to the most numerous bladed tools, it was found that the knives of the Kokpomiyag burial ground differ significantly from similar articles from other Vym burial grounds. The previously most popular three-layer package technology on Kokpomiyag knives is unimpressive (27.77 %), replaced by simpler schemes made entirely of steel (33.33 %). Welding technologies in the form of in-welding are very rare (16.66 %), and the Old Russian on-welding technology is found only on one axe. On other sites of the Vym culture the three-layer package scheme prevails (45.1 %), but at the same time, the in-welding schemes are also known (16.66 %). Monolithic blades made entirely of steel (18.62 %) and iron (6.86 %) are few in number, and knives with an on-welded steel blade (7.84 %) are also available in a small group. The predominance of monolithic technological schemes on the blades of the Kokpomiyag burial ground is a simplification of production, with orientation to mass production, which is most likely explained by the chronological position of the Kokpomiyag burial ground. A change in the production tradition by foreign cultural infiltration in the Vycheгда Perm is also possible.

Keywords:

blacksmithing, craft, metallography, the Middle Ages, Vym culture, Vycheгда Perm

Введение

Начало исследований технологии кузнечного производства вымской культуры относится к 90-м гг. прошлого столетия [1, с. 168–176]. Работы по данной теме были успешно продолжены в 2000-е гг. [2, с. 42–49; 3]. В настоящее время проанализирована технология изготовления более 200 кузнечных изделий вымской культуры, происходящих с Жигановского [4], Ыджыдзельского [5], Кичилькосьского I [6] могильников и др. Однако в эту коллекцию не входят предметы из Кокпомьягского могильника. В данной статье

представлены первые результаты исследования технологии кузнечных изделий данного памятника, что представляет особый научный интерес в связи с тем, что могильник относится к позднему этапу вымской культуры, и его материалы позволяют проследить эволюцию технологии кузнечного производства вычегодских пермян. В настоящей работе для исследования был отобран 51 образец из 50 предметов разных категорий (рис. 1, 2, табл. 1–2).

Могильник расположен на надпойменной террасе левого берега р. Вымь рядом с с. Шошка Княжпогостского муниципального округа Республики Коми (рис. 3). Памятник

был открыт А. С. Сидоровым в 1919 г. и исследован Э. А. Савельевой в 1961, 1980–1981 гг. Всего изучено 226 погребений [7, с. 4–6].

Кузнечные изделия Кокпомьягского могильника в целом достаточно стройно выглядят в общем контексте многообразия финно-угорских древностей. Среди кузнечных изделий преобладает промышленное оружие. Ремесленные инструменты категориально разнообразны главным образом в деревообрабатывающем производстве, но типологически унифицируются. Так, топоры представлены лишь одним типом: проушные с массивным обухом и широким расходящимся бородковидным лезвием (раздел III по А. В. Даничу) [8, с. 77–78], преобладают ножи с длинным нешироким черешком и высокими резкими уступами при переходе к лезвию (группа 4 по Р. С. Минасяну) [9, с. 72, 73]. Отсутствуют экземпляры с уступом-обоймой (группа 3 по Р. С. Минасяну) [там же, с. 72]. Преобладают кресала – двулезвийные древнерусского типа (отдел А.II по Н. Б. Крылатовой) [10, с. 141–143]. Характерной особенностью коллекции кузнечных изделий могильника является большое количество элементов костюма из железа: соединительные кольца, футляры для ножей, топорики для подвешивания орудий, поясные пряжки и накладки.

Облик изделий, входящих в погребальный инвентарь, в основном руинированный: лезвия ножей и настрогов силь-

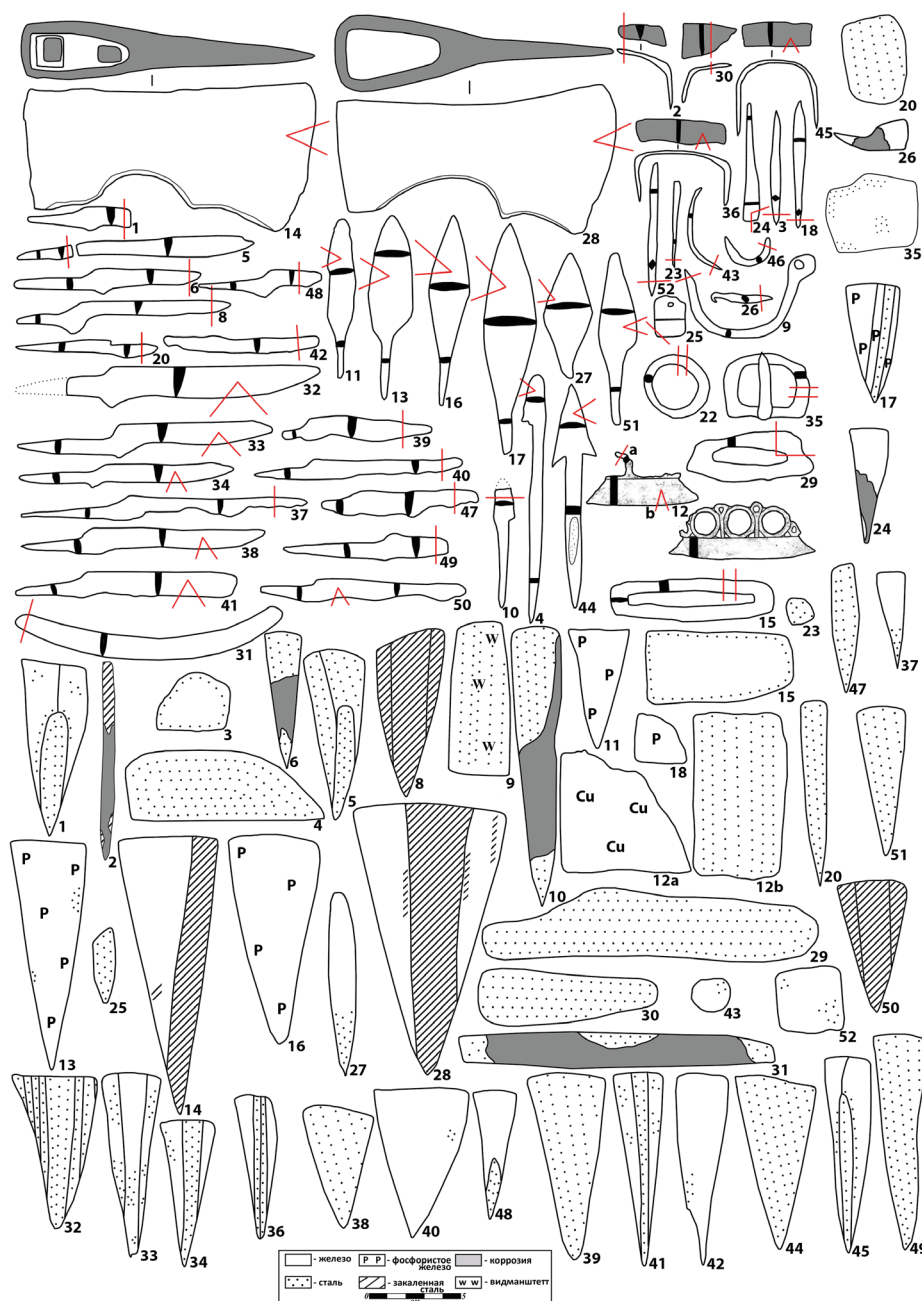

Рисунок 1. Железные изделия Кокпомьягского могильника, проанализированные методом металлографии и выявленные технологические схемы.

Сечения предметов отрисованы 1:10.

Fig. 1. Iron wares of the Kokpomiyag burial ground, analyzed by metallography, and identified technological schemes.

Sections of items are drawn 1:10.

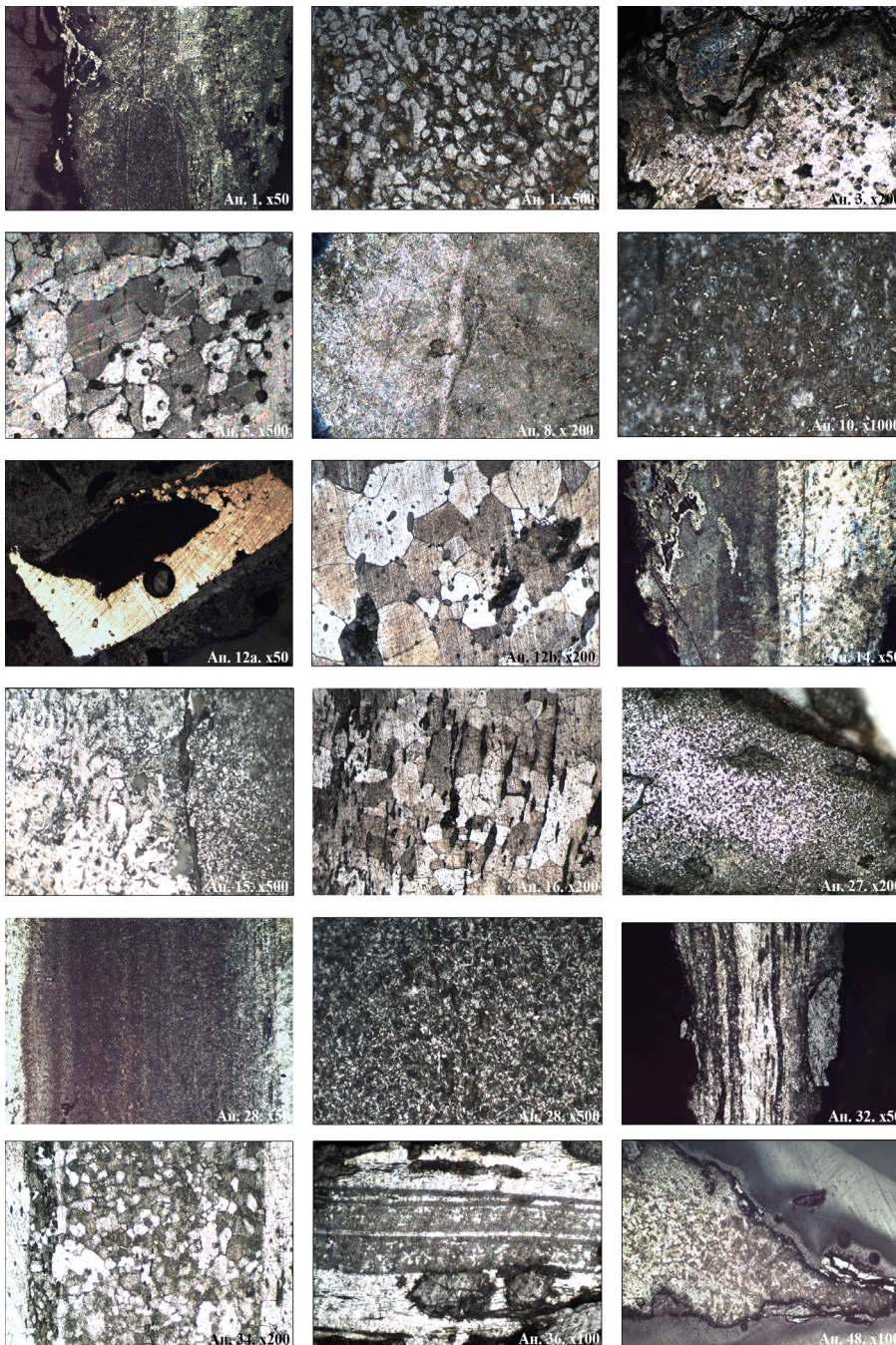

Рисунок 2. Микроструктуры исследованных разрезов железных изделий Кокпомьягского могильника: анализ 1 – нож, вварка (феррит с перлитом, межкристаллитная коррозия); 3 – шило, цементация (феррит, феррит с перлитом); 5 – нож, участок стали (феррит с перлитом); 8 – сталь и сварной шов (тростит с ферритом); 10 – цементированная сталь, карбиды (феррит с перлитом, карбиды); 12a – литое наверху (структура литой бронзы); 12b – сырцовая сталь (феррит с перлитом); 14 – наварка (феррит, тростит с ферритом); 15 – цементация (феррит, феррит с перлитом); 16 – фосфористое железо, шлаки (феррит, феррит с перлитом); 27 – цементация (феррит, феррит с перлитом); 28 – вварка (феррит, феррит с перлитом; сорбит с ферритом); 32 – пакетирование (феррит, феррит с перлитом); 34 – трехслойный пакет (феррит, феррит с перлитом); 36 – трехслойный пакет (феррит, феррит с перлитом); 48 – вварка и цементация (феррит, феррит с перлитом).

Fig. 2. Microstructures of the studied sections of iron-wares of the Kokpomjag burial ground. Analysis 1 – knife, in-welding (ferrite with perlite, intercrystalline corrosion); 3 – awl, cementation (ferrite, ferrite with perlite); 5 – knife, section of steel (ferrite with perlite); 8 – steel and weld (troostite with ferrite); 10 – cemented steel, carbides (ferrite with perlite, carbides); 12a – cast finial (cast bronze structure); 12b – raw steel (ferrite with perlite); 14 – on-welding (ferrite, troostite with ferrite); 15 – cementation (ferrite, ferrite with perlite); 16 – phosphorous iron, slags (ferrite, ferrite with perlite); 27 – cementation (ferrite, ferrite with perlite); 28 – in-welding (ferrite, ferrite with perlite; sorbitol with ferrite); 32 – bundling (ferrite, ferrite with perlite); 34 – three-layer package (ferrite, ferrite with perlite); 36 – three-layer package (ferrite, ferrite with perlite); 48 – in-welding and cementation (ferrite, ferrite with perlite).

но сточены или обломаны, топоры имеют большое количество ремонтных клиньев, костюмные кольца чаще всего представлены неполной окружностью. Преднамеренная порча вещей характерна для погребальной обрядности вымской культуры, что обусловлено мифологическими представлениями вычегодских пермян [7, с. 191].

Ряд отмеченных морфологических тенденций (плохое состояние орудий, унификация их типов, появление железной ременной гарнитуры) на Кокпомьягском могильнике объясняется его хронологической позицией. Аналогичная ситуация наблюдается на памятниках родановской культуры в слоях XIII–XIV вв. [11].

На основании общего морфологического обследования были отобраны образцы для исследования технологии – металлографического анализа. Отбор образцов проходил по разным категориям кузнечных изделий.

Материалы и методы

Технологическое исследование производилось на базе Института гуманитарных исследований ПФЦ УрО РАН. Метод заключается в микроскопическом исследовании структуры металла с целью реконструкции технологической схемы способа его создания. Метод археологической металлографии (археометаллографии) был адаптирован для археологии Б. А. Колчиным [12] и получил дальнейшее развитие в исследованиях В. И. Завьялова и др. [13]. С каждого изделия выпиливали фрагмент и выполняли пробоподготовку. Готовые шлифы обрабатывали травителем нитал.

Аналитические данные о микроструктурах получены на металлографическом микроскопе БиОптик ВМІ-200 при увеличениях от 50× до 1000×. Фотографии микроструктур выполнены на цифровую камеру микроскопа Hikrobot MV-Pro с обработкой снимков в программах MVS

Технология производства железных изделий Кокпомьягского могильника

Technology of production of iron-wares from the Kokpomuyag burial ground

№	Предмет	Целиком из железа	Целиком из стали	Цементация	Пакетирование	Трёхслойный пакет	Наварка	Вварка	Биметаллический	ИТОГО
1	Нож	40 42	6с 20с 38с 39с 47ц 49ц/1	37	32ц	8ц/1 33 34ц 41с 50ц/1		1с 5с 48с		18 экз. /3
2	Топор						14ц/1	28ц/1		2 экз. /2
3	Наструг		2ц/1 30с			36ц		45с		4 экз. /1
4	Стамеска	24								1 экз.
5	Шило	18ф	52с	3						3 экз.
6	Наконечник стрелы	11ф 13ф 16ф	51ц	27	17сф					6 экз.
7	Острога / гарпун		4с 10с 44ц							3 экз.
8	Кресало		29с	15					12а-в с	3 экз.
9	Игла	43	23с							2 экз.
10	Футляр ножа	7								1 экз.
11	Топорня		9с							1 экз.
12	Кольцо		22ц							2 экз.
13	Накладка поясная		25ц							1 экз.
14	Пряжка	26	35с							2 экз.
15	Дужка от котла	31								1 экз.
ИТОГО		11	19/2	4	2	6/2	1/1	5/1	1	51 экз. /6

Примечание. * В ячейках указаны номера анализов.

Условные обозначения. Литеры «с», «ц» и «ф» указывают соответственно на сырцовую или цементированную сталь, фосфористое железо. После знака «/» указано количество предметов с термообработкой.

Note. * The cells indicate the analysis numbers.

The letters «с», «ц» and «ф» indicate raw or cemented steel and phosphorous iron, respectively. The number of heat-treated items is indicated after the «/» sign.

и Adobe Photoshop (рис. 2). Измерение микротвердости проводили для каждой структурной составляющей изделия на микротвердомере Полилаб МТ-1 с нагрузкой 100 г в течение 10 сек (система Виккерса). Нумерация анализов дана в порядковом исчислении книги регистрации образцов Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН.

Необходимо отметить, что основная часть коллекции Кокпомьягского могильника была получена в ходе раскопок 1980–1981 гг., и потому коррозия значительно повредила изделия, распространившись даже по границам зерен металла (см. рис. 2: 1). В ходе микроскопического исследования на некоторых предметах фиксировались сплошь пораженные коррозией участки либо начальная стадия межкристаллитной коррозии. До окончательной утраты предмета без условий его достойной консервации, реставрации и хранения важно успеть изъять из него максимальное количество важной исследовательской информации (морфология и технология), что частично удалось сделать в настоящей работе.

Результаты и их обсуждение

Из всей коллекции выборочно проанализированы топоры (2 экз.). Логика сложения тела топора является распространенной: железный полуфабрикат загибался пополам на оправке, тем самым формировалась проушина, затем разными способами укреплялось лезвие. В проанализированных экземплярах один топор был откован способом наварки цементированной стали на боковую часть основы из кричного железа, затем закален в мягкой среде, чему соответствует микроструктура стали тростит (см. рис. 1, ан. 14). На втором топоре лезвие из качественной цементированной стали было вварено между двух половин железной основы, затем топор был закален с последующим высоким отпускком, чему соответствует микроструктура стали сорбит (см. рис. 1, ан. 28). Данные технологии производства топоров представлены и на других вымских памятниках [3, с. 51], а также на памятниках родановской и чепецкой культуры [14, с. 144]. Одна исследо-

Взаимосвязь технологии режущих железных инструментов (ножи, топоры, наструги, стамеска, шило, наконечник стрелы, острога, игла) и датировки комплексов Кокпомьягского могильника

The relationship between the technology of cutting iron tools (knives, axes, planers, chisels, awls, arrowheads, harpoons, needles) and the dating of the Kokpomuyag burial ground complexes

Технология	Вторая половина XII в.	Первая половина XIII в.	Вторая половина XIII в.	XIII в.	XIII-XIV вв.	Конец XIII-XIV вв.	ИТОГО
Целиком из железа				7 (футляр) 40 (нож) 42 (нож) 43 (игла)	11 (стрела) 24 (стамеска)	13 (стрела) 16 (стрела) 18 (шило)	9 экз.
Целиком из стали		29 (кресало)	2 (наструг) 51 (стрела)	6 (нож) 10 (острога) 30 (наструг) 39 (нож) 44 (острога) 47 (нож) 49 (нож) 52 (шило)	20 (нож) 23 (игла)	4 (гарпун) 38 (нож)	15 экз.
Цементация				3 (шило) 27 (стрела)		15 (кресало) 37 (нож)	4 экз.
Пакетирование				32 (нож)		17 (стрела)	2 экз.
Трехслойный пакет	8 (нож) 48 (нож)		50 (нож)	36 (наструг) 41 (нож)		33 (нож) 34 (нож)	7 экз.
Наварка						14 (топор)	1 экз.
Вварка		28 (топор)			1 (нож) 5 (нож) 45 (наструг)		4 экз.
Биметаллический					12 (кресало)		1 экз.
ИТОГО	2 экз.	2 экз.	3 экз.	18 экз.	8 экз.	10 экз.	43 экз.

Примечание. * В ячейках указаны номера анализов и соответствующая категория предмета.

Note. * The cells indicate the analysis numbers and the corresponding item category.

ванная топорня была произведена целиком из сырцово-стали (см. рис. 1, ан. 9).

Наструги (4 экз.) имели П-образную форму, ковались из единой пластинчатой кузнечной заготовки по разным технологиям. Два предмета произведены целиком из стали. В одном случае использовалась качественная цементированная сталь, выполнена закалка с высоким отпускном на сорбит (см. рис. 1, ан. 2), во втором в качестве сырья использовалась низкоуглеродистая сырцовая сталь (см. рис. 1, ан. 30). Другой технологией изготовления настругов является трехслойный пакет. На обкладках использовались полосы из кричного железа, лезвие было собрано из двух полос качественной цементированной стали (см. рис. 1, ан. 36). Один наструг был откован по технологии вварки лезвия из неравномерно науглероженной сырцово-стали в основу из фосфористого железа (см. рис. 1, ан. 45). Фиксируется небольшое преобладание цельно-стальных настругов над сварными.

Другой инструмент деревообработки – стамеска (1 экз.), был произведен целиком из мягкого кричного железа (см. рис. 1, ан. 24). Такой материал не подходит для режущего инструмента, так как при обработке дерева необходимо твердое стальное или сварное лезвие, способное долго держать заточку.

Универсальные шилья (3 экз.) производились без применения сварки. Одно шило было целиком из фосфористого железа повышенной твердости (см. рис. 1, ан. 18), другое – целиком из сырцово-стали (см. рис. 1, ан. 52), третье – из кричного железа с последующей цементацией поверхно-

сти (см. рис. 1, ан. 3). Среди игл (2 экз.) также зафиксированы цельножелезные (см. рис. 1, ан. 43) и цельно-стальные (см. рис. 1, ан. 23) экземпляры. Шилья и иглы на памятниках вымской культуры так же, как и на других средневековых памятниках соседних территорий, производились в основном из металлургического сырья либо дополнительно укреплялись цементацией [3, с. 44; 14, приложение 1].

Одну из наиболее массовых категорий кузнечных изделий Кокпомьягского могильника составляют наконечники стрел. Металлографически было исследовано шесть плоских наконечников стрел. Три из них были откованы целиком из фосфористого железа повышенной твердости (см. рис. 1, ан. 11, 13, 16), один – целиком из качественной цементированной стали (см. рис. 1, ан. 51), другой изначально откован из железа, но окончание было дополнительно зацементировано (см. рис. 1, ан. 27). Выделяется наконечник, произведенный способом пакетирования (сочетание множества слоев, расположенных вдоль лезвия), причем в центре используется полоса сырцово-стали, а на внешних слоях – полосы фосфористого железа (см. рис. 1, ан. 17). Выделяются также двушипные наконечники стрел (3 экз.). Они могут интерпретироваться как остроги. Предметы откованы целиком из стали: сырцово-стали (см. рис. 1, ан. 4, 10) и цементированной (см. рис. 1, ан. 44). Наконечники стрел на других вымских памятниках также были преимущественно цельножелезные и цельно-стальные (до 61%), но нередко с наваренными на железную основу стальными перьями (до 35,5%) [3, с. 44]. Наличие наварки может являться

Рисунок 3. Месторасположение Кокпромьягского могильника.
 Fig. 3. Location of the Kokpromyag burial ground.

маркером древнерусского влияния на кузнечное дело вычегодских пермян [там же, с. 21–24].

Технология производства кресал (3 экз.) соответствовала требованиям, предписываемым к данным предметам – наличие углерода для высекания искр. Одно двулезвийное кресало изначально отковано из фосфористого железа, но впоследствии была применена поверхностная цементация (см. рис. 1, ан. 15), другое отковано из сырцово-стали (см. рис. 1, ан. 29–0,2–0,5 % углерода). Аналогичные кресала на других вымских памятниках редко были цельно стальными (13,6 %) или зацементированными (4,5 %), чаще использовалась технология торцовой наварки стальной полосы на железную основу (27,27 %), большинство кресал откованы целиком из железа (54,5 %).

Двулезвийные кресала принято считать импортом из Древней Руси или местной продукцией, возникшей под влиянием древнерусской традиции [10, с. 185–186]. Разделение кресал по качеству стали провел В. И. Завьялов: высокоуглеродистая цементированная сталь была присуща импортным вещам, а предметы из сырцово-стали являлись продукцией местного кузнечества [15, с. 150]. Основываясь на этих критериях, кокпромьягские кресала могут быть отнесены к изделиям местных кузнецов по традиционной местной технологии. Уникальными являются биметаллическое кресало и обломок аналогичного кресала. Кресало имело особое фигурное навершие и сложную технологию производства. Лезвие имело трапецевидную форму со

слегка вытянутыми краями, отковано из низкоуглеродистой сырцово-стали. Составные части ажурного навершия представлены кольцами, разделенными костыльковыми петельками. Они были отлиты из сплава на основе меди и скреплены между собой и лезвием при помощи пайки (см. рис. 1, ан. 12a–b). Обломок аналогичного кресала обнаружен рядом с погребением. Аналогичное кресало начала XIII в. найдено на Золотаревском поселении, которое, в отличие от кокпромьягского, имело зигзагообразный орнамент на лезвии [16, с. 92]. Кресало с ажурным навершием представлено в материалах древнекарельского Тиверска и датировано XV в. [17, с. 79]. Похожее встречены в Новгороде в слоях XV в. [18, с. 92] и на Мининском селище в комплексе XV–XVI вв. [19, № 33]. Они имели навершие целиком из железа и чуть более грубый облик, но соединялись с лезвием также медным припоем [20, с. 196]. Кокпромьягские биметаллические кресала, возможно, являются переходной формой классических биметаллических финно-угорских кресал с фигурным навершием к таким же полностью железным кресалам [21, с. 20–21].

Среди других бытовых предметов исследована дужка от котла. Она была цельножелезной (см. рис. 1, ан. 31), что соответствует назначению предмета.

Среди железных элементов костюма, которые активно начинают использоваться с XII–XIII вв., были проанализированы кольцо (1 экз., см. рис. 1, ан. 22 – целиком из цементированной стали), пряжки (2 экз., см. рис. 1, ан.

26 – цельножелезная, ан. 35 – целиком из сырцово́й стали) и поясная накладка (1 экз., см. рис. 1, ан. 25 – целиком из цементированной стали). Замена бронзовой поясной гарнитуры железной фиксируется во всей лесной зоне Приуралья в XIII–XIV вв. Импульс на их внедрение в местное производство происходит, предположительно, из ареала аскизской культуры в южной Сибири [22, с. 248–249]. Некоторые из приуральских накладок представлены ажурными фигурными экземплярами из высокоуглеродистой цементированной стали со следами лужения и инкрустации оловом [23, с. 8–21]. Анализированные накладки из Кокпомьягского могильника имеют несколько более грубое внешнее исполнение, следы олова отсутствуют. Изученная накладка произведена из среднеуглеродистой цементированной стали хорошего качества.

Основную группу исследованных орудий составили ножи (18 экз.). Результаты их анализа представляют наибольший интерес. Зарегистрировано шесть технологических схем изготовления.

Большинство ножей откованы целиком из стали (6 экз., 33,33 %), среди них большая часть – из примитивной сырцово́й, которая характеризуется неравномерным распределением углерода (4 экз., см. рис. 1, ан. 6, 20, 38, 39, 47, 49), в нескольких случаях – из специально подготовленной цементированной стали, концентрация углерода в которой равномерная (2 экз., см. рис. 1, ан. 47, 49). Подобная технология, в частности, прослеживается на ряде средневековых селищ разных территорий Древней Руси (Суздальское Ополье, Подмосковье, Киевское, Рязанское княжества и др.). Простота их технологии объясняется работой сельского кузнеца-универсала [24, с. 147–149]. Опора на использование простых технологий (целиком из стали, псевдопакет) фиксируется и на средневековых памятниках Западной Сибири [25, с. 92–93].

Второй технологией является трехслойный пакет (5 экз., 27,77 %). Трехслойная технология проникает из Скандинавии и с X в. стремительно распространяется по северу Восточной Европы [26, с. 26–28]. Данная схема является маркером финно-угорской кузнечной традиции X–XIV вв. [14, с. 170–171]. Трехслойные ножи преобладали на памятниках родановской (в среднем до 46 %) и чепецкой (свыше 60 %) культур [14, с. 134], а на отдельных памятниках этот показатель достигает 60–70 % (городища Иднакар [14, с. 134; 27, с. 40], Анюшкар [28, с. 130–131]).

Классическим (североевропейским) вариантом технологии изготовления трехслойных ножей считается сочетание цементированной стали на лезвии с обкладками из фосфористого железа, хорошее качество сварки, термообработка [29, с. 18]. На кокпомьягских ножах зафиксировано сочетание всех трех полос из цементированной стали (2 экз., см. рис. 1, ан. 8, 50), всех трех полос из кричного железа (1 экз., см. рис. 1, ан. 33), сердцевины из цементированной стали и железных обкладок (1 экз., см. рис. 1, ан. 34), середины из сырцово́й стали и обкладок из железа (1 экз., см. рис. 1, ан. 41). Все исследованные нами варианты трехслойных ножей относятся к восточно-европейскому варианту технологии – отступлению от классического трехслойного пакета.

Несколько реже встречена вварка (3 экз., 16,66 %). Она зарегистрирована в форматах вварки лезвия из сырцово́й стали в железную основу (1 экз., см. рис. 1, ан. 48), лезвия из сырцово́й стали в стальную же основу (2 экз., см. рис. 1, ан. 1, 5), на одном ноже вваренное стальное лезвие еще дополнительно было укреплено цементацией (см. рис. 1, ан. 48), что могло быть следствием ремонта. Аналогичная технология зафиксирована на Лоемском могильнике и Саламатовском I городище, где поверх трехслойного пакета была выполнена цементация [30, с. 155].

Вварка в некоторых случаях рассматривается исследователями как одна из разновидностей трехслойного пакета [26, с. 23]. Такой вариант схемы был наиболее распространен в Волжской Булгарии, что объясняется экономией дорогой стали и рассматривается Ю. А. Семькиным как самостоятельный вариант технологии [31, с. 96]. Встречаемость вварки на ножах с городищ Волжской Булгарии составляет до 33 % [31, с. 121], а на комплексе памятников Телячий Брод (родановская культура) в комплексах XIII–XIV вв. вварка была встречена в половине исследованных клинков (вторая половина была представлена трехслойным пакетом). Вкупе с находками чугунных котлов на памятниках родановской культуры это также может быть связано с импортом этой технологии из Волжской Булгарии золотоордынского периода [32, с. 258–259]. На вымских памятниках процент вварных клинков невысок.

Единично встречены ножи с технологией поверхностной цементации (см. рис. 1, ан. 37–1 экз.) и пакетирования (см. рис. 1, ан. 32–1 экз.). В последнем случае до семи слоев разноуглеродистой стали были направлены строго по направлению к лезвию. Данные технологии не пользовались популярностью у средневековых кузнецов, так как в первом случае приходилось тратить большое количество времени и топлива (даже для проникновения углерода в тело предмета всего лишь на 1 мм), во втором – большое количество операций сварки увеличивало трудоемкость процесса и влекло за собой выгорание углерода в процессе долгих превращений заготовки.

На двух ножах зафиксирована технологияковки целиком из кричного железа (см. рис. 1, ан. 40, 42–2 экз.). Оба образца были отобраны с кончика весьма сточенного лезвия. Возможно, стальная наварка на протяжении длительного использования ножа со временем была сточена. Аналогичная ситуация зафиксирована Б. А. Колчиным на ножах позднее конца XII в. [12, с. 80–81]. Один исследованный футляр от ножа был выполнен целиком из железа (см. рис. 1, ан. 7).

На основе проанализированной коллекции железных ножей Кокпомьягского могильника раскладка по технологическим традициям выглядит следующим образом. Наиболее часто изделия ковались целиком из стали (33,33 %), реже в сварных схемах трехслойного пакета (27,77) и вварки (16,66), менее популярными были цельножелезные (11,11), цементированные (5,55) и пакетированные (5,55 %) ножи. Примечательно, что доли простых технологий (целиком из железа или стали, цементация) и технологий со сваркой разных слоев металла примерно равны (50 %) (рис. 4).

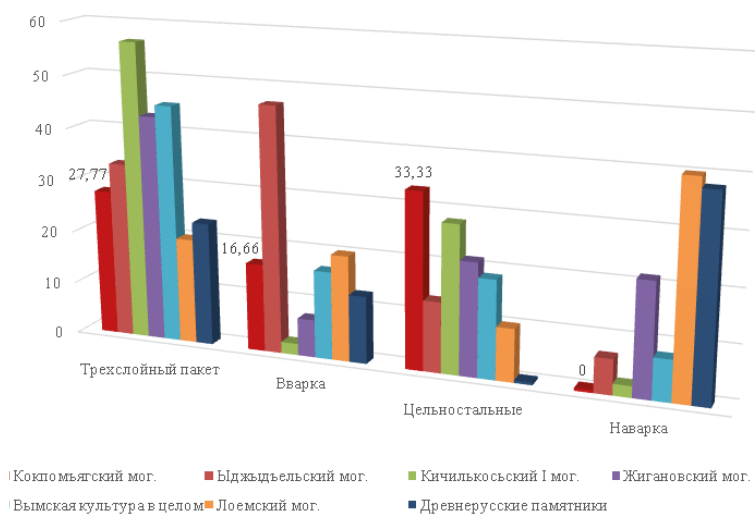

Рисунок 4. Распределение встречаемости технологии изготовления ножей по памятникам перми вычегодской, %.

Fig. 4. Distribution of occurrence of knife technology on the sites of the Vycheгда Perm, %.

Это не совсем коррелирует с результатами ранее проведенных исследований железных ножей на некоторых памятниках вымской культуры (Кичильковский I (XI–XIII в.), Жигановский (XII – начало XIV вв.) могильники), где преобладают ножи с трехслойной схемой (45,1 %), а доля цельностальных (18,62 %) и цельножелезных (6,86 %) была существенно ниже, доля сварных изделий аналогична (16,66 %). Кроме них выделяется серия ножей с наварным (или двухслойным) лезвием (7,84 %) [3, с. 42], которые на Кокпомьягском могильнике не представлены. Доля простых технологий в коллекции ножей этих могильников составляет до 30 %, а технологии сварки – до 70 %, тогда как на Кокпомьягском могильнике это соотношение примерно 50 на 50 %. Однако на Ыджыдьельском могильнике (XII – начало XIV в.), как и на Кокпомьягском, доля трехслойных клинков хоть и падает (33,33 %), но заменяется не простыми цельностальными изделиями, которых выделено сравнительно мало (13,33), а сварными (46,66) и наварными (6,66 %) схемами.

На ножах Лоемского могильника (XIII–XIV вв.), который оставлен смешанным финским населением, находящимся в орбите древнерусского культурного влияния [33, с. 92–138], доля трехслойных лезвий падает (20 %), но заменяется не цельностальными (10) и цельножелезными (10) технологиями, а вваркой (20) и наваркой (40 %), что объясняется древнерусским влиянием и поздней датировкой памятника – именно с XIII в. в Древней Руси начинает преобладать наварная технология [26, с. 32], как наиболее ориентированная на массовое производство. Аналогичная ситуация прослеживается в материалах древнерусских памятников (Пожегское городище XII–XIV вв. и поселение Гуль-Чунь XII–XIII вв.), на которых представлены технологии трехслойного пакета (23,4 %), наварки (38), вварки (12,76), цельножелезные (17,02), пакетированные (2,12 %) [3, с. 48] (рис. 4).

Таким образом, исследование технологии производства ножей вымской культуры свидетельствует об их неоднородности. С одной стороны, снижение доли трехслой-

ных технологий, наиболее вероятно, произошло под влиянием древнерусского культурного влияния, с другой стороны, кокпомьягские кузнецы не восприняли инновацию в виде схемы наварки, поэтому эта технология была замещена простыми цельностальными технологиями, которые гораздо проще в производстве. К цельностальным относятся и кресала. В ходековки по такой технологии отсутствует необходимость проводить кузнечную сварку, требующую четкого соблюдения температурных режимов. Кроме того, стальной нож или кресало можно использовать долго, стальная часть долго не стачивалась, в отличие от такого же предмета с наварным лезвием. К недостаткам такой технологии относятся повышенная хрупкость изделий на излом и низкая ударная вязкость. Тем не менее вымские кузнецы к тому времени, вероятно, могли себе позволить уже не экономить дорогую сталь, а более быстро и массово производить цельностальные клинки.

Таким образом, по материалам проанализированной коллекции железных изделий Кокпомьягского могильника нулевая представительность наварной схемы и значительная доля простых технологий являются его специфической особенностью на фоне материалов других памятников вымской культуры, где зафиксированы преобладание трехслойного пакета и выразительная доля наварки.

Заключение

В качестве сырья для производства кузнечных изделий кокпомьягским мастерам были доступны простое кричное железо, фосфористое железо повышенной твердости и сырьевая сталь. Эти разновидности активно использовались в свободном от дополнительных улучшений виде. Последующая модификация сырья выполнялась чаще всего в процессе кузнечной обработки на стадии полуфабриката (изготавливалась цементированная сталь) (рис. 2).

На большинстве предметов с включением стали зарегистрирована сырьевая сталь (18 экз.), цементированная использовалась несколько реже (13), цементация готового изделия в целом выполнялась редко (4 экз.). Металлургическое сырье и дополнительно улучшенная сталь использовались примерно поровну. Общий процент простых технологий (технологическая группа I: цельнометаллические, цементация) составляет до 66 %. Доля сварных технологий (технологическая группа II), соответственно – порядка 34 %. Если сузить эту выборку только до ножей, то распределение между I и II технологическими группами составляет 50 на 50 %. Это соотношение значительно отличается от общего среза по вымской культуре, где доля сварных технологий на ножах достигает 70 %, а простые технологии встречены лишь на 30 % ножей.

Шлаковые включения в сырье обычно достаточно распространены и представлены округлыми и плоскими, реже – аморфными конкрециями, что в целом говорит о средней степени проковки предметов. Важно отметить, что в качественной цементированной стали количество

шлаков заметно меньше. В сварных изделиях сварные швы также чаще всего представлены сериями шлаковых цепочек, реже – чистыми белыми полосами. Это свидетельствует о том, что большинство поковок выполнялись местными кузнецами-универсалами.

Отдельно следует отметить улучшение качества стальных кузнечных изделий – термообработку. Следы закалки и (или) отпуска фиксируются лишь на 6 изделиях из 50 (12 %). Количество термообработанных изделий на других вымских памятниках также невелико, что может быть обусловлено погребальным и постпогребальным воздействием огня на артефакты. Многие предметы имеют следы горения и пребывают в отожженном состоянии, следовательно, структура закалки могла попросту не сохраниться. Значит, приводимые показатели по термообработке не абсолютны.

Датирование технологий лезвийных орудий по комплексам Кокпомьягского могильника позволяет выявить несколько закономерностей (см. табл. 2). Присутствие трехслойных лезвий фиксируется на всех этапах существования памятника со второй половины XII до XIV в. Интересно, что технология наварки, появившаяся в XIII в. на изделиях других памятников вымской культуры (Ыджыдъельский, Жигановский могильники), полностью отсутствует на орудиях Кокпомьягского могильника. Вместо этого, с XIII в. наблюдается, с одной стороны, падение количества типичных для всей финно-угорской среды трехслойных технологий, с другой – повышение количества цельностальных и цельножелезных лезвий. Следовательно, население, оставившее Кокпомьягский могильник, не восприняло древнерусскую инновацию в виде наварной технологии. Вместе с этим сохраняется технологический стереотип в виде трехслойного пакета, но частично заменяется преимущественно цельностальными технологиями. Это фиксируется по ножам, кресалам, наконечникам стрел. В это же время другие группы вымского населения (Ыджыдъельский, Кичилькосьский I, Жигановский могильники) и памятников с древнерусской инфильтрацией (Лоемский могильник) воспринимают и используют древнерусскую наварную схему (см. табл. 2, рис. 4).

Таким образом, материалы анализов 50 кузнечных изделий Кокпомьягского могильника позволили проследить эволюцию технологии кузнечного производства вычегодских пермян и выявить ее характерные черты на позднем этапе функционирования вымской культуры.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Завьялов, В. И. Железообработка перми вычегодской по материалам вымских могильников / В. И. Завьялов // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1992. – С. 168–176.
2. Бирюков, А. В. Технология кузнечного производства перми вычегодской / А. В. Бирюков, В. И. Завьялов, Э. А. Савельева // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 42–49.
3. Бирюков, А. В. Технология кузнечного производства эпохи средневековья на Европейском Северо-Востоке / А. В. Бирюков, В. И. Завьялов, Э. А. Савельева. Серия «Научные доклады Коми НЦ УрО РАН»; вып. 484. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 78 с.
4. Савельева, Э. А. Жигановский могильник / Э. А. Савельева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 454 с.
5. Савельева, Э. А. Ыджыдъельский могильник / Э. А. Савельева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 120 с.
6. Савельева, Э. А. Кичилькосьский I могильник XI–XIII вв. / Э. А. Савельева. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 232 с.
7. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э. А. Савельева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 200 с.
8. Данич, А. В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья / А. В. Данич // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2015. – № 10. – С. 71–124.
9. Минасян, Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья / Р. С. Минасян // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 21. – Л.: «Искусство», 1980. – С. 68–74.
10. Крыласова, Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья / Н. Б. Крыласова. – Пермь: Пермский гос. гум.-пед. у-т, 2007. – 352 с.
11. Крыласова, Н. Б. Плотниковский могильник / Н. Б. Крыласова, Н. Г. Брюхова. – Пермь: Пермский гос. гум.-пед. у-т, 2017. – 222 с.
12. Колчин, Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / Б. А. Колчин // Материалы и исследования по археологии СССР – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 257 с.
13. Завьялов, В. И. Археометаллография / В. И. Завьялов // Междисциплинарная интеграция в археологии. – М.: ИА РАН, 2016. – С. 252–279.
14. Завьялов, В. И. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование / В. И. Завьялов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – 244 с.
15. Завьялов, В. И. Черная металлообработка у древних коми-пермяков / В. И. Завьялов // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1988. – С. 129–161.
16. Белорыбкин, Г. Н. Золотаревское поселение / Г. Н. Белорыбкин. – СПб.; Пенза: Изд-во ПегПУ, 2001. – 196 с.
17. Кочуркина, С. И. Древняя Корела / С. И. Кочуркина. – Л.: Изд-во «Наука», 1982. – 216 с.
18. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // Труды Новгородской археологической экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 7–120.
19. Ступан, Ю. С. Железные кресала из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Ю. С. Ступан // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара,

- Владимир, 27–28 октября 2009 г. Вып. 3. – Владимир: Институт археологии РАН, 2011. – С. 193–199.
20. Хомутова, Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа / Л. С. Хомутова // Кочкуркина С. И. Древняя корела. – Л., 1982. – С. 188–208.
 21. Савельева, Э. А. Фигурные кресала Кокпомьягского могильника вымской культуры / Э. А. Савельева, А. Р. Смертин // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 22–34.
 22. Смертин, А. Р. Железная поясная гарнитура со следами лужения и инкрустации из материалов памятников Пермского Предуралья / А. Р. Смертин, Ю. А. Подосёнова // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: материалы съезда. В 3-х т., Красноярск, 06–10 октября 2025 г. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025. – С. 247–249.
 23. Брюхова, Н. Г. Железная поясная гарнитура из погребений Плотниковского могильника (родановская культура, Пермский край) / Н. Г. Брюхова, Ю. А. Подосёнова, А. Р. Смертин // Поволжская археология. – 2023. – № 2 (44). – С. 8–21.
 24. Завьялов, В. И. Историография исследований древнерусского сельского кузнечного ремесла / В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова, В. Л. Щербаков // Журнал регионалистики, культуры, истории науки: сб. статей к 70-летию доктора исторических наук И. Н. Юркина. – М.: Изд-во «Янус-К», 2023. – С. 138–153.
 25. Зыков, А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках / А. П. Зыков: специальность 07.00.06 «Археология»: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 240 с.
 26. Завьялов, В. И. Феномен «трехслойной технологии» (высокие технологии в средневековье) / В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова // Исторический формат. – 2015. – № 4. – С. 21–32.
 27. Завьялов, В. И. Ножи городища Иднакар / В. И. Завьялов // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Ижевск, 1985. – С. 37–47.
 28. Смертин, А. Р. Железообрабатывающее производство средневекового археологического комплекса Анюшкар в верхнем Прикамье / А. Р. Смертин // Археология Евразийских степей. – 2023. – № 1. – С. 127–141.
 29. Завьялов, В. И. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси / В. И. Завьялов, Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова. – М.: «Анкил», 2012. – 376 с.
 30. Зыков, А. П. Материалы по технологии кузнечного производства вымской культуры / А. П. Зыков // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1992. – С. 154–168.
 31. Семькин, Ю. А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 21 / Ю. А. Семькин. – Казань: Отечество; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2015. – 168 с.
 32. Смертин, А. Р. Кузнечное производство на группе средневековых памятников Телячий Брод в бассейне р. Чусовая в Пермском Предуралье / А. Р. Смертин // Геоархеология и археологическая минералогия. – 2023. – Т. 10. – С. 254–259.
 33. Савельева, Э. А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность / Э. А. Савельева // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. – С. 92–138.

References

1. Zavyalov, V. I. Zhelezoobrabotka Permi vychegodskoj po materialam vymskih mogil'nikov [The ironworking of the Vychegda Perm based on materials from the Vym burial grounds] / V. I. Zavyalov // Problemy finno-ugorskoj arheologii Urals i Povolzhya [Problems of Finno-Ugric archeology of the Urals and the Volga region]. – Syktyvkar: Syktyvkar State University, 1992. – P. 168–176.
2. Biryukov, A. V. Tekhnologiya kuznechnogo proizvodstva permi vychegodskoj [The technology of blacksmithing of the Vychegda Perm] / A. V. Biryukov, V. I. Zavyalov, E. A. Savelyeva // Rossijskaya arheologiya [Russian Archeology]. – 2009. – № 3. – P. 42–49.
3. Biryukov, A. V. Tekhnologiya kuznechnogo proizvodstva epohi srednevekovya na Evropejskom Severo-Vostoke [The technology of blacksmithing in the Middle Ages in the European Northeast] / A. V. Biryukov, V. I. Zavyalov, E. A. Savelyeva. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2006. – 78 p. (Sci. Reports of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. Issue 484).
4. Savelyeva, E. A. Zhiganovskij mogilnik [Zhiganovo burial ground] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar : Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 454 p.
5. Savelyeva, E. A. Ydzhidyolskij mogilnik [Ydzhidyol burial ground] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2014. – 120 p.
6. Savelyeva, E. A. Kichilkoskij I mogil'nik XI–XIII vv. [Kichilkos I burial ground of the XI–XIII centuries] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 232 p.
7. Savelyeva, E. A. Vymskiye mogilniki XI–XIV vv. [Vym burial grounds of the XI–XIV centuries] / E. A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad State University Publ. House, 1987. – 200 p.
8. Danich, A. V. Klassifikaciya srednevekovyh toporov Permskogo Predural'ya [Classification of medieval axes of the Perm Pre-Urals] / A. V. Danich // Proc. of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. – 2015. – № 10. – P. 71–124.
9. Minasyan, R. S. Chetyre gruppy nozhej Vostochnoj Evropy epohi rannego srednevekov'ya [Four groups of knives from Eastern Europe in the Early Middle Ages] / R. S. Minasyan // Archaeological collection of the State Hermitage Museum, Issue 21. – Leningrad: "Iskusstvo", 1980. – P. 68–74.
10. Krylasova, N. B. Arheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Archeology of everyday life: material culture of the medieval Pre-Urals]

- gy of everyday life: the material culture of the Medieval Urals] / N. B. Krylasova. – Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 2007. – 352 p.
11. Krylasova, N. B. Plotnikovskij mogil'nik [Plotnikovo burial ground] / N. B. Krylasova, N. G. Bryukhova. – Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 2017. – 222 p.
 12. Kolchin, B. A. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevnej Rusi (Domongol'skij period) [Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Russia (Pre-Mongol period)] / B. A. Kolchin // Materials and research on the archeology of the USSR, 1953. – 257 p.
 13. Zavyalov, V. I. Arheometallografiya [Archaeometallography] / V. I. Zavyalov // Mezhdisciplinarnaya integraciya v arheologii [Interdisciplinary integration in archaeology]. – Moscow: Inst. of Archaeology, RAS, 2016. – P. 252-279.
 14. Zavyalov, V. I. Istoriya kuznechnogo remesla permyan: Arheometallograficheskoe issledovanie [The history of blacksmithing of the Permians: Archaeometallographic study] / V. I. Zavyalov – Izhevsk: Udmurt Inst. of History, Language and Literature, Ural Branch, RAS, 2005. – 244 p.
 15. Zavyalov, V. I. Chernaya metalloobrabotka u drevnih komi-permyakov [Black metalworking among the ancient Komi-Permians] / V. I. Zavyalov // Novye arheologicheskie pamyatniki Kamsko-Vyatskogo mezhdurechya [New archaeological sites of the Kama-Vyatka interfluve]. – Izhevsk: «Udmurt Univ.» Publ. House, 1988. – P. 129-161.
 16. Belorybkin, G. N. Zolotarevskoe poselenie [Zolotarevo settlement] / G. N. Belorybkin. – St. Petersburg; Penza: Penza State Pedagog. Univ. Publ. House, 2001. – 196 p.
 17. Kochkurkina, S. I. Drevnyaya Korela [Ancient Korela] / S. I. Kochkurkina. – Leningrad: Nauka, 1982. – 216 p.
 18. Kolchin, B. A. Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo [The ironworking craft of Novgorod the Great] / B. A. Kolchin // Proc. of the Novgorod archaeological expedition. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ. House, 1959. – P. 7-120.
 19. Stupan, Yu. S. Zheleznye kresala iz arheologicheskikh kolekcij Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika [Iron flints from the archaeological collections of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve] / Yu. S. Stupan // Arheologiya Vladimiro-Suzdalskoj zemli [Archeology of the Vladimir-Suzdal land]: Materials of Sci. Seminar, Vladimir, October 27–28, 2009. Issue 3. – Vladimir: Inst. of Archaeology, RAS, 2011. – P. 193-199.
 20. Khomutova, L. S. Tekhnologicheskaya karakteristika kuznechnyh izdelij iz raskopok Tiverska i Paaso po rezul'tatam metallograficheskogo analiza [Technological characteristics of blacksmith products from the excavations of Tiversk and Paaso according to the results of metallographic analysis] / L. S. Khomutova // Kochkurkina, S. I. Drevnyaya korela [Ancient Korela]. – Leningrad, 1982. – P. 188-208.
 21. Savelyeva, E. A. Figurnye kresala Kokpomyag'skogo mogil'nika vymskoj kultury [Figured flints of the Kokpomyag burial ground of the Vym culture] / E. A. Savelyeva, A. R. Smertin // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2025. – № 8(84). – P. 22-34.
 22. Smertin, A. R. Zheleznyaya poyasnaya garnitura so sledami luzheniya i inkrustacii iz materialov pamyatnikov Permskogo Preduralya [An iron belt set with traces of tinning and inlay from the materials of sites of the Perm Pre-Urals] / A. R. Smertin, Yu. A. Podosyonova // Proc. of the VII (XXIII) All-Russia Archeological Congress: Materials of the Congress in 3 vols, Krasnoyarsk, October 06–10, 2025. – Krasnoyarsk: Siberian Federal Univ., 2025. – P. 247-249.
 23. Bryukhova, N. G. Zheleznyaya poyasnaya garnitura iz pogrebenij Plotnikovskogo mogil'nika (rodanovskaya kul'tura, Permskij kraj) [An iron belt set from the graves of the Plotnikovsky burial ground (Rodanovo culture, Perm Region)] / N. G. Bryukhova, Yu. A. Podosyonova, A. R. Smertin // Povolzhskaya Arheologiya [Volga region archaeology]. – 2023. – № 2(44). – P. 8-21.
 24. Zavyalov, V. I. Istoriografiya issledovanij drevnerusskogo sel'skogo kuznechnogo remesla [Historiography of research on Ancient Russian rural blacksmithing] / V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova, V. L. Shcherbakov // Zhurnal regionalistiki, kul'tury, istorii nauki [J. of Regionalism, Culture, and the History of Science]: collection of papers dedicated to the 70th anniversary of Dr. Sci. (History) I. N. Yurkin. – Moscow: «Yanus-K» LLC, 2023. – P. 138-153.
 25. Zыkov, A. P. Kuznechnye izdeliya naseleniya Severo-Zapadnoj Sibiri vo II - XVII vekah [Blacksmithing products of the population of Northwestern Siberia in the II - XVII centuries] / A. P. Zыkov: diss... Cand. Sci. (History), specialty 07.00.06 "Archaeology". – Moscow, 2008. – 240 p.
 26. Zavyalov, V. I. Fenomen \tryohslojnoj tekhnologii\ (vysokie tekhnologii v srednevekov'e) [The phenomenon of «three-layer technology» (high technology in the Middle Ages)] / V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova // Historical format. – 2015. – № 4. – P. 21-32.
 27. Zavyalov, V. I. Nozhi gorodishcha Idnakar [Knives of the Idnakar settlement] / V. I. Zavyalov // Materialy srednevekovyh pamyatnikov Udmurtii [Materials of medieval sites of Udmurtia]. – Izhevsk, 1985. – P. 37-47.
 28. Smertin, A. R. Zhelezoobrabatyvayushchee proizvodstvo srednevekovogo arheologicheskogo kompleksa Anyushkar v verhnem Prikam'e [The ironworking industry of the medieval archaeological complex Anyushkar in the Upper Kama region] / A. R. Smertin // Arheologiya Evrazijskikh stepei [Archaeology of the Eurasian Steppes]. – 2023. – № 1. – P. 127-141.
 29. Zavyalov, V. I. Tradicii i innovacii v proizvodstvennoj kul'ture Severnoj Rusi [Traditions and innovations in the industrial culture of Northern Russia] / V. I. Zavyalov, L. S. Rozanova, N. N. Terekhova. – Moscow: «Ankil» Publ., 2012. – 376 p.
 30. Zыkov, A. P. Materialy po tekhnologii kuznechnogo proizvodstva vymskoj kul'tury [Materials on the technology of blacksmithing of the Vym culture] / A. P. Zыkov // Problemy finno-ugorskoj arheologii Urala i Povolzhya [Problems of Finno-Ugric archeology of the Urals and the Volga region]. – Syktyvkar, 1992. – P. 154-168.
 31. Semykin, Yu. A. Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoj Bulgarii v VIII – nachale XIII vv.

- [Ferrous metallurgy and blacksmithing in the Volga Bulgaria in the VIII – early XIII centuries]. Series “Archaeology of the Eurasian Steppes”. Issue 21 / Yu. A. Semykin. – Kazan: Fatherland, 2015; A.Kh.Khalikov Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. – 168 p.
32. Smertin, A. R. Kuznechnoe proizvodstvo na gruppe srednevekovykh pamyatnikov Telyachij Brod v bassejne r. Chusovaya v Permskom Predural'e [Blacksmithing at the group of medieval sites Telyachy Brod in the basin of the Chusovaya river in the Perm Pre-Urals] / A. R. Smertin // Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya [Geoarcheology and archaeological mineralogy]. – 2023. – Vol. 10. – P. 254-259.
33. Savelyeva, E. A. Loemskij mogil'nik. Etnokul'turnaya pr inadlezhnost' [Loem burial ground. Ethnic and cultural belonging] / E. A. Savelyeva // Etnokul'turnye kontakty v epohu kamnya, bronzy, rannego zheleza i srednevekov'ya v Severnom Priural'e [Ethnocultural contacts in the Stone Age, Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages in the Northern Urals]. – Syktyvkar : Komi Sci. Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 1995. – P. 92-138.

Информация об авторах:

Смертин Андрей Романович – научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН, ассистент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета; ORCID: 0000-0001-8635-2661, SPIN-код: 9940-6065 (614068, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Генкеля, д. 4; e-mail: arsmertin@mail.ru).

Савельева Элеонора Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-7319-2013, SPIN-код: 8203-5300 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Authors:

Andrei R. Smertin – Researcher at the Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, assistant at the Department of History and Archaeology of Perm State National Research University; ORCID: 0000-0001-8635-2661, SPIN-code: 9940-6065 (4, Genkel st., Perm 614068, Russian Federation; e-mail: arsmertin@mail.ru).

Eleonora A. Savelyeva – Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Department of Archeology of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID: 0000-0001-7319-2013, SPIN-code: 8203-5300 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Для цитирования:

Смертин, А. Р. Технология кузнечных изделий Кокпомьягского могильника / А. Р. Смертин, Э. А. Савельева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 63-74.

For citation:

Smertin, A. R. The technology of blacksmith products from the Kokpomiyag burial ground / A. R. Smertin, E. A. Savelyeva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 2 (87). – P. 63-74.

Дата поступления статьи: 22.01.2026

Прошла рецензирование: 26.01.2026

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 22.01.2026

Reviewed: 26.01.2026

Accepted: 30.01.2026

Полевое изучение православных могильников Русской Лапландии в XIX–XXI веках

Шахнович М. М.

Центр гуманитарных проблем Баренц региона
ФИЦ «Кольский НЦ РАН»,
г. Апатиты
marksuk62@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор результатов археологических и антропологических исследований христианских могильников XVII–XIX вв. на территории Русской Лапландии за последние 150 лет. Всего рассмотрено более 25 мест некрополей и отдельных захоронений. Это могильники в Варзуге, Кандалакше, Ковде. В XXI в. объем публикуемой информации о различных аспектах погребальной обрядности поморов значительно увеличился, но данные остаются разрозненными и в настоящее время эта часть духовной культуры региона изучена недостаточно. Погребальная практика в Кольском Заполярье соответствовала общероссийским нормам с незначительными особенностями, обусловленными спецификой духовных традиций этнических групп региона.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, погребальный обряд саам и поморов, археологические работы

Введение

Погребальный обряд – это важная часть русской культуры. Его изучение помогает лучше понять духовные ценности и мировоззрение общества в разные периоды его истории. Долгое время христианские могильники позднего Средневековья – Нового времени не рассматривались российскими специалистами как важные объекты исследования. Нередко они воспринимались археологами как «попутный» материал, с проведением их раскопок по «облегченному» алгоритму, с элементарной полевой фиксацией и редким представлением в публикациях. С конца XX в., с расширением хронологических рамок исторических памятников, подлежащих археологическому изучению, увеличился профессиональный интерес к православному погребальному обряду. Постепенно в научном сообществе сформировалось и укрепилось мнение, что кладбища позднего времени – это также ценный археологический источник, изучение которого нужно проводить систематично и по общим методическим правилам.

Настоящее исследование представляет собой попытку обобщить данные о полевых исследованиях XIX–XXI вв. на православных могильниках Кольского Заполярья. Ак-

Field study of the Orthodox burial grounds in Russian Lapland in the XIX–XXI centuries

Shakhnovich M. M.

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS,
Apatity
marksuk62@mail.ru

Abstract

The paper presents an overview of the results of archaeological and anthropological studies of Christian burial grounds of the XVII–XIX centuries in Russian Lapland over the past 150 years. More than 25 necropolises and individual burials were examined, including burial grounds in Varzuga, Kandalaksha, and Kovda. In the XXI century, the volume of published information on various aspects of Pomor funeral rituals has increased significantly, but the data remains fragmented, and currently this aspect of the spiritual culture of the region remains understudied. Funeral practices in the Kola Arctic corresponded to the all-Russian norms, with minor variations due to the specifics of the spiritual traditions of the ethnic groups of the region.

Keywords:

Russian Lapland, Sami and Pomor funeral rites, archaeological work

туальность работы обусловлена недостаточной степенью археологической изученности некрополей XVII–XIX вв., а также необходимостью систематизации разрозненной и малоизвестной информации по обширной теме погребального обряда православного населения региона. Основой для исследования стали публикации в научных изданиях и материалы отчетов о полевых работах в научно-отраслевом архиве ИА РАН (рис. 1).

Кладбища, существовавшие в Российской Лапландии в период с XVII по XX в., преимущественно принадлежат православному населению (рис. 2А, 2Б). В приграничных районах, в северо-западной части Мурманской области и около поселений финских и норвежских колонистов конца XIX – первой трети XX в. на Мурманском берегу Баренцева моря и по р. Тулом также есть и лютеранские могильники.

Археологическое обследование могильников Русской Лапландии

Начало изучения христианских могильников Российской Лапландии было положено работами студента Гельсингфорского университета Д. Европеуса в 1856 г. Направ-

Рисунок 1. Исследованные православные могильники Русской Лапландии.
Pic. 1. Researched Orthodox burial grounds of Russian Lapland.

ленный Императорским географическим обществом для сбора материалов по фольклору и истории Терской Лапландии Д. Европеусом осуществлено первое известное нам исследование древнего кладбища в Кольском Заполярье. Он провел разборку двух «чудских могил» около с. Кандалакша. Однако найденные «кости человеческие и черепы» были отобраны у него «здешним простым непросвещенным народом», опасаясь появления «холеры», и для их возвращения потребовалось вмешательство властей¹.

В 1866 г. Р. М. Комповский осуществил «изыскания» около г. Колы на кладбище «чудских нехристов или татар». Оно было указано колянами на правом, размываемом берегу р. Туломы, где под небольшим слоем песка им обнаружены два погребения. В одном, полностью сохранившемся, в гробовине из теса, не скрепленном гвоздями, находился мужской костяк, ориентированный головой на запад. Как оригинальная особенность упоминается находка между костей каменного орудия «долота или клина». Череп и «долото» были изъяты, вскрытые костяки снова засыпаны².

В 1991 г. проводилась реставрация Никольской церкви с. Ковда (1705) (Кандалакшский р-н Мурманской обл.) и в алтарной части невысокой подклети храма было обнаружено наземное «хранилище» колод с останками младенцев. Колоды были сложены рядами, занимая все небольшое пространство под алтарем, отделенное деревянной перегородкой от основного объема подклети.

¹ «Пошел туда и из двух таких мне указанных и только камнями покрытых могил выбросил камень и под камнями под простой доской нашел кости человеческие и черепы, на которых лоб чрезвычайно низкий и ямки глазные очень плоские, так что явно доказывалось, что эти "чудские" черепы в самом деле принадлежат народу, который стоял далеко от лопарей и для того с полным правом и по преданию назван особенным именем "чудь"» [2, с. 128].

² «На островке при разгребании песку, на глубине около ½ аршина, найден целый гроб, сложенный из полусгнивших не сколоченных досок, колотых бревен, длиной 2 3/4 аршина, шириной 1 аршин, и вышиной 10 вершков, сверху прикрыт двумя досками. По открытии гроба замечено, что скелет трупа лежит лицом к западу на спине, руки вытянуты вдоль тела, мужского пола (по тазу), и в ногах онаго найдено, по предположению моему, орудие из довольно твердого камня. В виде долота или клина» [3].

Они были незначительно присыпаны землей, перевязаны прутьями, а тела уложены на подстилку из березовых листьев. Извлечение гробовин как материала, имеющего уникальное этнографическое и антропологическое значение, осуществляли в 1992 г. сотрудники МАЭ АН СССР О. И. Конькова, С. П. Поляков и В. И. Хартанович³. В настоящее время нераскрытые гробовины (42 шт.) находятся в хранилище Отдела антропологии МАЭ РАН (Кунсткамера). В 2004 г. реставраторами в подклети обнаружены еще 17 колод с детскими останками, которые в последующем были перезахоронены [4, с. 181].

Значимым этапом в изучении православных могильников Русского Севера стали раскопки в 2011–2013 гг. экспедицией НМРК некрополя старейшего храма Кольского Заполярья – Свято-Никольской церкви с. Варзуга (Терский р-н). В границах небольшого исследованного участка (39,5 м²) выявлены остатки оснований двух сменяющих друг друга деревянных храмов, датируемых началом XV и XVII вв., и 40 погребений, из которых 13 новорожденных и младенцев до полугода. На основе стратиграфических и планиграфических данных захоронения разделены на четыре группы: 1. Самые ранние погребения – XIV в.; 2. Групповые, «семейные», в общих могильных ямах, относящиеся к началу XV в. (рис. 2В); 3. Одиночные колоды с новорожденными и младенцами, положенные в подклети церковью – XVI–XVIII вв. (рис. 2Г); 4. Погребения XVIII в., находящиеся с внешней стороны церковной стены [5].

Несмотря на небольшой объем работ, удалось выделить интересные черты погребального обряда поморского населения северного берега Белого моря, проследить их развитие с XV по XVIII в. Например, новорожденные, помимо общего правила подзахоронений в могилы «взрослых» родственников, также хоронились в неглубоких «микрорядках», практически на поверхности, рядом и параллельно внешней стороне стены церкви, без соблюдения направленности головой на запад. Впервые в этом регионе были зафиксированы остатки намогильных памятников: нижние части деревянных столбов, установленных в изножье, скорее всего, основания распространенных до «никоновских новин» резных «голубцов». Некоторые гробовины полностью накрывались большими пластами бересты шириной до 0,6 м и длиной до 0,7 м или «цинковками» из берестяных полосок шириной около 0,6–1 см, соединенных по системе полотняного переплетения. Часть погребенных имели хорошо сохранившуюся ритуальную обувь – кожаные «простые поршни». В двух могилах обнаружены остатки «смертной одежды» из шерстяной ткани «монашеского» покроя. Гвозди встречались единично, и, вероятно, они использовались не при скреплении стенок гробовин, а для ритуального «запирания железом» покойников. Крестики и монеты в могилах отсутствовали. Среди небольшого числа находок есть части икон Богородицы: серебряная цапа и серебряный с золочением фрагмент нимба с ажурным растительным узором из тисненной сканой нити с эмалью (XVI в.) [6]. Антропологические исследования показали, что состав позднесредневекового населения с. Варзуга отличался от

³ Устная информация О. И. Коньковой.

Рисунок 2. Исследования в Русской Лапландии: А – саамское кладбище на о-ве Могильный на оз. Экостровская Имандра (1910). Фото Г. Халльстрёма; Б – поморское кладбище с. Кандалакша (начало XX в.). Фото А. А. Ухтомского; В – с. Варзуга. Святоニコльская церковь (2013). Семейное погребение. Вид с севера; Г – с. Варзуга. Святоニコльская церковь (2012). Детское погребение. Вид с запада; Д – изображение «личины» на кресте. Рисунок Ш. Рабо (1884) [1, р. 52]; Е – изображение «личины» на кресте. Могильник Иоконгского погоста. Работы Т. В. Лукьянченко (1976). Музей-архив изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН, № 236; Ж – д. Каклолакша. Валунное сложение – кенотаф (2019). Вид с юга.

Pic. 2. Research in Russian Lapland: A – Sami cemetery on Mogilny Island on Lake Ekostrovskaya Imandra. 1910. Photo by G. Hallström; Б – Pomor cemetery in the village of Kandalaksha. Early XX century. Photo by A. A. Ukhomsky; В – Varzuga village. St. Nicholas Church (2013). Family burial. View from the North; Г – Varzuga village. St. Nicholas Church (2012). Child burial. View from the West; Д – Image of a «face» on a cross. Drawing by Sh. Rabot. 1884 [1, p 52]; Е – Image of a «face» on a cross. Burial ground at the Iokongsky Pogost. Works by T. V. Lukyanchenko (1976). Museum-Archive of the Study and Development of the European North, Central Geographical Institute, Kola Science Center, Russian Academy of Sciences, No. 236; Ж – Kaklolaksha village. Boulder formation – cenotaph (2019). View from the south.

современных серий русских северных и центральных областей России и основную роль в его формировании сыграли группы выходцев с территории Карелии [7].

В 2013 г. в устье р. Нивы (г. Кандалакша), на месте разрушенной церкви Рождества Богородицы на Монастырском Наволоке, экспедицией НМРК во время раскопок выявлены остатки храма XVII в. В южной части подалтарного пространства найдены непо потревоженные, хорошей сохранности два костяка, лежащие друг на друге в одной могильной яме (слой песка между ними – 2 см). Погребенные – мужчины, 40–45 лет – верхний и 30–40 лет – нижний. Оба лежат в вытянутом положении на спине, в анатомическом порядке, головой на запад. Руки согнуты в локтях и положены друг на друга на животе (верхний) и в области тазовых костей (нижний). У верхнего погребенного наблюдались вдоль стенок могильной ямы тонкие полосы древесного тлена темно-коричневого цвета (толщиной до 0,7–1 см) от боковых досок. Следы от дна и крышек гробовин отсутствуют. Единственная находка – железный кованый гвоздь в изголовье верхнего погребенного. Датировка обоих костяков по радиоуглеродному определению – первая половина XVII в. Контекст «почетного» места захоронения в объеме алтаря указывает на высокий статус в монашеской общине обоих погребенных. Также при раскопках найдено обособленное захоронение новорожденного с медным крестом в колоде, накрытой куском бересты [8].

В 2011 и 2015 гг. на «нижней» усадьбе Трифионов-Печенгского монастыря (пос. Печенга) проводился поиск легендарной «могилы 116 мучеников». В алтарной части, сгоревшей в 2007 г. церкви Рождества Христова, которая, по преданию, была поставлена над местом захоронения убитых в 1589 г. печенгских иноков, сделан шурф (7,2 м²). Выявлены хорошо сохранившиеся четыре обугленных венца сгоревшего дома и отдельно – валунная кладка в яме – фундамент алтаря церкви второй половины XIX в. Костные останки ни на участке алтаря, ни в семи, сделанных рядом шурфах (площадью по 2 м²) не обнаружены. Культурный слой на предполагаемом месте нахождения братской могилы, к западу от церкви Рождества Христова, полностью уничтожен планировочными работами в 1980-е гг. [9]. Гео-радарное сканирование на глубину участка 1 м (120 × 35 м) вокруг церкви в 2025 г. также не выявило объекта, который можно было бы соотнести с братской могилей.

В северо-европейской исторической науке сложилась тенденция рассматривать раскопки саамских кладбищ как негативное проявление «колониального процесса». Однако археологическое изучение православных могильников аборигенов Заполярья проводилось и на территории норвежского приграничья. Например, археолог П. Симонсен в 1958–1959 гг. осуществил спасательные работы на семейном некрополе пазрецких скотта-саамов на о-ве Тоддсуэль (Гравхольмен) на р. Паз. Всего раскопано 31 погребение. В 14 из них зафиксированы прямоугольные деревянные гробы с плоской крышкой, в восьми – сужающиеся к ногам гробовины, в четырех – долбленные колоды. В одном случае тело находилось в «санях», два младенца лежали в колыбелях, один умерший был обернут

в «саван» из бересты. Могилы имели разную ориентацию и рядом с ними были сделаны находки топоров со сломанными топоричами. Самые древние погребения были отнесены ко второй половине XVI в. Норвежские исследователи отмечают, что погребальные обычаи скоттов и других восточных саамов долгое время испытывали значительное влияние традиций соседних карельских и поморских православных общин [10, р. 25].

Археологическое изучение кенотафов

Интересная, малоизученная разновидность северной православной погребальной традиции региона – это кенотафы. Архитектор П. П. Медведев на основе анализа материалов полевых работ в 1980–1990 гг. на 143 некрополях Беломорья выделил небольшую группу кенотафов – отдельно стоящие функционально-символьные некрокультурные знаки, к которым отнес 18 поклонных, придорожных, обетные и поминальные кресты и «столбики» [11, с. 88]. Археологи стали их выделять как отдельный тип погребальных объектов только в последнее время.

Наверное, первое исследование кенотафов в регионе провели в 1977 г. И. И. Гохман, Т. В. Лукьянченко и А. А. Куратов на мысе Колгуев о-ва Анзерский в Белом море. Среди большого числа различных сложений из камней они выделили «квадратные оградки с каменным холмиком внутри» и невысокие «овальные каменные выкладки-холмики», расположенные рядами на первой береговой террасе и похожие на сооружения «на старых лопарских кладбищах Кольского полуострова». Разборка одной кладки и шурфовка холмика в «оградке» не выявили следов от тел погребенных. Памятник был интерпретирован как поверхностные захоронения под каменными кладками с несохранившимися костными останками [12, с. 101–105]. В 2009 г. экспедицией СИАПМЗ раскопом 20 м² еще были исследованы две рядом расположенные кладки подпрямоугольной формы (2,45 × 1 × 0,25 м и 2,35 × 0,98 × 0,2 м), также без костей под камнями. В раскопе найдено 78 фрагментов гончарной белоглиняной и красноглиняной керамики, кальцинированные косточки и в сборах с поверхности оловянный православный крест XV в. Радиоуглеродные даты угля под камнями кладок – 530±25 BP и 550±50 BP [13].

На пограничном озере Окуновое (Ковдорский р-н Мурманской обл.) в 2012 г. был открыт комплекс из трех групп искусственных сложений из камней (19 шт.), интерпретированных как символические могилы, создаваемые в ситуации отсутствия тела. Одно сложение было частично разобрано. В плане оно четырехугольной формы (2,2 × 1,8–1,6 м), ориентировано на озеро. Небольшие «стены» сооружения (высота – 0,35–0,5 м) сложены из двух рядов крупных валунов (0,5–0,7 × 0,35–0,45 м). Внутреннее пространство заполнено «засыпкой» из плоских и мелких камней поверх дерна. Геохимические исследования показали, что внутри кладки отсутствовали следы погребения или хозяйственной деятельности [14, с. 424]. Аналогичные группы валунных сложений известны около деревень Каклолакша и Калгалакша в Северной Карелии (см. рис. 2Ж).

Поиск кладбищ

Целенаправленный поиск «поздних» могильников в регионе проводился преимущественно в процессе этнографических и антропологических исследований. В отчетах XX в. нам удалось найти только два кратко описанных эпизода работ археологов. В 1973 г. Н. Н. Гурина предварительно обследовала о-в Хаутасаари на оз. Куэтсьярви около г. Никель (Печенгский р-н Мурманской обл.) и отметила наличие могил [15, с. 6]. В 1978 г. недалеко от устья р. Ивановки (Ловозерский р-н Мурманской обл.) найдена «сложенная из валунов с обкладкой по краям плитами песчаника саамская могила, размерами 1,2 × 0,6 м» [16, с. 2].

В первой четверти XXI в. ситуация с выявлением и фиксацией православных могильников в Русской Лапландии как отдельного вида археологических памятников значительно улучшилась.

В 2022 г. экспедицией ИИМК РАН на небольшом острове около саамского погоста в губе Кислая оз. Экостровская Имандра зафиксирован могильник XVIII–XIX вв. – Кинтшемлукт 2. На поверхности отмечены более 40 могильных впадин, ориентированных преимущественно на запад – восток. Рядом с погребениями собран интересный материал: четыре однотипных рабочих топора с преднамеренно разбитыми обухами, целый железный однолезвийный нож и два киотных креста из латуни (один с двумя херувимами). Раскопки в 2023 г. одного погребения выявили детский костяк с нательным медным крестиком-«лепестком» на груди и железный топор.

В 2023 г. экспедиция Кольского НЦ РАН дообследовала о-в Хаутасаари в южной части оз. Куэтсьярви. Название острова (по-фински *Hauta* – могила) и исторические сведения о существовании в XIX–XX вв. на озере саамского погоста указывают на нахождение здесь могильника. На ровной площадке (85 × 60 м) в южной высокой части острова хорошо заметны около 50 могильных впадин разной величины. Они овальной формы, расположены рядами и преимущественно ориентированы по линии север – юг и юго-запад – северо-восток, перпендикулярно береговому обрыву. Ориентация могил на водоем – распространенная традиция народов тундровой зоны. На поверхности отсутствуют остатки наземных деревянных конструкций. Предварительно возраст могильника Хаутасаари I определен периодом XVIII – первая треть XX в. [14, с. 418].

В 2025 г. М. М. Шахнович (Кольский НЦ РАН) проводил поиск саамского кладбища на о-ве Могильный в проливе Экостровский оз. Имандра. По существующему мнению, оно было уничтожено строительством ЛЭП и шоссе в 1970-е гг. По сохранившимся изображениям конца XIX в. удалось определить, что могильник располагался на западном берегу острова, где присутствуют глубокие ямы, которые можно соотнести со вскрытиями могил Г. Халльстрёмом в 1910 г. Для проверки этого предположения на береговом склоне были заложены два шурфа по 1 м² и один – 1,8 м², которые не выявили характерного кладбищенского слоя. Шурф (3,8 м²) над «перспективной» впадиной в северо-западной части острова позволил проследить остатки деревянной конструкции («домик мертвых»?) над неглубокой, овальной в плане ямой без костных останков.

Исследования антропологов и этнографов

Отдельно нужно остановиться на «раскопках» христианских могильников, проводимых антропологами и этнографами.

Физической антропологией аборигенов Русской Лапландии специалисты стали интересоваться со второй половины XIX в. В это время саамы рассматривались как «самостоятельная раса, стоящая особняком как от европеоидов, так и от монголоидов». При полевых работах преимущественно проводились антропометрические измерения живых «особей», а «раскопки» могил для получения краниометрического материала осуществлялись единично [17]. «Исключительно своеобразные» саамские черепа были востребованы в антропологических коллекциях европейских музеев и университетов. Это побуждало «энтузиастов науки» к полулегальным вскрытиям могил на кладбищах Лапландии, в том числе и «в саамских районах» России. При всей научной важности материала, полученного при этих работах, нужно учитывать, что местное население негативно реагировало на такие «мероприятия», о чем сообщают все работавшие в Лапландии этнографы и антропологи⁴.

Географ Ш. Рабо во время своего путешествия в 1884 г. по приграничным территориям Русской Лапландии осматривал саамские кладбища и вскрыл несколько могил. В своих путевых записках он описывает внешний вид «домиков мертвых» могильников в Ристикет на Нотозеро и в Паканайоки, в частности, отмечает изображение личины на нижней части намогильного креста и наличие сопровождающего инвентаря⁵ (см. рис. 2Д).

Ботаник А. О. Чильман, в 1887 г. принимавший участие в Большой Кольской экспедиции В. Рамзая в центральные районы Русской Лапландии, посетил «старое саамское кладбище» около Лууйорре (Ловозеро). По его описанию, захоронения находились на холме около реки и, вероятно, размывались, так как он «подобрал» один череп. Могилы не имели крестов и на поверхности были отмечены каменными обкладками-«кольцами». Традиционно рядом лежали топоры «русского типа» со сломанными топорищами и деревянные лопатки [19, с. 56].

Пионер археологии Лапландии шведский этнограф Густав Халльстрём во время экспедиций по Кольскому Северу в 1908 и 1910 гг. для получения краниологического материала провел раскопки саамских кладбищ XIX в. на

⁴ «На островке при разгребании песку, на глубине около ½ аршина, найден целый гроб, сложенных из полусгнивших не сколоченных досок, колотых бревен, длиной 2 3/4 аршина, шириной 1 аршин, и вышиной 10 вершков, а сверху прикрыт двумя досками. По открытии гроба замечено, что скелет трупа лежит лицом к западу на спине, руки вытянуты вдоль тела, мужского пола (по тазу), и в ногах онаго найдено, по предположению моему, орудие из довольно твердого камня. В виде долота или клина» [3].

⁵ «В одной могиле, которую мы раскопали в Ракапайоки, было блюдо, топор, ложка, своего рода лопата, похожая на весло, назначение которой для нас осталось загадкой <...> Тела помещают в гробы из соснового дерева, а в качестве надгробия над ямой возводят деревянный навес, двухскатный, как крыша дома, высотой в несколько дюймов над землей. Спереди в нем проделано небольшое квадратное отверстие, вероятно, для того, чтобы мертвый мог дышать. На противоположной стороне помещен греческий крест, на одной лопасти которого изображен очень грубо выполненный череп» [18, р. 56].

островах Вуллсуол на Умбозеро (17 могил), Могильный на оз. Экостровская Имандра (10), на оз. Нуотъяур (2), около водопада на р. Туломе (2). Он подробно описывает конструкцию и оформление намогильных сооружений («гробнички», кресты), размеры могильных ям и гробовин, состояние останков, найденные вещи, следы приношений, дает сравнительный анализ с этнографическими наблюдениями на кладбищах Беломорской Карелии и Шведской Лапландии. Коллекция из 27 черепов и частично костные останки были переданы им в Уппсальский анатомический институт, «по поручению» которого и проводились эти работы. Г. Халльстрём также отмечает существовавшее отрицательное отношение саамов к посещениям посторонними людьми их семейных кладбищ⁶.

Подобной, ныне осуждаемой практике вскрытия могил на действующих кладбищах придерживались и российские исследователи. В 1877 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) направило в Русскую Лапландию для сбора материалов «по научной характеристике русских лопарей» к планируемой Антропологической выставке молодого антрополога А. И. Кельсиева. За два летних месяца он посетил 13 саамских становищ и погостов на севере и востоке Кольского уезда. В его отчете упоминаются «раскопки» девяти могил на действующем поморском кладбище с. Поной, откуда были получены восемь «лапландских» черепов⁷.

Только почти через 100 лет, в 1970-е гг., возобновились полевые работы на саамских могильниках. Обследование сельских некрополей на Северо-Западе России стали проводиться при участии этнографов, а с конца XX в. – совместно с археологами или по археологической методике.

В 1976 г. комплексный этнографо-антропологический Североевропейский отряд ИЭ АН СССР проводил в удаленных районах Кольского п-ва поиск и раскопки заброшенных кладбищ конца XIX – начала XX в. Обследовались могильники дер. Чальмны-Варрэ на р. Поной и около летнего саамского погоста в низовье р. Иоканги, где было вскрыто соответственно 52 и 27 могил. В публикациях по результатам работ приведена общая информация о намогильных сооружениях («домовины», кресты, каменные обкладки), могильных ямах, гробах, положении и состоянии костяков, сопутствующих предметах (топоры, береста), а также описываются местные, «архаические особенности» обряда погребения: топография, разная ориентировка и незначительная глубина могил⁸, кенотафы, отдельное место для

⁶ «Я посетил несколько саамских захоронений. <...> Однако мои наблюдения весьма неравнозначны из-за того, что саамы не хотели позволять посещать эти места. Это привело к тому, что мне часто приходилось делать это в неурочные часы или в неблагоприятное время» [20, с. 163].

⁷ «Кладбищ в каждом погосте по одному, могил десятка 2, все отцы и деды живущего населения. Старый материал, не взирая на мелкость погребения, долго не разлагается; приходилось собственными руками взламывать гроба и очищать черепа от одежд и волос. Дохристианских или доисторических погребений нет и следов, по слухам много их дальше» [21, с. 6].

⁸ «Имеются и совсем поверхностные захоронения, когда снимался только верхний слой почвы настолько, что бы можно было опустить гроб до уровня крышки. Сверху такую могилу присыпали землей и заваливали камнями» [22, с. 117].

«заложных», камни в изголовье, вырезание на крестах личин, кольцевые обкладки из камней могильных холмиков. Получен значительный краниологический материал: коллекции черепов двух разных групп саамов – каменных (48 экз.) и иокангских (26 экз.) [23] (см. рис. 2Е).

В 1977 г. работы коллектива антропологов и этнографов были продолжены на кладбище Масельгского саамского погоста в дер. Пулозеро, где раскопаны 42 могилы и получен краниологический материал (21 череп). Также при впадении р. Варзина в Баренцево море В. И. Хартанович раскапывал русско-саамский могильник летнего Семиостровского погоста. В «старой» части кладбища с сохранившимися «домовинами» были изучены 34 погребения (29 черепов и 14 костяков). Дообследование некрополя на р. Иоканге, где были раскопаны все оставшиеся ранее нетронутыми погребения, не дало значительных результатов [24].

В 1993 г. российско-шведская экспедиция провела небольшие раскопки саамского могильника Северная Салма на оз. Ловозеро, где были вскрыты девять погребений, из которых получено шесть черепов (три мужских и три женских) [25].

Особо следует отметить обширное полевое изучение в 1980–1990 гг. архитектором П. П. Медведевым сохранившихся деревенских некрополей Беломорья и Северной Карелии. На основе собранных данных по 143 могильникам были разработаны типология и хронология форм и конструктивно-декоративных решений «гробниц», «срубов» и «намогильных столбиков» поморских кладбищ, которые могут быть результативно использованы при реконструкции раскопанных погребальных комплексов [11]. Также в 2003 г. этнограф И. Ю. Шундалов сделал подробное описание поморских кладбищ XIX–XX вв. на Терском берегу Белого моря в селах Варзуга, Кузомень, Кашкранцы, Оленица, собрав интересный материал [26, с. 27–28].

Выводы

Погребальные христианские памятники XVII–XIX вв. на территории Кольского Заполярья за последние 150 лет относительно часто становились объектами профессиональных исследований. В нашем обзоре представлено более 25 мест, в основном небольших археологических и антропологических работ и «попутных» находок. Но результативность исследований разная и все сведения, дающие возможность делать некоторые обобщения, получены в ходе изысканий последних 15 лет. Поэтому нужно признать, что в настоящее время многие аспекты погребальной обрядности православных общин поморов и карел исследованы не в полной мере.

Ритуал захоронения, зафиксированный на единственном раскопанном поморском могильнике с. Варзуга, включал ряд устойчивых элементов обрядовой практики и своеобразные детали, характерные для населения этого района Беломорья. Для поморов Русской Лапландии отмечается многовариантность форм погребального обряда, связанная с причинами смерти. Отдельная тема для анализа – способы погребений мертворожденных и умерших младенцев.

Как следует из обзора, археологические раскопки широкими площадями поздних саамских могильников на территории Русской Лапландии в последние 100 лет не проводились (исключение – работы П. Симонсена 1958 г. на р. Паз). И в воссоздании погребального обряда российских саамов, которые с XVII в. все были православными, можно опереться, наверное, только на наблюдения этнографа Н. Н. Харузина⁹. Вывод, который следует из его краткого описания – в основных чертах «христианский способ погребения» саам и соседних общин карелов и поморов отличается незначительно. Рассматриваемые как оригинальный признак традиция оставлять на могилах различные вещи (сани, топоры, лопаты, ложки, керамические горшки), использование в ряде случаев дощатого гроба без крышки и строительство «домовины» с двускатной крышей, крестом и окошечком, также широко распространены среди северных народов. Как некоторые специфические «лопарские» правила на сегодня следует отметить небольшую глубину могильных ям («1/2 аршина, редко 1 аршин»), использование при их засыпке большого количества камней и значительную вариативность ориентировки могил.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

- Rabot Ch. Notes ethnographiques recueillies en Lapopie / Ch. Rabot // *Revue d'ethnographie*. – 1885. – Vol. 4. – P. 24–60.
- Неёлова, М. Е. Обзор фондов Национального архива Республики Карелия, содержащих сведения по истории Кольского уезда Архангельской губернии / М. Е. Неёлова // *Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки*. – 2025. – Т. 4, № 4. – С. 125–142.
- Комповский, Р. М. Чудское кладбище близ заштатного города Колы Архангельской губернии / Р. М. Комповский // *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: труды антропологического отдела*. – 1876. – Т. XX, вып. 1. – С. 27–28.
- Митрополит Митрофан (Баданин). Путеводитель по святыням и памятным местам Кольского края / М. Баданин. – Мурманск, 2025. – 192 с.
- Шахнович, М. М. Археологическое изучение реки Варзуга (Терский берег Белого моря) / М. М. Шахнович // *Труды Кольского научного центра РАН*. – 2021. – Вып. 20. – С. 48–73.
- Шахнович, М. М. Археологическое изучение Свято-Никольской церкви с. Варзуга в 2013 году / М. М. Шахнович // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. – 2015. – Вып. 29. – С. 291–303.
- Широбоков, И. Г. Антропологический состав поздне-средневекового населения Терского берега Белого моря (по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви с. Варзуга) / И. Г. Широбоков, М. М. Шахнович // *Записки ИИМК РАН*. – 2013. – Вып. 8. – С. 193–202.
- Шахнович, М. М. Погребение в церкви Кандалакшского монастыря: к вопросу о топографии статусных захоронений в храмах Русского Севера в позднем Средневековье / М. М. Шахнович, И. К. Решетова // *КСИА*. – 2024. – Вып. 275. – С. 450–467.
- Шахнович, М. М. Археологические работы по поиску «братской могилы 116 мучеников» Трифонов-Печенгского монастыря / М. М. Шахнович // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья*. – 2017. – Вып. 10. – С. 241–256.
- Stora N. Burial Customs of the Skolt Lapps. / N. Stora. – Helsinki, 1971. – 215 p.
- Медведев, П. П. Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья (архитектурно-типологический и разведочный анализы) / П. П. Медведев // *Народное зодчество*. – Петрозаводск, 1998. – С. 85–103.
- Гохман, И. И. О предшественниках русских на Соловецких островах / И. И. Гохман, Т. В. Лукьянченко // *СЭ*. – 1979. – № 4. – С. 98–106.
- Мартынов, А. Я. Разведки и раскопки на Соловецких островах / А. Я. Мартынов, М. М. Шахнович // *АО 2009*. – М., 2013. – С. 43–44.
- Шахнович, М. М. Археология мурманского приграничья / М. М. Шахнович // *КСИА*. – 2025. – Вып. 280. – С. 412–427.
- Гурина, Н. Н. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции в 1973 году / Н. Н. Гурина // *Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. № 5776*.
- Шумкин, В. Я. Отчет о работе разведочного отряда Кольской археологической экспедиции за 1978 год / В. Я. Шумкин // *Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Д. 7407*.
- Золотарев, Д. А. Кольские лопари: труды Лопарской Экспедиции Русского Географического Общества по антропологии лопарей и великороссов Кольского полуострова / Д. А. Золотарев. – Л., 1928. – 207 с.
- Богданов, А. П. Вопросы по изучению лопарей, затронутые в антропологических обществах и специальных журналах последних лет / А. П. Богданов. – М., 1877. – 9 с.
- Rikkinen, K. Suuri Kuolan retki 1887. / K. Rikkinen. – Otava, 1980. – 326 p.
- Hallström, G. Gravplatser och offerplatser i ryska lappmarken / G. Hallström // *Rig*. – 1922. – Vol. 5. – № 3–4. – P. 162–192.
- Кельсиев, А. И. Поездка к лопарям. Письма и предварительные отчеты Комитету / А. И. Кельсиев. – М., 1878. – 14 с.
- Лукьянченко, Т. В. Саамы / Т. В. Лукьянченко // *Прибалтийско-финские народы России*. – М., 2003. – С. 66–118.
- Гохман, И. И. О погребальном обряде и краниологии лопарей / И. И. Гохман, Т. В. Лукьянченко, В. И. Хартанович // *Полевые исследования Института этнографии 1976 г.* – Л., 1978. – С. 51–67.
- Хартанович, В. И. Результаты исследования новой краниологической серии саамов / В. И. Хартанович // *Полевые исследования Института этнографии 1978*. – Л., 1980. – С. 181–188.
- Хартанович, В. И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова / В. И. Хартанович // *Палеоантропология, этническая история, этногенез*. – СПб., 2004. – С. 108–125.

⁹ Описываются пазрецкие, нотозерские и масельские саамы [27, с. 323–326].

26. Шундалов, И. Ю. Крестьянские некрополи Терского берега Белого моря / И. Ю. Шундалов // Живая старина. – 2007. – № 4. – С. 27–30.
27. Харузин, Н. Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта / Н. Н. Харузин // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – 1890. – Т. 66. – 472 с.

References

1. Rabot, Ch. Notes ethnographiques recueillies en Lapopie [Ethnographic notes collected in Lapopia] / Ch. Rabot // Revue d'ethnographie. [Journal of ethnography]. – 1885. – Vol. 4. – P. 24–60.
2. Neyolova, M. E. Obzor fondov Natsionalnogo arkhiva Respubliki Kareliya, soderzhashchikh svedeniya po istorii Kolskogo uезда Arkhangel'skoj gubernii [Review of the funds of the National Archives of the Republic of Karelia containing information on the history of the Kola Uyezd of the Arkhangel'sk province] / M. E. Neyolova // Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki. [Proc. of the Kola Science Centre, RAS. Series: Natural Sciences and Humanities]. – 2025. – Vol. 4. – No. 4. – P. 125–142.
3. Kompovsky, R. M. Chudskoe kladbishche bliz zashtatnogo goroda Koly Arkhangel'skoj gubernii [Chud' Cemetery near the town of Kola in the Arkhangel'sk Region] / R. M. Kompovsky // Izvestiya Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii. Trudy antropologicheskogo otdela [News of the Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography Lovers. Works of the Anthropological Department]. – 1876. – Vol. XX. Issue 1. – P. 27–28.
4. Metropolitan Mitrofan (Badanin). Putevoditel' po svyatyam i pamyatnym mestam Kolskogo kraja [A guide to the shrines and memorable places of the Kola region] / M. Badanin. – Murmansk, 2025. – 192 p.
5. Shakhnovich, M. M. Arkheologicheskoe izuchenie reki Varzuga (Terskiy bereg Belogo morya) [Archaeological study of the Varzuga River (Tersk coast of the White Sea)] / M. M. Shakhnovich // Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN [Proc. of the Kola Science Centre, RAS]. – 2021. – Issue 20. – P. 48–73.
6. Shakhnovich, M. M. Arkheologicheskoe izuchenie Svyato-Nikol'skoj tserkvi s. Varzuga v 2013 godu [Archaeological study of the St. Nicholas Church in Varzuga village in 2013] / M. M. Shakhnovich // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology]. – 2015. – Issue 29. – P. 291–303.
7. Shirobokov, I. G. Antropologicheskij sostav pozdnesrednekovogo naseleniya Terskogo berega Belogo morya (po materialam raskopok nekropolya Svyato-Nikol'skoj tserkvi s. Varzuga [Anthropological composition of the Late Medieval population of the Tersk coast of the White Sea (based on the materials of the excavations of the necropolis of St. Nicholas Church in Varzuga village)] / I. G. Shirobokov, M. M. Shakhnovich // Zapiski IIMK RAN [Notes of the Inst. of the History of Material Culture, RAS]. – 2013. – Issue 8. – P. 193–202.
8. Shakhnovich, M. M. Pogrebenie v tserkvi Kandalakshskogo monast'rya: k voprosu o topografii statusnykh zakhoroneniij v khramakh Russkogo Severa v pozdnem Srednevekov'e [Burial in the church of the Kandalaksha Monastery: on the issue of the topography of status burials in the churches of the Russian North in the Late Middle Ages] / M. M. Shakhnovich, I. K. Reshetova // KSIA [Brief reports from the Institute of Archaeology, RAS]. – 2024. – Issue 275. – P. 450–467.
9. Shakhnovich, M. M. Arkheologicheskie raboty po poisku «bratskoj mogily 116 muchenikov» Trifonov-Pechengskogo monast'rya [Archaeological work in the search for the «mass grave of 116 martyrs» of the Trifonov-Pechenga Monastery] / M. M. Shakhnovich // Tver, Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epohu Srednekovyia [Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. – 2017. – Issue 10. – P. 241–256.
10. Stora N. Burial Customs of the Skolt Lapps. / N. Stora. – Helsinki. 1971. – 215 p.
11. Medvedev, P. P. Nekrokultovye sooruzheniya Belomorskogo Pomorya (arkhitekturno-tipologicheskij i razvedochnyj analizy) [Necro cult structures of the White Sea Pomorie (architectural, typological and exploratory analyses)] / P. P. Medvedev // Narodnoe zodchestvo [People's Architecture]. – Petrozavodsk, 1998. – P. 85–103.
12. Gokhman, I. I. O predshestvennikakh russkikh na Solovetskikh ostrovakh [About the predecessors of the Russians on Solovetsky Islands] / I. I. Gokhman, T. V. Lukyanchenko // SE [Soviet Ethnography]. – 1979. – № 4. – P. 98–106.
13. Martynov, A. Ya. Razvedki i raskopki na Solovetskikh ostrovakh [Explorations and excavations on the Solovetsky Islands] / A. Ya. Martynov, M. M. Shakhnovich // AO 2009 [Archaeological Discoveries 2009]. – Moscow, 2013. – P. 43–44.
14. Shakhnovich, M. M. Arkheologiya murmanskogo pri-granich'ya [Archaeology of the Murmansk border zone] / M. M. Shakhnovich // KSIA [Brief reports from the Institute of Archaeology, RAS]. – 2025. – Issue 280. – P. 412–427.
15. Gurina, N. N. Otchet o rabote Kol'skoj arheologicheskoy ekspeditsii v 1973 g. [Report on the work of the Kola Archaeological Expedition in 1973] / N. N. Gurina // Arhiv IA RAN. [Archive of the Institute of Archaeology, RAS]. F. 1. R. 1. Op. 1. № 5776.
16. Shumkin, V. Ya. Otchet o rabote razvedochnogo otryada Kol'skoj arheologicheskoy ekspeditsii za 1978 god [Report on the work of the exploration team of the Kola Archaeological Expedition in 1978] / V. Ya. Shumkin // Arhiv IA RAN. [Archive of the Institute of Archaeology, RAS]. F. 1. R. 1. Op. 1. D. 7407.
17. Zolotarev, D. A. Kolskie lopari: Trudy Loparskoj Ekspeditsii Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po antropologii loparej i velikorossov Kolskogo poluoostrova [Kola Lapps: Proc. of the Lappish Expedition of the Russian Geographical Society on the anthropology of the Lapps and Great

- Russians of the Kola Peninsula] / D. A. Zolotarev. – Leningrad, 1928. – 207 p.
18. Bogdanov, A. P. Voprosy po izucheniyu loparej, zatronuty v antropologicheskikh obshchestvakh i spetsialnykh zhurnalakh poslednikh let [Issues concerning the study of the Lapps raised in anthropological societies and specialized journals in recent years] / A. P. Bogdanov. – Moscow, 1877. – 9 p.
 19. Rikkinen K. Suuri Kuolan retki 1887. [The great Kola expedition of 1887] / K. Rikkinen – Otava, 1980. – 326 p.
 20. Hallström, G. Gravplatser och offerplatser i ryska lapmarken [The tombs of religious figures, and the high places of Russian lapland] / G. Hallström // Rig. – 1922. – Vol. 5. – № 3–4. – P. 162–192.
 21. Kelsiev, A. I. Poezdka k loparyam. Pis'ma i predvaritel'nye otchety Komitetu. [A trip to the Lapps. Letters and preliminary reports to the Committee] / A. I. Kelsiev – Moscow, 1878. – 14 p.
 22. Lukyanchenko, T. V. Saamy [The Sami] / T. V. Lukyanchenko // Pribaltijsko-finskie narody Rossii [The Baltic-Finnish peoples of Russia]. – Moscow, 2003. – P. 66–118.
 23. Gokhman, I. I. O pogrebalnom obriade i kraniologii loparei [On the funeral rite and craniology of the Lapps] / I. I. Gokhman, T. V. Lukyanchenko, V. I. Khartanovich // Polevye issledovaniya Instituta etnografii. [Field studies of the Institute of Ethnography. 1976]. – Leningrad, 1978. – P. 51–67.
 24. Khartanovich, V. I. Rezultaty issledovaniia novoi kraniologicheskoi serii saamov [Results of the study of a new craniological series of the Sami people] / V. I. Khartanovich // Polevye issledovaniya Instituta etnografii. [Field research of the Institute of Ethnography 1978]. – Leningrad, 1980. – P. 181–188.
 25. Khartanovich, V. I. Novye kraniologicheskie materialy po saamam Kolskogo poluostrova [New craniological materials on the Sami people of the Kola Peninsula] / V. I. Khartanovich // Paleoantropologiya, etnicheskaya istoriya, etnogenez. [Paleoanthropology, ethnic history, ethnogenesis]. – St. Petersburg, 2004. – P. 108–125.
 26. Shundalov, I. Yu. Krestyanskie nekropoli Terskogp berega Belogo morya [Peasant necropolises of the Tersk coast of the White Sea] / I. Yu. Shundalov // Zhivaya starina [Live antiquity], – 2007. – No. 4. – P. 27–30.
 27. Kharuzin, N. N. Russkie lopari: (Ocherki proshlogo i sovremennogo byta) [Russian Lapps: (Essays on the Past and Modern Life)] / N. N. Kharuzin. – Izvestiya Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii [News of the Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography Lovers]. – 1890. – Vol. 66. – 472 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме НИР FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Автор выражает признательность за помощь в сборе информации П. Уйно, В. Лихачеву, И. Травину.

Acknowledgements (state task):

This research was conducted within the frames of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the research topic FMEZ-2024-0002 «Dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of development of the Russian Arctic Frontier».

The author expresses his gratitude for the assistance in collecting information to P. Uino, V. Likhachev, I. Travin.

Информация об авторе:

Шахнович Марк Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; ORCID: 0000-0003-0771-675X, SPIN-код: 6622-1800 (184209, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 14; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Author:

Mark M. Shakhnovich – Cand. Sci. (History), Leading Researcher at the Barents Centre of the Humanities, Federal Research Centre Kola Science Centre, RAS; ORCID: 0000-0003-0771-675X, SPIN-code: 6622-1800 (14, Fersman st., Apatity 184209, Russian Federation; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Для цитирования:

Шахнович, М. М. Полевое изучение православных могильников Русской Лапландии в XIX–XXI веках / М. М. Шахнович // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 75–84.

For citation:

Shakhnovich, M. M. Field study of the Orthodox burial grounds in Russian Lapland in the XIX–XXI centuries / M. M. Shakhnovich // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 2 (87). – P. 75–84.

Дата поступления статьи: 09.01.2026

Прошла рецензирование: 12.01.2026

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 09.01.2026

Reviewed: 12.01.2026

Accepted: 30.01.2026

Список с церковной летописи: портрет переписчика и особенности вторичного источника

Гладких С. А.

г. Котлас
sgladkih@inbox.ru

Аннотация

Статья раскрывает историю создания и особенности списка с церковно-приходской летописи Песчанской Троицкой церкви Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Список составлен в советское время краеведом З. Ф. Шмаковым и хранится в архиве Котласского краеведческого музея. Обращено внимание на эвристический потенциал этого вторичного источника, позволяющего провести сравнительный анализ краеведческих коммеморативных практик различных эпох и установить преемственность провинциальной летописной традиции независимо от идеологических воззрений летописцев.

Ключевые слова:

церковно-приходская летопись, Песчанская Троицкая церковь, З. Ф. Шмаков, провинциальная летописная традиция

В архиве Котласского краеведческого музея хранится весьма своеобразный документ: объемные выписки, а по сути – сокращенный список с церковно-приходской летописи Песчанской Троицкой церкви Сольвычегодского уезда Вологодской губернии [1]. Ныне эта полуразрушенная церковь находится в дер. Григорово (второе название – Песчаница) Котласского муниципального округа Архангельской области.

Список был сделан осенью 1968 г. песчанским краеведом Зосимой Федоровичем Шмаковым с подлинника, доныне хранящегося в Государственном архиве Архангельской области [2]. Летопись, составленная священниками храма, охватывает период 1868–1929 гг., хотя в течение 10 лет – с 1877 по 1886 г. – записи не велись. Кроме того, Зосимой Шмаковым в список внедрен фрагмент клировой ведомости Песчанской Троицкой церкви за 1915 г., также хранящейся в областном архиве [3].

В первую очередь следует сказать несколько слов о личности переписчика. Зосима Федорович Шмаков родился в 1902 г. в Песчанице, с восторгом принял революцию 1917 г. и активно созидал на родине «новую жизнь». В 1924 г. вступил в комсомол, в 1926 г. – в Коммунистическую партию [4, л. 21; 5, л. 259]. Был одним из организаторов колхозного строительства, участвовал в Великой Отечественной войне. После смерти жены с 1958 г. жил бобылем, в 1967 г. покинул Песчаницу и переехал к сыну в Коряжму, хотя старался по возможности чаще бывать на

List from the church chronicle: portrait of the transcriber and features of the secondary source

Gladkikh S. A.

Kotlas
sgladkih@inbox.ru

Abstract

The paper reveals the history of the creation and features of the list from the parish chronicle of the Peschanskaya Trinity Church of the Solvychevodsk Uyezd of the Vologda province. The list was compiled in Soviet times by local historian Z. F. Shmakov and is stored in the archive of the Kotlas Museum of Local Lore. Attention is drawn to the heuristic potential of this secondary source, which makes it possible to conduct a comparative analysis of local history commemorative practices from different eras and establish the continuity of the provincial chronicle tradition, regardless of the ideological views of the chroniclers.

Keywords:

parish chronicle, Peschanskaya Trinity Church, Z. F. Shmakov, provincial chronicle tradition

малой родине. Организовал возведение обелиска в память о земляках, погибших в годы Великой Отечественной войны, открытого в Григорово 9 мая 1970 г. [6]. С 1971 г. проживал у дочери в Печоре, где и умер в 1972 г. В последние годы жизни страдал склерозом сосудов головного мозга, но в одном из писем признавался: «...не хочется сдаваться и уходить из обществ[енной] жизни» [5, л. 266].

Интерес к церковной летописи возник у Зосимы Федоровича потому, что именно с его подачи началось создание новой, уже гражданской летописи Песчаницы, решение о составлении которой было принято на совещании местных активистов-общественников 21 октября 1967 г. [там же, л. 274]. Работа велась при Песчанской школе, но основной объем исследовательской деятельности выполнял инициатор – Зосима Шмаков. Он вел масштабную переписку с земляками, раскиданными по всей стране. В Государственном архиве Архангельской области работал по официальному направлению Котласского райисполкома от 28 августа 1968 г. По направлению Котласского райкома КПСС работал и в областном партийном архиве, суммарно посвятив архивно-поисковой деятельности 50 дней [там же, л. 346–347, 349].

Особое внимание Зосима Федорович уделял раннему советскому периоду, а в отношении дореволюционной истории – вопросам социально-имущественного расслоения и классовой борьбы в деревне. К концу жизни он составил «Исторический очерк из жизни населения Сольвычегодского уезда в XIX и начале XX века» (145 листов

машинописного текста) [7], но попытки опубликовать это достаточно «сырое» краеведческое сочинение не удалось, и ныне оно находится в архиве Котласского краеведческого музея. Показательно, что в данном тексте присутствует множество отсылок и объемных цитат из летописи Песчанской церкви, которая в значительной мере послужила базой изысканий Зосимы Шмакова.

Составленный краеведом список с этой летописи представляет собой три школьные тетради в клетку по 12 листов каждая. Записи сделаны на одной стороне листа, мелким разборчивым почерком, шариковой ручкой с синей пастой. Наиболее важное подчеркнуто красным карандашом, но, возможно, не самим переписчиком. Тексты не закавычены, однако, судя по стилю, близки к оригиналу и часто выписаны дословно. Наиболее подробные выписки относятся к советскому периоду. Последняя тетрадь завершается претенциозной подписью: «исследователь *через одну* «с». – С. Г.) З. Шмаков» [1, л. 36].

В тексте списка изредка встречаются комментарии переписчика, обычно помещенные в скобки с уточнением «З. Ш.» (Зосима Шмаков), в основном антицерковной и антирелигиозной направленности. Например, когда летописец отмечает, что 22 мая 1908 г. по просьбе прихожан был отслужен молебен Господу Богу о даровании тепла, но травы в этом году уродились плохие, переписчик комментирует: «...бог сделал медвежьё услугу». К записи священника о церковных доходах сделана приписка карандашом «О сметане, яйцах умолчал»: Зосима Федорович явно осуждает «доброхотные даяния» прихожан церковному причту. При этом сам переписчик в вопросах религии не силен: например, Троица у него именуется «Новоначальной» вместо «Живоначальной» [там же, л. 2].

Особый интерес вызывает развернутый комментарий переписчика к одному событию 1924 г., в летописи изложенному так: «В Пасхальную ночь во время утрени предложено в школе поставить спектакль, чтобы отвлечь православных от храма. Но, кажется, спектакля не было, т. к. кроме артистов, почти никого не было». Зосима Шмаков немедленно реагирует: «Этот факт изложен не правдиво, чтобы не уронить авторитета перед высшим духовенством. Я лично сговорил <...> молодежь и девушек заранее идти не в церковь, а в школу на спектакль, а в эту ночь, встав на отворотку дороги, большинство парней и девушек всех других деревень сагитировал идти в школу, на что потом священник жаловался отцу моему» [там же, л. 31].

При этом переписчик без комментариев приводит иные, заставляющие задуматься размышления летописца-священника о происходящем в это время: «В народе прямо голод <...> До такой скудности дожили ради грехов наших». «В В[еликий] Пост организован здесь кружок безбожников, записалось человек десяток, больше из молодежи, конечно. Кроме того, организована ячейка комсомолов, коих чел[овек] до 40. Сии комсомолы – конечно, тоже безбожники по уставу партии, но думается, не по убеждению, т. к. едва ли можно предположить существование каких-либо серьезных убеждений у философов в 18 лет». Или, после сообщения, что 26 декабря 1924 г. на игрищах зарезаны двое молодых парней: «Не безбожная ли пропаганда

начинает пожинать плод по роду своему?» [там же, л. 25, 31–32].

Переписчик, видимо, дословно выписал из летописи и чрезвычайно интересный «коллективный портрет» местных прихожан XIX в.: «Они внимательны к церкви и ее уставам. Охотно слушают духополезное поучение, отличаются благотворительностью, также ревностью к говению, молебствиям, поминовению усопших и др. делам благочестия. Впрочем, в нравственной жизни прихожан есть и черные стороны. Это – немалая приверженность к суевериям и предрассудкам, к сквернословию и пьянству» [там же, л. 3].

Можно также отметить особый интерес и священников-летописцев, и Зосимы Федоровича к вопросам народного образования (события из истории местных школ и училищ, число учеников), здравоохранения (эпидемии горячки, скарлатины, оспы, кори, лихорадки, тифа), погодным условиям (экстремальные температуры и особенно паводки, что важно для прибрежных деревень), демографической ситуации (число родившихся и умерших в различные годы).

Переписчик проявляет интерес и к истории непосредственно Песчанской церкви, не опуская такую на первый взгляд малозначимую для советского человека информацию, как упоминания летописи о ремонтах храма, приобретении икон, хоругвей, церковных книг и церковной утвари. Выписаны имена священников и дьяконов. Хотя Зосима Федорович уделяет особое внимание антирелигиозной пропаганде, он не скрывает и своеобразную просветительскую роль церкви: так, 20 марта 1909 г. в Песчанском училище была отслужена панихида по Николаю Васильевичу Гоголю (к 100-летию со дня его рождения), а 8 ноября 1911 г. – по Михаилу Васильевичу Ломоносову (к 200-летию со дня его рождения) [там же, л. 13, 17]. Таким образом, к чести переписчика, он старательно отмечает и те факты, которые не вполне укладываются в его жизненную концепцию.

В списке приведены и другие ценные в краеведческом плане сведения: например, история чудесного обретения местной иконы святого Никодима в 1909 г., информация о доставке и расселении военнопленных немцев и австрийцев в 1914–1915 гг., подробный рассказ о резком росте суеверий в условиях начавшихся гонений на церковь. Передавая сообщение летописца о том, как в высокий весенний паводок 1929 г. по Северной Двине несло «целые строения – амбарушки, хлева и пр.», З. Ф. Шмаков подтверждает эту запись и вспоминает, что мимо Котласса несло даже избы-пятистенки. Фиксируя, что записи за этот год не закончены, а дальнейшие листы в подлиннике вырезаны, переписчик с некоторым сожалением отмечает: «Церковь в Песчанице закрыта лишь в 1936 году» [там же, л. 36].

Таким образом, несмотря на честное предупреждение Зосимы Федоровича о том, что летопись «пишется мною сокращенно» [там же, л. 2], он составил не просто коллекцию выписок, а достаточно объемный список этого ценного документа, дающий ясное представление о структуре, языке и тематическом содержании провинциальной

церковной летописи. Попытка ввести в оборот на рубеже 1960–1970-х гг. такую разновидность источника, которая не вызывала тогда практически никакого интереса у профессиональных историков, безусловно, делает краеведу честь. Несмотря на неизбежные издержки, вызванные купюрами переписчика и частичным искажением языка летописи, список сохранил множество особенностей оригинала. Да и само появление подобного текста за пределами государственных архивов в те годы уже можно рассматривать как достижение провинциальной историографии.

К сожалению, Зосиме Федоровичу не хватило исследовательского таланта, чтобы осуществить даже фрагментарную публикацию летописи, и в настоящее время составленный им список является лишь своеобразным памятником пылливой краеведческой мысли. Тем не менее этот материал задействовали в работах котласские краеведы, для которых географически затруднен доступ к хранящемуся в Архангельске оригиналу [8]. Список З. Ф. Шмакова также частично опубликован в христианской газете «Вера-Эском» и Интернете [9–11]. Однако во избежание неточностей в исследовательской работе предпочтительно, а в большинстве случаев и необходимо обращение непосредственно к первоисточнику.

При этом важно отметить, что более скудный по содержанию вторичный источник, каковым является рассмотренный список, имеет и собственный эвристический потенциал. Именно он позволяет провести сравнительный анализ и установить особенности коммеморативных практик противоположных по идеологии эпох. И в чем-то они оказываются удивительно близки между собой. Ведь приходская летопись дает настолько широкую картину местной жизни, что ее можно дополнить, но не заместить информацией из иных документов. Показательно, что Зосима Федорович Шмаков еще до знакомства с церковной летописью предполагал вести работу в том же самом жанре – составить летопись Песчаницы. Он самостоятельно вернулся к идее необходимости погодных записей, без которых из социальной памяти исчезает колоссальный пласт локальной истории. Разница лишь в том, что каждый из летописцев пытался преподнести информацию под своим углом зрения: в данном конкретном случае прежний – исходя из богословских, а новый – из богоборческих убеждений.

Кроме того, анализируемый документ показывает, как даже совершенно чуждый церковной жизни атеист-переписчик попадает под обаяние языка и стиля приходской летописи и неявно отдает должное сельским священникам – не как служителям культа, но как летописцам, сохранившим бесценную краеведческую информацию. При этом сам переписчик явно уступает по уровню образования своим предшественникам и ничего не может противопоставить им, кроме ходовых советских убеждений, навязанных «линией партии». А в конечном итоге коммунист Зосима Шмаков становится проводником единой русской летописной традиции, ведущей свое начало от Святого Преподобного Нестора Летописца.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Архив Котласского краеведческого музея (архив КKM). Ф. 33. Оп. 3. Д. 2.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 104. Оп. 2. Д. 61.
3. ГААО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 62.
4. Архив КKM. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1.
5. Архив КKM. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1.
6. Панькова, Г. [И.] Не забыто ни одно имя / Г. [И.] Панькова // Вечерний Котлас. – 2013. – 3 мая (№ 18). – С. 14–15.
7. Архив КKM. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.
8. Горынцев, Д. Л. Реализация декрета «Об отделении церкви от государства и церкви от школы» на территории Великоустюгского и Сольвычегодского уездов Северо-Двинской губернии / Д. Л. Горынцев // Двинская земля. – Вып. 5. – Котлас: ЭЛПА, 2007. – С. 237–247.
9. Летопись Песчанской церкви // Вера-Эском. – 1996. – № 237–238. – С. 10–13.
10. Летопись Песчанской церкви. – URL: http://kotlaslib.aonb.ru/doc/letopis_peschanskoj.pdf (дата обращения: 09.01.2025).
11. Летопись Песчанской церкви. – URL: <http://rusvera.mrezha.ru/11/6.htm> (дата обращения: 09.01.2025).

References

1. Arhiv Kotlasskogo kraevedcheskogo muzeya (KKM archive) [Archive of the Kotlas Museum of Local Lore (KKM archive)]. F. 33. Op. 3. D. 2.
2. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO) [State Archives of the Arkhangelsk region (GAAO)]. F. 104. Op. 2. D. 61.
3. Ibid. F. 104. Op. 2. D. 62.
4. KKM Archive. F. 8. Op. 2. D. 1.
5. Ibid. F. П-1. Op. 1. D. 1.
6. Pan'kova, G. [I.] Ne zabyto ni odno imya [Not a single name is forgotten] / G. [I.] Pan'kova // Vechernij Kotlas [Evening Kotlas]. – 2013. – May 3 (No. 18). – P. 14–15.
7. KKM Archive. F. 1. Op. 1. D. 8.
8. Goryntsev, D. L. Realizaciya dekreta «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i cerkvi ot shkoly» na territorii Velikoustyugskogo i Sol'vychegodskogo uezdov Severo-Dvinskoj gubernii [Implementation of the Decree «On the Separation of Church from State and Church from School» in the territory of Veliky Ustyug and Solvychegodsk Uyezds of the North Dvina Province] / D. L. Goryntsev // Dvinskaya zemlya [Dvina land]. – Issue 5. – Kotlas: ELPA, 2007. – P. 237–247.
9. Letopis' Peschanskoj cerkvi [Chronicle of the Peschanskaya Church] // Vera-Eskom. – 1996. – No. 237–238. – P. 10–13.
10. Letopis' Peschanskoj cerkvi [Chronicle of the Peschanskaya Church]. – URL: http://kotlaslib.aonb.ru/doc/letopis_peschanskoj.pdf (accessed: 09.01.2025).
11. Letopis' Peschanskoj cerkvi [Chronicle of the Peschanskaya Church]. – URL: <http://rusvera.mrezha.ru/11/6.htm> (accessed: 09.01.2025).

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgement (state task):

The research was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Гладких Сергей Александрович – кандидат исторических наук, SPIN-код: 3438-8780 (165300, Российская Федерация, Архангельская обл., г. Котлас; e-mail: sgladkih@inbox.ru).

Author:

Sergey A. Gladkikh – Cand. Sci. (History); SPIN-code: 3438-8780 (Kotlas, Arkhangelsk Region, Russian Federation; e-mail: sgladkih@inbox.ru).

Для цитирования:

Гладких, С. А. Список с церковной летописи: портрет переписчика и особенности вторичного источника / С. А. Гладких // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 85–88.

For citation:

Gladkikh, S. A. List from the church chronicle: portrait of the transcriber and features of the secondary source / S. A. Gladkikh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 85–88.

Дата поступления статьи: 15.01.2026

Прошла рецензирование: 05.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 15.01.2026

Reviewed: 05.03.2026

Accepted: 20.03.2026

Переходы удельных крестьян Русского Севера в состав городских сословий

Котов П. П.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
kotoff.petr2018@yandex.ru

Аннотация

На основе привлеченных законодательных и архивных делопроизводственных источников в статье автор анализирует проблемы перехода удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний в городские сословия. Основным условием перехода выступали единовременные платежи, которые в течение времени возрастали. Доказано, что, поднимая взносы в первой трети XIX в., удел стремился скорее компенсировать падение курса бумажных денег, а после 1827 г. – пресечь практику перечисления крестьян в города и посады. Кроме уплаты единовременного взноса для перехода в городские сословия удельные крестьяне должны были получить отпускной приговор сельского общества (общины) и приемный приговор представителей городских выборных, гарантировать выплату всех причитающихся податей «по крестьянству», вплоть до проведения очередной ревизии, и своевременные платежи по мещанству или купечеству. В отличие от мужчин, крестьянки при переходах освобождались от единовременных платежей. Документы на перечисление крестьян в городские сословия рассматривались в низовых сельских и региональных удельных подразделениях и утверждались Департаментом уделов. Все выявленные эпизоды перехода крестьян в состав городских жителей имели своеобразие как по продолжительности оформления документов, так и по практике воплощения каждого случая.

Ключевые слова:

Архангельская губерния, Вологодская губерния, удельные приказы, удельные крестьяне, мещанство, купечество, единовременная плата

По закону от 5 апреля 1897 г. дворцовая собственность в России была преобразована в удельную и, соответственно, дворцовые поселяне получили статус удельных крестьян [1]. До конца XIX в. истории удельных крестьян затрагивались в единичных статьях в контексте исследования различных проблем [2]. По инициативе удельного ведомства в начале XX в. была опубликована его история за 100 лет. Она является единственным обобщающим трудом по истории всех уделов и удельных крестьян России до настоящего времени [3]. В работах абсолютного большинства советских ученых исследовались проблемы региональной истории

The transition of appanage peasants of the Russian North to the urban classes

Kotov P. P.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
kotoff.petr2018@yandex.ru

Abstract

On the basis of the legislative and archival record-keeping sources involved, the paper analyzes the problems of the transition of appanage peasants of the Arkhangelsk and Vologda provinces to urban classes. The main condition for the transition was one-time payments, which increased over time. It is proved that by raising contributions in the first third of the XIX century, the Appanage sought to compensate for the fall in the paper money exchange rate, and after 1827, to stop the practice of transferring peasants to towns and villages. In addition to paying a one-time contribution to transfer to the urban classes, the appanage peasants had to receive a release verdict from the rural society (community) and an acceptance verdict from representatives of the town electors, guarantee payment of all taxes due «for the peasantry» until the next revision and timely payments for the petty bourgeoisie or merchants. Unlike men, peasant women were exempted from one-time payments during the transitions. Documents for the transfer of peasants to urban classes were considered in the lower rural and regional Appanage Departments and approved by the Department of Appanages. All the identified episodes of the transition of peasants to urban residents were peculiar both in terms of the length of paperwork and in the practice of implementing each case.

Keywords:

Arkhangelsk province, Vologda province, Appanage Departments (Prikazs), appanage peasants, philistinism, merchants, one-time payment

удельных крестьян, в том числе разрабатывались проблемы социально-экономического развития удельной деревни в регионах [4–6], проведения реформы по отмене крепостного права [7–9] и ряд других аспектов. В конце XX – начале XXI в. продолжились изыскания истории удельных крестьян по проблемам земледельческого производства [10–12], промысловой деятельности и отходничества [13, 14], политики попечительства и общественной запашки [15, 16], реализации реформы 26 июня 1863 г. [17] и др.

Однако по-прежнему некоторые вопросы истории удельных крестьян остаются недостаточно или вовсе не

изученными, в том числе и вопрос о переходе удельных крестьян в другие сословия. Поставленный вопрос попытается проанализировать на примере удельной деревни Русского Севера с привлечением законодательных и архивных источников, которые выявлены в Государственном архиве Вологодской области [18], Российском государственном историческом архиве [19] и фондах Вельского краеведческого музея [20].

Смыслом создания удельной собственности и формирования удельного крестьянства являлось создание материальной основы для содержания царя и его семьи. Сначала для управления владениями и крестьянами был создан Департамент уделов, а в регионах – девять удельных экспедиций. В состав Архангельской удельной экспедиции включили все удельные села и деревни Архангельской и Вологодской губерний [21]. В 1808 г. управление уделами реформировали и в регионах создали удельные имения (конторы). На Русском Севере страны были сформированы Архангельская и Вологодская удельные конторы [22], которые в конце 1858 г. оказались объединены в Вельское удельное имение [23].

Удельные экспедиции, затем и конторы (имения), делились на удельные приказы, управление которых основывалось на принципах общинного самоуправления. Первоначально при создании приказов в Архангельской удельной экспедиции не всегда учитывались пределы губерний и уездов. В ходе упоминаемой реорганизации в 1808 г. удельные подразделения стали оформляться в рамках административных границ губерний и уездов, а на базе трех купленных дворянских имений в 1804 г. сформировали в Сольвычегодском уезде Кузнецовское удельное отделение и в 1808 г. в трех южных уездах Вологодской губернии – Турундаевское удельное отделение [24, 25]. На рис. 1 отображены удельные приказы и отделения, сформированные в 1808 г. и существовавшие до начала отмены крепостного права в удельной деревне в 1863 г.

После создания уделов крестьянам ведомства, как и ранее дворцовым, оставили право перехода в другие сословия. Однако сразу же начались и ограничения этого права. Уже в 1798 г. Департамент уделов, по образцу «сумм» для откупа от рекрутчины, предложил ввести выплаты за переход удельных крестьян в мещанство и купечество. Удел считал, что «откупные суммы» следует определять на каждую ревизскую душу мужского пола (душа м. п.) в соответствии с присвоенным классом губернии для расчета государственных податей в 1797 г. [26, 27]. Для удельных поселян, обитавших в губерниях 1 класса, предлагалось установить размер в 200 руб. ассигнациями (руб. асс.), 3 класса (входила и Вологодская губерния) – 150 руб. и 4 класса (относилось и Архангельская губерния) – 125 руб. асс. [18, оп. 7, д. 772, л. 2 об.]. Однако по указу Павла I от 22 октября 1798 г., было определено: за переход в купечество «со знатным капиталом» (в купцы первой и второй гильдий) размеры выплат «отнести на усмотрение крестьянских обществ и Департамента уделов»; «с могущих вступить токмо в звание мещанское, или же в нижнюю степень купечества (купцы третьей гильдии – П. К.), взы-

скивать сумму соответствующую цене рекрута» [28], установленную в 1786 г. в 360 руб. [29].

Понятно, что переход удельных крестьян в купцы первой или второй гильдий почти не происходил даже в целом по России, актуальным оставался второй пункт указа 1798 г. Вскоре удельное ведомство ужесточило нормы о переходе удельных поселян в городские сословия и с начала 1800 г. стало взимать указанные суммы не с ревизских, а с наличных душ м. п., оставив это положение до 1863 г. По закону от 22 октября 1809 г., законодатель поднял плату за рекрут до 500 руб. асс. и удел продублировал эту сумму, назначив ее с каждой наличной души м. п., что отражено в табл. 1. При этом исчезло упоминание о купеческих гильдиях, и удел оперировал лишь обобщенным понятием о купеческом сословии. Кроме того, отныне однозначно указывалось на выплаты только в пользу удельного ведомства, без указаний на крестьянские общества.

В последующий период удельное ведомство стало самостоятельно определять единовременные платежи за перечисление крестьян в «градские люди», почти не ориентируясь на законодательство о выкупе рекрутов. Данные табл. 1 свидетельствуют, что уже в 1812 г. Департамент уделов ввел отдельные платежи, которые с каждой мужской души, переходящей в мещанство, составляли 700 руб. асс., в купечество – 1 тыс. руб. асс. В 1827 г. указанные выплаты возвысили до 2 тыс. руб. асс. за перевод в мещанство и 5 тыс. руб. асс. – в купечество. После перевода российского рубля на серебряный номинал с 1840 г. выплаты определили в размере 600 руб. серебром (сер.) с наличной мужской души за переходы в мещанство и 1500 руб. сер. – в купечество (табл. 1). С 1829 г. за переход в купечество или мещанство удел ввел единовременный взнос в 100 руб. асс. и за дочерей удельных крестьян, как и за брак с горожанином [19, оп. 1, д. 37, л. 19; оп. 5, д. 1359].

Материалы табл. 1 показывают, что в период 1812–1826 гг., относительно периода 1798–1809 гг., размер указанных выплат в руб. асс. возрос в 1,9 раза за каждого переходящего в мещанское сословие мужчину и в 2,8 раза – в купеческое состояние, а в сравнении с 1827–1839 гг. – соответственно в 5,6 и 13,9 раз. Однако нужно помнить, что в России с конца XVIII в. усилилось обесценивание бумажных денег, началось колебание их курса с устойчивой тенденцией к снижению. Так, в 1798 г. на Петербургской бирже 1 руб. асс. стоил 62,5 копеек сер. (коп. сер.). Затем курс ассигнаций возвышался до 80 коп. сер. в 1802 г., далее стал падать и в 1809 г. составил 43,3 коп. сер., в 1810 г. – 25,4 коп., в 1814–1815 гг. – всего 20 коп. сер. Предпринятые правительством меры по стабилизации курса бумажных денег не позволили вернуться ко временам Екатерины II, но в 1812 г. возвысили курс асс. рубля до 25,1 коп. сер., стабилизировав его в 1822–1829 гг. в пределах от 26,3 до 27,3 коп. сер. и в 1832–1839 гг. – в разнице от 27,1 до 28,6 коп. сер. [30, с. 37].

В этой связи и государство, и удел пытались не столько увеличивать упоминаемые выплаты, сколько сохранить их уровень в реальном исчислении. Ведь при перечислении бумажных денег на серебряный номинал по средневзвешенному курсу Петербургской биржи выясняется, что за 1810–1811 гг., по сравнению с 1798–1809 гг., выплаты за

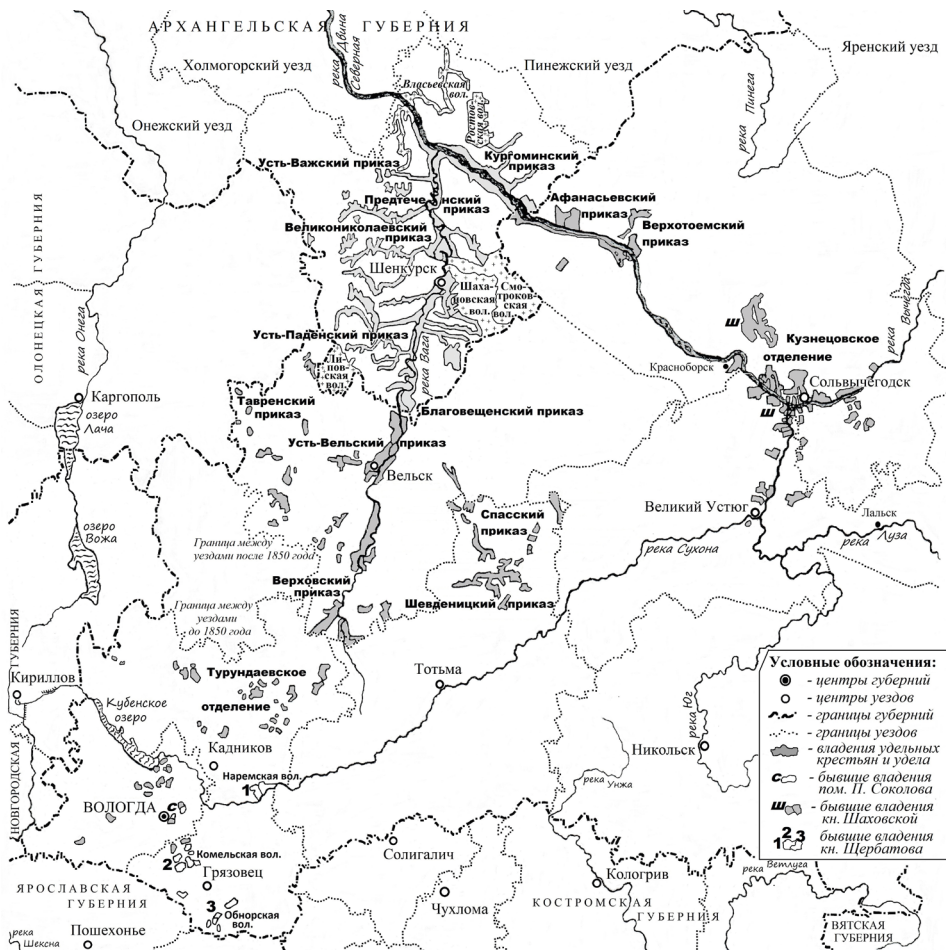

Рисунок 1. Расположение удельных приказов в Архангельской и Вологодской губерниях в 1809–1863 годах. (Автор: П. Котов).
 Fig. 1. Location of the Appanage Prikazs in the Arkhangelsk and Vologda provinces in 1809–1863. (Author: P. Kotov).

переходы удельных крестьян в городские сословия составили 54,9 %, т. е. наблюдалось снижение их реальной стоимости. Удельное ведомство подправило положение в 1812–1826 гг., когда относительно 1898–1809 гг. указанные выплаты за перевод в мещанство составили 74,6 %, а за переход в купечество – 106,5 %, ненамного превысив их начальный уровень (табл. 1).

После смены руководства в Департаменте уделов начались изменения, которые переросли в политику удельного попечительства. В частности, ведомство стало усматривать трудности с возвышением доходности от удельных крестьян, в том числе и в их попытках перехода в другие сословия. Поэтому удел перешел от мер сохранения размеров выплат за переходы крестьян в мещанство и купечество к политике фактического пресечения указанной практики. Прежде всего Департамент уделов увеличил оплату в серебряном измерении в 1827–1839 гг. относительно 1798–1809 гг. за перечисления в мещанство почти в 2,3 раза, в купечество – в 5,7 раза и в 1840–1858 гг. – соответственно в 2,5 и 6,4 раза. После опубликования указа «О даровании крестьянам удельного ведомства личных и по имуществу прав» выплаты сильно сократили. За переход в мещанство в 1859–1863 гг. взымали всего 15 руб. сер. «с домохозяина» и по 50 % с остальных мужчин семейства, за переход

в купечество – 40 руб. сер. и половину от этой суммы за остальных мужчин (табл. 1).

Кроме уплаты единовременных взносов переход удельных крестьян в «городские состояния» осложняла и процедура оформления этого шага. Для начала крестьянам следовало получить приговор «сельского мира» (общины) о согласии отпустить желающего в другое сословие. В приговоре указывалось, что ни глава семьи или кто-либо из мужчин его семьи не состоят в рекрутской очереди, их земельные наделы согласны были принять родственники или односельчане, которые, как правило, брали на себя оплату всех податей и повинностей за перешедшего в мещанство или купечество до проведения очередной ревизии. Иногда указанная оплата податей и повинностей оставалась обязанностью переходящих в городские сословия. Все указанное фиксировалось в «отпускном приговоре» общины. Прошение крестья-

нина и приговоры «мира» поступали в удельный приказ и после их подтверждения приказными «начальниками» пересылались в удельную контору. С другой стороны, в удельную контору следовало представлять приговор «градского общества» о согласии принять крестьянина в «градское жительство» и подтверждение обязательств самого переходящего вовремя уплачивать все подати и налоги соответственно по мещанству или купечеству. При этом нужно было представить еще и свидетельство об уплате пошлин за составление документов или покупку гербовой бумаги. После рассмотрения всех указанных документов в удельной конторе они с резолюцией управляющего о согласии или несогласии удовлетворить просьбу крестьян, отправлялись в Департамент уделов, который и принимал окончательное решение.

Формально, по предписанию Департамента уделов от 20 декабря 1826 г. № 6068, следовало разрешать переход удельных крестьян в городские сословия только из «селений малоземельных». Однако на практике этот запрет на Европейском Севере и удельные чиновники, и крестьяне игнорировали [19, оп. 7, д. 1831, л. 1–1 об.]. Все выявленные случаи перехода удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний в городские сословия обобщены в табл. 2.

Нередко удельные крестьяне стремились переселиться в ближайшие от их жительства уездные центры или местные посады. Например, в январе 1814 г. управляющий Вологодской удельной конторы представил рапорт с просьбой о получении согласия на переход крестьянин «д. Рогачевской Верховского приказа Терминской десятины 1-й половины (Вельского уезда – П. К.)» С. С. Шишова в Верховажский посад. К рапорту прилагались прошение крестьянина, «типовое обязательство за выход из дела о внесении 700 руб. (асс. – П. К.) за одну душу единовременно» и об уплате податей до следующей ревизии, «приемное письмо» от купечества и мещанства Верховажского посада от 20 мая 1812 г. (около 100 подписей) и «увольнительное письмо» от мирского крестьянского общества от 25 мая 1812 г. (около 80 подписей) [18, оп. 1, д. 9590, л. 434 об.; 19, оп. 7, д. 427, л. 1–10 об.]. Подобные переходы в мещанство Верховажского посада осуществили: в 1814 г. крестьянин дер. Дудинской Погожской дес. (вол.

Верховского приказа В. И. Пестерев (Вельский уезд), который «в хлебопашестве никогда не обращался и не способен...»; в 1822 г. «дер. Потуловской Вакоминского края (вол. – П. К.)» все того же Верховского приказа И. М. Потеряев [19, оп. 7, д. 426, л. 1–16 об.; д. 431, л. 1–10в об.].

В некоторых случаях возникали неожиданные сложности. Так, летом 1810 г. крестьянин дер. Гавриловской Спасской вол. одноименного приказа (Тотемский уезд) А. Ф. Шамахов начал оформлять документы о переходе в мещанство Архангельска. В июле 1811 г. согласие от Департамента уделов было получено, но в конце декабря оно было отозвано по причине неправильного оформления мирского приговора и «Свидетельства Архангельской градской Думы». Эти документы были переоформлены в феврале–марте 1812 г. В июле 1812 г. удельное ведомство удовлетворило просьбу крестьянина, но с условием, что он выплатит не 500 руб. асс. за переход в мещанство, а 700 руб. асс., т. е. вновь введенную выплату. К этому времени землей Шамахова

Таблица 1

Размеры выплат удельных крестьян России за переходы в городские сословия в конце XVIII – середине XIX века

Table 1

The amount of payments made by Russian peasants for transitions to urban classes in the late XVIII – mid-XIX centuries

Сословие	Номинал		1798–1809 гг.	1810–1811 гг.	1812–1826 гг.	1827–1839 гг.	1840–1858 гг.	1859–1863 гг.
Мещане	руб. асс.	абс.	360	500	700	2 000	-	-
		в % от 1798–1809 гг.	100,0	138,9	194,4	555,6	-	-
	руб. сер.	абс.	235,68	129,50	175,70	544,15	600	15
		в % от 1798–1809 гг.	100,0	54,9	74,6	230,9	254,6	6,4
Купцы	руб. асс.	абс.	360	500	1 000	5 000	-	-
		в % от 1798–1809 гг.	100,0	138,9	277,8	1388,9	-	-
	руб. сер.	абс.	235,68	129,50	251	1360	1500	40
		в % от 1798–1809 гг.	100,0	54,9	106,5	577,0	636,5	17,0

Примечание. 1. До 1799 г. плата с каждой ревизской души мужского пола в семье, в 1800–1858 гг. – плата за каждого мужчину в семье и в 1859–1863 гг. – плата с главы семьи (домохозяина) и по 50 % за остальных мужчин в семье; 2. Ассигнации переведены на серебряный номинал по монографии Б. Н. Миронова [30, с. 37].

Источники. [19, оп. 5, д. 788; оп. 7, д. 424, 425; 28; 29; 31–35].

Note: 1. Until 1799, a fee was charged for each census male soul in the family, in 1800–1858 – a fee for each man in the family, and in 1859–1863 – a fee from the head of the family (householder) and 50% for the rest of the men in the family; 2. Banknotes were converted to silver denominations according to the monograph by B. N. Mironov [30, p. 37].

Sources. [19, оп. 5, д. 788; оп. 7, д. 424, 425; 28; 29; 31–35].

Таблица 2

Переходы удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний в городские сословия (1803–1850)

Table 2

Transitions of the appanage peasants of the Arkhangelsk and Vologda provinces to the urban classes in 1803–1850

Годы	Глава семьи	Селение, деревня	Волость	Удельный приказ	Уезд	В какой город, посад
Архангельская губерния						
1803	Чистиков Артемий	Тюхневская	Ивановская	Великониколаевский	Шенкурский	г. Шенкурск
1812–1813	Панюков Василий Иванович	Заболоцкая	Исаковская	Великониколаевский	Шенкурский	г. Архангельск
1812–1813	Добрынин Иван Ильич	Медведковская	Володимировская	Великониколаевский	Шенкурский	г. Шенкурск
1814	Чушков Варлам Петрович	Максимовская	Шеговарская	Предтеченский	Шенкурский	г. Архангельск
1818	Копылов Иван Иванович	Седельниковская	Ивановская	Великониколаевский	Шенкурский	г. Шенкурск
1819–1820	Детков Иван Никитович	Карповская	Ростовская	Усть-Важский	Шенкурский	г. Санкт-Петербург
1824–1825	Лахирьин Михаил Андреевич	Павловская	Шеренская	Усть-Паденский	Шенкурский	г. Архангельск
1831–1832	Ежова Акулина Николаевна	Жаравлевская	Предтеченская	Предтеченский	Шенкурский	г. Москва
1837	Пономарева Дарья Петровна	Павшинская	Благовещенская	Благовещенский	Шенкурский	г. Архангельск
1841–1842	Юковлева Ирина Андреевна	Часовенская	Ростовская	Усть-Важский	Шенкурский	г. Шенкурск

Вологодская губерния						
1810–1813	Шамахов Андрей Федорович	Гавриловская	Спасская	Спасский	Тотемский	г. Архангельск
1812–1816	Шишов Семен Степанович	Рогачевская	Терминская 1-я половина	Верховский	Вельский	Верховажский посад
1813–1818	Богданов Николай Федорович	Горка	Горковская	Кузнецовское отделение	Сольвычегод- ский	г. Санкт-Петербург
1814	Пестерев Варсонофий Иванович	Дудинская	Погожская	Верховский	Вельский	Верховажский посад
1819	Шишов Яков Иванович	Овчинниковская	Кьянская	Усть-Вельский	Вельский	г. Вельск
1819	Шишов Петр Иванович Шишов	Овчинниковская	Кьянская	Усть-Вельский	Вельский	г. Вельск
1820	Юрьев Яков Афанасьевич	Давыдовская	Хмельницкая	Тавренский	Вельский	г. Вельск
1822	Потеряев Иван Михайлов	Потуловская	Вакоминская	Верховский	Вельский	Верховажский посад
1822	Шаманин Сергей Васильевич	Плесовская	Усть-Вельская	Усть-Вельский	Вельский	г. Москва
1822–1824	Рогозин Михаил Васильевич	Климушинская	Низовская	Верховский	Вельский	г. Санкт-Петербург
1830	Юрьев Яков Афанасьевич	Давыдовская	Хмельницкая	Тавренский	Вельский	г. Вельск
1841	Юрьев Григорий Афанасьевич	Давыдовская	Хмельницкая	Тавренский	Вельский	г. Вельск, в купечество
1841	Юрьев Василий Афанасьевич	Давыдовская	Хмельницкая	Тавренский	Вельский	г. Вельск, в купечество
1850	Вдова Замятина	-	-	-	-	г. Вельск
1850–1857	Шишев Семен Яковлевич	Вахрушево	Низовская Верхняя	Верховский	Вельский	Троицкий посад Казанская губ.
1851	Боровиков Алексей Алек- сеевич (с женой Павлой Дмитриевной)	Дюковская	Усть-Вельская	Усть-Вельский	Вельский	г. Вельск, в купечество

Источники. [18, оп. 1, д. 9590, л. 356–1181; 19, оп. 7, д. 418–432, 909, 1153, 1419, 1814, 1831; 20, № кп 1483, кп 1538, кп 1541, кп 1547, кп 1548, кп 1555].

Sources. [18, Op. 1, D. 9590, L. 356–1181; 19, Op. 7, D. 418–432, 909, 1153, 1419, 1814, 1831; 20, No. кп 1483, кп 1538, кп 1541, кп 1547, кп 1548, кп 1555].

уже третий год пользовался его односельчанин крестьянин С. Каликин, да и пошлины за оформление документов оказались уплачены. После получения согласия об уплате повышенной суммы от А. Ф. Шамахова Департамент уделов в конце января 1813 г. разрешил ему перечисление в мещанство Архангельска [там же, оп. 7, д. 425, л. 1–31]. Немного иной казус случился с крестьянином дер. Павловской Шеренской вол. Усть-Паденского приказа (Шенкурский уезд) М. А. Лахирьиным «38 лет от роду», который еще в августе 1822 г. купил дом под Архангельском и в 1824 г. пожелал перейти в мещанство. Неожиданно выяснилось, что многие «бумаги» оказались оформлены не на гербовой, а на простой бумаге. Поэтому разрешение на переход было получено только в феврале 1825 г., после уплаты Лахирьиным дополнительно «по 2 рубля за каждый лист производства по его делу» (за 9 листов всего 18 руб. асс.) [там же, оп. 7, д. 424, л. 1–22 об.]. В отличие от двух предыдущих без особых шероховатостей в 1814 г. перешел в мещанство Архангельска крестьянин В. П. Чушков, проживавший ранее в дер. Максимовской Шеговарской вол. Предтеченского приказа (Шенкурский уезд) [там же, оп. 7, д. 421, л. 1–7 об.].

Неожиданное препятствие возникло у братьев Я. И. и П. И. Шиповых, поселян дер. Овчинниковской Кьянской десятины (вол.) Усть-Вельского приказа (Вельский уезд). В ходе оформления их перехода в мещанство уездного города Вельска летом 1819 г. выяснилось, что братья стоят «в рекрутской очереди». Раньше это послужило бы отказом в просьбе, но, по предписанию Департамента уделов от 26 июня 1818 г., всем удельным поселянам разрешили покупать «рекрутские квитанции», которые давали

право избегать рекрутчины. Поэтому братья Шиповы, наряду с уплатой по 700 руб. асс. за каждую душу м. п. своих семей, вынуждены были приобрести и «рекрутскую квитанцию» за 1 тыс. руб. асс. После этого братьев «дозволили уволить из рекрутской очереди» и в октябре 1819 г. удовлетворили их просьбу о перечислении в мещанство [там же, оп. 7, д. 429, л. 1–22 об.].

Иного порядка препятствие при перечислении в мещанство Санкт-Петербурга возникло летом 1819 г. у крестьянина дер. Карповской Ростовской вол. Усть-Важского приказа И. Н. Деткова (Шенкурский уезд). Противником выступил его 54-летний отец Никита Детков, который опасался «остаться на старость без вспоможения». После длительных уговоров в феврале 1820 г. Н. Детков смирился с решением сына, «в чем и дал от себя письменное удостоверение». В результате только в мае 1820 г. И. Н. Детков перешел в столичное мещанство [там же, оп. 7, д. 423, л. 1–17]. В отличие от описанного случая И. М. Копылов, жительствующий в дер. Седельниковская Ивановской боярщины Великоиколаевского приказа Шенкурского уезда, не возражал о переходе своего сына И. И. Копылова в мещанство г. Шенкурска, и поэтому вся процедура перечисления заняла всего четыре месяца, с июня по сентябрь 1818 г. [там же, оп. 7, д. 422, л. 1–17].

В отдельных случаях для сокращения крупных единовременных выплат удельные крестьяне пытались скрывать некоторую информацию. Например, в конце 1814 г. поступило прошение от крестьянина Н. Ф. Богданова о перечислении его в Санкт-Петербургское мещанство, в котором указывал: «С самого малолетства моего нахо-

дья я в разных городах, а ныне уже несколько лет здесь в С. Петербурге <...> оставя свой земляной участок в пользу мирского общества». Формально Богданов числился в дер. Горки Горковской вол. Кузнецовского удельного отделения (Сольвычегодский уезд). Однако в апреле 1816 г. в просьбе Богданову отказало мирское общество «по случаю неплатежа им оброчных и прочих сборов <...> коих в течение 2 лет с половиною заплачено ими (общинной – П. К.) за него 34 руб. 74 коп.». Крестьяне настояли, чтобы Богданов внес указанную сумму и «впредь за 4 года еще 54 руб. 60,5 коп.». По факту «впредь» было уплачено 67 руб. 40 коп. После получения увольнительного приговора от своих односельчан, согласительного приговора от столичного мещанства, обязательств об уплате 700 руб. асс., всех податей «по крестьянству бездоимочно до следующей ревизии» и новых выплат «по мещанству» вскрылось еще одно обстоятельство. Оказывается, Богданов скрыл, что у него было двое детей: Александр, рожденный 14 августа 1813 г., и Николай, рожденный 12 декабря 1815 г. Их немедленно внесли «в списки VII ревизии со второй половины 1816 г. и положили в оклад по Горскому обществу». Пришлось Н. Ф. Богданову оформить новые увольнительный и согласительный приговоры, заплатить за детей «по крестьянству» все положенные подати и внести дополнительные единовременные взносы за детей по 700 руб. асс. Во второй половине 1818 г. Департамент уделов, наконец, удовлетворил прошение крестьянина Богданова [там же, оп. 7, д. 428, л. 1–34]. В отличие от описанного случая без каких-либо серьезных проблем был перечислен в конце 1822 г. удельный крестьянин дер. Плесовской Усть-Вельской дес. (вол.) одноименного приказа С. В. Шаманин (Вельский уезд) в мещанство Москвы [там же, оп. 7, д. 430, л. 1–9г].

В период до введения запредельных единовременных взносов и ужесточения правил в Архангельской губернии выявлено семь эпизодов перечисления удельных крестьян в мещанство, в Вологодской губернии – 10, что и отражено в материалах табл. 2. Начиная с 1827 г. такие факты стали и вовсе единичными. Но все же в 1841 г. братья Г. А. и В. А. Юрьевы (20 и 17 лет) из дер. Давыдовской Хмельницкой вол. Тавренского приказа (Вельский уезд) перешли в купечество г. Вельска [20, № кп 1483, л. 286 об.]. Вероятно, действенную помощь им оказывал старший брат Я. А. Юрьев, ставший мещанином Вельска в 1820 г. и вышедший в 1830-х гг. в купечество [19, оп. 7, д. 909, л. 1–10 об.]. Наряду с братьями Юрьевыми, в 1851 г. в купечество перешел 39-летний А. А. Боровиков с женой из дер. Дюковской Усть-Вельской вол. одноименного приказа [20, № кп 1548, л. 435 об.–436]. Годом ранее в мещанство Троицкого посада Казанской губернии был зачислен С. Я. Шишев, обитавший ранее в дер. Вахрушево Низовской вол. Верхней половины Верховского приказа [там же, № кп 1538, л. 156 об.].

Доказательством, что именно большие единовременные выплаты сдерживали переходы сельчан в города и посады, служат следующие факты: после получения в 1858 г. удельными крестьянами «личных и по имуществу прав свободных обывателей» на следующий год из удельных селений Архангельской и Вологодской губерний 21 се-

мья перешла в городские сословия, 33 семьи – за 1860 г. и 17 семей – за 1861 г. [19, оп. 1, д. 71, л. 207; д. 72, л. 258; д. 73, л. 233].

С другой стороны, после 1827 г. были выявлены случаи перехода в городские сословия удельных крестьянок, факты о которых за более ранние годы не удалось обнаружить в архивных источниках. Три эпизода были зафиксированы в Шенкурском уезде Архангельской губернии (см. табл. 2). Так, в 1831 г. овдовевшая крестьянка дер. Жаравлевской Предтеченской вол. одноименного приказа (Шенкурский уезд) А. Н. Ежова (в девичестве Николаева) обратилась с просьбой о переходе в московское мещанство, в составе которого она числилась до выхода 20 апреля 1830 г. замуж за удельного крестьянина А. Е. Ежова. Последний 31 января 1831 г. «умер от холеры». Прошение крестьянки было удовлетворено, и 21 июля 1832 г. она исключалась «из ревизских сказок и подворных списков <...> деревни Жаравлевской» [там же, оп. 7, д. 1127, л. 1–12]. Подобную просьбу адресовала уделу в сентябре 1837 г. и вдова Д. П. Пономарева, которая после смерти отца, купца г. Онеги в 1810 г., воспитывалась в семье деда, «архангельского 1-й гильдии купца» К. Амосова. В 1811 г. ее выдали замуж за удельного крестьянина В. Ф. Пономарева, проживающего в Архангельске, но числившегося в дер. Павшинской Благовещенской вол. Благовещенского приказа. В октябре Пономарев «ушедши по делам своим из дому, неизвестно где потерялся и ныне считается умершим и по ревизии 1834 г. из сказок исключен». Прошение и этой вдовы 25 октября 1837 г. Департамент уделов поддержал [там же, оп. 7, д. 1419, л. 1–9 об.].

Кроме упомянутых, еще одна вдова И. А. Юковлева в ноябре 1841 г. также «пожелала переписаться в перво-бытное городское состояние» г. Шенкурска. Будучи мещанкой, 3 ноября 1813 г. она вышла замуж за удельного поселянина И. С. Юковлева, который проживал в Шенкурске, но числился в дер. Часовенской Ростовской вол. Усть-Важского приказа. Последний в 1834 г. скончался и по VIII ревизии оказался «исключен из списков своей деревни». В марте 1842 г. Департамент уделов санкционировал переход И. А. Юковлевой в мещанство Шенкурска [там же, оп. 7, д. 1814, л. 1–10 об.], как и переход в 1850 г. вдове Замятиной в мещанство г. Вельска [там же, оп. 7, д. 1153, л. 1–20].

Укажем, что переходы удельных крестьянок в городские сословия также обставлялись определенными нормами. Им нужно было представить свидетельство от «крестьянского мира» о передаче земельного надела мужа «обществу», письменное согласие городского общества о принятии их в свое сообщество и справку от повивальной бабки, что они не беременны. С другой стороны, крестьянки освобождались от единовременных выплат, которые, напомним, являлись обязательными для крестьян [там же, оп. 7, д. 1127; 1153; 1419; 1814].

Таким образом, переходы удельных крестьян в городские сословия осуществлялись по утвержденным правилам. Наиболее тяжелым для крестьян являлись единовременные денежные выплаты, которые вначале рассчитывались на каждую ревизскую душу мужского пола, а затем – на наличных мужчин. Размер этих взно-

сов до 1827 г. скорее компенсировал падение курса асигнационных денег, а затем стал главным способом для пресечения практики перехода удельных поселенцев в городские сословия. Наряду с единовременным взносом крестьяне должны были собрать комплект документов, который включал отпускной приговор мирского общества, в котором отображалось обязательство крестьян по уплате всех государственных и ведомственных платежей до проведения следующей ревизии и передаче земельного надела родственникам или односельчанам. С другой стороны, следовало получить приемный приговор жителей того города или посада, куда крестьянин хотел переселиться. Собранные документы рассматривались вначале в удельных приказах, затем в региональных удельных подразделениях. Окончательное разрешение на переход давал Департамент уделов. Примерно такие же документы требовались и от желающих переселиться в города вдов. Но удельные крестьянки освобождались от единовременной выплаты в пользу удела. Многие стороны практики конкретных переходов удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний в каждом случае обладали своеобразием.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (ПСЗРИ-1). Т. I-VL. – СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17906. – С. 525–569.
2. Ходский, Л. В. Земля и земледелец: экономическое и статистическое исследование: в 2-х т. / Л. В. Ходский. – СПб., 1891. – Т. 2. – С. 12–125.
3. История уделов за столетие их существования. 1797–1897: в 3-х т. – СПб., 1901–1902. – Т. 1. – 733 с.; – Т. 2. – 581 с.
4. Гриценко, Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки) / Н. П. Гриценко. – Грозный, 1959. – 585 с.
5. Половинкин, Н. С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков) / Н. С. Половинкин. – Тюмень, 1992. – 142 с.
6. Котов, П. П. Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX в. / П. П. Котов // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX вв.: межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар, 1987. – С. 21–29.
7. Левашев, В. Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях / В. Левашев. – Куйбышев, 1940. – 72 с.
8. Богатикова, Г. И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне / Г. И. Богатикова // Исторические записки. – 1958. – Т. 63. – С. 81–123.
9. Котов, П. П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года / П. П. Котов // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1988. – С. 54–63.
10. Красникова, Ю. Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений / Ю. Н. Красникова. – СПб., 2014. – 199 с.
11. Шайхисламов, Р. Б. Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период / Р. Б. Шайхисламов, Н. С. Мысляева // Современная научная мысль. – 2018. – № 6. – С. 52–56.
12. Котов, П. П. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии / П. П. Котов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2012. – № 1 (9). – С. 83–88.
13. Караханян, Т. Н. Промысловые занятия во Владимирской удельной конторе (на примере Ковровского и Судогодского уездов) / Т. Н. Караханян // Научное пространство: актуальные вопросы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2020. – С. 47–49.
14. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 3. – С. 149–155.
15. Красникова, Ю. Н. Организация общественной запашки в удельной деревне в первой половине XIX века / Т. В. Емельянова, Ю. Н. Красникова // Современная научная мысль. – 2021. – № 5. – С. 13–19.
16. Котов, П. П. Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера России как исторический источник / П. П. Котов // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия: материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». Сер. «Петербург и Россия». – СПб., 1997. – С. 453–457.
17. Котов, П. П. Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии / П. П. Котов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2017. – № 4 (32). – С. 79–87.
18. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 388.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515 – Департамент уделов.
20. Вельский краеведческий музей (ВКМ). № 1483.
21. ПСЗРИ-1. – Т. XXV. – № 18423. – С. 126.
22. ПСЗРИ-1. – Т. XXX. – № 23020. – С. 226–258.
23. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе (ПСЗРИ-2). Т. I-LV. – СПб., 1830–1884. – Т. XXXIII. – Отделение 2. – № 33861. – С. 451–452.
24. Котов, П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 4. – С. 39–46. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616.
25. Котов, П. П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах / П. П. Котов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2021. – № 4 (50). – С. 46–54. – DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.
26. ПСЗРИ-1. – Т. XXIV. – № 18278. – С. 846–850.
27. Котов, П. П. Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. / П. П. Котов // Социально-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII–XIX вв.). – Сыктывкар, 1985. – С. 74–86.

28. ПСЗРИ-1. – Т. XXV. – № 18714. – С. 424.
29. ПСЗРИ-1. – Т. XXII. – № 16347. – С. 549.
30. Миронов, Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) / Б. Н. Миронов. – Л., 1985. – 301 с.
31. ПСЗРИ-1. – Т. XXX. – № 23926. – С. 1227.
32. ПСЗРИ-2. – Т. I. – № 721. – С. 1269–1270.
33. ПСЗРИ-2. – Т. XXXIII. – Отделение 1. – № 33326. – С. 784–786.
34. ПСЗРИ-2. – Т. XXXIII. – Отделение 1. – № 33328. – С. 786–788.
35. ПСЗРИ-2. – Т. XXXIV. – Отделение 1. – № 34831. – С. 817.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. [Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection] (Further – PSZRI-1). Vol. I–VL. – St. Petersburg, 1830. – Vol. XXIV. – No. 17906. – P. 525–569.
2. Khodsky, L. V. Zemlja i zemledec: Jekonomicheskoe i statisticheskoe issledovanie [A land and a farmer: Economical and statistical study]: In 2 vols / L. V. Khodsky. – St. Petersburg, 1891. – Vol. 2. – P. 12–125.
3. Istorija udelov za stoletie ih sushhestvovanija. 1797 – 1897 [The history of appanages during the century of their existence. 1797–1897]. In 3 vols. – St. Petersburg, 1901–1902. – Vol. 1. – 723 p.; – Vol. 2. – 581 p.
4. Gritsenko, N. P. Udelnye krestyane Srednego Povolzhya (Ocherki) [Tsar family peasants of the middle Volga region. Essays] / N. P. Gritsenko. – Grozny, 1959. – 585 p.
5. Polovinkin, N. S. Dvortsovyje (udelnye) krestyane Srednego Povolzhya i Priuralya (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XIX vekov) [Palace (state) peasants of the Middle Volga region and the Pre-Urals (second half of the XVI–first half of the XIX centuries)] / N. S. Polovinkin. – Tyumen, 1992. – 142 p.
6. Kotov, P. P. Khozjaistvo udelnykh krestyan Severa serediny XIX v. [The household of tsar family peasants of the North in the mid-XIX century] / P. P. Kotov // Khozjaistvo severnogo krestyanstva v XVI – nachale XX vv. [The economy of the northern peasantry in the XVI – early XX centuries]. Interuniversity collection of sci. papers. – Syktyvkar, 1987. – P. 21–29.
7. Levashev, V. Reforma 1861 g. v Samarskoj i Simbirskoj gubernijah. [The reform of 1861 in Samara and Simbirsk provinces] / V. Levashev. – Kuibyshev, 1940. – 72 p.
8. Bogatikova, G. I. Reforma 26 ijunja 1863 g. v udelnoj derevne [The reform of June 26, 1863 in a tsar family village] / G. I. Bogatikova // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. – 1958. – Vol. 63. – P. 81–123.
9. Kotov, P. P. O zemelnom obespechenii byvshikh udelnykh krestyan po reforme 1863 goda [On the land provision of the former state peasants on the reform of 1863] / P. P. Kotov // Burzhuznye reformy v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Bourgeois reforms in Russia of the second half of the XIX century]. – Voronezh, 1988. – P. 54–63.
10. Krasnikova, Yu. N. Udelnye krestyane Severo-Zapada Rossii v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX veka: iz istorii agrarnykh otnoshenii [The tsar family peasants of the North-West of Russia at the end of the XVIII – first quarter of the XIX century: from the history of agrarian relations] / Yu. N. Krasnikova. – St. Petersburg, 2014. – 199 p.
11. Shaikhislamov, R. B. Udelnye krestyane Yuzhnogo Urala v doreformennyi period [Appanage peasants of the Southern Urals in the pre-reform period] / R. B. Shaikhislamov, N. S. Myslyaeva // Modern scientific thought. – 2018. – No. 1. – P. 52–56.
12. Kotov, P. P. Problemy izucheniya urovnya zemledeliya na primere Shenkurskogo uezda Arkhangel'skoi gubernii [The problems of studying the level of agriculture on the example of Shenkursk Uyezd of the Arkhangel'sk Province] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2012. – No. 1 (9). – P. 83–88.
13. Karakhanyan, T. N. Promyslovyje zanyatiya vo Vladimirs'koi udelnoi kontore (na primere Kovrovskogo i Sudogod'skogo Uyezdv) [Fishing activities in the Vladimir Appanage Office (on the example of Kovrov and Sudogod Uyezds)] / T. N. Karakhanyan // Nauchnoe prostranstvo: aktualnye voprosy teorii i praktiki [Scientific space: current issues of theory and practice]. Materials of the All-Russian sci. pract. Conf. – Cheboksary, 2020. – P. 47–49.
14. Kotov, P. P. Osobennosti otkhodnichestva udelnykh krestyan Evropejskogo Severa Rossii [Peculiarity of seasonal work of Tsar family peasants in the European North of Russia] / P. P. Kotov // Bull. of St. Petersburg University. History. – 2012. – No. 3. – P. 149–155.
15. Krasnikova, Yu. N. Organizatsiya obshchestvennoi zapashki v udelnoi derevne v pervoi polovine XIX veka [Organization of public plowing in an appanage village in the first half of the XIX century] / T. V. Emelyanova, Yu. N. Krasnikova // Modern Scientific Thought. – Moscow, 2021. – No. 5. – P. 13–19.
16. Kotov, P. P. Materialy ob obshchestvennoi zapashke udelnykh krestyan Evropejskogo Severa Rossii kak istoricheskii istochnik [Materials on the public plowing of state peasants of the European North of Russia as a historical source] / P. P. Kotov // Peterburgskie chteniya – 97. Peterburg i Rossiya. Materialy Entsiklopedicheskoi biblioteki «St. Petersburg–2003». Ser. «Peterburg i Rossiya» [St. Petersburg Readings–97. St. Petersburg and Russia. Materials of the Encyclopedia library «St. Petersburg–2003». Series «Petersburg and Russia»]. – St. Petersburg, 1997. – P. 453–457.
17. Kotov, P. P. Otmena krepostnogo prava v udel'noi derevne po reforme 26 iyunya 1863 goda v russkoj istoriografii [The abolition of serfdom in villages of the Tsar family by the reform of June 26, 1863 in the Russian historiography] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2017. – No. 4 (32). – P. 79–87.
18. Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO) [State archives of the Vologda Province (SAVP)]. F. 388.
19. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian state historical archives]. F. 515 – Departament udelov [Department of Appanages].
20. Velskii kraevedcheskii muzej (VKM) [The Velsk Museum of Local History (VLHM)]. No. 1483.

21. PSZRI-1. – Vol. XXV. – No. 18423. – P. 126.
22. Ibid – Vol. XXX. – No. 23020. – P. 226–258.
23. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2 (Hereinafter – PSZRI-1). Vol. I–LV. – St. Petersburg, 1830–1884. – Vol. XXXIII. – Section 2. – No. 33861. – P. 451–452.
24. Kotov, P. P. Rasshirenje udelnykh vladenii v Vologodskoi gubernii v pervoi chetverti XIX veka [Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. Notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2021. – Vol. 43. No. 4. – P. 39–46. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616.
25. Kotov, P. P. Kharakteristika pomeshchichikh imenii Vologodskoi gubernii, priobretennykh udelnym vedomstvom v 1804 i 1824 godakh [Characteristics of the landlords' estates of the Vologda province obtained by the Appanage Department in 1804 and 1824] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2021. – No. 4 (50). – P. 46–54. – DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.
26. PSZRI-1. – Vol. XXIV. – No. 18278. – P. 846–850.
27. Kotov, P. P. Povinnosti gosudarstvennykh krestyan Evropeiskogo Severa Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [The duties of the state peasants of the European North of Russia at the end of the XVIII – first half of the XIX century] / P. P. Kotov // Sotsialno-demograficheskie aspekty istorii Severnogo krestyanstva (XVII–XIX vv.) [Socio-demographic aspects of the history of the Northern Peasantry (XVII–XIX centuries)]. – Syktyvkar, 1985 – P. 74–86.
28. PSZRI-1. – Vol. XXV. – No. 18714. – P. 424.
29. Ibid. – Vol. XXII. – No. 16347. – P. 549.
30. Mironov, B. N. Khlebnyye tseny v Rossii za dva stoletiya (XVIII–XIX vv.) [Grain prices in Russia for two centuries (XVIII–XIX centuries)] / B. N. Mironov. – Leningrad, 1985. – 301 p.
31. PSZRI-1. – Vol. XXX. – No. 23926. – P. 1227.
32. PSZRI-2. – Vol. I. – No. 721. – P. 1269–1270.
33. Ibid. – Vol. XXXIII. – Section 1. – No. 33326. – P. 784–786.
34. Ibid. – Vol. XXXIII. – Section 1. – No. 33328. – P. 786–788.
35. Ibid. – Vol. XXXIV. – Section 1. – No. 34831. – P. 817.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Котов Петр Павлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-7641-2437, SPIN-код: 5659-7780 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: kotoff.petr2018@yandex.ru).

Author:

Petr P. Kotov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Sector of National History, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-7641-2437, SPIN-code: 5659-7780 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation, e-mail: kotoff.petr2018@yandex.ru).

Для цитирования:

Котов, П. П. Переходы удельных крестьян Русского Севера в состав городских сословий / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 89–98.

For citation:

Kotov, P. P. The transition of appanage peasants of the Russian North to the urban classes / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87) – P. 89-98.

Дата поступления статьи: 12.11.2025

Прошла рецензирование: 11.11.2025

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 12.11.2025

Reviewed: 11.11.2025

Accepted: 30.01.2026

Сергей Лобовиков – фотохудожник крестьянской Руси

Бердинских В. А.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
bva.prof@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена жизни и деятельности самого известного фотохудожника русского крестьянства конца XIX – начала XX в. Сергея Лобовикова, зафиксировавшего в своих работах образ жизни русского крестьянина дореволюционной эпохи. Его фотоснимки получили международное признание. Очень велики их художественные достоинства. Вместе с тем, в наши дни они стали важным историческим и этнографическим источником. Основная масса работ Лобовикова хранится в Вятском художественном музее.

Ключевые слова:

русское крестьянство, фотохудожник Сергей Лобовиков, жанровые фотографии русского быта, награды международных выставок, работа в Вятском пединституте, гибель в блокадном Ленинграде

Сергей Александрович Лобовиков (19.06. (1.07) 1870–27.11.1941) – выдающийся русский фотохудожник, осознавший интуитивно огромную ценность русской крестьянской цивилизации в то время, когда об ее гибели еще никто не мог помыслить. Именно в мужицкой повседневной жизни он черпал свое вдохновение и нашел свою удачу – стал действительно великим крестьянским Фотографом – единственным в России и мире. Что же это был за человек и как он уловил в своем творчестве нерв великого грядущего катаклизма раскрестьянивания России в XX в.?

С. А. Лобовиков родился 19 июня (по ст. ст.) 1870 г. в с. Белья (Бельское) Глазовского уезда Вятской губернии (сейчас Фаленский район Кировской области) старшим ребенком в семье дьякона сельской церкви. Семья была большая (пятеро детей) и дружная. Мать – Мария Степановна (урожденная Сергиева), и отец – Александр Васильевич, были людьми чистыми душой и скромными в жизни. Два года Сергей проучился в сельской школе, а затем еще два года в Глазовском духовном училище. По воспоминаниям Тимофея Сергеевича Лобовикова (сына художника), в учебе что-то пошло не так (мальчик рос слабым и болезненным) и он вернулся в родное село. Но жизнь не баловала людей в ту эпоху. Когда Сергею было 13 лет – от чахотки скорострительно скончалась мать, а через месяц – спившись от горя, отец [1].

Младших детей взяли родственники, а старшего – 14-летнего Сергея – отдали в обучение купцу и фотографу П. Г. Тихонову в Вятку. Контракт на учебу был подписан

Sergei Lobovikov – a photographer of peasant Russia

Berdinskikh V. A.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
bva.prof@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to the life and work of the most famous photographer of the Russian peasantry of the late XIX – early XX century Sergei Lobovikov, who captured the lifestyle of the Russian peasant of the pre-revolutionary era in his works. His photographs have gained international recognition. Their artistic value is very high. However, nowadays they have become an important historical and ethnographic source. The majority of Lobovikov's works are kept in the Vyatka Art Museum.

Keywords:

Russian peasantry, photographer Sergei Lobovikov, genre photographs of Russian everyday life, awards of international exhibitions, work at Vyatka Pedagogical Institute, death in besieged Leningrad

на пять лет, что было довольно типичным явлением того времени. За еду, одежду и угол без всякой другой оплаты «мальчик», а затем подмастерье должен был выполнять все работы по дому и в фотографии, какие потребует хозяин. В рассказе А. Чехова «Ванька», где главный герой Ваня Жуков пишет письмо своему дедушке в деревню, несколько же утрированно изображена жизнь такого помощника на все руки. Сергей Лобовиков тоже топил печи, колот дрова, носил помои, водился с ребенком... Но самое главное – он учился ремеслу фотографа. Можно сказать, что ему сильно повезло с хозяином.

Петр Тихонов, крупный, культурный и успешный вятский фотограф, был человеком довольно консервативным – впоследствии активистом монархической организации «Союза русского народа» (за что и был расстрелян большевиками в 1918 г.). Стоит отметить, что дело у Тихонова шло вполне удачно и с прибылью – купеческая жилка давала себя знать. Помогая мастерам снимать в павильоне, Лобовиков проявил большие способности, и хозяин оставил его в своей мастерской после пятилетнего срока учебы с небольшим жалованьем – 10 руб. в месяц. После двух лет работы Лобовикова призвали на срочную службу в армию в Самару. Но прослужил он недолго – был отчислен по болезни. Чахотка (туберкулез), вероятно, была унаследована им от матери.

Молодой Сергей поехал искать счастья в столицу – и благодаря хорошим навыкам был принят в едва ли не

лучшую фотографию Петербурга (владелец – К. Булла). Работа шла хорошо, но питерский климат его при болезни был решительно противопоказан. Сергей Александрович решил вернуться в Вятку. По дороге он остановился в Нижнем Новгороде и имел теплую и судьбоносную для себя встречу с замечательным нижегородским фотохудожником А. О. Карелиным. Последний посоветовал молодому творческому мастеру ни на кого не работать, а открыть свое дело.

В 1894 г., имея 40 руб. в кармане, Лобовиков арендовал старенький аппарат и начал работать в снятой в аренду комнатке. Все местные фотографы встретили конкурента «в штаны» и активно мешали его бизнесу. Это время – самое трудное в жизни Сергея Александровича. Болезнь не отступала, денег на пищу и лекарства не хватало... Но он выдержал все жизненные перипетии и со временем стал уважаемым, процветающим мастером с огромной тягой к искусству. В своем дневнике 30 марта 1902 г. Лобовиков писал: «Фотографическим аппаратом я пользуюсь как кистью, посредством которой передается мой вкус и мое художественное или эстетическое настроение, которое выражается в выборе позы, в управлении освещением» [там же].

Самообразование, твердость воли, большое внутреннее чувство прекрасного – сделали из него настоящего художника и здорового человека. В 1905 г. он переехал в собственный добротный дом в центре Вятки. Между тем, прекрасный местный врач Левицкий по возвращении Лобовикова в Вятку в 1894 г. давал ему срок жизни максимум один год. Болезнь наступала стремительно и побороть ее удалось только ежедневной закалкой. Сергей Александрович с 1894 по 1934 г. (до самого отъезда в Ленинград) ежедневно утром и вечером с мая до октября купался в р. Люльченке. В то время она была очень чистой и родниковой [2].

В своем дневнике 24 ноября 1901 г. Лобовиков писал: «Я хочу быть строгим к себе, но это пугает моих друзей и знакомых. Я пережил много тяжелого в жизни, много перенес и физической боли и нравственной. С самого раннего детства я был строг к себе, и это давало мне возможность существовать, и это же заставляет меня относиться и к людям довольно строго: лентяев я не выношу, праздность противна, разврат возмущает до глубины...» [3].

Одновременно с работой в павильоне Лобовиков уже с конца 1890-х гг. стал заниматься жанровой фотосъемкой по заветам превосходного мастера жанра Андрея Карелина. Участие в выставках и конкурсах (дело обязательное для владельцев престижных фотосалонов того времени) оттачивало его мастерство. В 1899 г. он впервые послал свою работу на Всероссийский конкурс в Петербург и получил в 1900 г. бронзовую медаль за работу «На водопое». Вскоре ему была присуждена медаль Всемирной Парижской выставки 1900 г. Много путешествуя по России в конце 1890-х гг., мастер сделал немало пейзажных снимков. В определенном смысле они не менее замечательны, чем прославившие его жанровые фотографии.

Во время поездки на выставку в Париж Лобовиков по пути посетил многие европейские города и познакомился с уровнем мировой художественной фотографии. На скло-

не жизни, в отнюдь не безоблачном 1937 г., он слишком сурово писал о своих впечатлениях того времени: «Замечательно то, что как у нас в то время, так и за границей в профессиональной фотографии я ничего не вынес – всюду заглаженные лица, иногда, часто – до потери настоящих форм лица. Они меня больше раздражали. Это не искусство, это ремесло, лубочность что-ли или как угодно называйте защищенные ретушью лица! Это и у нас в России, и за границей. Из заграницы я приехал разочарованным. Действительно, прав был А. О. Карелин» [1, л. 6].

Думается, что на самом деле из своих иностранных путешествий Лобовиков вынес очень много. Возможно, он ждал вообще чуда. Но именно тогда он начал выныривать из тесного и захолустного мирка Вятки, осознавать свою силу и возможную уникальность видения крестьянской Руси, недоступную для других. Как мастер и профессионал в своем фотоателье он делал в основном портреты. Что являлось надежным средством для зарабатывания своего куска хлеба. За 38 лет работы он снял около 60 тыс. портретов, которые несут его стиль, манеру, отпечаток мастера. Спокойные естественные позы, непринужденность объекта, попытка в меру сил раскрыть внутренний мир людей. Честная работа опытного профессионала.

Искусство для Лобовикова – это жанр и пейзаж. В заметках конца 1930-х гг. он писал: «Я – фотограф мужицкий. Мой объект любимый – мужик. Быт его меня интересует со всех сторон». Народническая закуска мировоззрения художника очевидна. Искусство передвижников оказало существенное влияние на творчество Лобовикова. «Мне фотография нужна как средство передачи моих идей, – писал он в 1904 г. – Я люблю русскую природу, люблю деревню с ее обитателями. Я хочу передать характерное русское» [2, с. 27].

Чтобы глубже понять крестьянскую душу, в начале 1900-х гг. мастер уходит на выходные в деревню и часами сидит в крестьянской избе. Теплое отношение мастера, чувство сопереживания, устремленные к снимаемым крестьянам, пронизывают все работы Лобовикова, что естественным образом не может оставаться незамеченным для зрителя. Многие жанровые картины Лобовикова – постановочны. Это не подсмотренная из жизни сцена быта, а заранее продуманная и выстроенная мизансцена с идеей, сюжетом и подтекстом. Художник нанимал крестьян; заранее продумывал их одежду, позы, варианты сюжета. Поэтому существует несколько вариантов его каждой известной художественной фотографии. Элементы этнографического любования объектом, натурализма – сильнее всего прослеживаются в ранних работах мастера. Отчетливой в них видна декоративная сторона съемки. Таковы работы «Жатва» (нарядно одетые крестьяне на работе и в поле), «За водой» (1902), «Рубленое крыльцо» и др.

Жизнь приукрашивается русской экзотикой. Крестьяне выставлены как этнографический объект в музее. Эти снимки, как справедливо писал С. Морозов, имели большой успех, но они давали не совсем верное представление о толще и ходе крестьянской жизни. Со временем художник справился с этой проблемой. В его зрелых работах вообще нет какой-либо придуманности, нарочитости, столь присущей

фотографии вообще. Классический пример – «Домовница». Усталая девочка заснула в неудобной позе возле люльки. Некая литературность сюжета, впрочем, искупается глубокой искренностью, которой дышат все снимки мастера.

Многие снимки выполнены гуммиарабиковым или масляным способами печатания. Это – олеография. Данная техника была популярна в эпоху модернизма. Выставочные экземпляры работ доводились «до ума» ручной доработкой. Фотография становилась похожа на живописную картину. В то время в такой технике творили многие фотографы, готовя свои работы к международным выставкам: М. Дмитриев, А. Карелин. Снимались назойливые подробности, мощно выделялось главное. В репродукциях таких работ в альбомах, книгах – многое теряется, в отличие от обычных фотографий. Но нам сейчас интереснее его первичные жанровые снимки, сделанные обычной печатью. Сегодня именно они – источник мировой славы Лобовикова [там же].

Тимофей Сергеевич Лобовиков писал в 1981 г. про отца: «Постоянно наблюдая жизнь, он вынашивал идею будущей картины, ее принципиальное решение, искал встречи с ситуациями и типажом, отвечающими идее, делал много снимков, которым отдавал роль этюдов; а уж затем отбирал из них лучшее, наиболее выразительное. Но никакой искусственности, никакой позировки он не признавал. Даже широко известная "Бабушкина сказка", обычно приводившаяся как пример удивительной для фото композиции, создана без позировки. Со слов С. А. по этому поводу известно, что задумав картину такого характера, он искал и нашел такую бабушку, которая мастерски рассказывала детям старые сказки и истории прошлого; – которую дети любили жадно слушать, и подстерег действительно удачный момент. Вглядитесь в эту картину! Можно ли было искусственной позировкой достичь на лицах детей такой неподдельный интерес к сказке?»

Сергею Александровичу очень помогала искренность его любви к людям и, особенно, к крестьянским детям, его простота и непосредственность в общении с ними, органически присущая ему и лишенная какой бы то ни было подделки "под мужичка". У него была масса добрых друзей среди крестьян... Он мог часами находиться в избе, не нарушая своим присутствием ритма жизни и повседневной работы мужика, крестьянские игры ребят. При этом он никогда не рисовался простаком, а оставался самим собой – интеллигентом-художником...» [1, л. 8].

Область жанровой фотографии и тогда являлась весьма трудной даже для ярких профессионалов. В журналах той эпохи большинство снимков этого направления носят явные следы случайности, легковесной моментальности; или, наоборот, будучи неумело скомпонованы по сюжету – слишком искусственны и вымучены. Классикой жанровой фотографии стали лобовиковские работы: «За карминкой», «Вдовья

Фото С. А. Лобовикова. Крестьянка в поле перед жатвой (1900-е годы).

Photo by S. A. Lobovikov. A peasant woman in a field before harvest (the 1900s).

думушка», «Домовница» и др. [2, с. 27]. Крупный художественный талант Сергея Лобовикова был очевиден всем.

В 1903 г. Лобовиков женился на Елизавете Андреевне, сельской учительнице и дочери священника. Она была из многодетной семьи (11 братьев и сестер). Это был счастливый брак, в коем родилось шестеро детей. Благодаря упорному труду Сергея Александровича семья жила состоятельно. Любовь к детям сквозит во многих снимках мастера. Она ощутима чувственно.

Авторы многих обзоров фотографических выставок в России и за рубежом 1900–1910-х гг. отмечали творческую самобытность Лобовикова. Он не был ни на кого похож. Равного ему фотохудожника, который столь последовательно в течение 20 лет разрабатывал бы тему повседневной крестьянской жизни, не было ни в одной из стран Европы. В рецензии немецкого журнала (1909) говорилось: «В настоящем собрании преимущественно русский Лобовиков умеет увлекать нас своими чудесными снимками. Он без сомнения обладает выдающимися способностями и входит в небольшое число лучших европейских фотографов».

А в столичном «Вестнике фотографии» статья «Впечатления от посещения Международной фотографической выставки в Будапеште» начиналась так: «Как и в прошлом году, в Дрездене общее внимание привлекают произведения С. А. Лобовикова. И такие тонкие ценители фотографического искусства, как Эд. Гоппе, Р. Дюркооп, Г. Бахман и другие положительно в восторге от них... Что же касается жанра, то наш Лобовиков на всей выставке не имеет себе равного» [3].

Высокие художественные достоинства работ мастера высоко ценили художники Васнецовы, М. В. Нестеров, И. Э. Грабарь и др. Очевидно влияние на творчество Лобовикова художника Богданова-Бельского (вспомним его крестьянских детей). Гораздо менее бросалось в глаза влияние на композиции Сергея Александровича живописи С. Коровина и К. Лемоха. Но в ряде снимков это очень заметно: «Думы», «Печаль», «За карминкой». Идеи техни-

Фото С. А. Лобовикова. Андрейка (1900-е годы).
Photo by S. A. Lobovikov. Andreika (the 1900s).

ческого прогресса никогда не были заметны в творчестве Лобовикова. Он стоял в стороне от общего увлечения Молодом современной цивилизацией. Этим-то он нам сейчас и интересен. Любые варианты его крестьянских снимков – не только шедевров, но и обычных проходных работ – сегодня для нас ценнейший исторический источник. В них дышит Время и еще живая крестьянская цивилизация. Особенно хороши в этом отношении крестьянские фотоснимки, сделанные Сергеем Александровичем, в 1926–1927 гг. Они ничуть не хуже его шедевров 1907–1911 гг., но в них нет надуманности, идейности и сюжетности более ранних работ. Миг запечатлен мастером так, что толща окружающей жизни стоит за ним незримо, но ощутимо [4].

С 1913 г. Сергей Александрович стал почетным членом Русского Фотографического общества. Начало 1910-х гг. – пик достижений и признания Лобовикова в России и Европе. С началом Первой мировой войны все международные связи рухнули, выставки прекратились. С 1917 г. главная проблема для художника – выживание семьи в эпоху голода, национализации собственности, гражданской войны. Лобовикову пришлось вынужденно приостановить свою творческую деятельность аж до 1925 г. еще и потому, что исчезли качественные материалы для работы фотографа (фотобумага, химикалии).

Следует отметить общественную деятельность С. А. Лобовикова. Встав во главе Вятского художественного кружка (1909), он положил начало созданию художественного музея Вятки, объединив множество местных и общероссийских художников. В годы Гражданской войны художник был мобилизован и работал фотографом в штабе 3-й армии, располагавшемся в 1919 г. в Вятке. Публицистика и фоторепортажи – таковы темы работ С. Лобовикова той бурной эпохи, продолжавшейся и в 1920-е гг. Первые коммуны, рабочие и красноармейские демонстрации и митинги в г. Вятке – эти снимки дошли до нас благодаря труду Сергея Александровича. Вероятно, репутация крестьянолюбца каким-то образом помогла выжить почетному граж-

данину старой Вятки и бывшему состоятельному домовладельцу.

С 20 марта 1920 г. по 13 февраля 1934 г. Сергей Александрович работал преподавателем фотографии Вятского педагогического института. Занимался он со студентами разных факультетов, а прикреплен был вместе со своей фотолабораторией к физическому факультету. Его курс был факультативным (4 часа в неделю), так что прокормить свою большую семью лишь уроками было невозможно. В 1932 г. по приказу директора института «в связи с сокращением ассигнований по заработной плате на 1932 год» его вообще лишают какого-либо жалованья [3]. Впрочем, в 1933 г. он еще читал биологам курс микрофотографии. Но, в сущности, до 1934 г. он лишь числился в институте, не имея никакого дохода. А 20 февраля 1934 г. вышел приказ о сдаче фотолабора-

тории со всем имуществом.

К счастью, благодаря большим хлопотам удалось добиться присуждения С. А. Лобовикову академической пенсии. Возможно, помогло и то, что Сергей Александрович активно участвовал как в местных, так и общероссийских фотовыставках (с середины 1920-х гг.), стал членом Ассоциации художников революционной России (АХРР), по линии ВОКС посылал свои работы на выставки за рубеж (США, Япония). В 1927 г. еще не распущенное Русское Фотографическое общество провело персональную выставку Лобовикова в Москве к 40-летию его фотографической деятельности. Это была дань памяти старым заслугам художника как знатока и ообразителя быта русского крестьянства.

Благодаря исследованиям краеведа Л. Пешниной в музее истории ВятГУ нам удалось восстановить основные направления работы Лобовикова в пединституте. За 14 лет было сделано множество фотографий – целая фотохроника, на них запечатлены занятия студентов, фото выпускников учительских курсов, практика студентов в школе, участники художественной самодеятельности. Интересен кадр, сделанный во дворе института: утренняя зарядка студентов, все стоят в ряд, подняв руки, и улыбаются. А вот стоит молодая девушка-учитель, видимо, читая диктант, задумчиво всматривается в работу своих подопечных. Благодаря работе мастера, сохранились виды Кировского (Вятского) пединститута 1920-х гг., фото кабинетов, внутреннего двора, а также интересные фото Ботанического сада г. Вятки. Интерес к съемкам сада и содействию в его работе не случаен, еще в дореволюционные годы Лобовиков ходатайствовал о благоустройстве Александровского сада г. Вятки.

Безусловно, нельзя говорить, что все эти снимки сделаны самим мастером, наверняка, есть работы его учеников. Практические занятия студентов проходили в его мастерской. После революции многие мастерские были экспропрированы. Это не коснулось Лобовикова – в 1920 г. ему была выдана от Народного Комиссара просвещения за

подписью А. В. Луначарского охранная грамота, которая удостоверяла, что фотографическая мастерская А. С. Лобовикова со всем оборудованием представляет большую научную и художественную ценность, вследствие чего реквизиции или конфискации не подлежит.

«Фотография должна быть незаменимым помощником народного учителя в школе», – лозунг на плакате, в руках одного из учеников Лобовикова. Эта фотография интересна тем, что на ней за работой находится Лобовиков и его ученики, выпускники естественно-биологического отделения 1925 и 1926 гг. Всего четверо студентов, но каждый стал выдающимся специалистом: Смертин Фёдор Константинович – заведующий Унинским детским городком, погиб на фронте, Русских Михаил Николаевич – кандидат биологических наук, продолжил работу в Уржумском уезде, Микрюков Семён Матвеевич – профессор МГУ, Юдинцев Сергей Дмитриевич – профессор МГУ, директор института антибиотиков. Следующее фото – знакомый плакат, еще ряд лозунгов, строение фотоприборов, способ их действия, и стена, на которой представлены работы по фотографии студентов II курса естественно-агрономического отделения в 1924–1925 гг. Каждый снимок индивидуален, сюжеты разнообразны: виды города, фото своих сокурсников, портреты. Видимо, такая выставка работ становится традицией, труды студентов хранились у самого преподавателя в мастерской и кабинетах института.

Сохранилось фото, явно постановочное: длинный ряд ученических столов, на них различные экспонаты, растения и животные, листы с карандашами, словно студенты только что окончили свои лабораторные. Фото датировано 1928 г., по документам мы выяснили, что это выставка работ студентов III курса по биологии. Работ после 1927 г. становится все меньше, чем это оказалось вызвано данных в музее нет. Никто не снимал даже В. Маяковского, когда он в феврале 1928 г. приезжал выступать в институт. Лобовиков был строгим преподавателем, некачественные снимки мог и порвать. Но труд студентов уважал, если видел стремление и желание работать, то всегда помогал.

За свою работу фотограф получал неплохие деньги. В 1930 г. институтская зарплата Лобовикова составляла 36 руб., внеинститутская – 150–200 руб. Деньги для того времени немалые. Например, заработная плата рабочего химической промышленности составляла около 65 руб., врачи получали 42 руб., а юристы – в среднем 50 руб. Вот как сам характеризовал свою работу фотограф за 1929 г.: «Лично веду работу краеведческого характера (бытовые и др.), а также по художественной фотографии. В истекшем 1929 г. работы представлялись всесоюзным обществом Культурной связи с заграницей на международной выставке в Нью-Йорке, Токио и Осаке (Япония)» [5].

В 1931 г. с 14 по 29 августа С. А. Лобиков был командирован в Москву и Ленинград по делам оборудования фотолаборатории института. В 1932 г. Сергей Александрович в целях содействия пропаганде фотознаний в среде современного учительства передал безвозмездно педагогическому институту собственный фотосалон. Педагогический институт принял дар для развертывания в нем лаборатории и разрешения других вопросов, связан-

Фото семьи Дьяконовых.
Photo of the Dyakonovs family.

ных с квартирами для служащих института. А фотосалон и сама квартира находились на перекрестке улиц Московской и Свободы (сегодня о жизни маэстро в этом доме напоминает лишь мемориальная доска). Времена менялись, и договор с институтом обернулся тем, что лаборатория была ликвидирована. Весь дом отдали под квартиры, и сам Сергей Александрович с женой и детьми оказались в общежитии института. Однако работа фотокружка продолжалась. Известными фотографами, прошедшими учебу в кружке Лобовикова, стали – А. М. Перевощиков, братья Леонид и Юрий Шишкины, Н. А. Шилов, Д. Ф. Анохин и др.

Постановочные и сюжетные фото отражают суть времени и дают увидеть неповторимый стиль маэстро. Он всячески способствовал популяризации фотографии, предоставлял институту для практических занятий студентов по фотографии свою лабораторию с павильоном и помещением для лекций, а также и всё оборудование. В 1932 г. прекратились факультативные занятия, ввиду сокращения ассигнований на 1932 год. К сожалению, в этом же году Сергей Александрович прекратил преподавательскую деятельность. В 1934 г. вышел приказ № 375 от 2 ноября: «Факультативный курс фотографии как отсутствующий в перечне факультативных дисциплин НКП с 1 ноября 1934 года снять». Все оборудование и материалы перешли в ведение физического факультета [там же].

Во время работы в вузе Сергей Александрович был дружен с преподавателем литературы Василием Михайловичем Дьяконовым (1893–1975). В архиве Музея истории

ВятГГУ хранятся снимки семьи Дьяконовых, выполненные Лобовиковым. В основном это фотографии сыновей преподавателя – Коли и Левы. Оба мальчика прошли непростой жизненный путь, защищали Родину в годы Великой Отечественной войны (в фондах музея сохранились письма с фронта). Лева погиб в 1944 г., а Николай, пройдя всю войну, связал свою жизнь с дипломатической службой.

Подлинники интересны тем, что они не принадлежат ни к традиционной пейзажной светописи Лобовикова, ни к зарисовкам крестьянского быта. Несмотря на то, что это фотографии из семейного альбома, они выдержаны в стиле мастера. Фотографии оформлены в рамку с традиционным тиснением. Лобовиков подписывал фотографии коричневыми чернилами справа от изображения. Только последняя подпись находилась в правом нижнем углу изображения. Лобовиков никогда не датировал свои работы. Но на фото семьи Дьяконовых даты есть, подписаны членами карандашом. Помимо подписи имеется штамп фотосалона Лобовикова. Сложно определить, в каком стиле сделаны фото, но в эти годы Сергей Александрович продолжал работать в технике благородной печати: гуммиарабик и бромойль, олеография – серо-черная, серая, печатал на бромсеребрянной фотобумаге.

Лобовиков любил детей, неудивительно, что и работ с ними было немало. Фото, где сидят дети Лобовикова и Дьяконова (в гостях у фотографа), отличается от постановочных – салонных, своей непринужденностью, атмосферой детства и легкости. Мастер ждал, и кадр удался. Обстановка в комнате очень скромная. В центре за столом сидят дети, каждый занят своим делом. Лева, открыв рот, тянет скатерть. Антоша и Тимоша Лобовиковы рассматривают свои чашки. Ирина Лобовикова и Коля Дьяконов сидят рядом, только девочка смотрит в объектив, а мальчик устремил взгляд вглубь комнаты. Ляля Хронилова уже выпила свое молоко и что-то слушает увлеченно, а Муся Дрягина не проявляет интереса к столу, прислонилась к спинке стула, припустив губку, внимательно рассматривает говорящего (анализ всех фотографий из музея истории ВятГУ дан по материалам Л. Пешниной) [6].

В 1934 г. (по другим сведениям, в 1935 г.) Лобовиков вместе с женой и двумя несовершеннолетними детьми переезжает на постоянное жительство в Ленинград, где уже работали два его старших сына. Здесь он некоторое время продолжал трудиться в фотокинолаборатории Академии наук в качестве старшего специалиста-консультанта, но в 1937 г. в связи с ухудшением здоровья полностью ушел со службы. Стал заниматься анализом прожитой жизни, своей деятельности. Эти труды и заметки художника сейчас представляли бы огромный интерес, но, к сожалению, они почти все были утеряны во время блокады Ленинграда. Это был бы уникальный художественный материал эпохи.

Три сына Сергея Александровича воевали на фронте (один ребенок умер во младенчестве, сын Дмитрий – заядлый охотник – погиб в 1925 г.), а сам мастер жил в ленинградской квартире вместе с женой Елизаветой Андреевной и дочерью Ириной. 27 ноября 1941 г. С. А. Лобовиков скончался во время разрыва немецкой бомбы под окнами его дома. Похоронили С. А. Лобовикова на Шуваловском

кладбище Ленинграда на крутом обрыве, ниспадающем к озеру. Жена и дочь погибли от голода в блокадном Ленинграде вскоре после его смерти. Квартира после их смерти оставалась несколько месяцев пустой и неохраняемой. Все записки последних лет и дневники художника, что он вел в течение нескольких десятилетий, исчезли. Очевидно, их сожгли. К счастью, папки с фотоснимками и негативами Лобовикова, плоды всей его жизни, сохранились. Вернувшийся с фронта Тимофей Сергеевич (сын) сумел сохранить основную часть художественного наследия отца, а в 1955 г. передал все это в фонды Областного художественного музея г. Кирова. Честь ему и хвала! Он стал доктором экономических наук, профессором, академиком РАЕН.

Несколько случайных заметок последних лет жизни художника (1937–1939) он также отыскал и сохранил. В них С. А. Лобовиков подводит итоги своей жизни в искусстве, осмысливает накопленный опыт. Он пишет о смысле своей деятельности так: «Какая была цель и идея, руководившая мною в течение всей моей жизни? Эта цель – добиться, сколь позволят мои силы, поднять фотографическое искусство прежде всего в нашем захолустном городишке, – а может быть и больше. Это стало даваться мне довольно успешно... У меня была жажда к тому, чтобы фотографию привыкали наши русские граждане считать не забавой, не ремеслом для заработка, – а выше! Мне чувствовалось, что фотография гораздо выше и совсем не то, чем ее считают. И чем больше я в нее углублялся по существу, тем больше убеждался, что это чудесное искусство требует глубокого к нему отношения и изучения. <...> Как бы я хотел еще работать в области художественной фотографии <...>, чтобы выложить всю свою душу. Искусство в фотографии это большое дело. Нужно понять, что значит писать светом <...> У художника кисти и художника светописи пути разные, но цель одна» [1, л. 18].

С. А. Лобовиков широко известен во все мире как фотограф-художник русского крестьянства – единственный в своем роде.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Лобовиков, Т. С. Слово о Сергее Александровиче Лобовикове – человеке и художнике / Т. С. Лобовиков. – Л., 1981. Рукопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена. Л. 2, 6, 8, 18.
2. Сергей Лобовиков: русский мастер художественной фотографии / сост.: Т. Лобовиков, Г. Путнис, Н. Мартынова. – Киров, 1996. – С. 25, 27.
3. Петров, Н. С. А. Лобовиков / Н. С. Петров // Вестник фотографии. – 1911. – № 6. – С. 260.
4. Морозов, С. А. Русская художественная фотография: очерки из истории фотографии 1839–1917 годов / С. А. Морозов. – М., 1955. – С. 168.
5. Архив Вятского областного художественного музея им. Васнецовых. Д. № 17а. Личное дело С. А. Лобовикова.

6. Пешнина, Л. С. А. Лобовиков – известнейший фотохудожник Вятского края и России в Вятском пединституте / Л. С. Пешнина. Рукопись. Архив автора.
3. Petrov, N. S. A. Lobovikov / N. S. Petrov / Bulletin of Photography. – 1911. – No. 6. – P.260.
4. Morozov, S. A. Russkaya hudozhestvennaya fotografiya: ocherki iz istorii fotografii 1839-1917 godov [Russian art photography: essays from the history of photography 1839-1917] / S. A. Morozov. – Moscow, 1955. – P. 168.
5. Arhiv Vyatskogo oblastnogo hudozhestvennogo muzeya im. Vasnetsdovyh [Archive of the Vятka Regional Art Museum named after the Vasnetsovs]. File No. 17a. Personal file of S. A. Lobovikov.
6. Peshnina, L. S. A. Lobovikov – izvestneishii fotohudozhnik Vyatskogo kraia i Rossii v Vyatskom pedinstitute [S. A. Lobovikov - the most famous photographer of the Vятka Region and Russia at Vятka Pedagogical Institute]. Manuscript / L. S. Peshnina. The author's archive.

References

1. Lobovikov, T. S. Slovo o Sergee Aleksandroviche Lobovikove – cheloveke i hudozhnike [A word about Sergei Alexandrovich Lobovikov, a man and an artist] / T. S. Lobovikov. – Leningrad, 1981. Manuscript. Department of Local Lore of the Kirov Regional Scientific Library named after A. I. Herzen. L.2, 6, 8, 18.
2. Sergei Lobovikov: russkii master hudozhestvennoi fotografii [Sergei Lobovikov: Russian master of artistic photography]. – Kirov, 1996. – P. 25, 27.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме: «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» Рег. № ЕГИСУ НИОКТР 1024072600006–8–6.1.1.

Автор благодарит краеведа Л. Пешнину за представленные сведения по основным направлениям работы С. А. Лобовикова.

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the topic: «State policy for the development of the European North of Russia: actual problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI – XX centuries». Reg. No. ЕГИСУ НИОКТР 1024072600006–8–6.1.1.

The author thanks local historian L. Peshnina for the information provided on the main areas of work of S. A. Lobovikov.

Информация об авторе:

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; SPIN-код: 7744-1600 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Author:

Viktor A. Berdinskikh – Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; SPIN-code: 7744-1600 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Для цитирования:

Бердинских, В. А. Сергей Лобовиков – фотохудожник крестьянской Руси / В. А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 99-105.

For citation:

Berdinskikh, V. A. Sergei Lobovikov – a photographer of peasant Russia / V. A. Berdinskikh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 99-105.

Дата поступления статьи: 09.02.2026

Прошла рецензирование: 02.02.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 09.02.2026

Reviewed: 02.02.2026

Accepted: 20.02.2026

Киев и Петербург в художественном мире Жакова К. Ф.

Лисовская Г. К.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
Lisovskaya1330@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрен автобиографический роман Жакова К. Ф. «Сквозь строй жизни» с точки зрения культурного ландшафта, где специфическая роль отводится топонимическому субстрату. Топонимы в произведениях писателей имеют разную степень значимости. У Жакова К. Ф. в его книгах они выполняют одну из главных ролей. Это связано с поэтикой его произведений, в которых географическая среда выступает как самостоятельный герой и определяет весь строй и сюжетную линию произведений. Их действие напрямую зависит от пространственных передвижений героя. Так, роман «Сквозь строй жизни» (1912–1914) – это книга пути, книга странствий, где топонимы являются базовыми концептами, задающими координатами жизни писателя.

В связи с этим возникла необходимость многоаспектного изучения творчества коми писателя, которое способно стать основой для системного освоения литературной ономастики на стыке лингвистики и литературоведения. Материалом исследования стали топонимы городов Киев и Петербург, а также вся топонимическая лексика, связанная с ними в рассматриваемом произведении. Киев и Петербург – это два наиболее репрезентативных топонима автобиографического повествования Жакова К. Ф. Научная новизна исследования состоит в том, что в ней впервые произведен их семантико-культурологический анализ и представлено значение этих городов в биографии писателя. Показано, что эти топонимы несут не только номинативную функцию, но и информативную, экспрессивную, оценочную. Их анализ дает представление о значимости топонимов в качестве хранителей памяти, истории, национальной идентичности. Изучена многослойность городских пространств, выявлены места – палимпсесты Киевского топоса, которые несут «память» о своем прошлом, о смыслах, которые наложились друг на друга и сохраняют свое присутствие. На основании концепции связи культурного потенциала города с ландшафтом отражена оппозиция двух культурных столиц. Выявлено, что Киев и Петербург стали не просто географическими ориентирами странствий Жакова К. Ф., а судьбоносными символами, пронизывающими художественную ткань произведения.

Ключевые слова:

Жаков К. Ф., Киев, Петербург, культурный ландшафт, топонимика, места-палимпсесты, город концентрический, город эксцентрический

Kiev and St. Petersburg in the Fiction of K. F. Zhakov

Lisovskaya G. K.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
Lisovskaya1330@gmail.com

Abstract

The paper considers K. F. Zhakov's autobiographical novel «Through the Structure of Life» from the perspective of the cultural landscape, where the toponymic substratum plays a specific role. Toponyms in the works of writers have varying degrees of significance. In K. F. Zhakov's books, they play a key role. This is due to the poetics of his works, in which the geographical environment acts as an independent character, defining the entire structure and plotline of the works. Their action directly depends on the spatial movements of the hero. Thus, the novel «Through the Structure of Life» (1912–1914) is a book of journeys, a book of wanderings, where toponyms serve as fundamental concepts defining the coordinates of the writer's life.

This necessitated a multifaceted study of the Komi writer's work, which could form the basis for a systematic exploration of literary onomastics at the intersection of linguistics and literary studies. The study focused on the toponyms of the cities of Kiev and St. Petersburg, as well as all the toponymic vocabulary associated with them in the work under consideration. Kiev and St. Petersburg are the two most representative toponyms in K. F. Zhakov's autobiographical narrative. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time their semantic and cultural analysis was carried out and the importance of these cities in the writer's biography was shown. It demonstrates that these toponyms have not only a nominative function, but also informative, expressive, and evaluative one. Their analysis provides insight into the significance of toponyms as guardians of memory, history, and national identity. The multilayered nature of urban spaces has been studied, revealing palimpsest sites of the Kievan topos that bear the «memory» of their past, of meanings that have overlapped and persisted. Based on the concept of the connection between the city's cultural potential and its landscape, the opposition between two cultural capitals has been revealed. It is revealed that Kiev and St. Petersburg became not simply geographical landmarks in K. F. Zhakov's travels, but fateful symbols permeating the artistic fabric of the work.

Keywords:

K. F. Zhakov, Kiev, St. Petersburg, cultural landscape, toponymy, palimpsest sites, concentric city, eccentric city

Особенная роль в создании К. Ф. Жаковым художественной картины мира принадлежит географическим наименованиям Севера [см. об этом: 1, с. 347–354]. Топонимия городов – это еще один срез его ономастики, тесно связанный с культурологической составляющей его творчества. В настоящее время сформирована обширная литература, связанная с городской топонимикой, решающей теоретические и практические вопросы городской урбанистики [2], топонимической политики в аспекте региональной и локальной идентичности [3–5] и др. Интерес к этой проблеме связан с тем, что топонимы играют ключевую роль в культурном ландшафте в качестве хранителей памяти, истории, национальной идентичности.

Цель данного исследования – анализ и сопоставление семантического наполнения топонимов Киев и Петербург, двух противоположных художественных пространств, сыгравших определяющую роль в биографии писателя, линии его жизни и творчества.

Тема Петербурга широко представлена в литературе, в современном литературоведении авторы большинства работ отталкиваются от «петербургского текста», разработанного И. М. Гревсом и Н. М. Анциферовым [6], а затем В. Н. Топоровым [7].

Этот топоним является одним из ключевых для русской литературы. Это не просто локализация места действия, это отдельный сложный мир, живущий по своим законам. Петербургский текст К. Ф. Жакова укладывается в общую семантику города, разработанную до него, но имеет и свое смысловое наполнение.

Еще В. Н. Топоров обратил внимание на то, что «почти все писатели петербургской темы (Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Достоевский) были писателями непетербуржцами» [8, с. 121]. К. Ф. Жаков пишет свой Петербургский текст, основываясь на личных впечатлениях о жизни в этом в городе. В августе 1890 г. произошло его первое посещение северной столицы. Вот как описывает писатель себя, оказавшегося в Петербурге: «...ватное пальто из желтого сукна... на ногах огромные сапоги, брюки коротенькие и на спине большой белый узел с книгами и бельем» [9, с. 154]. Его ощущения – любопытство и тайный трепет. Выходит из вокзала 24-летний глубокий провинциал, нелепый и восторженный, в смятении чувств. Бесчеловечность города (подавление человека) ощущается им сразу: «...душа моя была придавлена величием открывшейся картины». Это был фантастический, иллюзорный мир, пугающий его: «Какие-то дымчатые дворцы передо мной стояли длинными рядами» [там же].

Архитектура Петербурга давит на молодого человека: «Огромные каменные дома за каменными домами следовали непрерывно» [там же, с. 241]. Холодные улицы Петербурга, туманные набережные и строгая архитектура могут служить метафорой отчуждения, духовной пустоты. Город полон контрастов: «дымчатые дворцы» длинными рядами и «тесный угол», в котором поселился герой книги: «Тесна жизнь в Петербурге, хотя и домов много» [там же, с. 156]. Северная столица – город каменный, мертвый: «Здесь жизни нет, суета одна» [там же, с. 159]. И как вывод: «Давят жизнь человеческую большие города» [там же,

с. 243], «ни сил прежних моих не стало, ни жизнерадостности старой, и мой могучий организм поддался "влиянию разрушающего здоровье Петербурга"». «...Человека, долго жившего в Петербурге и занимающегося науками, сразу можно узнать по бледным щекам, безжизненным глазам и равнодушию к жизни» [там же, с. 305].

Символом призрачности Петербурга, его холодной красоты становится луна, которая «блистала над землей своей холодной красотой» и «вовсе не грела» одинокого героя, блуждающего по ночному Петербургу [там же, с. 161]. Находясь в большом городе, он «чувствовал себя заброшенным в темный холодный чулан» [там же, с. 192].

Историко-культурный феномен Петербурга не подчеркивается в романе. В нем минимум топографических характеристик: Невская сторона, Васильевский остров, Невский проспект, Петербургская сторона, Сампсониевский проспект, Выборгская сторона – это маркеры передвижения героя, не имеющие ни культурного, ни эмоционального значения для него.

Петербург для молодого человека – воплощение большого города с его суетой и многолюдием, это муравейник из неприкаянных, снующих туда-сюда людей: студенты, бедняки из ночлежного дома, рабочие: «Я был поражен жизнью Петербурга. Я видел тысячи рабочих, бедствующих, видел суету, непрерывное движение и во всем отсутствие ответственности и справедливости» [там же, с. 159], «К чему такая суетливая жизнь, какую ведут люди в Петербурге, вообще в больших городах» [там же, с. 161].

В русской литературе этот город традиционно несет амбивалентный смысл, сочетая притягательность и разрушительность. Петербург в романе К. Ф. Жакова воплощает разрыв между аристократизмом города и нищетой людей, стремящихся к социальному успеху. Не случайно писатель использует два названия города – Петербург как культурная столица России и Питер как город бедняков, обитателей ночлежных домов, рабочих, трактирщиков и т. д. «Я приехал в ваш Питер без денег, а поступлю учиться и человеком буду», – сказал он буфетчику в трактире. «Нет-с, – ответил буфетчик, – ни с чем приехал, ни с чем уедете» [там же, с. 154]. «Питер – бока вытер», – неслучайно эту поговорку вспомнила мещанка из Усть-Сысольска (рассказ К. Ф. Жакова «Агафья»), не солоно хлебавши вернувшаяся из Петербурга домой [10, с. 123].

В. Н. Топоров выделяет один из сквозных мотивов в литературе о столице империи – мотив несовместимости с Петербургом, за ним стоит нечто более общее и универсальное – «несовместимость этого города с мыслящим и чувствующим человеком, невозможность жизни в Петербурге» [7, с. 263]. Будучи в этом городе в первый раз, Жакова не покидало острое желание покинуть Петербург: «...петербургская жизнь показалась мне совершенно невыносимой: "Я жаждал духа и деревенской жизни"» [9, с. 162].

Город, абсолютно противоположный Петербургу в романе – Киев. Это город, семантический потенциал которого определил его противопоставленность северной столице в культурном, историческом значении и его роль в жизни писателя.

Если в контексте русской литературы сложилось противостояние Петербурга и Москвы: бездушный, неуютный Петербург и теплая душевная Москва [см. об этом: 7, с. 167], то противопоставленность Петербурга Киеву представлена лишь у Н. Гоголя в его наброске «1834». Он вопрошает: «Таинственный неизъяснимый 1834 год. Где означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанных друг на друга гремящих улиц, кипящей меркантильности этой безобразной кучи мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности? В моем ли прекрасном и древнем, обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным, прекрасным чудным небом, упоительными ночами, где гора усыпана кустарниками с своими как бы гармоническими обрывами и подмывающий ее мой чистый и быстрый мой Днепр» [цит. по: 11, с. 17]. В дальнейшем оппозиция Киева и Петербурга в литературе не была продолжена, так как «она исключала момент соперничества, как это происходит в паре Москва – Петербург», полагает И. Булкина [12, с. 98]. Очевидно, это связано с особым статусом Киева как величайшей святыни земли русской. И К. Ф. Жаков, ехав в Киев, прежде всего ожидал увидеть не реальное городское пространство, а пространство сакральное. В таких местах генерируется «историко-топографическое чувство, когда текущий миг прикладывается к прошлому и яркой искрой вспыхивают переживания угасшего былого» [13, с. 154].

Для К. Ф. Жакова имя – «Киев» уже изначально, еще до приезда в город, было наполнено тем, что, по мнению писателя, и составляет «язык в глубоком понимании этого слова – внутреннюю сторону – систему образов, ряд настроений, исторических переживаний» [14]. Этот топоним в романе по своему философскому наполнению соответствует тому, чем были для него и коми названия – «средоточие памяти и отражение ностальгии по прошлому, квинтэссенция, душа коми мира, выраженная в языке» [1, с. 349]. Вот почему обращение к Киеву обладает высокой степенью эмоциональной насыщенности – «О белый волшебный город» [9, с. 180], «Киев! Краса городов русских», «Но Киев! Слово священное для меня!» [там же, с. 181]. Экспрессивный заряд повторяющегося названия города отражает всю гамму чувств – ожиданий К. Ф. Жакова, впервые оказавшегося в Киеве. Он опирался в своих ощущениях на сложившийся «сверхтекст» этого города, представляя себе сюжеты из истории Древней Руси. Киев окутан священным ореолом, это «святой город, древняя колыбель "русскости"», сакральный город для православия. А. С. Хомяков связывал Киев с «непрерывностью традиции, идущей от основания Руси в Киеве, через крещение и христианизацию Руси» [цит. по: 15, с. 161]. Семантика топоса «Киев» определяется и современными исследователями как «духовная колыбель, славянское единство, начало русского монашества» [там же, с. 122].

Несмотря на то, что Жаков приехал в Киев для поступления в университет, вся его первая поездка в этот город напоминает паломническую поездку по святым местам, и текст соответствует паломническому канону. Так как путешествие к святому месту предполагает не познание,

а постижение со стороны путешественника, возвращение к собственным духовным истокам, первоначально перед нами не реальный, а воображаемый город, город детских мечтаний и эпических сказаний об Илье Муромце и других защитниках русской земли. Его передвижения в «стольном граде» – от святыни к святыне и поиск их от золотых ворот до Аскольдовой могилы и пещер, где спят древние инок.

Авторские рефлексии, наполненные особой эмоциональностью, – набор припоминаний исторических преданий. Перед его глазами проносятся сюжеты древнерусских летописей из «Повести временных лет», на берегу Днепра он воображает гибель киевских князей Аскольда и Дира от руки новгородского князя Олега.

Образ небесного города, который является вторым, или новым Иерусалимом, присутствовавший уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона [см. об этом: 16, с. 63], рисует в воображении и герой книги: «Иерусалим, Иерусалим предо мною!» [9, с. 181]. Священный миф о Киеве, воображаемом новом божьем избраннике, свойственен всем паломникам. Так, А. С. Грибоедов 10 июня 1825 г. писал В. Ф. Одоевскому: «Сам я в древнем Киеве < ... > здесь пожил я с умершими. Владимир и Ярославна совершенно овладели моим воображением, за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение...» [цит. по: 17, с. 60]. Лишь постепенно К. Ф. Жаков увидел реальное пространство Киева: «Не вижу голубоглазых полян <...> выродились древние племена» [9, с. 182]. «Красив, что ни говори, но ничего нет древнего... Только одни золотые ворота остались от старого Киева. Город кишит промышленным людом». «Племя исполинов погибло в потоке времени» – главное разочарование путешественника [там же, с. 182, 183]. Однако киевская святость не только во впечатлениях паломника, коим ощущал себя Жаков в первое время. Киев как единый организм, если следовать традициям российского градоведения, включает в себя и историю, и архитектуру, и географию [6]. Актуальное значение топонима «Киев» у писателя и в совокупности представлений (мифов) о нем, и в той топографической реалистичности, которая отличает путешествие по городу, в многослойности образа Киева. Его пространство носит черты духовного и земного бытия, в контексте произведения – языческие, христианские пласты и любовно воспроизведенная современная топография Киева и его окрестностей.

В современной науке для обозначения городских пространств, включающих элементы разных эпох применяется термин «места – палимпсесты». Д. Мейнинг описал процесс формирования ландшафта как растянутый во времени, в связи с чем в ландшафте сохраняются следы его прошлых состояний. Метафорой культурного ландшафта становится термин «палимпсест», введенный в научный оборот этим ученым [18]. Культурный ландшафт как палимпсест включает в себя и утрату некоторых слоев, и акцентацию других, и их переосмысление [19]. Гуманистическая география предполагает специфическое понимание *места*, как того, что охватывается нашим вниманием, а затем и нашим отношением. Этот тезис развивается в работах Р. Сэка [20], Мальпаса [21]. И-Фу Туан полагает, что создают идентичности не точечные географические места,

а культурные ландшафты [22]. Понимание мира и человека возможно путем изучения отношений человека и природы, «географического поведения людей, и их чувств, и идей в отношении пространства и места» [там же, с. 180].

В современных исследованиях городом – палимпсестом называется Петербург [23, с. 142–145], так как несколько раз менял названия в связи с историческими изменениями – стирая, упраздняя, наслаивая, впитывая различные значения и контексты. Киев же без смены названия обнаруживает разные исторические слои культуры в романе К. Ф. Жакова. Целостный образ Киева, киевский топос включает в себя и следы монгольского нашествия – гора Мамаева и как центр сакрализованного мира – памятник князю Владимиру, и древнейший Житомирский тракт, ведущий начало от Киевской Руси, и любимый Жаковым Бибиковский бульвар – названный в честь киевского генерала-губернатора Д. Г. Бибикова (1852–1855), заслуга которого в том, что при нем Киев стал по-настоящему русским, он ликвидировал следы польского влияния [см. об этом: 12]. «Рассматривая топонимическую систему в лингвокультурологическом аспекте, возможно выделить топонимы, в семантике которых на первый план выходит не только соотносительность с денотатом, но и этнокультурный компонент. Такие топонимы не только хранят и транслируют культурную информацию, но также играют важную роль в формировании национального и языкового сознания», – утверждает А. С. Гальцева [24, с. 11]. А. С. Хомяков, автор главного киевского текста второй половины XIX в. – стихотворения «Киев» (1839), писал: «Пора Киеву отзываться русским языком и русской жизнью» [цит. по: 12, с. 166]. В период посещения города Жаковым новая идентичность Киева как «красы городов русских» уже сложилась. Семантическая составляющая его топонимов раскрывает принадлежность к русскому дискурсу.

Образ города, его концепция строится не только на его культурном потенциале, но и на ландшафте. Именно природно-культурный синтез определил концепцию «петербургского текста», основанную на пространственной дихотомии города концентрического (Петербург) и эксцентрического (Москва) в статье Ю. М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [25]. Это или город, имеющий концентрическое положение, как правило, это город на горе (или на горах). «Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы героического плана, он имеет начало, но не имеет конца – это "вечный город". Эксцентрический город расположен "на краю" культурного пространства на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза "земля" / "небо", а оппозиция "естественное" / "искусственное". Это город, созданный вопреки природе и находящийся в борьбе с ней, что дает возможности двойной интерпретации города как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенность естественного порядка – с другой. Вокруг этого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели...» [там же, с. 10–11].

В романе К. Ф. Жакова мы наблюдаем оппозицию через ландшафт по этому признаку не Петербурга и Москвы,

а Петербурга и Киева, вслед за Гоголем противопоставление мертвого, каменного («город каменный, мертвый»), тесного («тесный угол», «Тесна жизнь в Петербурге», – природному, вольному («далекие горизонты вдоль Житомирского тракта»). В пригороде Киева, в Мамаево, «дышал я впервые свободной грудью», – вспоминал Жаков [9, с. 187]. Киев – «белый волшебный город, стоящий на горах над синим Днепром, как орел на скале» [там же, с. 180]. Это пространство, где он «наслаждался берегами вольнотекущего Днепра... Глядел с парохода на колокольню Печорской лавры, которая поднимала крест свой к облакам... был поражаем каждый раз памятником Владимира, вечером блиставшим разными огнями...» [там же, с. 187]. Жаков пишет: «Нет, не хватит сил изобразить тебя, великий Киев, – ни твоих холмов, ни твоих монастырей, ни лесов сосновых, растущих пышно окрест тебя, как на севере далеком» [там же, с. 181]. Если Петербург – призречен, почти бесцветен, по определению Гоголя, то Киев полон красок – «светло-солнечный город», «белый» город, «синий Днепр, синие купола церквей».

«Долго плакал я о Киеве, казалось, что перевели меня из светлой горницы в темную половину избы» [там же, с. 181], – пишет Жаков, описывая свои ощущения после перевода в Петербургский университет.

Если Киев – историко-культурный – русский («краса городов русских»), то национально-поэтический ландшафт на окраинах города малорусский, украинский – «малорусские хаты, окруженные садами», «украинские вечера» и «украинские ночи, когда звезд так много в летнее время на небе...». «Как светло здесь, а девы так красивы, костюмы их так ярки» [там же].

Пребывание в Киеве для Жакова стало судьбоносным, этот город пробудил в нем поэтическое чувство своей светлой окрыляющей гармоничностью, дающей импульс к творчеству. «Опустились крылья мои на мглом севере, живи бы я на юге дольше, большими взмахами крыльев унёсся бы в кристальное небо поэзии» [там же, с. 183], – написал Жаков уже в Петербурге.

Этот город вдохновил его обратиться к художественному творчеству, собственным национальным корням. «О Киев, Киев! Лучшие годы мои, годы художественного подъема и веры в себя – зачем так быстро прошли вы?» [9, с. 187], – восклицал Жаков, покинув Киев. Своей глубинной укорененностью в далекое прошлое и прекрасной природой Киев заставил задуматься Жакова о дремучих лесах Севера и героях его, никем не воспетых, ждущих своего певца.

Семантика топоса Киев определяется через многослойность и непрерывность традиции, оказавшей влияние на формирование художественных интересов писателя, через обращение к национальным архетипам, формирующим его идентичность.

Жизнь Жакова – это путь странника, – бродя по Киеву «...снова не знал, где родина души моей, в чем мое призвание» [там же, с. 188]. Возвращение в Петербург – следующий ключевой этап жизни и духовного становления Жакова в его автобиографическом романе. В ономастике Петербурга этого периода его жизни – «комнатка у кух-

ни» на Васильевском острове, Петербургский университет и улица Покровская на петербургской стороне – место первого «семейного гнезда». «Жизнь в Киеве была раем по сравнению с этим», – пишет Жаков, вновь оказавшись в северной столице, «поэтическое покрывало, которым украшал я мир, исчезло в городе суеты, где нет ни природы, ни покоя. Я чувствовал себя заброшенным в темный холодный чулан, куда доходили вопли отчаянно борющихся людей, отнимающих друг у друга кусок хлеба» [там же, с. 192, 193].

Но именно в этом городе, в этот период своей жизни Жаков сформировался как ученый и писатель. Интеллектуальная среда Петербурга способствовала самореализации его как мыслителя. Посетив через 15 лет вновь Киев, он напишет: «Воздуха много, а свободы нет». Пути «искания самого себя» [там же, с. 250, 253] привели Жакова в город, где он нашел пространство для размышлений, где его внутренние конфликты обрели форму идей и стремлений к познанию истины. В отличие от созерцательного Киева, Петербург подталкивает писателя к активным действиям, часто ценой утраты внутренней гармонии, отчаяния. Его многогранная деятельность в Петербурге в итоге позволила оформиться духовным исканиям в четкую философскую систему.

Топонимы «Киев» и «Петербург» в романе К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» воплощают целую совокупность мифов, став не просто географическими ориентирами, а судьбоносными символами, пронизывающими художественную ткань произведения. Киев, укорененный в почве Древней Руси, предстает как символ национального духа, вдохновенных мечтаний, место силы, питающее героя в поиске гармонии. Петербург же – это арена боренья одинокого духа, город, где разум, устремленный к истине, ищет и находит свой путь к ней.

В художественной картине мира Жакова эти топонимы, будучи конкретными денотатами, обретают универсальный символический смысл. Киев формировал Жакова как поэта, наполняя его творчество национальным лиризмом, Петербург закалил его как мыслителя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Лисовская, Г. К. Топонимы в системе мифопоэтики К. Ф. Жакова / Г. К. Лисовская // *Пермистика-19: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст.* – Сыктывкар: Коми респ. типография, 2023. – С. 347–354.
2. Разумов, Р. В. Русская урбанонимия и ее лексикографическое представление: проблемы и перспективы / Р. В. Разумов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice.* – 2023. – Т. 6, вып. 12. – С. 4166–4171.
3. Городская топонимия: современная политика и практика именования: монография / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, А. В. Дмитриева [и др.]; под ред.: М. В. Голомидовой, С. О. Горяева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 216 с.

4. Герцен, А. А. Северо-Восточное Причерноморье на старинных географических картах: эволюция топонимии / А. А. Герцен // *Псковский регионологический журнал.* – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 130–148.
5. Васильев, В. Специфика топонимического субстрата на исторических землях Новгорода и Пскова / В. Васильев // *Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто.* Вып. XXXII. – М., 2025. – С. 32–35.
6. Колокольчикова, Р. С. Теоретико-методологические основы изучения города в трудах И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, Н. К. Пиксанова / Р. С. Колокольчикова // *Вестник Череповецкого государственного университета.* – 2014. – № 6. – С. 24–26.
7. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб.: Искусство, 2003. – 616 с.
8. Топоров, В. Н. Текст города – девы и города – блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // *Исследования по структуре текста.* – М., 1987. – С. 121–122.
9. Жаков, К. Ф. Сквозь строй жизни / К. Ф. Жаков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. – 384 с.
10. Жаков, К. Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания / К. Ф. Жаков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. – 464 с.
11. Люсий, А. П. Дом, квартира, майдан. Киевский текст как логово логоса / А. П. Люсий // *Вопросы литературы.* – 2014. – Сент.-Окт. – С. 129–155.
12. Булкина, И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное / И. Булкина. – Тарту, 2004. – 213 с.
13. Анциферов, Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) 1918–1992 // Н. П. Анциферов; подг. к публ. и пред.: А. Свешникова, Б. Степанова // *Исследования по истории русской мысли: ежегодн.* – М.: Модест Колеров, 2000. – С. 107–162.
14. Центральный государственных архив Республики Коми. Ф. 945. Оп. 1. Ед. хр. 4.
15. Закурченко, А. Возвращение к смыслам. Старые и новые образы в культуре: опыт глубинного прочтения / А. Закурченко. – М.: Изд-во ББИ, 2014. – 289 с.
16. Сырцова, Е. Н. Философско-мировоззренческие коннотации поэтики «Слова о полку Игореве» / Е. Н. Сырцова // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 42–63.
17. Беляков, С. Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя / С. Беляков. – Электронная книга. Издатель АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016.
18. Meining, D. W. Introduction // *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays* / ed. by D. W. Meining. New York – Oxford: Oxford University Press, 1979. – P. 1–7.
19. Entrikin, J. N. The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Hourdmills – L.: Mac Millan Education Ltd., 1991. – 315 p.
20. Sack, R. *Homo Geographicus.* Baltimore. Jon Hopkins University Press, 1997. – 292p.

21. Malpas, J. E. Place and Experience: A Philosophical Topography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 256p.
22. Tuan, Yi-Fu Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers, 1976. – Vol. 66. – No 2. – P. 266–276.
23. Яник–Борецка, К. Места – палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия / К. Яник–Борецка // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. – 2022. – № 1 (2). – С. 142–156. DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)) – 142–156.
24. Гальцева, А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. С. Гальцева. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. горн. ин-т им. Г. В. Плеханова, 2010. – 207 с.
25. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2. – С. 9–21.
7. Toporov, V. N. Peterburgskii text russkoi literatury [The Petersburg text of Russian Literature]: Selected Works / V. N. Toporov. – St. Petersburg: Artwork, 2003. – 616 p.
8. Toporov, V. N. Text goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte [The text of the virgin town and the harlot town in the mythological aspect] / V. N. Toporov // Research on the structure of the text. – Moscow, 1987. – P. 121–122.
9. Zhakov, K. F. Skvoz' stroi zhizni [Through the structure of life] / K. F. Zhakov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1996. – 384 p.
10. Zhakov, K. F. Pod shum severnogo vetra. Rassказы, ocherki, skazki i predaniya [Under the noise of the northern wind. Short stories, essays, fairy tales and legends] / K. F. Zhakov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1990. – 464 p.
11. Lyusyi, A. P. Dom, kvartira, maidan. Kievskii text kak logovo logosa [House, apartment, Maidan. The Kiev text as the lair of the logos] / A. P. Lyusyi // Questions of Literature. – 2014. – September–October. – P. 129–155.
12. Bulkina, I. Kiev v russkoi literature pervoi treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe [Kiev in Russian literature of the first third of the XIX century: historical and literary space] / I. Bulkina. – Tartu, 2004. – 213 p.
13. Antsiferov, N. P. Istoricheskaya nauka kak odna iz form bor'by za vechnost' (Fragmenty) [Historical science as one of the forms of struggle for eternity (Fragments) 1918–1992] / N. P. Antsiferov ; Prepared for publ., preface by A. Sveshnikov, B. Stepanov // Studies on the history of Russian thought: annual. – Moscow: Modest Kolerov, 2000. – P. 107–162.
14. TsGA Respubliki Komi [Central State Archives of the Komi Republic]. F. 945. Op. 1. Storage unit 4.
15. Zakurenko, A. Vozvraschenie k smyslam. Starie i novie obrazy v culture: opyt glubinnogo prochteniya [Returning to the meanings. Old and new images in culture: the experience of in-depth reading] / A. Zakurenko. – Moscow: BBI Publishing House, 2014. – 289 p.
16. Syrtsova, E. N. Filosofsko-mirovozzrencheskie konnotatsii poetiki “Slova o polku Igoreve” [Philosophical and ideological connotations of poetics in «The Word about Igor's regiment»] / E. N. Syrtsova // «The Word about Igor's regiment» and the worldview of his era. – Kiev: Naukova dumka Publ., 1990. – P. 42–63.
17. Belyakov, S. Ten' Mazepy. Ukrainskaya naciya v epohu Gogolya [Mazepa's Shadow. The Ukrainian nation in the era of Gogol] / S. Belyakov. – E-book, 2016. AST publisher, Edited by Elena Shubina, 2016.
18. Meaning, D.W. Introduction // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. D.W. Meaning. – New York – Oxford: Oxford University Press, 1979. – P. 1–7.
19. Entrikin, J. N. The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Hourd Mills – London: Mac Millan Education Ltd., 1991. – 315 p.
20. Sack, R. Homo Geographicus. Baltimore. – Jon Hopkins University Press, 1997. – 292 p.
21. Malpas, J. E. Place and Experience: A Philosophical Topography. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 256 p.

References

1. Lisovskaya, G. K. Toponimy v sisteme mifopoetiki K. F. Zhakova [Toponyms in K. F. Zhakov's system of mythopoetics] / G. K. Lisovskaya // Permistics 19: dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: collection of sci. papers. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2023. – P. 347–354.
2. Razumov, R. V. Russkaya urbanonimiya i ee lexicograficheskoe predstavlenie: problemy i perspektivy [Russian urbanonymy and its lexicographic representation: problems and prospects] / R. V. Razumov // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Philology. Theory & Practice. – 2023. – Vol. 6. – Issue 12. – P. 4166–4171.
3. Gorodskaya toponimiya: sovremennaya politika i praktika imenovaniya [Urban toponymy: modern naming policy and practice]: monograph / M. V. Golomidova, R. V. Razumov, A. V. Dmitrieva [et al.]; Eds. M. V. Golomidova, S. O. Goryaev. – Ekaterinburg: Ural University Publ. House, 2023. – 216 p.
4. Herzen, A. A. Severo-Vostochnoe Prichernomor'ye na starinnykh geograficheskikh kartah: evoluciya toponimii [The Northeastern Black Sea region on ancient geographical maps: the evolution of toponymy] / A. A. Herzen // Pskov Regionological J. – 2024. – Vol. 20. No. 2. – P. 130–148.
5. Vasilyev, V. Specifika toponimicheskogo substrata na istoricheskikh zemlyakh Novgoroda i Pskova [Specifics of the toponymic substrate on the historical lands of Novgorod and Pskov] / V. Vasilyev // Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto. Issue XXXII. – Moscow, 2025. – P. 32–35.
6. Kolokolchikova, R. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya goroda v trudah I. M. Grevs, N. P. Antsiferova, N. K. Piksanova [Theoretical and methodological foundations of the study of the town in the works of I. M. Grevs, N. P. Antsiferov, N. K. Piksano] / R. S. Kolokolchikova // Bull. of Cherepovets State University, 2014. – No. 6. – P. 24–26.

22. Tuan, Yi-Fu Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*, 1976. – Vol. 66. – No 2. – P. 266–276.
23. Yanik-Boretska, K. Mesta-palimpsesty Sankt-Peterburga i ih nazvaniya [Places – palimpsests of St. Petersburg and their names] / K. Yanik-Boretska // *Urbis et Orbis. Microhistory and semiotics of the city*, 2022. – № 1 (2). – P. 142–156. – DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-142-156](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-142-156).
24. Galtseva, A. S. Lingvokulturologicheskii potencial peterburgskoi toponimii [The linguistic and cultural potential of St. Petersburg toponymy]: diss... Cand. Sci. (Philology): 10.02.01 / A. S. Galtseva. – St. Petersburg: G. V. Plekhanov St. Petersburg State Mining Institute, 2010. – 207 p.
25. Lotman, Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city] / Yu. M. Lotman // Lotman, Yu. M. Selected papers: in 3 vols. – Tallinn: Alexandra, 1992. – Vol. 2. – P. 9–21.

Благодарность (госзадание):

Работа подготовлена в рамках плановой темы «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте (2026-2030 гг.)». FUUU-2026-0005.

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the planned topic "Artistic experience of Komi literature in the socio-cultural context (2026-2030)". FUUU-2026-0005.

Информация об авторе:

Лисовская Галина Константиновна – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0003-2846-765X, SPIN-код: 6095-9177 (167016, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: Lisovskaya1330@gmail.com).

Author:

Galina K. Lisovskaya – Researcher at the Literary Studies Department of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-2846-765X, SPIN-code 6095-9177 (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar 167016, Russian Federation; e-mail: Lisovskaya 1330@gmail.com).

Для цитирования:

Лисовская, Г. К. Киев и Петербург в художественном мире Жакова К. Ф. / Г. К. Лисовская // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология»*. – 2026. – № 2 (87). – С. 106–112.

For citation:

Lisovskaya, G. K. Kiev and St. Petersburg in the Fiction of K. F. Zhakov / G. K. Lisovskaya // *Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology"*. – 2026. – No. 2 (87). – P. 106–112.

Дата поступления статьи: 25.12.2025

Прошла рецензирование: 09.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 25.12.2025

Reviewed: 09.03.2026

Accepted: 20.03.2026

Татарская народная волшебная сказка: зарождение и развитие жанра

Гизатуллина Д. Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань

di4na.gizatullina@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье рассмотрен период развития жанра татарской народной волшебной сказки. Обозначены этапы сбора, фиксации и публикации первых сборников, содержащих татарские волшебные сказки. В выбранный нами период (1786–2024) происходило зарождение и развитие этнографии как науки и фольклористики как неотъемлемой ее части. Предложено теоретическое обоснование жанра татарской волшебной сказки. Изучены научные тексты ученых-исследователей национальной татарской фольклористики, а также тексты из сказочных сборников указанного периода, посвященные фиксации и популяризации народного творчества через татарские мифологические образы и сюжеты.

Ключевые слова:

татарский фольклор, национальная татарская фольклористика, народное творчество, устная традиция

Еще со времен первых арабских путешественников, наиболее именитым из которых является Ибн Фадлан, мифологические сюжеты и их персонажи, ставшие основой для возникновения жанра татарской волшебной сказки, были собраны и записаны первыми путешественниками и исследователями. Одним из них, как мы уже упомянули выше, был Ибн Фадлан, который описал мифологический сюжет о змее [1]. Подобное мы встречаем и в более поздних работах, принадлежавших первым этнографам, описавших культуры народов Поволжья и Российской империи, в период конца XVIII–начала XIX в., например, у таких ученых, как И. И. Лепехин, И. Г. Георги, а также М. Д. Чулкова. Так, например, в работе последнего «Абевега русских суеверий...» [2] мы находим несколько мифологических рассказов, связанных со змеями или драконами.

Непосредственно сам жанр татарской волшебной сказки зарождался на стыке эпох конца XIX–начала XX в., когда Я. Д. Коблов дополнил своими фольклорными записями и комментариями материалы К. Насыри, назвав общий сборник «Мифологией казанских татар» [3], что заложило основу для формирования новых жанров народного творчества и национальной фольклористики.

Дальнейшее уже профессиональное изучение национальной татарской фольклористики и в том числе жанров татарского фольклора происходило под эгидой Академи-

Tatar folk fairy tale: the origin and development of the genre

Gizatullina D. N.

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan

di4na.gizatullina@yandex.ru

Abstract

The paper considers the development of the Tatar folk fairy tale genre. The stages of collecting, recording and publishing the first collections containing Tatar fairy tales are outlined. The period chosen for the study, 1786–2024, marked the emergence and development of ethnography as a science and folklore studies as an integral part of it. A theoretical justification of the Tatar fairy tale genre is proposed. The scientific texts of scientists-researchers of national Tatar folklore, as well as texts from fairy-tale collections of the specified period dedicated to the recording and popularization of folklore through Tatar mythological images and plots are studied.

Keywords:

Tatar folklore, national Tatar folklore studies, folkart, oral tradition

ческого центра при Наркомате Просвещения ТАССР, открытым в 1921 г. Первым руководителем центра был Г. Ибрагимов. Деятельность данного центра была направлена на профессиональную фиксацию и публикацию фольклорных материалов народов ТАССР, прежде всего татар. Одним из первых членов сказочников, работавших при Академцентре и в сказочной комиссии центра, был Г. Рахим. Ученый вел активную источниковедческую деятельность и доказал прямую связь татарской мифологии и мифологии арабского мира, например, персидской. На базе своих исследований и исторических источников Г. Рахим читал собственный курс о мифологии казанских татар в Восточном педагогическом институте г. Казани в период 1923–1925 гг. [4].

Единомышленником и коллегой Г. Рахима по Академцентру был М. А. Васильев, который в 1924 г. издал первый сборник татарских народных сказок на русском языке. В данное издание вошли и мифологические рассказы, или былички, которые впоследствии стали основой волшебных сказок татарского народа [5].

Нужно отметить, что деятельность Академцентра включала и полевые экспедиции. Так, например, одним из самых известных полевиков был Г. Тулумбайский. В своих фольклорных экспедициях 1926–1928 гг. он записал известные татарские волшебные сказки: «Рыбак и Иф-

рит», «Бедняк и Юха-оборотень», «Шахмара – змеиный падишах», «Хитроумная девушка», «Храбрый джигит» и «Сылу-краса-серебряная коса» и др. Именно Г. Тулумбайский ввел в научный оборот по отношению к татарскому народному творчеству такие термины, как фольклор, мифология, что стало основой для формирования татарской национальной фольклористики [6].

К началу первых репрессий 1931–1933 гг. деятельность Академцентра была прервана и только в 1939 г. профессиональная работа в отношении сбора татарского фольклора была возобновлена на более высоком профессиональном уровне. Это был новый этап в формировании национальной фольклористики и жанра волшебной татарской сказки – открытие Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ). В ИЯЛИ стал функционировать отдел фольклора, руководителем которого стал основатель жанровой классификации татарского фольклора Х. Ярми – первый полковник в ИЯЛИ, в период 1945–1955 гг. побывавший в 20 экспедициях и записавший множество волшебных сказок.

Одним из преимуществ ИЯЛИ было и то, что в фонды принимались не только материалы, полученные в экспедициях, но и данные, присланные сказочниками. Так, например, в период 1939–1943 гг. один из самых известных татарских сказочников того времени – З. Мукминов, прислал около 30 записанных им сказочных текстов. Наиболее известной из данных материалов была татарская волшебная сказка «Белый Волк», зафиксированная сказочником еще в период Первой мировой войны у пленных татар. Сам Х. Ярми базировался на материалах, собранных им и его коллегами-писателями Г. Башировым (Г. Разиным), Л. Лесной, М. Шайхи и Э. С. Касымовым, в экспедициях, а также материалах, присланных сказочниками [7].

Итогом многолетней работы Х. Ярми стала созданная первая комплексная жанровая классификация татарского народного творчества, в которой ученый проанализировал материалы и посредством ее обосновал жанровое многообразие татарского фольклора. Данная классификация обширно отражена в работах Х. Ярми, таких как «Народное творчество» [8] и «Татарское народное творчество» [9], а также в многочисленных сказочных сборниках, переведенных на русский язык и проиллюстрированных известными художниками И. Колмогоровой, Л. Фаттыховым, Х. Якуповым.

Последователями фольклорных традиций Х. Ярми стали его ученики: Л. Замалетдинов – автор наиболее полного, комплексного и популярного сборника татарских народных сказок [10]; Ф. Урманчеев и его мифологический словарь [11]. На данный момент продолжателями данной традиции являются сотрудники ИЯЛИ, так, например, в 2016 г. вышла монография И. Ямалтдинова о татарской национальной фольклористике, И. Закирова и Л. Давлетшина в 2025 г. посредством издательства «Миф» опубликовали сборники татарских мифов.

Однако существуют и некоторые проблемы в процессе популяризации татарского наследия и его передачи, прежде всего, в молодежной среде. Так, например, по нашим исследованиям осени 2025 г., из 500 студентов Казанского университета до 90 % опрошенных молодых людей в воз-

расте 18–22 лет не читают книг, через которые и должны происходить передача и трансляция фольклорного наследия татарского народа. В 2025 г. на экраны вышел полнометражный мультфильм по мотивам татарской народной сказке «Камыр-батыр», однако лишь 2 % респондентов знают о премьере данного произведения. Этот факт лишь один раз подтверждает неактуальность вышеупомянутых форматов трансляции и передачи информации о фольклоре. Сами опрошенные для привлечения внимания к данной теме предложили свои варианты трансляции татарского фольклора: различные хоррор-квесты на тему татарских сказок, вывески в городе с использованием имен сказочных героев, формирование контента в соцсетях посредством коротких видео.

Таким образом, жанр татарской волшебной сказки на сегодняшний день – это фундамент народного фольклора, однако существуют проблемы трансляции и сохранения волшебных сказок в ближайшем будущем, что и является одним из наиболее важных вопросов для современного фольклора.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. – 228 с.
2. Чулков, М. Д. Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных, простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. / М. Д. Чулков. – М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786. – 328 с.
3. Коблов, Я. Д. Мифология казанских татар / Я. Д. Коблов. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. – 49 с.
4. Габдрафикова, Л. Р. Древние тюрки говорили «вперед», обозначая этим «на восток» (фрагменты из лекции Г. Рахима «Фольклор казанских татар») / Л. Р. Габдрафикова // Эхо веков. – 2012. – № 3/4. – С. 179–182.
5. Васильев, М. А. Памятники татарской народной словесности: сказки и легенды / М. А. Васильев. – Казань: Комбинат изд-ва и печати ТССР, 1924. – 182 с.
6. Ямалтдинов, И. И. Татарская фольклористика 20–60-х гг. XX века. Собрание, публикация и научное изучение фольклора / И. И. Ямалтдинов. – Казань: ИЯЛИ, им. Г. Ибрагимова, 2016. – 184 с.
7. Арпентьева, М. Р. Фольклорное наследие татарского народа / М. Р. Арпентьева // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2017. – С. 37–42.
8. Ярми, Х. Народное творчество. О подготовке к изданию в Москве сборника татарского народного творчества / Х. Ярми, А. Ахмет. – Казань: Татгосиздат, 1938. – 268 с.
9. Ярми, Х. Х. Татарское народное поэтическое творчество / Х. Х. Ярми. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – 308 с.
10. Замалетдинов, Л. Татарские народные сказки / Л. Замалетдинов, Т. ХаджихаMETов. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – 480 с.
11. Урманчеев, Ф. И. Татарская мифология: энциклопедический словарь. Т. 1–3 / Ф. И. Урманчеев. – Казань: Магариф, 2008–2011. – 839 с.

References

1. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu [Ibn Fadlan's Journey to the Volga]. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. – 228 p.
2. Chulkov, M. D. Abevega russkikh sueverii, idolopoklonnicheskikh zhertvoprinoshenii, svadebnykh prostonarodnykh obryadov, koldovstva, shamanstva i proch. [Abewega of Russian superstitions, idolatrous sacrifices, wedding and folk rituals, witchcraft, shamanism, etc.] / M. D. Chulkov. – Moscow: F. Gippius Printing House, 1786. – 328 p.
3. Koblov, Ya. D. Mifologiya kazanskih tatar [The mythology of the Kazan Tatars] / Ya. D. Koblov. – Kazan: Typolithography of the Imperial University, 1910. – 49 p.
4. Gabdrafikova, L. R. Drevnie tyurki govorili "vpered", oboznachaya etim "na vostok" (fragments iz lekcii G. Rahima "Folklor kazanskih tatar" [The ancient Turks said «forward», meaning «to the east» (excerpts from a lecture by G. N. Rahim «Folklore of the Kazan Tatars»)] / L. R. Gabdrafikova // Echo of Centuries. -, 2012. – No.3/4. – P. 179-182.
5. Vasilyev, M. A. Pamyatniki tatarskoi narodnoi slovesnosti: skazki i legendy [Written evidence of Tatar folk literature: fairy tales and legends] / M. A. Vasilyev. – Kazan: Publishing House and Press of the Tatar SSR, 1924. – 182 p.
6. Yamaltdinov, I. I. Tatarskaya folkloristika 20-60-h gg. XX veka [Tatar folklore studies of the 1920-1960s of the XX century. Collection, publication, and scientific study of folklore] / I. I. Yamaltdinov. – Kazan: G. N. Ibragimov Inst. of Language, Literature and History, 2016. – 184 p.
7. Arpentyeva, M. R. Folklornoe nasledie tatarskogo naroda [Folklore heritage of the Tatar people] / M. R. Arpentyeva // Omsk Sci. Bulletin. Series «Society. History. Modernity». – 2017. – P. 37-42.
8. Yarmi, Kh. Narodnoe tvorchestvo. O podgotovke k izdaniyu v Moskve sbornika Tatarskogo narodnogo tvorchestva [Folk art. On the preparation of a collection of Tatar folk art for publication in Moscow] / Kh. Yarmi, A. Akhmet. – Kazan: Tatar State Publ. House, 1938. – 268 p.
9. Yarmi, Kh. Kh. Tatarskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Tatar folk poetry] / Kh. Kh. Yarmi. – Kazan: Tatar Book Puibl. House, 1967. – 308 p.
10. Zamaletdinov, L. Tatarskie naropdnie skazki [Tatar folk tales] / L. Zamaletdinov, T. Khadzhiakhmetov. – Kazan: Tatar Book Puibl. House, 1989. – 480 p.
11. Urmancheev, F. I. Tatarskaya mifologiya: Enciklopedicheskii slovar' [Tatar mythology: Encyclopedic dictionary]. Vol. 1-3 / F. I. Urmancheev. – Kazan: Magarif, 2008-2011. – 839 p.

Благодарность (госзадание):

Статья выполнена в рамках диссертационного исследования Казанского (Приволжского) федерального университета «Роль татарских народных волшебных сказок в молодежной культуре г. Казани».

Acknowledgements (state task):

The paper was written within the frames of the dissertation research of the Kazan (Volga Region) Federal University "The role of Tatar Folk Fairy Tales in the youth culture of Kazan".

Информация об авторе:

Гизатуллина Диана Наилевна – ассистент кафедры археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета; ORCID: 0009-0009-1288-1427, SPIN-код: 8093-0577 (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: di4na.gizatullina@yandex.ru).

Author:

Diana N. Gizatullina – Assistant Professor, Department of Archaeology and Ethnology, Kazan (Volga Region) Federal University; ORCID: 0009-0009-1288-1427, SPIN-code: 8093-0577 (18, Kremlevskaya st., Kazan 420008, Russian Federation; e-mail: di4na.gizatullina@yandex.ru).

Для цитирования:

Гизатуллина, Д. Н. Татарская народная волшебная сказка: зарождение и развитие жанра / Д. Н. Гизатуллина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 113-116.

For citation:

Gizatullina, D. N. Tatar folk fairy tale: the origin and development of the genre / D. N. Gizatullina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 113-116.

Дата поступления статьи: 30.12.2025

Прошла рецензирование: 15.01.2026

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 30.12.2025

Reviewed: 15.01.2026

Accepted: 30.01.2026

Агитационные мероприятия партии и местной власти в рамках повышения мобилизационной готовности населения Кабардино-Балкарии в начальный период Великой Отечественной войны

Джакели А. Э.

Таганрогский механический колледж,
г. Таганрог
abesalom.djakeli@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются агитационные мероприятия, проводимые партийными и местными органами власти в Кабардино-Балкарии в начале Великой Отечественной войны с целью повышения мобилизационной готовности населения. Автор анализирует методы и формы агитации, роль партийных организаций и местного населения в мобилизационных усилиях, а также влияние этих мероприятий на моральный дух и готовность граждан к защите Родины. Исследование основано на исторических источниках и литературе по истории Кабардино-Балкарии в период войны.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Кабардино-Балкария, агитационные мероприятия, мобилизационная готовность, партийные организации, местная власть

Общая характеристика агитационной работы в Кабардино-Балкарии

В начальный период Великой Отечественной войны партийные и государственные органы Кабардино-Балкарии активно проводили агитационные мероприятия, направленные на повышение мобилизационной готовности населения [1]. Эти мероприятия включали в себя широкий спектр действий: от публичных выступлений и распространения печатных материалов до организации митингов и собраний. Партийные организации стремились разъяснить населению серьезность угрозы, исходящей от врага, и необходимость активного участия в обороне страны. Важную роль играли местные газеты и радио, которые регулярно публиковали сообщения о ходе боевых действий, героизме советских солдат и призывали граждан к единству и самоотверженности [2].

Таким образом, агитационная работа в Кабардино-Балкарии была масштабной и охватывала различные формы воздействия на общественное мнение, нацеленные на мобилизацию населения.

Agitation activities of the party and local authorities to increase the mobilization readiness of the population of Kabardino-Balkaria in the initial period of the Great Patriotic War

Dzhakeli A. E.

Taganrog Mechanical College, Rostov Region,
Taganrog
abesalom.djakeli@yandex.ru

Abstract

The paper considers the agitation activities carried out by party and local authorities in Kabardino-Balkaria at the beginning of the Great Patriotic War to increase the mobilization readiness of the population. The author analyzes the methods and forms of agitation, the role of party organizations and the local population in mobilization efforts, as well as the impact of these activities on the morale and readiness of citizens to defend the Motherland. The research is based on historical sources and literature on the history of Kabardino-Balkaria during the war period.

Keywords:

the Great Patriotic War, Kabardino-Balkaria, agitation activities, mobilization readiness, party organizations, local government

Методы агитационных мероприятий

Среди методов агитации использовались плакаты, листовки, доклады и выступления партийных работников [3]. Особое значение придавалось примерам героизма и мужества советских солдат, которые должны были вдохновлять граждан на самоотверженную работу и борьбу с врагом. Агитационные мероприятия также включали организацию мероприятий по сбору средств и вещей для фронта, что способствовало укреплению морального духа населения и его готовности к испытаниям военного времени [4].

Местные власти организовывали лекции и беседы, на которых разъяснялись цели войны и задачи, стоящие перед населением [5]. Агитационная работа охватывала все слои населения — от городских жителей до жителей отдаленных горных районов. Особое внимание уделялось молодежи и комсомольским организациям, которые активно участвовали в мобилизации общественного мнения и организации добровольческих отрядов [6].

Следовательно, методы агитации были разнообразными и нацеленными на разные группы населения, что

позволяло эффективно воздействовать на общественное сознание.

Роль партийных и комсомольских организаций в агитации

Партийные и комсомольские организации сыграли ключевую роль в организации агитационной работы. Они не только распространяли информацию о ходе войны и ее целях, но и активно побуждали граждан к конкретным действиям — вступлению в добровольческие отряды, сбору средств и вещей для фронта [7]. Комсомольцы принимали активное участие в различных мероприятиях, направленных на поддержку армии и мобилизацию населения [8].

Партийные органы стремились мобилизовать экономические ресурсы региона для нужд фронта. Проводились мероприятия по разъяснению важности трудовой дисциплины и необходимости увеличения производства продукции для армии [9]. Агитационные кампании способствовали формированию добровольческих воинских частей, в том числе знаменитой 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии [10].

Исходя из этого, партийные и комсомольские организации были движущей силой агитационной кампании, их деятельность способствовала как моральному, так и материальному обеспечению фронта.

Влияние агитации на различные слои населения

Агитационные мероприятия охватывали все слои населения Кабардино-Балкарии, способствуя формированию единого фронта борьбы с врагом. Среди городского населения активно распространялись листовки и плакаты, проводились митинги и собрания. В сельских районах и отдаленных горных областях агитаторы проводили беседы и лекции, разъясняя цели войны и необходимость единства народа [11].

Важным аспектом агитационной работы было формирование чувства патриотизма и единства среди многонационального населения Кабардино-Балкарии [там же]. Местные власти активно работали с населением, чтобы обеспечить своевременную поставку продовольствия и других ресурсов для Красной Армии [12].

В результате агитация способствовала консолидации населения Кабардино-Балкарии и формированию готовности к защите Родины среди всех слоев общества.

Примеры успешных агитационных кампаний

Одним из ярких примеров успешной агитационной кампании стало формирование добровольческих воинских частей, включая 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию [13]. Агитаторы успешно побудили граждан к вступлению в ряды Красной Армии и активному участию в оборонных мероприятиях.

Кроме того, кампании по сбору средств и вещей для фронта также показали высокую эффективность. Население активно откликалось на призывы и сдавало необходимые ресурсы, что существенно помогало фронту.

Итак, успешные агитационные кампании привели к конкретным результатам – формированию воинских частей и обеспечению фронта необходимыми ресурсами.

Заключение

Анализ исторических источников показывает, что агитационная работа в Кабардино-Балкарии была хорошо организована и сыграла важную роль в мобилизации населения [7]. Она способствовала формированию единого фронта борьбы с врагом, повышению боевого духа и готовности граждан к защите Родины.

Таким образом, агитационные мероприятия партийных и государственных органов Кабардино-Балкарии в начальный период Великой Отечественной войны значительно способствовали повышению мобилизационной готовности населения, формированию патриотического сознания и единства граждан в борьбе с врагом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Лики войны: сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / сост.: Р. М. Ашхотова и др.; отв. ред. А. Х. Каров. – Нальчик, 1996. – 500 с.
2. Информационный ресурс «Подвиг народа». – URL: <https://podvignaroda.ru> (дата обращения: 03.05.2015).
3. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 58. Оп. 818883.
4. Безугольный, А. Ю. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 / А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Бугай, Е. Ф. Кринко. – М.: Центрполиграф, 2012. – 479 с.
5. Батыров, У. А. Битва за Кавказ / У. А. Батыров, С. В. Гребенюк, В. Г. Матвеев. – М.: Триада-ф, 2002. – 428 с.
6. Башлоев, М. Л. Комсомольцы в боях за Родину / М. Л. Башлоев, А. И. Исмаилов // Из истории комсомола Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1969. – С. 75–98.
7. Аккиева, С. И. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.) (к 70-летию насильственного выселения балкарского народа) / С. И. Аккиева, Х.-М. А. Сабанчиев. – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 320 с.
8. Боевая слава Кабардино-Балкарии: очерки. В 6-ти кн. Нальчик. 1965. Кн. 1. – 399 с.; 1966. Кн. 2. – 662 с.; 1975. Кн. 3. – 592 с.; 1980. Кн. 4. – 512 с.; 1986. Кн. 5. – 560 с.; 1994. Кн. 6. – 640 с.
9. Бугай, Н. Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии / Н. Ф. Бугай. – М., 1992. – 228 с.
10. Бугай, Н. Ф. «По решению Правительства Союза ССР» / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Нальчик: Эльфа, 2003. – 927 с.
11. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов / сост.: Д. В. Шабаев, Л. Б. Татарокова, Р. А. Ташилова; предисл.: М. Х. Шехихачева. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.
12. Аренин, С. П. Борьба органов НКВД с бандитизмом и дезертирством в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. П. Аренин. – Саратов, 2010.

13. Хрущёв, Н. С. О культе личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва к XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года / Н. С. Хрущёв // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 128–170.

References:

1. Liki voyny [Faces of War]: collection of documents and materials on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945) / Comp. R. M. Ashkhotova et al.; Ed. A. Kh. Karov. – Nalchik, 1996. – 500 p.
2. Information resource «Podvig naroda» [The People's Feat]. – URL: <https://podvignaroda.ru> (accessed: 03.05.2015).
3. Tsentralnii arhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation]. F. 58. Op. 818883.
4. Bezugolny, A. Yu. Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 [Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945] / A. Yu. Bezugolny, N. F. Bugai, E. F. Krinko. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. – 479 p.
5. Batyrov, U. A. Bitva za Kavkaz [Battle for the Caucasus] / U. A. Batyrov, S. V. Grebenyuk, V. G. Matveev. – Moscow: Triada-f, 2002. – 428 p.
6. Bashloev, M. L. Komsomoltsy v boyakh za Rodinu [Komsomol members in the battles for the Motherland] / M. I. Bashloev, A. I. Ismailov // Iz istorii komsomola Kabardino-Balkarii [From the history of the Komsomol in Kabardino-Balkaria]. – Nalchik, 1969. – P.75–98.
7. Akkieva, S. I. Balkarskiy narod v gody voyny i deportatsii (1941–1957 gg.) (k 70-letiyu nasilstvennogo vyseleniya balkarskogo naroda) [The Balkar people during the war and deportation (1941–1957) (on the 70th anniversary of the forced deportation of the Balkar people)] / S. I. Akkieva, Kh.-M. Sabanchiev. – Nalchik: Elbrus, 2014. – 320 p.
8. Boevaya slava Kabardino-Balkarii: ocherki [Military glory of Kabardino-Balkaria: essays]. in 6 books. Nalchik. 1965. Book 1. – 399 p.; 1966. Book 2. – 662 p.; 1975. Book 3. – 592 p.; 1980. Book 4. – 512 p.; 1986. Book 5. – 560 p.; 1994. Book 6. – 640 p.
9. Bugai, N. F. Iosif Stalin – Lavrentiyu Berii: «Ikh nado deportirovat...»: dokumenty, fakty, kommentarii [Joseph Stalin to Lavrenty Beria: «They must be deported...»: documents, facts, comments] / N. F. Bugai. – Moscow, 1992. – 228 p.
10. Bugai, N. F. Po resheniyu Pravitel'stva Soyuzov SSR [By Decision of the Government of the USSR] / N. F. Bugai, A. M. Gonov. – Nalchik: Elfa, 2003. – 927 p.
11. Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941–1945]: collection of documents and materials] / Comps. D. V. Shabaev, L. B. Tatarokova, R. A. Tashilova; foreword M. Kh. Shekikhachev. – Nalchik: Elbrus, 1975. – 795 p.
12. Arenin, S. P. Bor'ba organov NKVD s banditizmom i dezer-tirstvom v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Severo-Kavkazskogo regiona) [The fight of the NKVD bodies against banditry and desertion during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on materials from the North Caucasus region): abstract of diss. ... Cand. Sci. (History) / S. P. Arenin. – Saratov, 2010.
13. Khrushchev, N. S. O kul'te lichnosti i ego posledstviyakh: доклад Pervogo sekretarya TsK KPSS N. S. Khrushcheva k XX s'ezdu KPSS 25 fevralya 1956 goda [On the Cult of Personality and Its Consequences: Report by N. S. Khrushchev, First Secretary of the CPSU Central Committee, to the XX CPSU Congress, February 25, 1956] / N. S. Khrushchev // Izvestiya TsK KPSS [News of the Central Committee of the CPSU], 1989. – No. 3. – P. 128–170.

Информация об авторе:

Джакели Абесалом Эднгарьевич – аспирант Таганрогского механического колледжа; ORCID: 0009-0007-1297-9139 (347902, Российская Федерация, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Свободы, д. 21; e-mail: abesalom.djakeli@yandex.ru).

Author:

Abesalom E. Dzhakeli – Postgraduate, Taganrog Mechanical College; ORCID: 0009-0007-1297-9139 (Svoboda st., Taganrog 347902, Rostov Region, Russian Federation; e-mail: abesalom.djakeli@yandex.ru).

Для цитирования:

Джакели, А. Э. Агитационные мероприятия партии и местной власти в рамках повышения мобилизационной готовности населения Кабардино-Балкарии в начальный период Великой Отечественной войны / А. Э. Джакели // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 117–120.

For citation:

Dzhakeli, A. E. Agitation activities of the party and local authorities to increase the mobilization readiness of the population of Kabardino-Balkaria in the initial period of the Great Patriotic War / A. E. Dzhakeli // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 117-120.

Дата поступления статьи: 20.01.2026

Прошла рецензирование: 23.01.2026

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 20.01.2026

Reviewed: 23.01.2026

Accepted: 30.01.2026

Организация и особенности функционирования немецких лагерей советских военнопленных в рейхскомиссариате «Украина»

Шкрибитько Е. А.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк
shelaa28@gmail.com

Аннотация

В данной статье комплексно рассматривается и анализируется тема, связанная с организацией и особенностями функционирования лагерной системы для советских военнопленных на территории рейхскомиссариата «Украина» в 1941–1944 гг. На основе архивных материалов и источников личного происхождения исследуются условия содержания военнопленных, а также политика, которую осуществляло гитлеровское руководство по отношению к ним. Подчеркивается, что эта тема относится к мало исследованным, что указывает на ее актуальность. В представленной статье четко классифицированы структуры Третьего рейха, которые занимались делами военнопленных. Акцентируется внимание на географии размещения и видах лагерей, а также условиях содержания в них военнопленных. Подчеркивается, что по методам обращения с военнопленными они приближались к категории лагерей уничтожения. Именно высокая смертность, голод, отсутствие медицинской помощи, издевательств и пытки над заключенными, а также массовое их уничтожение стали характерными признаками лагерей для военнопленных на территории Украины в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова:

советские военнопленные, рейхскомиссариат «Украина», дулаги, шталаги, нацистская Германия, Великая Отечественная война, гражданская администрация

Структура и аппарат учреждений немецкого военного плена на территории Украины в период Великой Отечественной войны принадлежат к менее исследованным темам в историографии. В редких отечественных публикациях о советских военнопленных основное внимание исследователей сосредоточено преимущественно на описании тяжелого положения пленных красноармейцев и преступном отношении к ним со стороны военнослужащих вермахта и нацистской власти в целом. Наиболее полным на сегодняшний день перечнем мест содержания советских военнопленных в Украине является «Справочник о лагерях, тюрьмах и гетто», который дает представление о масштабах и географии учреждений военного плена гитлеровской Германии [1, с. 18], где были организованы различные категории лагерей, но пояснение сложной ор-

Organization and functional characteristics of the German camps for Soviet prisoners of war in the Reichskommissariat «Ukraine»

Shkribitko E. A.

Donetsk State University,
Donetsk
shelaa28@gmail.com

Abstract

The paper comprehensively considers and analyzes the organization and operational characteristics of the camp system for Soviet prisoners of war in the territory of the Reichskommissariat "Ukraine" in 1941–1944. Based on archival materials and personal sources, the paper explores the conditions of detention for prisoners of war, as well as the Nazi leadership's policy toward them. It is emphasized that this topic is understudied, highlighting its relevance. The paper clearly classifies the structures of the Third Reich that handled prisoners-of-war affairs. It focuses on the geography of the location and types of camps, as well as the conditions under which prisoners of war were held. It is emphasized that, in terms of their treatment, these camps were close to extermination camps. High mortality rates, starvation, lack of medical care, abuse, and torture of prisoners, as well as their mass extermination became characteristic features of prisoners-of-war camps in Ukraine during the Great Patriotic War.

Keywords:

Soviet prisoners of war, Reichskommissariat «Ukraine», Dulags, Stalags, Nazi Germany, Great Patriotic War, civil administration

ганизации немецкого военного плена не входило в задачи составителей данного справочного издания.

Постсоветские русскоязычные исследования традиционно описывают ситуации, которые сложились в отдельных лагерях на территории Белоруссии, России или Украины, и не сосредоточены на вопросах функционирования всей системы немецкого военного плена на оккупированных территориях, ее кадрового и материально-технического обеспечения [2].

Отсутствие необходимых знаний об организации и деятельности учреждений немецкого военного плена в Украине приводит к тому, что даже в современных отечественных исследованиях довольно часто путают или отождествляют понятия «концлагерь» и «лагерь для военнопленных», не различают специфики и назначения

стационарного лагеря, его филиалов, рабочих команд. Работа над такими вопросами является необходимым условием для изучения оригинальных документов по данной тематике.

Перед нападением на Советский Союз в нацистской Германии уже сложилась разветвленная система лагерей и других мест принудительного содержания. Лагеря разных типов подчинялись разным ведомствам и учреждениям, действовали по разным правилам и служили разным целям.

Самым ужасным орудием Третьего рейха, предназначенным для изоляции непокорных и принуждения их к тяжелому труду, стали концентрационные лагеря. Концлагеря начали создавать почти сразу после прихода нацистов к власти. Первый концлагерь был открыт в 1933 г. в Дахау по приказу Г. Гимлера. В 1933–1937 гг. в Третьем рейхе отработывалась модель концлагеря, его внутренняя организация, служебные обязанности гарнизонов СС, режим содержания узников и другие организационные моменты.

В период 1936–1939 гг. появились такие концлагеря, как Заксенгаузен (1936), Бухенвальд (1937), Маутхаузен (1938). После начала Второй мировой войны и оккупации Германией Польши, на польских землях появились концлагеря в городах Освенцим (немецкое название – Аушвиц), Люблин (известный также как Майданек), Штуттове (Штуттхоф) и др.

Меняется функциональное предназначение концлагерей: из мест изоляции оппозиции они превращаются в инструмент террора, рабского труда и массового уничтожения тысяч людей. Концлагеря обносились по периметру оградами из колючей проволоки, на которую подавалось высокое напряжение, обеспечивались системой огневых точек по периметру ограды, а также охраной по внешнему периметру. Охранялись концлагеря войсками СС. Все работы выполнялись в пользу Главного хозяйственно-административного управления СС. Главным лагерям подчинялись внешние лагеря и команды, которые создавались за пределами концлагеря.

Следует отметить, что советские военнопленные относились к отдельной категории узников немецких концлагерей. Первые списки таких военнопленных были составлены в октябре 1941 г.

Ответственность за судьбу и содержание советских военнопленных несли военные из Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) и Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) [3, с. 143].

Поскольку труд узников концлагерей, в том числе и военнопленных, был важным производственным ресурсом, у каждого концлагеря было свое функциональное «предназначение» и зачастую конкретная организация – «подрядчик» среди крупных концернов, таких как «Сименс», «Фольксваген», «БМВ» и др. [4, с. 339]. Использование «человеческого ресурса» происходило в зависимости от немецких интересов на отдельно взятой территории.

Нацисты не ценили военнопленных как рабочую силу и использовали на тяжелых работах. Рабочий день не был четко регламентирован и мог длиться от 12 до 14 часов в сутки [5, с. 43]. С 1942 г. военнопленных все больше ис-

пользовали в промышленности, особенно в добывающей отрасли, в частности на шахтах Донбасса. Труд военнопленных широко применялся и в сельском хозяйстве.

Захваченных в плен красноармейцы отправляли в дивизионные и корпусные сборные пункты, а оттуда – в армейские. Далее военнопленных переправляли в пересыльные лагеря – дулаги, где распределяли по национальным признакам и специальности. Такие лагеря охранялись специальными охранными частями. Именно в дулагах компетенции ОКХ заканчивались, военнопленных переводили в стационарные лагеря, которые уже подчинялись ОКВ. Контроль осуществлял Главный инспектор по делам военнопленных, который непосредственно подчинялся командующему ОКВ, фельдмаршалу Кейтелю (в октябре 1944 г. лагеря военнопленных были переданы в подчинение рейхсфюреру СС. Г. Гимлеру). Для пленных офицеров были созданы офлаги. Офицеры к ежедневной работе, как правило, не привлекались. В шталагах содержались рядовые, которые принуждались к изнурительным тяжелым работам. Помимо этого, были созданы мобильные армейские сборно-пересыльные пункты.

Резиденции рейхскомиссариата «Украина» находились в Ровно и Бердичеве. Следует отметить, что восточная территория УССР в период немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг. вошла в состав «зоны военной администрации». Украинские земли в оккупационный период находились под властью военных групп армии «Юг».

Власть над всем лагерем находилась в руках коменданта – офицера в звании не ниже майора. Охраняли лагеря военнопленных охранные батальоны, которые формировались, как правило, из солдат пожилого возраста или фронтовиков, долечивавшихся после ранений и болезней.

После взятия в плен военнослужащих Красной армии, сразу разоружали старших офицеров, по возможности отделяли их от младших офицеров, солдат и сержантов. С дивизионных сборных пунктов пленные попадали на армейские сборно-пересыльные пункты. Армейские сборно-пересыльные пункты были мобильные и часто меняли свое расположение. Их задачей была быстрая передача пленных в тыловые лагеря. После первоначального учета на сборно-пересыльных пунктах, военнопленных направляли в транзитные или пересыльные лагеря (дулаги). Далее военнопленных перераспределяли в стационарные лагеря – лагеря для рядового и сержантского составов и офицерские лагеря. Большинство лагерных администраций и охранных подразделений сборных пунктов и дулагов не задерживались на одном месте, а постоянно передислоцировались вместе с войсками.

По мере продвижения линии фронта на восток команды пересыльных лагерей заменялись администрациями стационарных лагерей. Офлаги и шталаги, которые длительное время находились на одном месте, имели бараки для размещения военнопленных. Обычно шталаги организовывались на тех территориях, которые предусматривалось передать в ближайшее время или уже передали в компетенцию гражданской оккупационной администрации.

Как правило, большинство лагерных администраций были созданы еще накануне войны с Советским Союзом,

а после начала боевых действий они начали постепенно перемещаться ближе к линии фронта. В захваченных населенных пунктах лагеря для военнопленных создавались по мере продвижения немецкой армии вглубь территории СССР и поступления новых партий пленных красноармейцев.

Известно, что на начало сентября 1941 г. в зоне ответственности командующего оперативным тыловым районом группы армий «Юг» уже действовало 10 стационарных лагерей, в которых находилось 300 тыс. военнопленных и 10 тыс. человек охраны [2, с. 61, 69].

Первые крупные стационарные лагеря были организованы во Львове, Раве-Русской, Дрогобыче, Тернополе, Станиславе, Шепетовке.

Новые шталаги в сентябре 1941 г. планировалось создать на месте пересыльных лагерей в следующих населенных пунктах: Владимире-Волынском, Ковеле, Луцке, Ровно, Проскурове, Звягеле (Новоград-Волынском), Староконстантинове, Житомире, Киеве, Белой Церкви, Виннице, Умани, Днепропетровске, Кривом Роге, Кременчуге, Переяславе.

Для больных и раненых военнопленных создавались специальные госпитали. В начале сентября 1941 г. такие лечебные учреждения уже действовали в Луцке, Дубно, Ровно, Староконстантинове, в ноябре 1941 г. – в Кременчуге и Днепропетровске [6, с. 40]. В последних населенных пунктах предусматривалось также создание дезинсекционных пунктов для военнопленных.

В рейхскомиссариате «Украина» на начало 1942 г. насчитывалось 14 стационарных лагерей [7, с. 11], а в апреле 1943 г. здесь было 20 шталагов, которые располагались в населенных пунктах западнее Днепра.

Особенностью лагерей для военнопленных в 1941 г. была их переполненность. Если в августе в 10 стационарных лагерях для военнопленных рейхскомиссариата «Украина» содержалось примерно 225 тыс. пленников, в сентябре – 300 тыс., то в октябре их уже было 445 тыс. Пленных красноармейцев держали под открытым небом, за колючей проволокой. Их количество в лагерях было таким большим, что приближалось к величине населенных пунктов, в которых они располагались. С целью уменьшения количества заключенных немцы переводили часть пленных в другие временные (пересыльные) лагеря. После поражения Красной армии под Киевом, десятки тысяч пленных советских солдат и офицеров потом перегнали в лагерь Житомира, Винницы, Кривого Рога [1, с. 23].

Расово-идеологический характер войны нацистской Германии против Советского Союза сопровождался огромным количеством смертей, не связанных с непосредственным ведением боевых действий. Пленные красноармейцы стали первыми жертвами такой политики. Тысячи пленных погибли на поле боя, находясь в сборных и фронтовых лагерях, массовые убийства военнопленных происходили во время многокилометровых пеших маршей с прифронтовой зоны в тыл.

Часто военнопленных из пересыльных лагерей расстреливали наряду с гражданским населением оккупированных территорий Советского Союза. Известно, что в сен-

тябре 1941 г. в Киеве на окраине Сырца, в урочище Бабий Яр нацисты создали целый лагерь уничтожения, в котором были казнены более 100 тыс. чел. Среди расстрелянных были и военнопленные. Подобная картина была применена и в Харькове, и в Дробицком Яру [8, с. 98].

Массовая смертность среди советских военнопленных была обусловлена не только расстрелами, плохими условиями содержания, а в первую очередь «политикой голода», которую осуществляло руководство вермахта. Питание советских военнопленных резко ухудшилось с первых месяцев боевых действий, поскольку в хлебном обеспечении нуждалась действующая армия.

Несмотря на предписание по питанию военнопленных, в котором дифференцировались нормы питания для пленных, занятых на физически тяжелых работах и строительстве лагерей, основной пищей для пленных было варено из муки, а чаще всего – необработанного зерна – «баланда». По свидетельствам очевидцев, во многих пересыльных лагерях они по несколько недель не получали даже таких продуктов. Поэтому подобными нормами питания смерть от голода пленных красноармейцев в немецких лагерях становилась неизбежной.

Описанная в этой статье деятельность учреждений немецкого военного плена в Украине составляет лишь один из фактов преступлений нацистского режима Третьего рейха, режима бесчеловечного, преступления которого не имеют срока давности. Это лишь часть из масштабной картины лагерной структуры вермахта на оккупированных территориях Советского Союза. Постоянное передвижение сборных пунктов, дулагов и шталагов, изменения в их подчинении в зависимости от ситуации на фронте создают определенные трудности для более детальных реконструкций, учитывая отсутствие определенных документов.

Таким образом, комплексно рассматривая и анализируя историю создания системы немецких лагерей на территории рейхскомиссариата «Украина», важно указать, что по условиям содержания они приближались к категории лагерей уничтожения. Более того, лагеря на оккупированной территории Украины имели более жесткие условия содержания советских военнопленных, чем подобные учреждения в странах Европы. Высокая смертность, голод, отсутствие медицинской помощи, издевательства и пытки над заключенными, фактически их массовое уничтожение – стали характерными признаками лагерей для советских военнопленных на территории Украины в период Великой Отечественной войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Справочник о лагерях, тюрьмах и гетто на оккупированной Территории Украины / 1941- 1944. – Киев, 2000. – 232 с.
2. Ерин, М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945 гг. Проблемы исследования / М. Е. Ерин. – Ярославль, 2005. – 178 с.

3. Штрайт, К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / К. Штрайт. – М., 2009. – 214 с.
4. Косик, В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні / В. Косик. – Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. – 411 с.
5. Король, В. Ю. Трагедия военнопленных на территории Украины в 1941–1944 годах / В. Ю. Король. – Киев: Академия, 2002. – 285 с.
6. Грицюк, В. М. Стратегічні та фронтові операції Великої Вітчизняної війни на території України. – К.: Інститут історії України НАН України, 2010. – 150 с.
7. Берковський, В. Гросслагарет Славут, Цай табір 301: від історичного міфу до трагічної правди // Трудівник Полісся – Славута. – 2010. – 14 жовтня. – С. 11.
8. Холокост на Украине и антисемитизм в перспективе / под. ред. Ю. М. Ляховицкого. – Харьков: «Бенсиах», 1992. – 149 с.
3. Straith, K. "Oni nam ne tovarischi...": Vermaht i sovetskie voennoplennye v 1941-1945 gg. [«They are not our comrades...»: The Wehrmacht and soviet prisoners of war in 1941-1945] / K. Straith / Translated from German by I. Dyakonov, Introduction and Ed. I. Nastenکو. – Moscow, 2009. – 480 p.
4. Kosik, V. Ukraina i Germaniya vo vtoroi mirovoi voine [Ukraine and Germany in the Second World War] / V. Kosik. – Paris, New York, Lviv, 1993. – 411 p.
5. Korol', V. Yu. Tragediya voennoplennykh na territorii Ukrainy v 1941-1945 gg. [The tragedy of prisoners of war on the territory of Ukraine in 1941-1945] / V. Yu. Korol'. – Academy, 2002. – 285 p.
6. Gritsyuk, V. M. Strategicheskie i operacii na peredovoi Velikoi Otechestvennoi voiny na territorii Ukjrainy [Strategic and front-line operations of the Great Patriotic War on the territory of Ukraine] / V. M. Gritsyuk. – Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2010. – 150 p.
7. Berkovsky, V. Groisslazaret Slavut, lager' Tsai 301 : ot istoricheskogo nifa do tragicheskoi pravdy [Grosslazaret Slavut, Tsai camp 301: from historical myth to tragic truth] / V. Berkovsky // Trudivnik Polesie-Slavuta – 2010. – October 14. – P. 11.
8. Holokost na Ukraine i antisemitizm v perspektive [The Holocaust in Ukraine and anti-Semitism in perspective] / Ed. Yu. M. Lyakhovitsky. – Kharkov: "Bensiah", 1992. – 149 p.

References

1. Spravochnik o lageryah, tyurmah i getto na okkupirovanoi territorii Ukrainy [Handbook on camps, prisons and ghettos in the occupied territory of Ukraine] / 1941-1944. – Kiev, 2000. – 232 p.
2. Erin, M. E. Sovetskie voennoplennye v nazistskoi Germanii 1941-1945. Problemy issledovaniya [Soviet prisoners of war in Nazi Germany, 1941-1945. Research Problems] / M. E. Erin. – Yaroslavl, 2005. – 178 p.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgments (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Шкрибитько Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России исторического факультета Донецкого государственного университета; ORCID: 0000-0003-4315-1151, SPIN-код: 3880-2730 (283001, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 22; e-mail: shelaa28@gmail.com).

Author:

Elena A. Shkribitko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of the History of Russia at the Historical Faculty of the Donetsk State University; ORCID: 0000-0003-4315-1151, SPIN-code: 3880-2730 (Universitetskaya st., Donetsk 283001, Donetsk People's Republic. Russian Federation; e-mail: shelaa28@gmail.com).

Для цитирования:

Шкрибитько, Е. А. Организация и особенности функционирования немецких лагерей советских военнопленных в рейхскомиссариате «Украина» / Е. А. Шкрибитько // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 121-125.

For citation:

Shkribitko, E. A. Organization and functional characteristics of German camps for Soviet prisoners of war in the Reichscommissariat «Ukraine» / E. A. Shkribitko // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 121-125.

Дата поступления статьи: 26.12.2025

Прошла рецензирование: 20.01.2026

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 26.12.2025

Reviewed: 20.01.2026

Accepted: 30.01.2026

Организация шефской помощи советским госпиталям в период освобождения Ростовской области в декабре 1942 – августе 1943 года

Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф.

ФИЦ Южный НЦ РАН,
г. Ростов-на-Дону
afanvi@ssc-ras.ru
krinko@ssc-ras.ru

Аннотация

В статье рассматривается шефская помощь советским госпиталям, которую оказывали органы власти и население в период военных операций по освобождению Ростовской области в декабре 1942 – августе 1943 г. Авторами выявлены и охарактеризованы основные формы помощи госпиталям: предоставление и ремонт помещений; выделение инвентаря, белья, посуды и другого имущества; обеспечение продовольствием и топливом; работа местных жителей в качестве медицинского и обслуживающего персонала; организация и проведение досуга раненых и больных военнослужащих; сбор и раздача раненым подарков. Все это способствовало повышению эффективности работы госпиталей, позволяя возвращать на фронт тысячи бойцов и командиров Красной армии. Однако оказание помощи затруднял материальный ущерб, нанесенный городам и районам Дона боевыми действиями и нацистской оккупации. Основными источниками исследования выступают решения областного и районных исполкомов, райкомов партии и др. материалы.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, военные госпитали, помощь раненым и больным военнослужащим, Ростовская область

Вопросы взаимодействия фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны не раз становились предметом различных исследований. Тем не менее многие обстоятельства, в которых разрабатывались и реализовывались те или иные патриотические инициативы, все еще остаются недостаточно изученными. В полной мере это касается оказания помощи органами власти, общественными организациями и населением СССР раненым советским военнослужащим, приобретавшей специфику в зависимости от совокупности объективных и субъективных факторов, включая близость линии фронта, наличие возможностей для размещения военно-медицинских учреждений, климатические условия, состояние инфраструктуры здравоохранения, уровень подготовки медицинских кадров и другие обстоятельства.

Organization of patronage assistance to Soviet hospitals during the liberation of the Rostov Region in December 1942 – August 1943

Afanasenko V. I., Krinko E. F.

Federal Research Center, Southern Science Center, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don
afanvi@ssc-ras.ru
krinko@ssc-ras.ru

Abstract

The paper considers the patronage assistance to Soviet hospitals by the authorities and the population during the military operations to liberate the Rostov Region in December 1942 – August 1943. The authors identified and characterized the main forms of assistance to hospitals: provision and repair of premises; allocation of inventory, linen, dishes and other property; provision of food and fuel; work of local residents as medical and service personnel; organization and implementation of leisure activities for wounded and sick military personnel; collection and distribution of gifts to the wounded. All this contributed to improving the efficiency of the hospitals, allowing thousands of soldiers and commanders of the Red Army to return to the front lines. However, the provision of assistance was hampered by the material damage caused to towns and regions of the Don by military operations and the Nazi occupation. The main sources of the research are decisions of the regional and district executive committees, district party committees and other materials.

Keywords:

the Great Patriotic War, military hospitals, assistance to wounded and sick military personnel, Rostov region

Широкую известность на юге РСФСР получила деятельность крупных госпитальных баз в курортных городах Кавказских Минеральных Вод и Сочи, через которые в годы Великой Отечественной войны прошли сотни тысяч раненых и больных бойцов и командиров Красной армии. Однако и другие регионы сыграли немаловажную роль в спасении жизней многих советских военнослужащих. Среди них Ростовская область, положение которой на протяжении Великой Отечественной войны не раз менялось: от тыловой территории к прифронтовой осенью 1941 г., оккупированной почти полностью вермахтом и его союзниками летом 1942 г. и вновь ставшей в связи с наступлением Красной армии прифронтовой в конце 1942 г. и тыловой с осени 1943 г.

Начало освобождению территории Ростовской области было положено переходом советских войск в контрнаступление под Сталинградом и общим начавшимся коренным переломом в Великой Отечественной войне. В ходе Среднедонской наступательной операции «Малый Сатурн» (16–31 декабря 1942 г.) и Миллерово-Ворошиловградской фронтовой операции (1 января – 22 февраля 1943 г.) войска Юго-Западного фронта освободили северо-восток области. Освобождение южных районов началось в январе 1943 г. войсками Южного фронта (2-го формирования) в ходе Северо-Кавказской стратегической наступательной операции «Дон», составной частью которой стала Ростовская наступательная операция (1 января – 18 февраля 1943 г.). Однако дальнейшее продвижение советских войск на запад остановил немецкий оборонительный рубеж, проходивший по р. Миус. Только в конце августа 1943 г. войскам Южного фронта в ходе Донбасской стратегической операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.) удалось прорвать его и полностью освободить территорию Ростовской области. Боевые действия на юге страны в конце 1942 – 1943 г. носили ожесточенный и кровопролитный характер. Безвозвратные потери Красной армии только в боях по прорыву Миус-фронта в 1943 г. превысили 80 тыс. чел., санитарные – 270 тыс. чел. [1, с. 162]. Значительная часть раненых, контуженных, обожженных воинов поступила в госпитали, располагавшиеся на территории Ростовской области.

История советской медицины и здравоохранения в годы Великой Отечественной войны нашла отражение во многих трудах [2, 3 и др.]. Значительно меньше исследований рассказывает об оказании медицинской помощи советским военнослужащим на Нижнем Дону. Среди них как обобщающие работы по истории Ростовской области в 1941–1945 гг. [4, 5 и др.], так и специальные исследования [6–8 и др.]. В ряде работ приводятся данные о судьбах донских медиков, в том числе выпускниках Ростовского медицинского университета (в настоящее время – Ростовский государственный медицинский университет) [9–11 и др.]. В краеведческих публикациях рассказывается о работе госпиталей в отдельных районах Дона [12, 13 и др.]. Краткие сведения об этом приводятся в Книгах Памяти [14, 15 и др.]. Однако роль госпитальной базы Ростовской области в восстановлении здоровья военнослужащих действующей армии в период боевых действий по освобождению ее территории, масштабы помощи, оказанной раненым бойцам и командирам Красной армии гражданскими учреждениями и жителями Дона, а также их взаимодействие в данных вопросах представляются недостаточно изученными.

Цель статьи – выявить масштаб, формы и результаты оказания шефской помощи советским госпиталям в условиях освобождения территории Ростовской области в декабре 1942 – августе 1943 г. Основными источниками исследования являются постановления и решения областного и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся, райкомов партии и другие материалы из фондов Государственного архива Ростовской области (ГАРО) и Центра документации новейшей истории Ростовской

области (ЦДНИРО), в большинстве своем опубликованные в тематических сборниках документов [16–18].

Первую медицинскую помощь раненым советским военнослужащим непосредственно на поле боя оказывали санитарные отделения, а первую врачебную помощь они получали в полковых медицинских пунктах. Здесь проводилась первичная сортировка раненых по степени тяжести и характеру полученных повреждений. Наиболее тяжелые раненые, которым требовалась срочная хирургическая помощь, получали ее в медико-санитарных батальонах. Остальные эвакуировались в полевые подвижные хирургические, терапевтические, инфекционные и др. армейские и фронтовые госпитали. Раненых, нуждавшихся в дальнейшем специализированном лечении, вывозили на лечение в эвакуогоспитали (ЭГ). Военно-медицинские учреждения действовавшей армии находились в ведении Наркомата обороны СССР, а находившиеся в тылу ЭГ – в подчинении союзного и республиканских наркоматов здравоохранения.

В начальный период Великой Отечественной войны на территории Ростовской области была создана широкая сеть советских военно-медицинских учреждений – не менее 80 различных госпиталей [16, с. 62]. Шефскую помощь находившимся в них на излечении раненым и больным красноармейцам и командирам оказывали многие колхозы, предприятия, учреждения и жители Дона. Значительная часть госпиталей в условиях наступления вермахта и его союзников была эвакуирована в советский тыл, а раненых военнослужащих и медицинских работников, которым это не удалось, ждала нелегкая судьба в оккупации. Лишь некоторым удалось спастись, благодаря помощи местных жителей, рисковавших не только своей жизнью, но и жизнями своих близких и родных.

В ходе военных операций конца 1942 – начала 1943 г. в населенных пунктах Ростовской области вслед за наступавшими частями и соединениями Красной армии размещались армейские и фронтовые госпитали. За ними прибыли ЭГ, часть которых оставалась в качестве стационарных, а часть продвигалась далее на запад. На станцию Ремонтную Дубовского района первый состав с ранеными прибыл на следующий день после ее освобождения – 1 января 1943 г. [13]. В январе здесь разместился хирургический полевой подвижный госпиталь № 4168, переехавший в феврале в пос. Зерновой Мечётинского района. Исследователями отмечалось: «Сюда поступало немало бойцов и командиров 34-й гвардейской стрелковой [дивизии], 6-й гвардейской танковой бригады, 248-й стрелковой дивизии, 52-й отдельной стрелковой бригады, а также других частей и соединений», освобождавших район [12, с. 147]. В станице Пролетарской с 13 по 20 февраля размещался ЭГ № 3202, затем переместившийся в Ростов-на-Дону, а с 23 июня по 15 сентября – ЭГ № 3933 [15, с. 353].

Порядок и формы привлечения населения освобожденных районов Ростовской области к шефству над госпиталями регламентировали решения, принятые областными и районными органами власти. Так, 5 июня 1943 г. исполком Ростовского областного Совета депутатов трудящихся на своем заседании заслушал вопрос

«О шефстве колхозов Ростовской области над эвакуированными НКЗдрава», докладчиком по которому выступил заведующий областным отделом здравоохранения Г. М. Одаманын. Принятое по данному вопросу решение в целях «привлечения колхозной общественности к оказанию помощи раненым бойцам и командирам и для оказания помощи эвакуированным колхозам» прикрепляло колхозы 23 из существовавших в тот период 65 (шесть из которых все еще находились в оккупации) районов в качестве шефов к 14 госпиталям в городах Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Сальске, Шахты. Председателей исполкомов данных районов обязали «предложить председателям колхозов установить связь с подшефными госпиталями и совместно с начальниками эвакуированных составитель план оказания помощи госпиталям» [19, л. 45].

Это решение областного исполкома лишь обобщило уже сложившуюся практику работы по оказанию всесторонней помощи госпиталям. Соответствующие решения во многих районах Ростовской области были приняты вскоре после их освобождения. Так, Литвиновский район был освобожден 20 января, а 13 февраля райком ВКП(б) и райисполком приняли совместное Постановление «О проведении сбора подарков для Красной армии». В нем говорилось: «Одним из выдающихся фактов помощи нашей Красной армии является сбор подарков трудящимися района для отправки в госпитали и на фронт для своих освободителей» [18, с. 249]. Для руководства сбором подарков создавалась районная комиссия во главе с председателем райисполкома Вдовенко, председатели сельсоветов обязывались «в каждом сельсовете утвердить сельские комиссии». Районной и сельскими комиссиям предлагалось «не задерживать на складах собранные подарки и немедленно направлять их в госпитали и непосредственно на фронт» [там же].

Обливский район был освобожден 31 декабря 1942 г., а через полтора месяца, 15 февраля 1943 г. райисполком принял решение «Об оказании помощи госпиталям». Его текст гласил: «Героическая Красная армия с нарастающим порывом продолжает наступление на всех фронтах Отечественной войны. Преодолевая большие препятствия, громя до зубов вооруженных первоклассной техникой немецких захватчиков, наши бойцы совершают чудеса храбрости и героизма, с каждым днем увеличивая ряды гвардейцев. Советский народ делает все для укрепления фронта и быстрейшего разгрома врага, окружая заботой и вниманием раненых бойцов Красной армии, беря шефство над госпиталями» [там же]. Исполком решил: «Создать специальную комиссию для организации помощи госпиталям» [там же]. Председателям сельсоветов, колхозов, директорам МТС, руководителям предприятий и организаций рекомендовалось «взять шефство над госпиталями, оказывая им необходимую практическую помощь» [там же, с. 250].

Председатель Тарасовского райисполкома Несвилов и секретарь райкома ВКП(б) Слепченко 25 февраля предписали председателю Совета Михайловскому взять шефство силами колхозов над расположенным в слободе Верхнетарасовской госпиталем № 278, «где находятся

бойцы и командиры нашей доблестной Красной армии». Отдельным пунктом подчеркивалось: «Нужно будет организовать работу по сбору подарков ко Дню 1 Мая» [там же, с. 266].

В последующие месяцы вопросы оказания шефской помощи госпиталям продолжали рассматриваться в качестве первоочередных на заседаниях райисполкомов и бюро райкомов партии [18, с. 270 и др.]. Бюро Чертковского райкома ВКП(б) и райисполкома приняло совместное Постановление «О шефстве над госпиталями» 30 апреля 1943 г., в котором говорилось: «В связи с тем, что в поселке Чертково развернули свою деятельность два госпиталя, считать целесообразным прикрепление предприятий района и служб железнодорожного транспорта к госпиталям в порядке шефства» [там же, с. 307]. Соответственно, все предприятия, учреждения, службы, а также жилые кварталы распределялись на две части между госпиталями № 270 и 273. Всем руководителям предприятий и железнодорожного транспорта, секретарям первичных партийных организаций и парторгам предлагалось «наметить конкретный план шефской работы над госпиталями, вовлекая в эту работу всех рабочих и служащих своих коллективов» [там же, с. 307–308].

Однако материальные ресурсы освобожденных городов и районов Дона, понесших значительный ущерб вследствие боевых действий, бомбардировок и артиллерийских обстрелов, а также грабежа со стороны захватчиков, существенно сократились. Согласно данным Ростовской областной комиссии по учету зверств и ущерба, причиненного немецко-фашистскими оккупантами гражданам, колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и организациям, нанесенный области материальный ущерб вследствие оккупации исчислялся в 13,4 млн руб. [20, с. 29].

Поэтому одной из наиболее важных и сложных задач для местных органов власти при размещении госпиталей являлось выделение для них необходимых помещений. Наиболее подходящими оказались здания школ и других учебных заведений с их широкими коридорами и большими классами. Однако и эти здания существенно пострадали вследствие оккупации и боевых действий, а учебные занятия требовалось также где-то проводить. К тому же выделенные помещения порой не успевали освободить занимавшие их другие воинские части или учреждения [12, с. 155].

Поэтому использовались любые признанные более или менее подходящие варианты. Так, операционную располагавшегося с января по июнь 1943 г. в с. Дубовском ЭГ № 5072 оборудовали в двух загнанных в тупик железнодорожных вагонах, а раненые и больные красноармейцы находились в здании соседнего склада районного потребительского общества [13]. Обливский райисполком 25 мая распределил между госпиталями отобранные для этого наиболее подходящие помещения: госпиталю № 3299 выделялись «дом МТС, дом Советов, здание Госбанка, дом бывшей аптеки, дом сберкассы, дом райсвязи, пищеблок (бывшая столовая), магазин сельпо, культмаг и помещение мясоразрубочной»; госпиталю № 10 – «здание новой

двухэтажной школы, восстановленную половину раймага, необходимые помещения на центральной усадьбе Обливского п/совхоза» [18, с. 321].

Если же помещений не хватало, раненых и больных красноармейцев и командиров размещали в домах жителей, в сараях и любых других подсобных помещениях, зачастую при отсутствии электроэнергии и с другими ограничениями. В хуторе Ериковском Дубовского района «председатель колхоза А. В. Донсков взял к себе домой около двадцати раненых, питанием обеспечивал колхоз. Поваром стала жена председателя» [13].

В выделяемых помещениях, как правило, требовался ремонт, проводимый нередко с помощью жителей, не говоря уже о снабжении госпиталей оборудованием, медикаментами, инвентарем, мебелью (кроватями, столами, тумбочками), постельным и нательным бельем, кухонной посудой и другим имуществом. Всего этого просто не было в наличии. Местным органам власти приходилось использовать все возможные способы, чтобы решать вопросы обеспечения госпиталей всем необходимым, в первую очередь, за счет населения, сочетая административные методы с пропагандой, призванной убедить жителей поддерживать предпринятые меры. Собирали инвентарь по дворам и комсомольцы: «Секретарь Дубовского райкома ВЛКСМ Голубев докладывал в обком: собраны подушки, полотенца, посуда, доставлено 196 коек, 217 матрацев» [там же].

За неимением других резервов использовалось и трофейное имущество. Так, Новошахтинский горисполком 4 марта 1943 г. обязал заведующего городской строительной конторой «закончить ремонт помещений, предназначенных для госпиталя к 5 марта с. г.». К этой же дате начальнику милиции предлагалось «все трофейное имущество сдать в городскую комиссию». Городским и районным комиссиям – «усилить сбор белья и постельных принадлежностей». Всем руководителям предприятий и учреждений города следовало «закончить сбор имущества среди своих трудящихся к 6 марта» [18, с. 270].

Пролетарский райисполком 24 июня принял решение «Об организации сбора имущества для передачи во вновь организованный госпиталь». В документе отмечалось, что до оккупации в станице Пролетарской находился госпиталь, имущество которого, включая «койки, этажерки, шкафы и стулья – при эвакуации вывезено не было, а разобрано местным населением». Исходя из этого, райисполком предложил председателю Пролетарского станичного совета «срочно приступить к выявлению и сбору упомянутого имущества и передать таковое по акту вновь организованному госпиталю». На лиц же, «злостно сопротивляющихся в возврате взятого имущества», следовало «составлять акты для привлечения к ответственности». Наряду с этим, говорилось о необходимости «провести массовую работу среди населения о сдаче в добровольном порядке во временное пользование госпиталю имеющегося инвентаря, который принять от граждан по ведомости, с указанием краткой описи данного гражданина имущества» [там же, с. 333].

Не менее важным по значимости направлением шефской помощи стала организация питания в госпиталях.

Бюро Мечётинского райкома партии 11 февраля на первом заседании после освобождения станицы обсудило данный вопрос и приняло решение: «Предложить всем председателям колхозов, Советов, руководителям учреждений организовать сбор продуктов у населения для раненых бойцов под Мечёткой и зерноградом» [21, л. 2]. В первые месяцы 1943 г., пока не было налажено централизованное снабжение, эта задача в значительной степени решалась за счет населения освобожденных районов. В отчете за апрель 1943 г. госпиталя легкораненых (ГЛР) № 4943, размещавшегося в пос. Зерновой, отмечалось: «К нашему госпиталю прикреплено райкомом ВКП(б) 15 колхозов. Колхозники и колхозницы проявили значительную заботу о раненных и больных бойцах, командирах и политработниках. В порядке шефства в апреле госпиталю было передано 5549 штук яиц, 1526 литров молока, 756 кг картофеля, 112 кг лука, а также другие продукты» [12, с. 152].

Продовольственная помощь населения сохраняла свое значение и в последующие месяцы. В одном из документов о работе госпиталя № 1606 в пос. Зерновой сообщалось: «Начиная со второй половины 1943 г. пищеблок всегда был обеспечен поварами и рабочей силой. Поэтому пища приготавливалась своевременно и выдавалась в положенные часы, без опозданий и перебоев. Пища была высококалорийной, а блюда достаточно хорошие по вкусовым качествам» [там же, с. 148]. Примерно такая же оценка была дана и организации питания в ГЛР № 4943: «Пищеблок – в порядке. Вкусовые качества удовлетворительные» [там же, с. 150]. Во многом это стало возможным благодаря местным органам власти и населению района.

Итоги решения данного вопроса получили высокую оценку в отчете Ростовского обкома ВКП(б) на 4-й областной партийной конференции: «Раненые бойцы и командиры были окружены любовью и заботой трудящихся. Только по 15 районам области в 1943 г. было собрано и сдано госпиталю: яиц – 266 тыс. штук; мяса и сала – 66 тонн; молока – 126 тыс. литров; масла растительного – 4 тонны; масла сливочного – 1 тонна; птицы – 8000 штук; муки и мучных изделий – 61 тонна; картофеля – 30 тонн; овощей – 71 тонна; круп разных – 5 тонн; фруктов сушеных – 4 тонны» [22, л. 349].

Немаловажной задачей стало и снабжение госпиталей топливом, особенно в зимнее время. Зимовниковский райисполком 8 февраля 1943 г. принял решение «О мобилизации подвода для подвоза дров из лесничества к госпиталю в п. Зимовники», призванное наладить снабжение топливом медицинских учреждений. Председателям колхозов предлагалось выслать для этого в райисполком «лучшие подводы и тягло, а также лучших возчиков на подводах» 11 февраля 1943 г. сроком на 1 месяц. Представителей колхозов предупреждали, «что это задание важное» и требовали от них «немедленного его выполнения» [18, с. 245].

О всей сложности данной задачи свидетельствует документ, принятый Сальским горисполкомом 5 августа 1943 г. Он был посвящен вопросам обеспечения топливом госпиталя № 5781 на следующий год. Указанный госпиталь располагался на территории конезавода им. Бу-

денного в 9 км от железной дороги и г. Сальска, а дорога к нему проходила через реку, «не оборудованную мостом», вследствие чего были неизбежны трудности в доставке топлива с наступлением периода холодов и дождей. Поэтому исполком решил пожертвовать ради раненых советских военнослужащих отоплением собственного города, приняв решение: «Выделенный фонд угля для города (300 тонн) передать указанному госпиталю во избежание срыва обеспечения топливом в зимний сезон» [там же, с. 340].

Госпиталю предоставлялся необходимый транспорт для эвакуации раненых и больных военнослужащих. Так, Ремонтненский райисполком в целях «ускорения вывоза раненых бойцов Красной армии» из филиала госпиталя в с. Ремонтное обязал 12 колхозов района выделить «гужевой транспорт в количестве 35 подвод», согласно утверждавшейся разнарядке. От председателей колхозов и директоров совхозов потребовали «выслать подводы в село Ремонтное 13 февраля 1943 г. к 8 час. утра, имея запас сена до ст. Зимовники и обратно, теплую одежду при каждой подводе на 5–6 чел.» [там же, с. 268].

Шефская помощь также выражалась в закреплении за госпиталями в качестве обслуживающего персонала на добровольно-принудительной основе жителей конкретных домов. Обеспечить реализацию данной инициативы были призваны органы местного самоуправления. 24 марта 1943 г. зерновой поселковый совет принял совместное решение с квартальными и домовыми комитетами «О прикреплении рабочей силы из домов к госпиталям» [там же, с. 284–285]. Многие из жителей, пришедших работать в госпитали, стали донорами и сдавали кровь раненым.

Широко привлекались к участию в различных формах помощи раненым и больным красноармейцам и командирам школьники. В решении Константиновского райисполкома от 25 марта 1943 г. отмечалось, что «учащиеся Константиновских средних и начальной школ и Усть-Быстрианской средней школы организовали уход за ранеными бойцами и командирами, они регулярно собирают для них подарки – продукты питания (молоко, яйца, овощи и пр.)» [там же, с. 285]. Заведующего районным отделом народного образования обязали «организовать работу пионерских, комсомольских организаций и органов детского самоуправления в школах, направляя их работу на помощь фронту», включая в качестве первой задачи «уход за ранеными бойцами, командирами». Предлагалось также: «Организовать в школах выращивание в комнатных условиях лука и других овощей для военных госпиталей» [там же, с. 286].

Юноши и девушки, комсомольцы и пионеры вносили существенный вклад в организацию досуга раненых и больных военнослужащих: ставили для них самодеятельные концерты и пьесы, писали и читали полученные письма, пели песни: «Пятиклассницы Дубовской средней школы Надя Кузнецова и Юлия Пятницкая (Шапошникова) пели “Стань, казачка молодая...”, “Синий платочек”. Таких концертов раненые ждали с нетерпением» [13].

Таким образом, органы власти и население городов и районов Ростовской области оказали немалую помощь

советским военным госпиталям во время военных операций по освобождению ее территории. Госпитальная сеть Ростовской области насчитывала в этот период около 140 различных госпиталей, многие из которых на протяжении данного периода меняли свою дислокацию. Точных сведений об общем количестве прошедших через них раненых в настоящее время нет, есть данные только по отдельным госпиталям. Так, в госпиталях, располагавшихся в Мечётинском районе, в рассматриваемый период проходили лечение свыше 100 тыс. раненых и больных красноармейцев, большая часть – в пос. Зерновой. Через госпиталь № 1606, начавшего свою работу с 1 марта 1943 г., прошли 34 449 раненых и больных. Его хирурги совершили 1,5 тыс. операций. В глубокий тыл было эвакуировано 13 772 чел., во фронтовой тыл – 15 894, в свои части возвращены 2923, умерли 559 чел. В одном из отчетов говорилось: «Здесь госпиталь работал с нагрузкой в 500 процентов, развернув 3500 коек и исполняя одновременно и свои функции, и функции сортировочно-эвакуационного госпиталя, принимая по 2–3 летучки в день, обрабатывая принятых раненых и отправляя их дальше в тыл» [12, с. 148]. Госпиталь легкораненных № 4943 в июле – ноябре 1943 г. возвратил в действующую армию 7422 раненых и 751 больного, что составило 96 % от находившихся в нем на излечении советских военнослужащих в этот период [13, с. 150]. Госпиталь № 3258 принял, вылечил и направил для дальнейшего лечения в тыл 29 178 раненых [12, с. 150–151]. При этом главные потоки раненых, как правило, приходились на периоды боев с наибольшей интенсивностью: в зимний, а затем в летний периоды. Так, ЭГ № 5072 в период зимних и летних операций возвратил в строй около 3 тыс. чел. [14, с. 201]. Наибольшее количество раненых в госпитале № 3258 пришлось на июль–август 1943 г., во время боев по прорыву Миус-фронта, когда в него поступили 6833 чел. [12, с. 151].

На протяжении всего рассматриваемого периода местные партийные и советские органы, комсомольские организации, колхозы, совхозы, предприятия и учреждения уделяли постоянное внимание работе госпиталей, выделяя необходимые помещения, снабжая инвентарем и другим имуществом, обеспечивая питанием и топливом, несмотря на то, что сами испытывали нехватку всего этого после освобождения от нацистской оккупации. Медицинский и обслуживающий персонал госпиталей, прибывших в районы и города Ростовской области, пополнялся за счет местных жителей, сначала пришедших на работу в качестве вольнонаемных, а затем нередко продолживших службу вместе с военно-медицинскими учреждениями. Помимо этого, жители собирали для госпиталей кровати, подушки, простыни, одеяла, тарелки, вилки, ложки, стеклили окна, устанавливали печи–«буржуйки», заготавливали дрова, выхаживали раненых в своих домах и квартирах, приносили воду и еду, сдавали кровь, стирали обмундирование и бинты, выступали перед ранеными с концертами, пополняли библиотечки госпиталей художественной литературой. Работать приходилось в тяжелых условиях, вследствие близости линии фронта нередко под бомбежками и артиллерийскими обстрелами,

с колоссальным напряжением и риском для жизни, особенно в уходе за больными сыпным тифом.

Шефская помощь органов власти и населения Ростовской области советским госпиталям способствовала повышению эффективности их работы, позволяя возвращать на фронт тысячи бойцов и командиров Красной армии. Она продолжалась и в последующие годы войны, вплоть до ее окончания, став одной из важнейших форм взаимодействия советского общества и действующей армии.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Матишов, Г. Г. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. / Г. Г. Матишов, Г. Г. Афанасенко, Е. Ф. Кринко. – 2-е изд., испр. и доп. – Р.-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 228 с.
2. Смирнов, Е. И. Война и военная медицина. 1939–1945 / Е. И. Смирнов. – 2-е изд. – М.: Медицина, 1979. – 526 с.
3. Иванов, Н. Г. Советское здравоохранение и военная медицина в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. / Н. Г. Иванов, А. С. Георгиевский, О. С. Лобастов. – Л.: Медицина, 1985. – 303 с.
4. Маркусенко, И. С. Дон в Великой Отечественной войне / И. С. Маркусенко. – Р.-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 180 с.
5. Великая Отечественная война в истории Дона: актуальные проблемы изучения. – Р.-н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. – 192 с.
6. Линец, С. И. Коммунистическая партия – организатор всенародной помощи раненым и больным воинам в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941–1945 гг.: на материалах партийных организаций Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев: дис... канд. ист. наук / С. И. Линец – Р.-н/Д., 1988. – 225 с.
7. Афанасенко, В. И. Роль органов власти и населения Ростовской области в оказании помощи раненым и больным советским военнослужащим в начальный период Великой Отечественной войны / В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко // Научная мысль Кавказа. – 2025. – № 1. – С. 5–12.
8. Кринко, Е. Ф. История госпиталя № 1602 в воспоминаниях А. И. Звонаревой: события Великой Отечественной войны и их репрезентация / Е. Ф. Кринко, А. И. Лопатина // Новое прошлое. – 2025. – № 2. – С. 73–88.
9. Панков, Г. И. Огненный выпуск / Г. И. Панков. – Р.-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1984. – 128 с.
10. Козубенко, И. Д. Беды и победы медиков Дона / И. Д. Козубенко. – Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова, 2010. – 183 с.
11. Спярова, Е. К. Ростовский государственный медицинский университет в годы Великой Отечественной войны / Е. К. Спярова, Е. В. Чаплыгина, О. Н. Камалова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2025. – № 2 (81). – С. 73–77.
12. Зайдинер, В. И. Во имя победы. зерноградский (Мечетинский) район в годы Великой Отечественной войны / В. И. Зайдинер, С. А. Ковынева. – 2-е изд., доп. – Р.-н/Д.: ООО «Терра», 2005. – 448 с.
13. Дронов, В. А. Госпитали в Дубовском районе / В. А. Дронов // Донской временник. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/1/art.aspx?art_id=1844 (дата обращения: 13.01.2025).
14. Помните нас поименно / сост.: А. В. Терехов, И. А. Шмыгаль. – Р.-н/Д.: Альтаир, 2015. – 304 с.
15. ...Наши павшие как наши живые / сост.: Т. П. Бондарева, И. А. Шмыгаль. – Р.-н/Д.: Альтаир, 2024. – 544 с.
16. Ростовской области – 70 лет (1937–2007 гг.): сб. документов / сост. Е. П. Лукьяшко [и др.]; под ред. А. М. Кириченко и др.. – Р.-н/Д.: [Б.и.], 2008. – 560 с.
17. Завещано помнить... Донские архивы – 70-летию Великой Победы: сб. документов и материалов / сост. О. В. Валуйскова [и др.]; науч. ред. Е. Ф. Кринко. – Р.-н/Д.: Альтаир, 2015. – 280 с.
18. И помнит мир спасенный...: сб. документов архивов Ростовской области / отв. сост. Л. В. Левендорская; ред. С. Б. Бондарев [и др.]. – Р.-н/Д.; Белгород: КОНСТАНТА, 2020. – 648 с.
19. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3737. Оп. 3. Д. 53.
20. Воронин, К. В. Деятельность государственных органов и общественных организаций по расследованию нацистских преступлений и установлению материального ущерба, нанесенного захватчиками в период оккупации Ростовской области (1941–1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук / К. В. Воронин. – Р.-н/Д., 2024. – 235 с.
21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 1.
22. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 545.

References

1. Matishov, G. G. Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941/1942 gg. 1943 g. [The Mius Front in the Great Patriotic War. 1941/1942–1943] / G. G. Matishov, G. G. Afanasenko, E. F. Krinko. – 2nd edition, revised and updated – Rostov-on-Don: Southern Science Center, RAS, Publ., 2011. – 228 p.
2. Smirnov, E. I. Vojna i voennaya medicina. 1939–1945 [War and Military Medicine. 1939–1945] / E. I. Smirnov. – 2nd edition. – Moscow: Medicine, 1979. – 526 p.
3. Ivanov, N. G. Sovetskoe zdravoohranenie i voennaya medicina v Velikuyu Otechestvennuyu vojnu 1941–1945 gg. [Soviet health care and military medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945] / N. G. Ivanov, A. S. Georgievsky, O. S. Lobastov. – Leningrad: Medicina, 1985. – 303 p.
4. Markusenko, I. S. Don v Velikoj Otechestvennoj vojne [The Don in the Great Patriotic War] / I. S. Markusenko. – Rostov-on-Don: Rostov University Publ. House, 1977. – 180 p.
5. Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii Dona: aktual'nye problemy izucheniya [The Great Patriotic War in the history of the Don: current research issues]. – Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publ. House, 2021. – 192 p.

6. Linets, S. I. Kommunisticheskaya partiya – organizator vsenarodnoj pomoshchi ranenym i bolnym voynom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, iyun' 1941–1945 gg.: na materialah partijnyh organizacij Rostovskoj oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev [The Communist Party – the organizer of nationwide assistance to wounded and sick soldiers during the Great Patriotic War, June 1941–1945: based on materials of the party organizations of the Rostov Region, Krasnodar and Stavropol territories]: diss... Cand. Sci. (History) / Linets S. I. – Rostov-on-Don, 1988. – 225 p.
7. Afanasenko, V. I. Rol' organov vlasti i naseleniya Rostovskoj oblasti v okazanii pomoshchi ranenym i bolnym sovetским voennosluzhashchim v nachalnyj period Velikoj Otechestvennoj vojny [The role of authorities and the population of the Rostov Region in providing assistance to wounded and sick Soviet servicemen in the initial period of the Great Patriotic War] / V. I. Afanasenko, E. F. Krinko // Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific Thought of Caucasus]. – 2025. – No. 1. – P. 5–12.
8. Krinko, E. F. Istoriya gospitalya № 1602 v vospominaniyah A. I. Zvonarevoj: sobytiya Velikoj Otechestvennoj vojny i ih reprezentaciya [History of Hospital No. 1602 in the memoirs of A. I. Zvonareva: events of the Great Patriotic War and their representation] / E. F. Krinko, A. I. Lopatina // Novoe proshloe [The New Past]. – 2025. – No. 2. – P. 73–88.
9. Pankov, G. I. Ognennyj vypusk [Fire Issue] / G. I. Pankov. – Rostov-on-Don: Rostov University Publ. House, 1984. – 128 p.
10. Kozubenko, I. D. Bedy i pobedy medikov Dona [Troubles and Victories of the Don Medical Workers] / I. D. Kozubenko. – Taganrog: A.P. Chekhov Taganrog State Pedagogical Inst., 2010. – 183 p.
11. Sklyarova, E. K. Rostovskij gosudarstvennyj medicinskij universitet v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Rostov State Medical University during the Great Patriotic War] / E. K. Sklyarova, E. V. Chaplygina, O. N. Kamalova // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki [Humanitarian and socio-economic sciences]. – 2025. – No. 2 (81). – P. 73–77.
12. Zaidiner, V. I. Vo imya pobedy. Zernogradskij (Mechetinskij) rajon v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [In the name of Victory. Zernograd (Mechetinsky) District during the Great Patriotic War] / V. I. Zaidiner, S. A. Kovyneva. – 2nd edition, revised and updated. – Rostov-on-Don: Terra LLC, 2005. – 448 p.
13. Dronov, V. A. Gospitali v Dubovskom rajone [Hospitals in Dubovsky District] / V. A. Dronov // Donskoj vremennik [Don Vremyanik]. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/1/art.aspx?art_id=1844 (accessed: 13.01.2025).
14. Pomnite nas poimennenno [Remember us by name]. – Rostov-on-Don: Altair, 2015. – 304 p.
15. ...Nashi pavshie kak nashi zhivye [...Our fallen are like our living]. – Rostov-on-Don: Altair, 2024. – 544 p.
16. Rostovskoj oblasti – 70 let (1937–2007 gg.) [Rostov Region is 70 (1937–2007)]. Collection of documents. – Rostov-on-Don, 2008. – 560 p.
17. Zaveschchano pomnit'... Donskie arhivy – 70-letiyu Velikoj Pobedy [Bequeathed to remember... Don archives – for the 70th anniversary of the Great Victory]. Collection of documents and materials. – Rostov-on-Don: Altair, 2015. – 280 p.
18. I pomnit mir spasennyj... : sbornik dokumentov arhivov Rostovskoj oblasti [And the saved world remembers... : collection of documents from the archives of the Rostov Region]. – Rostov-on-Don; Belgorod: KONSTANTA, 2020. – 648 p.
19. State Archives of the Rostov Region. F. R-3737. Op. 3. D. 53.
20. Voronin, K. V. Deyatelnost' gosudarstvennyh organov i obshchestvennyh organizacij po rassledovaniyu nacistских prestuplenij i ustanovleniyu material'nogo ushcherba, nanesennogo zahvatchikami v period okkupacii Rostovskoj oblasti (1941–1943 gg.) [Activities of state bodies and public organizations in investigating Nazi crimes and establishing material damage inflicted by invaders during the occupation of the Rostov Region (1941–1943)]: diss... Cand. Sci. (History) / K. V. Voronin. – Rostov-on-Don, 2024. – 235 p.
21. Center for documentation of contemporary history of the Rostov Region. F. 67. Op. 2. D. 1.
22. Ibid. F. 9. Op. 1. D. 545.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта 125011200150–2, 125011200146–5.

Acknowledgement (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Southern Science Centre, RAS, state registration No. 125011200150–2, 125011200146–5.

Информация об авторах:

Афанасенко Владимир Иванович – научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-9624-7048, SPIN-код: 2523-1839 (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, д. 41; e-mail: afanvi@ssc-ras.ru).

Кринко Евгений Фёдорович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук; ORCID: 0000-0003-3008-5626, SPIN-код: 3491-6663 (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, д. 41; e-mail: krinko@ssc-ras.ru).

Authors:

Vladimir I. Afanasenko – Researcher, Laboratory of History and Ethnography, Federal Research Center, Southern Science Center, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-9624-7048, SPIN-code: 2523-1839 (41, Chekhov ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: afanvi@ssc-ras.ru).

Evgeny F. Krinko – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chief Researcher, Laboratory of History and Ethnography, Federal Research Center, Southern Science Center, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-3008-5626, SPIN-code: 3491-6663 (41, Chekhov ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: krinko@ssc-ras.ru).

Для цитирования:

Афанасенко, В. И. Организация шефской помощи советским госпиталям в период освобождения Ростовской области в декабре 1942 – августе 1943 года / В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 126-133.

For citation:

Afanasenko, V. I. Organization of patronage assistance to Soviet hospitals during the liberation of the Rostov Region in December 1942 – August 1943 / V. I. Afanasenko, E. F. Krinko // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No 2 (87) – P. 126-133.

Дата поступления статьи: 20.02.2026

Прошла рецензирование: 26.02.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 20.02.2026

Reviewed: 26.02.2026

Accepted: 20.03.2026

Коми государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны: учебный процесс и научная деятельность

Золотарев О. В.

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
kimoopd@syktsu.ru

Аннотация

В статье анализируется учебный процесс в Коми пединституте в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), особое внимание уделено изменениям, произошедшим в учебных программах. Рассмотрена так же научная деятельность преподавателей и студентов института, не только не прекращавшаяся в военные годы, но даже получившая определенный импульс в своем развитии.

Исследуются различные аспекты учебного процесса и научной работы одного из провинциальных российских высших учебных заведений. Рассмотрены, в частности, изменения, которые произошли в составе студенческого и преподавательского контингента, вызванные военным временем и уходом большинства мужчин на фронт.

Автор подчеркивает, что материальные и бытовые сложности военного времени оказывали значительное влияние на все стороны деятельности института, в том числе и на учебную и научную работу.

Конечно, сталинская модернизация 1930-х гг. во многом унифицировала многие стороны деятельности учебных учреждений, нивелировала разницу в жизни различных регионов страны. Однако деятельность провинциального Коми пединститута сохранила определенную специфику. Ее анализ позволяет отразить разнообразие общеисторического опыта, дополнить общую картину новыми конкретными фактами и событиями.

Указанные обстоятельства определили необходимость обращения к данной тематике.

Ключевые слова:

Коми пединститут, Великая Отечественная война, материальная база, учебная деятельность, научные исследования, студенчество, преподавательский состав

Война и все трудности, связанные с нею, отразились на деятельности учреждений народного образования, в том числе и в Коми автономии. Затронули эти перемены и Коми государственный педагогический институт (КГПИ).

The Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War: educational process and scientific activities

Zolotarev O. V.

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar
kimoopd@syktsu.ru

Abstract

The paper analyzes the educational process at the Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War (1941–1945), with a special focus on the changes that occurred in the educational programs. The scientific activity of the teachers and students of the Institute, which not only continued during the war years, but even received a certain impetus in its development, is also considered.

Various aspects of the educational process and scientific work at a provincial Russian higher education institution are being investigated. In particular, the paper considers the changes that occurred in the student and teaching staff due to the wartime and the departure of most men to the front.

The author emphasizes that the material and everyday difficulties of wartime had a significant impact on all aspects of the institute's activities, including educational and scientific work.

Of course, the Stalinist modernization of the 1930s largely unified many aspects of the activities of educational institutions, leveled the differences in the life of different regions of the country. However, the activities of the provincial Komi Pedagogical Institute have retained certain specifics. The analysis of these activities allows us to reflect the diversity of historical experience and add new specific facts and events to the overall picture.

These circumstances have necessitated the need to address this topic.

Keywords:

Komi Pedagogical Institute, Great Patriotic War, material base, educational activities, scientific research, students, teaching staff

Потребовалась коренная перестройка всех сторон учебной, научной и воспитательной работы КГПИ. С началом войны жизнь вуза приняла суровый, напряженный и более организованный характер. Необходимо было как

можно быстрее пополнить школы автономии педагогами, которые должны были заменить ушедших на фронт работников. Учащиеся выпускных курсов (69 чел.) уже в начале июля (до 8 июля) сдали госэкзамены и получили дипломы о присвоении звания учителя средней школы.

Однако, несмотря на то, что государственные экзамены были проведены в сжатые сроки, каких-либо послаблений в требованиях к знаниям выпускников члены комиссии, по словам студентов, не допускали: готовиться к экзаменам все военные годы «приходилось серьезно» [1, с. 58–59].

В июне 1941 г. все студенты-призывники невыпускных курсов стали в срочном порядке сдавать текущие экзамены и отправлялись на фронт. В результате военного призыва численность студентов уменьшилась более чем в два раза. Одна из сотрудниц института вспоминает, что «в первый же год все мужское студенчество ушло на фронт», «парней можно было сосчитать по пальцам». Из числа студентов и работников института на военную службу было призвано 248 чел. [1, с. 4, 26; 2, с. 12–13; 3, с. 27].

Многие студенты досрочно приступили к педагогической деятельности и переводились на заочное отделение.

Срок обучения был сокращен на год, поэтому продолжительность учебных занятий была увеличена и составила семь-восемь часов в день. Вступительные экзамены отменялись. Были ликвидированы и зимние каникулы, а летние – существенно сокращены, много каникулярного времени учащиеся проводили на работах в подсобных и учебных хозяйствах вуза, выполняли работы по ремонту, заготовке топлива, сельскохозяйственных работах. На лето институт пустел.

Вследствие занятости студенчества на общественных работах учебный год начинался не ранее 1 октября (а часто и гораздо позже). Летние каникулы студентов заменил оборонно-трудовой лагерь, преподаватели так же работали без отпуска. Занятия нередко (особенно в 1942 и 1943 гг.) приходилось проводить после работы, вечером.

Однако, несмотря на все сложности, в пединституте не прекращалась учебная и научная деятельность преподавателей и студентов. Надо заметить, что главной трудностью военного времени первоначально были даже не материальные проблемы. Непросто было организовать учебный процесс из-за того, что резко сократилась и штатская численность преподавательского состава – почти на 40 единиц. Это не могло не сказаться на структуре вуза. Из четырех деканов осталось два. М. А. Выборов был вынужден совмещать обязанности руководителя физико-математического и естественного факультетов, М. П. Богомолов – исторического и литературного. В сентябре 1941 г. пришлось закрыть пединститутский рабфак.

Несколько смягчило ситуацию с преподавательскими кадрами прибытие в Сыктывкар эвакуированного из Петрозаводска Карело-Финского университета. К тому времени, когда университет был возвращен обратно в Петрозаводск (это произошло летом 1944 г.), пединститут пополнился новыми работниками. В Сыктывкар приехали А. Г. Назаркин (ставший директором института), К. Г. Федин, К. Д. Петряев, Н. Н. Беллендер. Пришли в институт

и его выпускники: А. Н. Панева, И. А. Голосов, ведущие педагоги из школ города: А. И. Кипрушева, А. М. Звягин, М. А. Флоренская, А. А. Попов, Д. Д. Красильников [1, с. 95].

И все же полностью снять проблемы с преподавательским составом не удалось. На начало 1944/45 учебного года в институте числился 51 педагог. Но среди них было только 4 профессора и 12 доцентов. Педагоги получали в тот период сравнительно небольшую заработную плату: профессор – 2,3 тыс. руб., доцент – 1,2 тыс. руб., ассистент – 700 руб. Непростым было и материальное положение студентов, ведь они платили за обучение [4, с. 22]. В целях сохранения студенческого контингента и помощи семьям фронтовиков в июле 1941 г. СНК СССР было принято решение об освобождении от оплаты за обучение в вузах и техникумах детей рядового и младшего начальствующего составов, призванных в ряды Красной армии.

Совместная учебная и трудовая деятельность способствовала достижению единства студенческого и педагогического коллективов, помогала решению главной задачи, которая стояла перед институтом – подготовки учительских кадров для школ автономии.

В учебно-производственном плане Коми пединститута на 1941/42 учебный год отмечалось: «В условиях Отечественной войны задача перед институтом заключается в подготовке в сжатые вполне подготовленных в своей области, преданных делу Коммунистической партии, воспитанных в духе советского патриотизма и готовых в любую минуту стать в ряды защитников Родины учителей средних и неполных средних школ. Военная обстановка требует от коллектива института в целом и каждого его члена в отдельности перестройки работы применительно к требованиям военного времени» [5, с. 32].

Для достижения этой цели приходилось идти на чрезвычайные меры. Теперь педагогов в институте готовили за три года (вместо довоенных четырех). Порой срок учебы составлял и менее трех лет. Например, уже летом 1941 г. учебный год студентов выпускного, четвертого, курса был сокращен. В январе 1942 г. был досрочно выпущен и третий курс (он обучался в институте всего два с половиной года). Таким образом, в 1943 г. выпуска в институте не было. В дальнейшем студенты обучались в вузе три года. И это несмотря на то, что власти летом 1941 г. говорили о нецелесообразности досрочного выпуска студентов, но надо было восполнить нехватку учительства в школах. При институте пришлось даже организовать девятимесячные курсы для окончивших десятый класс школы. По окончании курсов они направлялись на работу в школы [6].

Администрация и комсомольская организация пединститута вели активную работу по обеспечению вуза абитуриентами. При этом особое внимание уделялось увеличению в новом приеме доли представителей коренного населения [1, с. 49–50, 79]. Хотя в военные годы в институт принимали без экзаменов всех успешно окончивших школу по результатам собеседования, все равно постоянно отмечался недобор [7, с. 571]. И все же предпринимаемые меры давали результаты: прием в институт, несмотря на военные сложности, постепенно нормализовался.

Потребовалась и перестройка учебно-воспитательной работы. Серьезное внимание уделялось патриотическому воспитанию: на занятиях немало времени стало отводиться изучению героического прошлого советской родины, мирового значения русской науки и культуры, шло усиление лекционной пропаганды, началось еженедельное проведение политинформации. Политико-воспитательная работа велась и через стенгазеты, художественную самодельность, военно-спортивные мероприятия. Часто организовывались митинги [5, с. 32–33].

Педагоги вели пропагандистскую работу среди населения республики. Особенно активны были К. Д. Петряев, А. Ф. Вехова, К. В. Сивков. Характерна тематика докладов и лекций: «Фашизм – враг культуры», «Освободительные войны русского народа», «Братский союз народов СССР в Великой Отечественной войне», «Стратегия и тактика партии по вопросам войны, мира и революции».

Огромное внимание стало уделяться военно-физической подготовке. Учили строевому и стрелковому делу. Зданием пединститута была свободная площадь, где был оборудован плац. Там студенты ползали по-пластунски, изучали материальную часть винтовки, стреляли. В пединституте и Карело-Финском университете военной подготовкой руководил военком Ф. Д. Балашов. В целом военное дело было поставлено в пединституте и университете весьма неплохо, и главное, те знания, что были получены при обучении, пригодились затем бывшим студентам на фронте [1, с. 49, 64–65, 132].

Военное дело фактически заменило физкультурную подготовку. Возобновление спортивных мероприятий в институте относится уже к весне 1945 г. [8, с. 47].

Военная пора заставляла вносить и иные, весьма необычные, но вынужденные изменения в учебный план. Обязательным стало обучение сельскохозяйственному делу. Оно шло под строгим контролем директората «на основе высокой требовательности и твердого усвоения каждым учащимся всей программы» [1, с. 37–38, 41–42].

В конце 1942 г. на всех курсах и факультетах Карело-Финского университета и пединститута была введена и такая учебная дисциплина, как «Сплавное дело» (годовым объемом до 60 часов). Обучение сплавному делу считалась подготовительной работой «к оказанию помощи фронту». Посещение занятий было обязательным, более того, в приказе по университету предупреждалось, что «студенты, пропускающие учебные занятия по этой дисциплине, будут считаться как дезорганизаторы тыла» [там же, с. 61–62].

Помимо учебной программы студенты обучались на созданных в вузе курсах, которые готовили пулеметчиков, стрелков, лыжников, шоферов, мотоциклистов, медсестер, трактористов. Была организована военная подготовка (более 120 чел. занималось в группах самозащиты). В институте было создано народное ополчение [8, с. 32].

Не останавливалась в институте и научная работа. Конечно, обстановка военного времени не могла не сказаться на тематике научных исследований сотрудников института. В одном из постановлений ученого совета института подчеркивалось, что при составлении планов научной работы

необходимо руководствоваться задачами обороны Родины. Поэтому преподаватели разрабатывали следующие научные темы: «Морально-политическое единство советского народа», «В. И. Ленин о германском империализме», «Воспитание патриотизма в коми школах в условиях Великой Отечественной войны», «Коммунистическая партия – организатор борьбы с немецко-фашистскими захватчиками», «Проблемы национально-освободительной борьбы в русской классической литературе». Преподавателями-естественниками поднимались темы, которые были связаны с использованием природных ресурсов региона.

Особо следует отметить экспедиции, организованные кафедрой коми языка и литературы: в 1942 г. преподаватели кафедры и студенты-филологи под руководством А. И. Кипрушевой провели диалектологическое изучение Усть-Куломского района республики [9, с. 41].

Примечательно, что именно в военные годы Коми пединститут впервые объявил о приеме в аспирантуру. Прием осуществлялся по специальности коми язык и коми литература. Было выделено три места. Аспиранты обеспечивались квартирой и стипендией в размере 600 руб. [там же, с. 44].

В годы войны в вузе разрабатывалось более 40 научных тем. Была подготовлена очередная книга «Ученые записки». Однако из-за недостатка средств она так и не была опубликована. Проводились и научные конференции. Надо отметить, что научные разработки преподавателей, начатые в военные годы, успешно были продолжены в мирное время, они выросли до серьезных публикаций и защит диссертационных работ.

Так что и наука, и учебный процесс, невзирая на военные сложности, совершенствовались, руководство республики и вуза задумывалось о будущем, о дальнейшем развитии образования, науки и экономического потенциала региона.

Конечно, военные сложности не могли не сказаться как на организации учебного процесса, так и на подготовке будущих педагогов. В 1945 г. из 94 выпускников педагогического и учительского институтов только 59 получили дипломы, а из 107 выпускников педагогических училищ аттестаты вручили всего 69 [10]. Наверное, во многом это было результатом трудностей военного времени.

Особые проблемы испытывало в годы войны заочное обучение. Многие студенты-заочники в силу понятной занятости по месту основной работы на сессии не являлись. Республиканское руководство старалось создать благоприятные условия для студентов-заочников. Учителя-заочники были освобождены от оплаты за обучение, от многих общественных обязанностей, им был предоставлен бесплатный проезд к месту учебы, они обеспечивались необходимой учебной литературой [11, с. 90–92].

Однако предпринятые руководством автономии меры не смогли существенно повлиять на ситуацию, которая складывалась в сфере заочного педагогического образования.

Когда исход войны стал очевиден, власти самым серьезным образом поставили вопрос о качестве работы пединститута. В марте 1945 г. состояние учебной и политико-воспитательной работы в Коми пединституте стало предметом рассмотрения на Бюро Коми обкома ВКП (б).

А в сентябре этого же года вышло специальное постановление Бюро обкома партии «Об улучшении работы педагогических учебных заведений Коми АССР» [12, с. 29].

И все же, несмотря на сложности, с которыми столкнулся вуз, пытаясь должным образом организовать учебный процесс, ему удалось решать основную поставленную задачу: пополнять школы автономии квалифицированными учительскими кадрами.

За четыре военных года из стен педагогического и учительского института вышло более 500 учителей [5, с. 34].

Среди выпускников института военных лет много известных в республике людей: доктор сельскохозяйственных наук, директор института биологии (1965–1985) Коми филиала АН СССР И. В. Забоева, К. А. Гадельшин, долгие годы работавший в пединституте, в том числе и деканом историко-филологического факультета, заслуженный учитель РСФСР Н. А. Огнева, заслуженный деятель науки и техники Коми АССР Е. А. Меньшикова, заслуженный деятель науки Коми АССР Т. И. Жилина, доцент Коми пединститута В. А. Попова, доцент Коми пединститута, ветеран Великой Отечественной войны С. М. Кочев и мн. др.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы, материалы, воспоминания / сост.: В. Д. Захаров (отв. ред.), Л. А. Жданов, Э. В. Роттэ. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2005. – 223 с.
2. Коми государственному педагогическому институту – 70 лет / В. Н. Ахмеев [и др.]. – Сыктывкар: КГПИ, 2002. – 126 с.
3. Признание. Коми пединститут в воспоминаниях выпускников (филологов и историков) / редкол.: М. Д. Китайгородский (гл. ред.) [и др.]. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2002. – 402 с.
4. Силин, В. И. История географо-биологического факультета Коми государственного педагогического института / В. И. Силин. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2003. – 134 с.
5. Первенец высшей школы / под ред. В. Н. Ахмеева. – Сыктывкар: Коми пединститут, 1982. – 107 с.
6. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 70.
7. На дорогах войны. Коми пединститут: вклад в победу: сборник документов, материалов, воспоминаний / под ред. М. Д. Истиховской. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. университет им. Питирима Сорокина, 2015. – 597 с.
8. Зильберг, А. Я. Первый вуз Коми республики / А. Я. Зильберг. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. – 136 с.
9. Летопись Коми государственного педагогического института (1932–2014) / под ред. В. Н. Исакова. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. университет им. Питирима Сорокина, 2019. – 203 с.
10. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 473. Л. 104–106; Д. 512. Л. 76–79.

11. Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960 гг.: сб. документов / под ред. Я. Н. Безносикова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 295 с.
12. Коми пединститут: новый этап развития. 1945–1972: сб. документов, материалов, воспоминаний / под ред. М. Д. Китайгородского. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. – 671 с.

References

1. Komi pedinstitut v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: [The Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War 1941–1945]. Documents, materials, memoirs / comp. by: V. D. Zakharov (ed. in chief), L. A. Zhdanov, E. V. Rotte. – Syktyvkar, Komi Pedagogical Inst., 2005. – 223 p.
2. Komi gosudarstvennomu pedagogicheskomu institutu – 70 let [The Komi State Pedagogical Institute is 70] / V. N. Akhmeev [et al.]. – Syktyvkar: Komi Pedagog. Inst., 2002. – 126 p.
3. Priznanie. Komi pedinstitut v vospominaniyah vypusknikov (filologov i istorikov) [Recognition. Komi Pedagogical Institute in memoirs of graduates (Philologists and Historians)] / editorial board: M. D. Kitaygorodsky (ed. in chief) [et al.]. – Syktyvkar, Komi Pedagogical Inst. Publ., 2002. – 402 p.
4. Silin, V. I. Istoriya geografo-biologicheskogo fakul'teta Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [History of the Geographical and Biological Faculty of the Komi State Pedagogical Institute] / V. I. Silin. – Syktyvkar, Komi Pedagogical Inst. Publ., 2003. – 134 p.
5. Pervenets visshoi shkoly [The firstborn of a higher school]. – Siktivkar: Komi Pedagog. Inst. 1982. – 107 p.
6. NA RK [National Archives of the Komi Republic]. Repository №2. F. 1. Op. 1. D. 402. L. 70.
7. Na dorogah vojny. Komi pedinstitut: vklad v Pobedu [On the roads of war. Komi Pedagogical Institute: contribution to the Victory]. Documents, materials, memoirs / Ed. M. D. Istikhovskaya. – Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ., 2015. – 597 p.
8. Zilberg, A. Ya. Pervii vuz Komi respubliki [The first university of the Komi Republic] / A. Ya. Zilberg. – Siktivkar: Komi Book Publ. House, 1972. – 136 p.
9. Letopis' Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (1932–2014) [Chronicle of the Komi State Pedagogical Institute (1932–2014)] / Ed. V. N. Isakov. – Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ., 2019. – 204 p.
10. NA RK [National Archives of the Komi Republic]. Repository №2. F. 1. Op. 1. D. 473. L. 104–106; D. 512. L. 76–79.
11. Kulturnoe stroitelstvo v Komi ASSR. 1938–1960 gg. [Cultural building in the Komi ASSR. 1938–1960]. Collection of documents. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1984. – 295 p.
12. Komi pedinstitut: novii etap razvitiya. 1945–1972 [Komi Pedagogical Institute: A new stage of development. 1945–1972]. Collection of documents, materials, and memoirs / Ed. M. D. Kitaygorodsky. – Syktyvkar: Komi Pedagog. Inst., 2012. – 671 p.

Информация об авторе:

Золотарев Олег Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Института истории и права Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина; ORCID: 0009-0003-3128-9353, SPIN-код: 4924-1471 (167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55; e-mail: kimoopd@syktsu.ru).

Author:

Oleg V. Zolotarev – Dr. Sci. (History), Prof., Head of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Subjects, Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, ORCID: 0009-0003-3128-9353, SPIN-code: 4924-1471 (55, Oktyabrsky ave., Syktyvkar 167001, Russian Federation; e-mail. kimoopd@syktsu.ru).

Для цитирования:

Золотарев, О. В. Коми государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны: учебный процесс и научная деятельность / О. В. Золотарев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 134-138.

For citation:

Zolotarev, O. V. The Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War: educational process and scientific activities / O. V. Zolotarev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 134-138.

Дата поступления статьи: 20.01.2026

Прошла рецензирование: 29.01.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 20.01.2026

Reviewed: 29.01.2026

Accepted: 20.02.2026

Вербальное измерение ценностных ориентаций представителей власти на Русском Севере во второй половине XX века

Столетова А. С.

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н. В. Верещагина,
г. Вологда
Вологодский государственный университет,
г. Вологда
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Аннотация

В настоящем тексте автор анализирует впервые вводимые в научный оборот источники, извлеченные из фондов Российского государственного архива новейшей истории и Государственного архива Вологодской области. Исследование проводится с использованием ресурсов, локализованных в пределах Русского Севера, и в первую очередь – рукописных данных. Особенностью материалов являются довольно яркая детализация впечатлений и глубокая аналитика руководящей практики, исходящая от авторов, участвующих в эпистолярной риторике. Кроме того, привлекаются сведения, адресованные к народному любимцу – писателю-традиционалисту В. И. Белову, дающие основание полагать о том, что содержащиеся данные отличаются искренностью и откровенностью. Обозначается, что изучение сознания лежит в плоскости общественно-политических отношений. Особенности мировосприятия акторов преобразований субъективны, но объем мнений позволяет утверждать о трансформации коллективных убеждений, их разрывах, своеобразном пульсе общества: аспектах самосознания и социальных настроениях. Документы отражают взгляды на экономическую функцию и влияние советских руководителей, персональные оценки хозяйственной деятельности, значимости и авторитета управленческого аппарата СССР.

Ключевые слова:

Русский Север, секретарь обкома, власть, руководитель, ценности, сознание, мировоззрение, письма

Проблематика, связанная с исследованием ценностных ориентаций, является важным направлением политологии, психологии, философии, социологии и культурологии, поскольку ценности определяют поведение, мотивы и предпочтения индивидов и групп. Междисциплинарность только увеличивает исследовательский интерес и, конечно, предполагает совершенствование методики работы с историческими нарративами. В настоящей статье анализируется проблематика трансформации общественного сознания партийных функционеров, своей деятельностью связанных

Verbal dimension of value orientations of government officials in the Russian North in the second half of the XX century

Stoletova A. S.

Vologda State Dairy Farming Academy named after N. V. Vereshchagin,
Vologda
Vologda State University,
Vologda
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Abstract

Sources introduced into scientific circulation for the first time, extracted from the collections of the Russian State Archive of Contemporary History and the State Archive of the Vologda Region are analyzed. The study is conducted using resources localized within the Russian North, primarily handwritten data. The materials are characterized by their vivid detailing of impressions and in-depth analysis of the guiding practice coming from the authors involved in epistolary rhetoric. Furthermore, information addressed to the popular traditionalist writer V. I. Belov, is included, giving reason to believe that the data contained herein are distinguished by sincerity and frankness. It is emphasized that the study of consciousness lies within the realm of socio-political relations, the worldviews of the actors involved in these transformations are subjective, but the breadth of opinions allows us to assert the transformation of collective beliefs, their discontinuities, and the unique pulse of society: aspects of self-awareness and social sentiment. The documents reflect views on the economic function and influence of Soviet leaders, personal assessments of economic activity, and the significance and authority of the USSR administrative apparatus.

Keywords:

Russian North, regional Party committee secretary, power, leader, values, consciousness, worldview, letters

с пространством Русского Севера. Преимущественно речь пойдет об этапе позднего социализма, а точнее о 1960–1980-х гг. (с уклоном в 1980-е и начало 1990-х гг.). Выбранный временной отрезок обосновывается имеющейся хронологической заданностью документов и соответствующей произведенной выборкой источников, сохраненных в центральных и региональных архивах. Однако отметим, что очерченность географических границ не обозначает, что процессы, происходящие на Севере, не могли быть отражением палитры общероссийских настроений и закономер-

ностей. Тем не менее ввиду особых условий (аскетичность, удаленность, некоторая суровость, консервативность, неспешный, традиционно-духовный уклад Русского Севера) они могли приобретать примечательные грани.

Исследование ценностных ориентаций представителей власти в СССР второй половины XX в. имеет довольно стойкий интерес и связано с изучением лакун социально-политической истории. В данной связи нельзя не отметить работы о трансформации ценностных ориентаций советской элиты, связанные с именами А. С. Ахиезера (писавшего о кризисе ценностей, в том числе в среде представителей советской бюрократии) [1], М. С. Восленского (размышлявшего о системе привилегий, механизмов воспроизводства власти и ценностных установок номенклатуры) [2], Бестужева-Лады (анализирующего качество жизни и предпосылки утраты морально-нравственного стержня в партократических структурах) [3], В. А. Золотова (изучающего в том числе интересы советских управленцев, не соответствовавшие политике КПСС) [4], С. Н. Семанова (трактующего проблематику сохранения элитарных привилегий, борьбы за сохранение власти имущих позиций, а также скрепляющей общество и власть идеологии «строительства») [5, 6], Е. Ю. Зубковой (обследовавшей тематику взаимоотношений членов Политбюро, внутрипартийных конфликтов, карьерных траекторий представителей советской номенклатуры, а также политического сознания и моделей поведения послевоенной партийной элиты) [7], Д. В. Чербунина (рассматривающего вопросы стремления к личному обогащению, легализации капиталистических ценностей, монетизации привилегий, устранения идеологических барьеров) [8]. Кроме того, стоит назвать имена исследователей, занимающихся изучением эволюции ценностных ориентиров, идеологических и культурных представлений, управленческих практик локальной элиты, в том числе активности в отношении формирования региональной идентичности. Например, работы А. Б. Коновалова [9], Е. А. Хромова [10], В. В. Кондрашина, О. А. Суховой [11], Е. Н. Бадмаевой, Э. У. Омакаевой [12], Ю. С. Никифорова [13] и др.

Говоря о терминологическом аппарате, стоит отметить, что ценности – это совокупность убеждений, идеалов и принципов, внутренних важных и значимых ориентиров жизни. Они отражают мировоззрение, жизнеощущения, мировидение, жизненные установки и направленность народных интересов. На современном этапе одной из ключевых миссий историка, его первостепенной задачей является глубокое осмысление корневых факторов и глубинных причин траекторий исторических процессов, а вместе с тем и эволюции системы ценностей, оказывающих влияние на стабильность общественного устройства. При этом изучение ценностной парадигмы советской эпохи сопряжено с трудностями. Опросники часто подвержены социальной желательности, когда респонденты отвечают таким образом, чтобы выглядеть лучше в глазах окружающих. Выявление опросников как таковых также осложнено. Часто их можно обнаружить в массивах делопроизводственной документации. Так, например секретные материалы социологического обследования

ВЦСПС за 1953 г. были сохранены в деле, фиксирующем проекты постановлений ЦК КПСС, информации и письма ВЦСПС о материальных и культурно-бытовых условиях рабочих и служащих, ф. 5 – Центральный комитет КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) [14, л. 40–57]. Кроме того, играет роль контекстуальная зависимость. Значение одних и тех же ценностей может различаться в зависимости от культурного контекста, исторического периода и социальных условий. Это усложняет сравнительные исследования и обобщение результатов.

Научные изыскания по поиску данных касательно обозначения черт сознания представителей власти обусловили введение в научный оборот эпистолярного наследия. Необходимо отметить, что работа с комплексами писем ведется систематически на протяжении ряда последних лет и имеет определенные результаты. Опубликованы работы о буржуазных тенденциях в социальной жизни, отношении к кадровой политике, материальному положению, стереотипах общественного поведения [15–18]. Имеющийся историографический задел и продолжающийся научный поиск привели нас к следующему определению. Ценностные ориентации могут включать как материальные, так и нематериальные аспекты, связанные с восприятием состояния здоровья, семьи, карьеры, свободы, творчества и духовности. Однако преобладающее число писем, направляемых в ЦК КПСС, местные органы власти, газеты, журналы, к общественным деятелям и писателям, касаются анализа управленческих стереотипов [19], эволюции представлений о праве пользования социалистической собственностью, накопительства, потребленчества [17], ценностных основ экономического поведения. При этом стоит отметить, что в основе проведенного изыскания лежало учтываемое отношение к историческому происхождению и специфике личных документов, но и определение их весомого значения в изучении социальной истории, мироощущений людей прошлого и обогащении исторического знания.

Социально-экономические трансформации 1960–1970-х гг. и последующие перестроечные события 1980-х гг., происходившие в государстве и, соответственно, в пространстве Русского Севера безусловно влияли на колебания общественного мнения, и довольно объемно отражались в письмах. Тому способствовала и политика гласности. Неосвоенный исследователями пласт подлинников содержится в разнообразных фондах РГАНИ. Многие из них являются свидетельством многочисленных нарушений со стороны руководителей производств, начальников разнообразных общественных секторов и представителей власти. Что касается региональных архивов (например, Государственного архива Вологодской области – ГАВО и Государственного архива Архангельской области – ГАО), то фонды в основном заключают персональные обращения к местным руководителям, а чаще писателям и деятелям культуры с констатацией каких-либо вопиющих ситуаций. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) и фонд Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)

включают переписку между творческой интеллигенцией. Срез этих документов позволяет говорить о сдвигах в мировоззрении специалистов, рядовых рабочих, об осознании писателями продолжающихся общественно-культурных смещений, главным образом в сельском мире. Примечательно, что во многих письмах к литераторам зафиксированы народные размышления насчет фаз исторического развития, цикличности «народного горя», тяжести жизни и, соответственно, способах преобразования структуры действующей системы. Граждане довольно участливо откликнулись на производимые реформы, формулировали рекомендательные предложения, но параллельно с тем постепенно теряли веру во власть (Письма разных лиц В. И. Белову по вопросам сельского хозяйства [20]; Статьи и заметки разных авторов по общественно-политическим вопросам [21]). Данные маркеры, на наш взгляд, являются ценным подспорьем в определении базовых черт разрушающегося советского уклада и контуров раскола общественного сознания, так или иначе проявившихся к началу 1990-х гг.

Обобщая сказанное, отметим, что в настоящей работе продолжается рассмотрение аналитических аспектов, касающихся уровней общественного сознания периода позднего социализма. При этом центральной задачей является глубокое проникновение в суть ментальных процессов советской эпохи, восприятия образа представителя власти, присущих ему ценностных установок со стороны рабочих и служащих. Каркас данной статьи составил комплекс писем, отобранный в РГАНИ и ГАВО, демонстрирующий прямую, а не опосредованную связь с интерпретацией народного представления о единстве качеств представителей власти. Отличительной чертой этих материалов является преобладание негативной тональности. Так, Ф. 100 – Подотдел писем Общего отдела ЦК КПСС (1953–1991 гг.) РГАНИ содержит комплект писем о недостатках в работе первого секретаря Архангельского обкома за 1975–1979 гг. [22], письма с критическими замечаниями в адрес первого секретаря Вологодского обкома КПСС за 1975–1979 гг. [23], первых секретарей и других руководящих работников Мурманского обкома КПСС за 1965–1987 гг. [24], письма о недостатках в работе секретарей Коми обкома КПСС за 1965–1985 гг. [25]. Документы, хоть и являются отражением частных негативных мнений, однако типизируют народные представления. Обзор источников демонстрирует закрепление в гражданских представлениях взгляда на руководителей, как на лиц, неустанно стремившихся к усилению роста благосостояния, злоупотреблявших должностными полномочиями, наводнявших личную бытовую сферу разнообразными излишествами, организацией привилегированного отдыха. Местные хозяйственники характеризовались присваивающим настроением в отношении института собственности, развитием «семейственности», незаконным расходованием государственных средств. То есть корреспонденция представляет собой набор компрометирующих материалов (направляемых в ЦК КПСС), связанных с противопоставлением выявляемого обывателями образа жизни господствующим идеологическим концептам и народным

представлениям. Например, в письме за 1967 г. указано: «Обстановка в аппарате Мурманского ГК КПСС такая сейчас, что чувствуют хорошо себя те, кто заняты не работой. Просим разрядить эту обстановку. Есть люди чистые и честные, которые достойны высоких постов» [24, л. 10, 10 об.]. В письме анонимного автора за 1975 г. критиковался секретарь Архангельского обкома партии: «Для пользы дела его надо убрать и чем быстрее, тем лучше. Обстановка в области нехорошая» [22, л. 3, 3 об.]. В нескольких письмах руководитель обличался за присвоение значительных земельных наделов, что имело в народной среде особый маркер произвола. В северном сознании привязанность к природе, чувство принадлежности к земле, коллективизм, выносливость, трудовая форма жизни имели наиболее яркое выражение, поэтому проявление откровенного высокомерия служило параметром дистанцирования от власти, резкого недоверия к ней. В анонимном письме из Череповца от 1975 г. сообщалось о стремлении первого секретаря Вологодского областного обкома партии к роскоши: «В Череповецкую гостиницу “Металлург” время от времени приезжают на черных “Волгах” таинственные гости. Живут сутки-двой-трои в специально оборудованных “люксах”, а затем также таинственно отбывают. Никакой регистрации этих посетителей в книгах гостиницы не производится. Даже больше: чтобы посторонние не помешали гостям и, не дай бог, не сказали чего-нибудь лишнего, на это время выселяются все жильцы из соседних номеров и “верхние” соседи, а в сами “люксы” строго воспрещается входить кому бы то ни было... Все вокруг молчат, потому что знают с секретарем шутки плохи. Такое аморальное поведение руководителя пагубно влияет на руководство города и завода. Складывается обстановка негласного попустительства, безнаказанности. Пьянство, аморальное разложение» [23, л. 3, 3 об, 4].

В письме без подписи за 1965 г. зафиксирован факт нарушения принципа коллективного руководства. Регистрировалось, что первый секретарь Коми обкома КПСС добивался освобождения негодных ему работников и неквалифицированно руководил сельским хозяйством и промышленностью республики. Подбор руководящих кадров, согласно рукописным данным, проводился по принципу знакомства и личной преданности. Многие важные вопросы из жизни республики решались единолично, с нетерпимым отношением к возражениям, что приводило к многочисленным грубейшим ошибкам [25, л. 1, 4, 5]. «Первый секретарь Коми обкома КПСС “протолкнул” в центральные газеты и журналы около десятка статей, издал несколько брошюр. Были опубликованы статьи в “Известиях”, “Лесной промышленности”, “Партийной жизни”, “Правде”. Трудно сказать, чего в этих статьях больше: хвастовства или преувеличения фактов. А кичиться-то нечем. Вот уже в течение 8 лет в республике наблюдается резкий спад выпуска промышленной продукции», – констатировал анонимный автор [там же, л. 6]. О нарушениях в модели социалистического управления читаем в письме о деятельности первого секретаря Мурманского горкома партии за 1967 г.: «Убирает из аппарата горкома хороших, но не угодных ему работников, а пьяниц оставляет. Пользуясь положением, он устроил своего двою-

родного брата секретарем парткома облуправления охраны общественного порядка, а другому незаконно предоставили отдельную квартиру» [24, л. 7]. Прошло значительное время, но тон писем, не менялся. Серия неодобренных отзывов за 1980-е гг. также касалась деятельности Первого секретаря Мурманского обкома, которому приписывалась непрофессиональная, субъективная работа [там же, л. 29–31, 42–44 об.].

Не устраивал электорат и характерный для времени преклонный возраст представителей власти. В типичном суждении конца 1970-х гг. отмечалось: «С удовлетворением, мы низовые партработники, читаем в “Правде” сообщения о замене ряда первых секретарей обкомов партии в связи с выходом на пенсию. Правильную линию занял ЦК, проводя замену тех областных лидеров, которые по возрасту, по состоянию здоровья уже не могут сполна выполнять функции на них возложенные. Подобная замена, на наш взгляд, должна быть сделана и в Вологодском обкоме партии. Первый секретарь себя исчерпал. Силы его на исходе, “вертолетным” методом сельским хозяйством руководить нельзя, в большинстве случаев вместо делового выступления с трибуны идет шум. Авторитетом у партактива он не пользуется, а многие группы лиц держатся на своих должностях только благодаря его присутствию» [23, л. 8]. Таким образом, в народных представлениях фиксировалось негативное отношение к руководителям региона, как к некомпетентным и нечистоплотным лицам, «глушителям» инициативы, повинным в хозяйственной нестабильности эпохи и определялось в формуле: «партийному руководителю чинушей и грубияном быть нельзя, он должен быть заменен скромным и культурным товарищем» [25, л. 8, 26]. Обобщая представленную информацию, отметим, что большой спектр писем, направленных в ЦК КПСС в 1970–1980-е гг., связан с описанием некачественного управления, недостойного поведения, формализма, нарушения дисциплины и пьянства руководящего начальства, запущенности кадровой работы, злоупотребления служебным положением [22, л. 3; 23, л. 3–4 об.; 24, л. 8–9, 29–34, 52; 25, л. 19–20, 26].

Однако, согласно источникам, как правило, обозначенная дискредитирующая информация не являлась прологом к каким-либо политическим скандалам или громким увольнениям. Чаще всего факты в ходе инициируемых областными комитетами проверок не подтверждались, именовались надуманными, извращенными и вымышленными, сообщалось, что на отчетно-выборных партийных конференциях персональной критики в адрес руководителей не фиксировалось, рассмотрение поднятых вопросов на этом завершалось. При этом подчеркнем равнодушие людей к поднятым проблемам эпохи, к сожалению, к концу 1980-х гг. все чаще сменявшееся откровенным отчаянием, мрачными мироощущениями и даже принятием безвыходности, безысходности ситуации. Например, в документах за 1989 г., обращенных к крупнейшему писателю-северянину В. И. Белову, отличающемуся активистской позицией, в том числе в качестве народного депутата СССР (1989–1992) и члена Верховного Совета (1990–1991), встречаются следующие рассуждения: «При Брежнев и то было много лучше, чем сейчас... Выбили все старательное, здоровое население,

остались дураки, лентяи и пьяницы. Во всем видели кулака, капиталиста, дармоеда. Помогло учение Ленина. Он говорил, что всякая частная собственность рождает ежедневно капиталиста и единственный путь выбраться из нужды это колхозный строй. Вот и получили, что все сельское хозяйство пришло в упадок и навсегда» [20, л. 52, 53]. Или записи об отказе власти в разрешении наболевшего вопроса: «Еще раз написали письмо в Совет Министров РСФСР на имя зам.председателя СовМина РСФСР нашего депутата по северному национальному округу. В письме была вложена вырезка из газеты “Ветеран” за 1989 г. со статьей под заголовком “Грабеж среди бела дня”. Еще раз получили очередное разъяснение Закона, бюрократическую отписку. Что же делать? Писать в ООН? (шутка, но горькая). Один хозяйственный деятель ответил – пиши не пиши, все равно ничего не добьешься. Наверное, он прав. Не дождет ветеран с пенсией в 45–60 руб. отмены Закона о наследственности и не выкупит дом, не накопится от нищенской суммы тысячу рублей, и исчезнет с лица Русской земли еще одна деревенька, да и не одна. Да и дети наши, чтобы выкупить дом, кажется, не накопили. От нас то они получили в наследство лишь данную им жизнь, да непосильный труд, за который надо платить. Извините, но так хочется поделиться своими разочарованиями в жизни. Ведь никто ничего не хочет менять, одна сплошная болтовня. Выступление на съезде некоторых депутатов слушать горько, разве мы этого ждали от жизни? Перестройки не ощущаем, пусть трудно, нет сахара, мыла, соли, спичек, но бунтовать ведь не будем, на преступление не пойдем. Привыкшие к трудностям, недостатков вроде и не замечаем. Только от всего очень обидно, горько и стыдно за нынешние порядки, за руководителей до которых не достучаться, равнодушие и бессердечность. Дать бы урок нравственности и доброты всем страдающим тупоумием руководителям» [там же, л. 57–58 об.].

В письме от 1992 г. к В. И. Белову эмоциональное истощение и душевное опустошение достигают крайних значений: «Я даю гарантию, что через два года ничего не будет, все уничтожат. Дали власть на местах не народу. Идет воровство и мафия» [там же, л. 62]. В следующем письме начала 1990-х гг. читаем: «Почему так яростно выступают против ликвидации монополии колхозов и совхозов в сельском хозяйстве именно председатели, главные специалисты, работники сельских райкомов? Да это просто! Все они бесплатно кормятся из колхозных кладовых. Независимые фермеры и арендаторы даром кормить не станут» [там же, л. 64].

Примечательно, что на беловскую почту приходили послания не только из северных окраин, а из самых разных уголков земли от Москвы до Ставрополя, Краснодарского края, Алтая, Сибири и др. от представителей как аграрного, так и производственного социума. Авторы писем констатировали нарастающую проблематику дисбаланса в финансировании промышленности и сельского хозяйства (по остаточному принципу), нехватки рабочих мест и техники в селах, нерешенности земельного и продовольственного вопросов. Записи отличаются схожим посылом, укрепим к периоду распада СССР, который

можно отразить следующим мнением: «При оживлении деревни, ее одухотворении, снизится антропогенный пресс в городах (т. е. жилищная, продовольственная, экологическая проблемы). Решение этого вопроса властью позволит человеку почувствовать себя хозяином, но и стать им на самом деле» [там же, л. 65 об.].

Нельзя не отметить, что в фонде Василия Ивановича Белова сохранено журнально-газетное публицистическое наследие, часто сопровождаемое авторскими комментариями, что, в свою очередь, облегчает наше приближение к выстраиванию трансформации его жизневосприятия. Это важно с точки зрения принятия нами тезиса о неоспоримом воздействии фигуры родоначальника деревенской прозы на направление вектора развития общественного мнения. И не только среди граждан, проживавших на Севере. В данной связи обратим внимание на заголовки аккумулируемых материалов, раскрывающих суть общественного напряжения конца 1980 – начала 1990-х гг.: «Бомба в конверте, или история о том, как подлость и клевета стали орудием в руках нечистоплотного человека» (об экстремизме), «Интеллектуальный потенциал общества или бюрократия “Новой волны”» (о так называемых «аппаратчиках», разбалансировке экономики, «народофобии» – исключении из списков избирательной компании рабочих, публицистов и всех тех, кому дороги интересы русского народа, дихотомии «элиты, бюрократы и рабочий класс»), «Я считаю, что страну убили» (о дискуссии в Союзе писателей), «Раньше я жил – не тужил» (письма в народную газету о дороговизне тарифов) [21, л. 3, 7, 46, 120].

Таким образом, изучение корпуса эпистолярных источников, аккумулированных в северном регионе, выявляет сходство поведенческих моделей управленческой элиты (тяготеющей к индивидуализму и личному обогащению) и мировоззренческих установок населения региона (еще сохраняющих память о коллективизме, товариществе, трудовых и моральных ценностях) с общероссийскими. Первоначальные народные ожидания быть услышанными (об этом говорит количественный объем массива писем) постепенно уступали место пессимистическим настроениям (ярко проявившимся в корреспонденции к популярному писателю В. И. Белову, своего рода покровителю традиционного крестьянского быта). Вместе с тем угасали эмоциональная привязанность к партийным обязательствам, уверенность в будущем, в преодолении трудностей. Многие «первые лица» являлись непопулярными личностями, утратившими народное доверие, практикующими после проверок так называемые дисциплинарные «авралы». «В Мурманской области сейчас нет ни одного руководителя, который бы не имел взысканий. Трудно сознать, что они все “пакостные” люди, специально нарушающие партийную и государственную дисциплину. Дело кроется в подборе, расстановке и воспитании кадров, их запущенном состоянии», – отмечено в письме за 1985 г. [24, л. 30]. Рабочие рыбного порта г. Мурманска писали во второй половине 1980-х гг.: «Надо начинать с верха, с самих руководителей. Так их разбаловали, дали на местах всю власть в руки и ни к какому начальнику не подступиться трудовому человеку. Иногда хочешь чего-нибудь

добиться и не найти конца. А сами живут, как чиновники, а разве это подобает коммунисту, разве Великий Ленин учил так обращаться с трудящимися?» [там же, л. 42].

Подводя итог, отметим, что на протяжении 1960–1980-х гг. и особенно к началу 1990-х гг. волна и объем негативных отзывов о представителях власти нарастали. Граждане фиксировали неограниченный доступ к дефицитным товарам и широкие возможности власть имущих лиц, в том числе в процессе уклонения последних от административной и уголовной ответственности [там же, л. 31]. Народное сознание все сильнее отвергало курс на равнодушное отношение к нуждам регионов, ошибочный путь управленцев, а также закрепившийся культ приобретательства и безхозяйственности, архаических бюрократических ритуалов. Введение в научный оборот ядра точек зрения обширного источникового комплекса, общественного анализаторства и восприятия советской реальности будет способствовать дальнейшему исследованию механизмов формирования коллективного сознания, интерпретации культурных и идеологических артефактов, психологических особенностей восприятия власти, отождествления взглядов населения с официально пропагандируемыми ценностями и установками.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта: [в 3 т.] / А. С. Ахиезер. – М.: ФО СССР, 1991.
2. Восленский, М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – М.: Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.
3. Бестужев-Лада, И. В. Человеческий фактор и совершенствование социалистического образа жизни: (выступление на семинаре «Возрастание роли человеческого фактора в ускорении соц.-экон. развития сов. общества» 19 февр. 1987 г.) / И. В. Бестужев-Лада. – М.: [б. и.], 1987. – 29 с.
4. Золотов, В. А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953–1991 гг.): дис. ... докт. ист. наук / В. А. Золотов. – М., 2006. – 333 с.
5. Семанов, С. Н. Брежнев: генсек стабильности или застоя / С. Н. Семанов. – М.: Вече, 2013. – 317 с.
6. Семанов, С. Н. Андропов. Семь тайн генсека / С. Н. Семанов. – М.: Вече, 2013. – 320 с.
7. Зубкова, Е. Ю. Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв, 15 апреля 1894–11 сентября 1971 / Е. Ю. Зубкова. – М.: Комсомольская правда, 2015. – 95 с.
8. Чербунин, Д. В. Доминирующие ценностные ориентации советской элиты во второй половине XX века / Д. В. Чербунин // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7, № 6А. – С. 127–133.
9. Коновалов, А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991): [монография] / А. Б. Коновалов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 635 с.

10. Хромов, Е. А. Региональные элиты в СССР в конце 1950 – середине 1960-х гг. к постановке вопроса / Е. А. Хромов // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 183–186.
11. Кондрашин, В. В. Формирование «советской современности» и региональная элита в 1960–1970-е гг. / В. В. Кондрашин, О. А. Сухова // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 664–677.
12. Бадмаева, Е. Н. Региональные партийные элиты: от сына кочевника до руководителя национальной республики (начало 1960 – конец 1970-х гг.) / Е. Н. Бадмаева, Э. У. Омакаева // Nomadic civilization: historical research. – 2021. – 1 (4). – С. 46–59.
13. Никифоров, Ю. С. «Устранить параллелизм и предоставить право»: попытка региональной власти расширить полномочия в 1954 г. (случай Ивановских обкома КПСС и облисполкома) / Ю. С. Никифоров // Вестник Костромского государственного университета. – 2025. – Т. 31, № 2. – С. 55–60.
14. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 37.
15. Столетова, А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 402–422.
16. Столетова, А. С. Кадровая политика середины 1970-х годов и правящая номенклатура в представлениях советской общественности / А. С. Столетова // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 453–473.
17. Столетова, А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) / А. С. Столетова // Научный диалог. – 2021. – № 10. – С. 481–498.
18. Безнин, М. А. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 77–86.
19. Столетова, А. С. Управленческие стереотипы в поле общественного сознания и поведения середины 1950-х – 1980-х гг. (на примере интерпретации материалов фонда РГАНИ) / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2023. – № 12–2. – С. 106–117.
20. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475.
21. ГАВО. Ф. 5134 Оп. 1. Д. 531.
22. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 90.
23. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 110.
24. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 152.
25. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 128.
- Akhiezer. – Moscow: Philosophical Society of the USSR, 1991.
2. Voslensky, M. S. Nomenklatura. Gospodstvuyushhij klass Sovetskogo Soyuza [Nomenclature. Ruling Class of the Soviet Union] / M. S. Voslensky. – Moscow: Soviet Russia together with the MP “October”, 1991. – 624 p.
3. Bestuzhev-Lada, I. V. Chelovecheskij faktor i sovershenstvovanie socialisticheskogo obraza zhizni : (vystuplenie na seminare Vozrastanie roli chelovecheskogo faktora v uskorenii socz.-ekon. razvitiya sov. obshhestva 19 fevr. 1987 g.) [The human factor and the improvement of the socialist way of life: (presentation at the seminar «The growing role of the human factor in accelerating the socio-economic development of Soviet society», February 19, 1987)]. / I. V. Bestuzhev-Lada. – Moscow, 1987. – 29 p.
4. Zolotov, V. A. Politicheskaya elita SSSR socialnyj sostav, obrazovatelnyj i kulturnyj uroven (1953– 1991 gg.) [Political elite of the USSR, social composition, educational and cultural level (1953–1991): diss. ... Dr. Sci. (History) / V. A. Zolotov. – Moscow, 2006. – 333 p.
5. Semanov, S. N. Brezhnev : gensek stabilnosti ili zastoya [Brezhnev. Secretary General of stability or stagnation] / S. N. Semanov. – Moscow : Veche, 2013. – 317 p.
6. Semanov, S. N. Andropov. Sem` tain genseka [Andropov. Seven secrets of the Secretary General] / S. N. Semanov. – Moscow : Veche, 2013. – 320 p.
7. Zubkova, E. Yu. Pervyj sekretar` CzK KPSS Nikita Sergeevich Khrushchov, 15 aprelya 1894 – 11 sentyabrya 1971 [First Secretary of the CPSU Central Committee Nikita Sergeevich Khrushchov, April 15, 1894 – September 11, 1971]. / E. Yu. Zubkova. – Moscow : Komsomolskaya pravda, 2015. – 95 p.
8. Cherbunin, D. V. Dominiruyushhie cennostnye orientacii sovetskoj elity vo vtoroj polovine XX veka [Dominant value orientations of the Soviet elite in the second half of the XX century] / D. V. Cherbunin // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij [Theories and problems of political research]. – 2018. – Vol. 7, № 6A. – P. 127–133.
9. Konovalov, A. B. Partijnaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945–1991) : [monografiya] [The Party nomenclature of Siberia in the system of regional government (1945–1991): [monograph] / A. B. Konovalov. – Kemerovo : Kuzbassvuzizdat [Kuzbass University Publ. House], 2006. – 635 p.
10. Khromov, E. A. Regionalnye elity v SSSR v konce – sere-dine 1960-x gg. k postanovke voprosa [Regional elites in the USSR in the Late 1950s – mid-1960s to the formulation of the question] / E. A. Khromov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Tomsk State Univ.]. – 2009. – № 323. – P. 183–186.
11. Kondrashin, V. V. Formirovanie «sovetskoj modernosti» i regionalnaya elita v 1960–1970-e gg. [Formation of «Soviet modernity» and the regional elite in the 1960–1970s]. / V. V. Kondrashin, O. A. Sukhova // Novejshaya istoriya Rossii [Recent history of Russia]. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – P. 664–677.
12. Badmaeva, E. N. Regionalnye partijnye elity. ot syna kochevnika do rukovoditelya nacionalnoj respubliky (na-

References

1. Akhiezer, A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: Critique of Historical Experience: [In 3 vols] / A. S.
12. Badmaeva, E. N. Regionalnye partijnye elity. ot syna kochevnika do rukovoditelya nacionalnoj respubliky (na-

- chalo 1960 – konec 1970-h gg.) [Regional party elites: from the son of a nomad to the leader of a national republic (early 1960s – late 1970s)]. / E. N. Badmaeva, E. U. Omakaeva // *Nomadic civilization: historical research.* – 2021. – 1(4). – P. 46–59.
13. Nikiforov, Yu. S. «Ustranit` parallelizm i predostavit` pravo»: popytka regionalnoj vlasti rasshirit polnomochiya v 1954 g. (sluchaj Ivanovskih obkoma KPSS i oblispolkoma) [“Eliminate parallelism and grant the right”: an attempt by regional authorities to expand their powers in 1954 (the case of the Ivanovo Regional CPSU Committee and the Regional Executive Committee)] / Yu. S. Nikiforov // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Kostroma State Univ.]*. – 2025. – Vol. 31, No.2. – P. 55–60.
 14. RGANI [Russian State Archives of Contemporary History]. F. 5. Op. 30. D. 37.
 15. Stoletova, A. S. Materialnoe polozhenie sovetskih grazhdan v zerkale obshhestvennogo mneniya 1960–1980-x godov (po dannym pisem v centralnye organy vlasti i SMI) [The material situation of Soviet citizens in the mirror of public opinion in the 1960s–1980s (based on letters to the Central Authorities and the Media)]. / A. S. Stoletova // *Nauchny dialog [Sci. dialogue]*. – 2020. – No. 3. – P. 402–422.
 16. Stoletova, A. S. Kadrovaya politika serediny 1970-x godov i pravyyashaya nomenklatura v predstavleniyakh sovetskoj obshhestvennosti [Personnel policy of the mid-1970s and the ruling nomenclature in the perceptions of the Soviet public]. / A. S. Stoletova // *Nauchny dialog [Sci. dialogue]*. – 2020. – № 6. – P. 453–473.
 17. Stoletova, A. S. Mentalnost i stereotipy obshhestvennogo povedeniya v usloviyah obydenosti 1950–1980-h godov (dokumentalnye svidetelstva evolyucii) [Mentality and stereotypes of public behavior in the conditions of everyday life in the 1950s–1980s (documentary evidence of evolution)]. / A. S. Stoletova // *Nauchny dialog*. – 2021. – № 10. – P. 481–498.
 18. Beznin, M. A. Burzhuaaznye tendencii v socialnoj zhizni i mentalitete sovetskogo obshhestva 1950–1980-x gg. [Bourgeois tendencies in social life and mentality of Soviet society in the 1950s–1980s] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni, A. S. Stoletova // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Kostroma State Univ.]*. – 2020. – Vol. 26, No. 1. – P. 77–86.
 19. Stoletova, A. S. Upravlencheskie stereotipy v pole obshhestvennogo soznaniya i povedeniya serediny 1950-x – 1980-x gg. (na primere interpretacii materialov fonda RGANI) [Managerial stereotypes in the field of public consciousness and behavior in the mid-1950s – 1980s (based on the Interpretation of materials from the RGANI [Russian State Archives of Contemporary History] Collection)]. / A. S. Stoletova // *Voprosy istorii [Problems of History]*. – 2023. – No. 12-2. – P. 106–117.
 20. GAVO [State Archives of the Vologda Region]. F. 5134. Op. 1. D. 475.
 21. Ibid. F. 5134 Op. 1. D. 531.
 22. RGANI. [Russian State Archives of Contemporary History]. F. 100. Op. 6. D. 90.
 23. Ibid. F. 100. Op.6. D. 110.
 24. Ibid. F. 100. Op. 6. D. 152.
 25. Ibid. RGANI. F.100. Op. 6. D. 128.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00938 «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», <https://rscf.ru/project/25-28-00938/>.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00938 «Vectors of the evolution of public consciousness in the historical and cultural space of the Russian North of the second half of the XX century», <https://rscf.ru/project/25-28-00938/>.

Информация об авторе:

Столетова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н. В. Верещагина (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2), доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета; Scopus Author ID 57211886443, AuthorID: 794319, ORCID: 0000-0002-2167-072X, SPIN-код: 4378-2093 (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д.15; e-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru).

Author:

Anna S. Stoletova – Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Humanities of Vologda State Dairy Farming Academy named after N. V. Vereshchagin (2, Schmidt st., Molochnoye Village, Vologda 160555, Russian Federation), Associate Professor at the Department of Russian History of Vologda State University, Scopus Author ID 57211886443, AuthorID: 794319, ORCID: 0000-0002-2167-072X, SPIN-code: 4378-2093 (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation; e-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru).

Для цитирования:

Столетова, А. С. Вербальное измерение ценностных ориентаций представителей власти на Русском Севере во второй половине XX века / А. С. Столетова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 139-146.

For citation:

Stoletova, A. S. Verbal dimension of value orientations of government officials in the Russian North in the second half of the XX century / A. S. Stoletova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 139-146.

Дата поступления статьи: 12.01.2026

Прошла рецензирование: 31.01.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 12.01.2026

Reviewed: 31.01.2026

Accepted: 20.02.2026

История общественно-политического развития и государственного устройства Мордовии XX века в работах профессора В. А. Юрчёнкова

Учватов П. С.

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

uchvatov.pavel@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрены работы известного историка, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки России и Республики Мордовия Валерия Анатольевича Юрчёнкова (23.09.1960–03.10.2017), посвященные общественно-политическому развитию и государственному устройству мордовской автономии, а затем мордовской республики с 1920-х по 1990-е гг. Проанализирована роль ученого в исследовании таких проблем, как становление советских органов власти и образование национальной автономии, трансформация национальных элит, деятельность органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны, активизация мордовского национального движения на рубеже 1980–1990-х гг., эволюция региональной политической системы. Отмечены основные выводы В. А. Юрчёнкова, который одним из первых в Мордовии обратился к ряду актуальных вопросов, ранее находившихся вне поля зрения исследователей.

Ключевые слова:

В. А. Юрчёнков, региональная история, Мордовия, общественно-политическое развитие, органы власти и управления, историография

Круг исследовательских проблем, входивших в сферу научных интересов российского и мордовского историка, организатора науки, доктора исторических наук, профессора Валерия Анатольевича Юрчёнкова (23.09.1960–03.10.2017), был очень широк и включал разнообразные вопросы методологии, источниковедения, историографии, истории мордовского народа с древнейших времен до современности. За последние годы коллегами и учениками В. А. Юрчёнкова был опубликован ряд статей, посвященных жизненному пути, научной и общественной деятельности этого выдающегося ученого, оставившего заметный след в региональной гуманитарной науке [1–3].

Одним из направлений научных изысканий В. А. Юрчёнкова была история общественно-политической и государственной системы, показанная им в региональном

The history of the socio-political development and state structure of Mordovia in the XX century in the works of Prof. V. A. Yurchyonkov

Uchvatov P. S.

Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk

uchvatov.pavel@yandex.ru

Abstract

The works of renowned historian, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia and the Republic of Mordovia Valery Anatolyevich Yurchyonkov (September 23, 1960 – October 3, 2017) dedicated to the socio-political development and state structure of the Mordovian autonomy, and then the Mordovian Republic, from the 1920s to the 1990s are considered. The role of the scientist in the study of such problems as the formation of Soviet government bodies and national autonomy, the transformation of national elites, the activities of state security agencies during the Great Patriotic War, the intensification of the Mordovian national movement at the turn of the 1980s–1990s, and the evolution of the regional political system is analyzed. The paper highlights the key findings of V. A. Yurchyonkov, who was one of the first in Mordovia to address a number of pressing issues previously overlooked by researchers.

Keywords:

V. A. Yurchyonkov, regional history, Mordovia, socio-political development, bodies of power and administration, historiography

аспекте. Анализируя вопросы становления и трансформации публичных властных институтов, управленческой элиты, органов власти и общественных движений Валерий Анатольевич показывал специфику Мордовии как национального региона на фоне масштабных, общероссийских событий и тенденций.

Цель данной статьи – рассмотреть основные опубликованные работы В. А. Юрчёнкова, посвященные указанной проблематике, выделив наиболее интересные выводы ученого и сохраняющие актуальность направления исследований.

Становление местных органов власти – Советов, на территории уездов, впоследствии вошедших в состав мордовской автономии, являлось значимым направлением в научной деятельности В. А. Юрчёнкова, которое находи-

лось в центре его внимания еще в 1980-е гг. [4, 5]. В 2010 г. вышла в свет одна из наиболее известных монографий Валерия Анатольевича «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг.», ставшая обобщающим исследованием по этому периоду [6]. Основную специфику организации и работы публичных властных структур в первые годы после установления советской власти ученый видел в фактическом слиянии тыловой деятельности и борьбы на фронте, поскольку в течение Гражданской войны Мордовия дважды (в 1918 и 1919 гг.) оказывалась в непосредственной близости от военных действий. Остальные факторы, обусловленные социально-экономическими и политическими особенностями, имели, по мнению В. А. Юрчёнкова, хотя и важное, но второстепенное значение [там же, с. 96]. Историк скрупулезно подходил к изучению разных сторон функционирования Советов, описывая их структуру, компетенцию, эволюцию социального и партийного состава, попытки «чистки» местных Советов от зажиточных крестьян и т. д. В условиях «военного коммунизма», считал В. А. Юрчёнков, реальная власть Советов как представительных органов снижалась: во-первых, она постепенно переходила к исполкомам или президиумам Советов, и, во-вторых – все большее значение приобретали чрезвычайные органы – ревкомы и комбеды [там же, с. 126].

Отметим, что на протяжении своей научной деятельности В. А. Юрчёнков продолжал возвращаться к этой тематике, в том числе в одной из последних коллективных работ, увидевшей свет в 2017 г. и получившей поддержку Российского фонда фундаментальных исследований «Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект» [7].

Закономерным являлся интерес со стороны В. А. Юрчёнкова к одному из наиболее значимых событий в общественно-политической жизни Мордовии – образованию национальной автономии на рубеже 1920–1930-х гг. Зарождение и развитие мордовского национального движения он связывал с революционными событиями 1917 г., отводя при этом ведущую роль интеллигенции: «Инициатором национально-государственного строительства мордовского народа в годы Гражданской войны выступала наиболее образованная часть мордвы, обладавшая достаточно высоким уровнем национального самосознания» [там же, с. 439]. Характеризуя сложный процесс зарождения и развития автономии, ее последовательного прохождения через несколько этапов, завершившихся созданием республики, В. А. Юрчёнков отмечал существовавшие проблемы: дисперсность расселения мордовского народа, отсутствие точных данных о численности мордвы, отрицательная позиция отдельных руководящих губернских работников и т. д. Не стремясь «сглаживать углы» в достаточно деликатной для истории Мордовии теме, ученый не обошел стороной и деятельность так называемой группы мордовских автономистов, искусственным образом пытавшихся форсировать создание автономии [8, с. 513–515]. Тем не менее общий вывод В. А. Юрчёнкова однозначен: «С какими бы сложностями ни возникала Мордовия, с какими бы

трудностями ни сталкивалась в ходе развития в первые годы существования, республика является одной из звездных вершин в истории мордовского народа» [там же, с. 521].

В. А. Юрчёнков также разрабатывал непростой для исследования вопрос становления национальных элит, неразрывно связанный с процессом коренизации управленческих кадров. Он отмечал, что при создании Мордовского округа в 1928 г. «почти все важнейшие посты» в нем заняли представители мордовской национальности, в том числе ранее входившие в группу «мордовских автономистов» [там же, с. 516]. Период конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. стал временем активного проведения политики коренизации в Мордовии, которая «...логично вписывалось в процесс социального конструирования по национальному вопросу, осуществляемого большевиками после окончания Гражданской войны» [9, с. 634]. Коренизация в форме «мордвинизации», при которой ведущее положение в региональной элите занимали представители мордвы, быстро набирала обороты. Однако эта политика, утверждал В. А. Юрчёнков, не лучшим образом отражалась на качестве насаждаемых управленческих кадров, в основном формировавшихся из крестьян, оторванных от своей среды: «В ходе коренизации наметилась весьма негативная тенденция подбора кадров исходя из узкоклановых и местнических интересов», – писал он [там же, с. 638]. Исследователь указывал на различные пороки новой национальной элиты: снобизм, круговую поруку, семейственность, подбор кадров с учетом узких интересов национально-корпоративных групп. К тому же непродуманное проведение коренизации привело к резкому скачку национализма в молодой автономии [там же, с. 639]. Таким образом, Валерий Анатольевич считал, что последствия коренизации в Мордовии носили двойственный характер: проведение этой политики позволило быстро сформировать национальную элиту, но одновременно система власти избавлялась от более подготовленных и опытных кадров, и качество управления по ряду направлений снизилось.

В. А. Юрчёнков стал одним из первых исследователей в Мордовии, еще в период поздней «перестройки» затронувших ранее табуированную тему репрессий 1930-х гг. Позднее он дополнил и обобщил свои изыскания, в частности, в монографии «Начертание мордовской истории» (2012) [8, с. 536–546]; последняя статья ученого на данную тему вышла в 2017 г., уже после его смерти [10]. «Репрессии явились закономерным результатом и неотъемлемым элементом того режима, который сложился в нашей стране на рубеже 1920–30-х годов», – писал В. А. Юрчёнков. – В условиях его становления получил широкое развитие новый метод устранения просчетов и недостатков в хозяйственной политике – применение «чрезвычайщины» и силового давления» [8, с. 536–537]. К изучению «Большого террора» он призывал подходить взвешенно, основываясь на введенных в научный оборот документах, предостерегая от впадения в «эйфорию разоблачений», в которую в начале 1990-х гг. ударились некоторые журналисты, публицисты и даже профессиональные исследователи [10, с. 37]. На основе доступных материалов В. А. Юрчёнков рассмо-

трел сфальсифицированное «дело мордовского право-троцкистского буржуазно-националистического террористического блока», по которому проходило большинство представителей руководства Мордовской АССР. Им была предпринята попытка проанализировать «источки фальсификации», установить тактику следственных органов, выдвигавшиеся обвинения, используемые методы. Историк констатировал, что следствие трактовало «вскрытый» блок как объединение, состоявшее из трех частей: правых (бухаринцев), троцкистов и националистов, причем к последним часто причисляли не только руководящих работников советско-партийных органов, но и журналистов, ученых, других представителей национальной интеллигенции [там же, с. 46–48]. В. А. Юрчёнков отмечал, что дело мордовского «право-троцкистского блока» являлось составной частью общего процесса «чистки» элит, предпринятого накануне Великой Отечественной войны. По его мнению, в ходе этой «чистки» управленческий аппарат, «роскошествующий» в условиях нищенского существования большинства населения, «назначался» центральной властью ответственным за многочисленные провалы в экономическом и социально-культурном развитии. С помощью репрессий И. В. Сталин и его окружение разрушали сложившиеся бюрократические кланы, «деятельность которых не только дискредитировала режим, но и тормозила развитие страны» [там же, с. 51].

Отдельной темой, развивавшейся В. А. Юрчёнковым, являлась деятельность органов государственной безопасности. Их становление на территории мордовского края он рассматривал в рамках исследований, посвященных Гражданской войне и формированию системы местной власти [6, с. 249–268]. Проблематикой, которой до него практически никто не занимался, была работа органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны [11; 12, с. 159–174]. Валерий Анатольевич выделил несколько основных направлений в их деятельности, часто взаимосвязанных между собой: борьба с бандитизмом, дезертирством, пособничеством врагу. «Мордовия находилась в глубоком тылу Красной армии, – указывал исследователь, – но ее военно-экономический потенциал, инфраструктура привлекали в силу мыслимых и немыслимых причин внимание разведки противника. Нельзя назвать его пристальным, но, тем не менее, оно было» [12, с. 167]. В. А. Юрчёнков также отмечал, что много усилий на разоблачение бывших пособников немецкой армии уходило в послевоенное время, причем они давали определенные результаты [11, с. 166].

Валерий Анатольевич первым из мордовских историков обратился к истории такой специфической государственной структуры, как ГУЛАГ НКВД СССР, в лагерях которого на территории Мордовской АССР в годы войны содержались военнопленные [13, с. 110–126]. Совместно с Р. В. Юрчёнковым он продолжил развивать тему истории ГУЛАГа в Мордовии в послевоенные годы [14; 15, с. 91–112]. Проанализировав архивные источники о хозяйственной деятельности исправительных учреждений, условиях содержания заключенных, факторах, способствовавших росту среди них протестных настроений, авторы пришли к выводу о серьезном кризисе, который переживала си-

стема лагерей в начале 1950-х гг. «ИТЛ в том виде, в каком он существовал во время и после войны, исчерпал свои возможности. Создание особых лагерей, в том числе Дубравлага, не изменило ситуации», – подчеркивали исследователи [15, с. 112].

В. А. Юрчёнков также рассмотрел ранее малоизученную тему реакции региональной власти и общества на перемены, связанные со смертью И. В. Сталина в 1953 г. [15, с. 112–118; 16]. Исследователь писал о проводившихся массовых траурных митингах, на которые толпы плачущих людей шли по собственной воле, подметил их потрясение, а нередко и страх перед неопределенным будущим. При этом он обратил внимание, что реакция на смерть вождя имела особенности со стороны разных групп населения. Если рабочие или колхозники чаще выражали искреннюю скорбь, но советско-партийная номенклатура испытывала скорее растерянность. Была и реакция иного рода, в особенности среди заключенных Дубравлага, многие из которых выражали радость и надежду на перемены, в то время как лагерное начальство пришло в замешательство от неожиданно пришедшей новости [15, с. 116].

Обращаясь к истории органов власти и управленческой системы Мордовской АССР во второй половине XX в., В. А. Юрчёнков затрагивал создание Мордовского совнархоза в 1957 г. [8, с. 559–564]. Короткий период деятельности СНХ в республике (1957–1962) он оценивал скорее положительно, хотя и признавал, что в его работе имелись серьезные недостатки и противоречия: «...Совнархозы оказались как управленческие структуры более приспособленными к условиям планового хозяйства, что проявилось в более успешном функционировании предприятий... по сравнению с периодом, когда они находились в подчинении республиканских или союзных министерств» [там же, с. 563]. Одновременно он касался и проводившихся при Н. С. Хрущеве реорганизаций управления в сельском хозяйстве, где в отличие от промышленности развернулись обратные процессы: интенсивное укрупнение колхозов приводило к централизации. Эти реформы В. А. Юрчёнков считал непродуманными и приведшими к негативному эффекту: «Сокращение числа колхозов в Мордовии <...> и их укрупнение больно ударили по деревне. Ликвидация многих населенных пунктов привела фактически к забросу отдаленных сельхозугодий...» [там же, с. 565]. Им отмечались и недостатки при создании производственных колхозно-совхозных управлений в 1962 г., связанные с разбалансированием системы управления, слабой координацией с местными органами власти. Ученый констатировал: «Реформы системы управления <...> предпринятые во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов, носили противоречивый характер. Они были призваны нормализовать, а затем улучшить ситуацию, однако в этом смысле они не удалась» [там же, с. 568].

Заслуживают внимания рассуждения Валерия Анатольевича по поводу некоторых особенностей, свойственных системе управления в годы «развитого социализма». В 1970-е гг., отмечал он, «окончательно оформилось общество, где народное хозяйство представляло собой хозяйственно-политическую и в некотором смысле хо-

зайтвенно-идеологическую систему, а коренные экономические преобразования в отрыве от коренных идейно-политических сдвигов просто невозможны» [там же, с. 580]. Централизованный, директивный характер управления сохранялся, но приобретал новые черты. Усиливалась ведомственная раздробленность, на смену прежней административно-командной системе управления экономикой приходила ее разновидность, «экономика согласования», при которой каждую директиву необходимо было согласовывать в различных инстанциях. Такая система, считал В. А. Юрченок, хотя до определенной поры и способствовала балансировке развития народного хозяйства, со временем приводила к постепенному накоплению противоречий [там же].

В творческом тандеме с доктором политических наук Д. В. Доленко В. А. Юрченок критически проанализировал эволюцию советской бюрократии. Первая из их совместных работ, брошюра «Бюрократия и общество: история и современность», была написана еще в 1991 г., причем ее выход в свет вызвал негативную реакцию со стороны местной власти, в результате чего основной тираж был уничтожен [17, с. 23]. Свои идеи авторы развили спустя десять лет в большой статье «Правящий класс и властные структуры Мордовии: веки истории и современное состояние», посвященной истории регионального бюрократического аппарата [18]. Исследователи установили почти не прекращавшуюся на протяжении всего XX в. тенденцию роста числа советско-партийных служащих в республике, который стал особенно «лавинообразным» после 1965 г. Меры, принимавшиеся центральным правительством СССР по сокращению количества чиновников, оказывались неэффективными. Причину этого Д. В. Доленко и В. А. Юрченок видели в самом положении аппарата, который сосредоточил в руках реальную власть и стал привилегированной социальной группой. «В условиях так называемого бюрократического социализма власть, правящий класс в стране в целом и в Мордовии в частности были неподконтрольны обществу. Власть контролировала общество...», – отмечали авторы [18, с. 81]. В рамках своего исследования они обратились также к периоду транзита власти конца 1980–1990-х гг., в ходе которого острая политическая борьба с 1995 г. сменилась временем консолидации республиканской правящей элиты, ведущее положение среди которой заняли бывшие партийные и комсомольские работники [там же, с. 71–81].

Изучению перестроечных процессов принадлежало важное место в научной деятельности В. А. Юрченок, который касался не только истории государства, но и общественно-политических и национальных движений. Здесь стоит выделить его статью «Масторава: основные тенденции развития», опубликованную в 1994 г. в журнале «Этнографическое обозрение» и описывающую этнополитическую ситуацию в Мордовии [19]. В. А. Юрченок, выступая в данном случае скорее не как историк, а политолог, проанализировал текущее развитие мордовского национального движения в лице общества «Масторава» («Родина-мать») и пришел к выводу о его политизации, быстро произошедшей после организационного оформ-

ления общества. При этом, если сначала можно было наблюдать наметившийся конфликт национального движения с советско-партийной бюрократией, то по мере перерастания «Масторавы» в политическое движение ситуация изменилась, и все более жесткий характер принимала конфронтация ее представителей с демократами. В. А. Юрченок указывал, что борьба «Масторавы» против демократического движения особенно обострилась на фоне избрания Президентом Мордовской ССР демократа В. Д. Гусляникова, русского по национальности. Кроме того, после проведения в марте 1992 г. I Всероссийского съезда мордовского народа явно усилилась тенденция дифференциации субэтносов мокшан и эрзян внутри самого движения. Это, а также отсутствие широкой социальной базы «Масторавы», считал В. А. Юрченок, привело к кризису национального движения, в конце 1992 г. фактически разделившегося на две части (мокшанскую и эрзянскую) [19, с. 22].

Важным этапом в изучении политической ситуации в Мордовии первой половины 1990-х гг. стала монография В. А. Юрченок и Ж. Д. Кониченко «На пороге реформ», авторы которой детально рассмотрели общественно-политическое развитие республики в эпоху перемен. По их мнению, за относительно краткий период Мордовия прошла путь от «типичной советской автономии» до «современной республики – субъекта Российской Федерации» [20, с. 163]. Они сделали вывод, что глубокая политическая трансформация, приведшая к коренным преобразованиям общественно-политической жизни и государственной системы, началась в республике позже, чем в стране в целом – лишь весной 1990 г., с первых выборов, на которых была допущена состязательность. В результате проведения радикальных политических реформ в 1991 г. произошел переход Мордовии к президентской республике, где рычаги власти получил пришедший к власти путем выборов вчерашний лидер оппозиционного движения. Однако в результате действий бывшей советско-партийной бюрократии институт президентства был упразднен, и республика вернулась к прежней конструкции власти с доминирующим положением Верховного Совета МССР. В. А. Юрченок и Ж. Д. Кониченко назвали эту модель «неосоветской», или «парламентско-советской» [там же, с. 100]. За время ее существования (1993–1995) в ходе политической борьбы происходило формирование современной постсоветской политической системы. Завершение политической трансформации, согласно авторам монографии, произошло в 1995 г. с принятием Конституции Республики Мордовия, по которой ведущую роль в региональной властной системе приобрел Глава республики [там же, с. 122–123].

Таким образом, за годы активного научного творчества В. А. Юрченок касался разнообразных сторон государственного и общественно-политического развития Мордовии XX в., более подробно осветив ряд вопросов, прежде либо малоизученных, либо вызывавших у него наибольший интерес. С какими-то его выводами трудно не согласиться, с какими-то можно спорить, но нет сомнений, что это был яркий, самобытный исследователь, которого отличали строгое соблюдение принципов исторической науки, бле-

стящее знание историографии, глубина исследовательской мысли, наконец, используемый красивый русский язык. Пожалуй, своего рода образцом научного исследования может служить упомянутая в данной публикации одна из главных его монографий «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг.», в которой ученый подытожил свои обширные наработки по изучению периода Гражданской войны и «военного коммунизма». При этом многие темы и сюжеты региональной истории, поднимавшиеся в его работах, не теряют своей актуальности, и их исследование в перспективе может быть продолжено.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Бикейкин, Е. Н. Валерий Анатольевич Юрчѐнков – ученый и организатор науки / Е. Н. Бикейкин, Т. А. Чужайкина, Н. Н. Зоркова [и др.] // Центр и периферия. – 2019. – № 3. – С. 110–116.
2. Куршева, Г. А. Валерий Анатольевич Юрчѐнков. Человек во времени... (к 60-летию со дня рождения) / Г. А. Куршева, О. В. Зарубина, И. Н. Калядина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2020. – № 3. – С. 230–235.
3. Куршева, Г. А. История мордовского края XX века в трудах профессора В. А. Юрчѐнкова / Г. А. Куршева // Научное сообщество историков и современный мир: к юбилею университетского исторического образования в Самаре: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию университетского исторического образования в Самаре. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. – С. 97–106.
4. Юрчѐнков, В. А. Съезды Советов и общественно-политическая жизнь мордовского села в первые годы пролетарской диктатуры (1918–1920 гг.) / В. А. Юрчѐнков // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии: Труды / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР; вып. 79. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – С. 57–78.
5. Юрчѐнков, В. А. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) / В. А. Юрчѐнков // Общественно-политическая жизнь села советской Мордовии: Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР; вып. 87. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. – С. 26–43.
6. Юрчѐнков, В. А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. / В. А. Юрчѐнков. – Саранск: НИИГН, 2010. – 440 с.
7. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / редкол.: В. В. Кондрашин, В. А. Юрчѐнков [и др.]. – М.; Саранск, 2017. – 1048 с.
8. Юрчѐнков, В. А. Начертание мордовской истории / В. А. Юрчѐнков. – Саранск: НИИГН, 2012. – 612 с.
9. Юрчѐнков, В. А. Коренизация аппарата в Мордовской АССР как создание и насаждение новой национальной элиты (1928–1938 гг.) / В. А. Юрчѐнков // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI Междунар. науч. конф. «История сталинизма». – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 632–640.
10. Юрчѐнков, В. А. «Большой террор» в Мордовии: попытка переосмысления / В. А. Юрчѐнков // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 4 (44). – С. 37–54.
11. Юрчѐнков, В. А. Фронт без линии фронта / В. А. Юрчѐнков // Для них тыл был фронтом: очерки, статьи, воспоминания, фотодокументы о тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. – С. 158–167.
12. От ВЧК до ФСБ: история и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия / авт.-сост.: Н. М. Арсентьев, В. А. Юрчѐнков, А. В. Яровой. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. университета, 2003. – 376 с.
13. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. Т. 2. / под общ. ред. В. А. Юрчѐнкова. – Саранск: НИИГН, 2005. – 424 с.
14. Юрчѐнков, В. А. Дубравлаг: функционирование системы ГУЛАГа в Мордовии в послевоенные годы / В. А. Юрчѐнков, Р. В. Юрчѐнков // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2011. – Т. 18, № 2. – С. 50–75.
15. Мордовия в послевоенный период. 1945–1953 гг.: в 2 т. Т. 1 / редкол.: А. А. Данилов, В. А. Юрчѐнков [и др.]. – Саранск: НИИГН, 2012. – 468 с.
16. Юрчѐнков, В. А. 1953 год: реакция власти, реакция общества / В. А. Юрчѐнков // Центр и периферия. – 2003. – № 1. – С. 6–9.
17. Юрчѐнков, В. А. Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрчѐнков, Л. А. Коханец, Е. В. Моисеев [и др.] // Научные труды НИИГН. – Т. 1 (118). – 2002. – С. 7–33.
18. Доленко, Д. В. Правящий класс и властные структуры Мордовии: вехи истории и современное состояние / Д. В. Доленко, В. А. Юрчѐнков // Мордовия в период реформ: материалы II Меркушкинских научных чтений. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2001. – С. 58–83.
19. Юрчѐнков, В. А. Маторова: основные тенденции развития / В. А. Юрчѐнков // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 15–23.
20. Конищенко, Ж. Д. На пороге реформ: общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов / Ж. Д. Конищенко, В. А. Юрчѐнков. – Саранск: НИИГН, 2006. – 368 с.

References

1. Bikeikin, E. N. Valerij Anatolyevich Yurchyonkov – uchenyj i organizator nauki [Valery Anatolyevich Yurchyonkov – scientist and organizer of science] / E. N. Bikeikin, T. A. Chuzhaikina, N. N. Zorkova [et al.] // Centr i periferiya [Center and Periphery]. – 2019. – № 3. – P. 110–116.

2. Kursheva, G. A. Valerij Anatolyevich Yurchyonkov. Chelovek vo vremeni... (k 60-letiyu so dnya rozhdeniya) [Valery Anatolyevich Yurchyonkov. A Man in Time... (on the 60th birth anniversary)] / G. A. Kursheva, O. V. Zarubina, I. N. Kalyadina // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bull. of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. – 2020. – № 3. – P. 230–235.
3. Kursheva, G. A. Istoriya mordovskogo kraja XX veka v trudah professora V. A. Yurchenkova [The history of the Mordovian region of the XX century in the works of Prof. V. A. Yurchyonkov] / G. A. Kursheva // Nauchnoe soobshchestvo istorikov i sovremennyj mir: k yubileyu universitetskogo istoricheskogo obrazovaniya v Samare [The scientific community of historians and the modern world: on the anniversary of university historical education in Samara]: Proc. of the All-Russian Sci. Conf. dedicated to the 50th anniversary of university historical education in Samara. – Samara: Samara Humanitarian Academy, 2020. – P. 97–106.
4. Yurchyonkov, V. A. Syezdy Sovetov i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' mordovskogo sela v pervye gody proletarskoj diktatury (1918 – 1920 gg.) [Congresses of Soviets and the socio-political life of the Mordovian village in the first years of the proletarian dictatorship (1918–1920)] / V. A. Yurchyonkov // Problemy istorii selskogo hozyajstva i krestyanstva Mordovii [Problems of the history of agriculture and peasantry in Mordovia]: Trudy / NII YALIE pri Sovete Ministrov Mordovskoj ASSR [Proc. / Research Institute of Language, Literature, History and Economics under the Council of Ministers of the Mordovian ASSR], Issue 79. – Saransk: Mordovian Book Publ. House, 1985. – P. 57–78.
5. Yurchyonkov, V. A. Rost obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti trudyashchegosya krestyanstva Mordovii v pervye gody sovetsoj vlasti (1917 – 1920 gg.) [The growth of socio-political activity of the working peasantry of Mordovia in the first years of Soviet power (1917–1920)] / V. A. Yurchyonkov // Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' sela sovetsoj Mordovii [Social and political life in the village of Soviet Mordovia]: Trudy / NII YALIE pri Sovete Ministrov Mordovskoj ASSR [Proc. / Research Institute of Language, Literature, History and Economics under the Council of Ministers of the Mordovian ASSR], Issue 87. – Saransk: Mordovian Book Publ. House, 1987. – P. 26–43.
6. Yurchyonkov, V. A. Vlast' i obshchestvo: rossijskaya provinciya v period socialnykh kataklizmov 1918 – 1920 gg. [Power and Society: Russian provinces during the period of social upheavals of 1918–1920] / V. A. Yurchyonkov. – Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2010. – 440 p.
7. Krestyanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyah revolyucii 1917 g. i Grazhdanskoj vojny: nacionalno-regionalnyj aspekt [The Peasantry and Cossacks of Russia in the context of the 1917 Revolution and the Civil War: national-regional aspect] / Eds: V. V. Kondrashin, V. A. Yurchyonkov [et al.]; – Moscow; Saransk: 2017. – 1048 p.
8. Yurchyonkov, V. A. Nachertanie mordovskoj istorii [Outlining Mordovian history] / V. A. Yurchyonkov. – Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2012. – 612 p.
9. Yurchyonkov, V. A. Korenizatsiya apparata v Mordovskoj ASSR kak sozdanie i nasazhdenie novoj nacionalnoj elity (1928 – 1938 gg.) [Indigenization of the apparatus in the Mordovian ASSR as the creation and implantation of a new national elite (1928–1938)] / V. A. Yurchyonkov // Sovetskie nacii i nacionalnaya politika v 1920 – 1950-e gody [Soviet nations and national policy in the 1920s–1950s]: Proc. of the VI Intern. Sci. Conf. «History of Stalinism». – Moscow: ROSSPEN, 2014. – P. 632–640.
10. Yurchyonkov, V. A. «Bolshoj terror» v Mordovii: popytka pereosmysleniya [«The Great Terror» in Mordovia: an attempt at rethinking] / V. A. Yurchyonkov // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bull. of Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. – 2017. – № 4 (44). – P. 37–54.
11. Yurchyonkov, V. A. Front bez linii fronta [A front without a front line] / V. A. Yurchyonkov // Dlya nih tyl byl frontom: ocherki, stat'i, vospominaniya, fotodokumenty o truzhnikah tyla v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [For them, the rear was the front: essays, articles, memoirs, and photographs about home front workers during the Great Patriotic War]. – Saransk: Mordovian Book Publ. House, 2002. – P. 158–167.
12. Ot VCHK do FSB: istoriya i sovremennost' Upravleniya FSB RF po Respublike Mordoviya [From the All-Russian Emergency Commission to the Federal Security Service (FSB): the history and present day of the FSB Directorate of the Republic of Mordovia] // Avtory-Redaktory: N. M. Arsenyev, V. A. Yurchyonkov, A. V. Yarovoy. – Saransk: Mordovian State University Publ. House, 2003. – 376 p.
13. Mordoviya v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941 – 1945 gg. [Mordovia during the Great Patriotic War of 1941–1945]: in 2 vols. Vol. 2 / Ed. V. A. Yurchyonkov. – Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2005. – 424 p.
14. Yurchyonkov, V. A. Dubravlag: funkcionirovanie sistemy GULAGA v Mordovii v poslevoennye gody [Dubravlag: the functioning of the Gulag system in Mordovia in the post-war years] / V. A. Yurchyonkov, R. V. Yurchyonkov // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bull. of Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. – 2011. – Vol. 18. No. 2. – P. 50–75.
15. Mordoviya v poslevoennyj period. 1945 – 1953 gg. [Mordovia in the post-war period. 1945–1953]: in 2 vols / Eds.: A. A. Danilov, V. A. Yurchyonkov [et al.]. – Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2012. – 468 p.
16. Yurchyonkov, V. A. 1953 god: reakciya vlasti, reakciya obshchestva [1953: the reaction of the authorities, the reaction of society] / V. A. Yurchyonkov // Centr i periferiya [Center and Periphery]. – 2003. – № 1. – P. 6–9.
17. Yurchyonkov, V. A. Vlast' i obshchestvo v XX v.: regionalnyj aspekt (istoriograficheskiy obzor) [Power and Society in the XX century: regional aspect (Historiographic Review)]

- / V. A. Yurchyonkov, L. A. Kokhanets, E. V. Moiseev [et al.] // Sci. works of NIIGN. – Vol. 1 (118). – 2002. – P. 7–33.
18. Dolenko, D. V. Pravyashchij klass i vlastnye struktury Mordovii: vekhi istorii i sovremennoe sostoyanie [The ruling class and power structures of Mordovia: milestones in history and current state] / D. V. Dolenko, V. A. Yurchyonkov // Mordoviya v period reform [Mordovia during the period of reforms]: materials of the II Merkushev Sci. Readings. – Saransk: Printing House «Red October», 2001. – P. 58–83.
19. Yurchyonkov, V. A. Mastorava: osnovnye tendencii razvitiya [Mastorava: main development trends] / V. A. Yurchyonkov // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 1994. – № 1. – P. 15–23.
20. Konichenko, Zh. D. Na poroge reform: obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Mordovii v pervoj polovine 1990-h godov [On the threshold of reforms: socio-political life of Mordovia in the first half of the 1990s] / Zh. D. Konichenko, V. A. Yurchyonkov. – Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2006. – 368 p.

Информация об авторе:

Учватов Павел Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия; ORCID: 0000-0001-9993-7415, SPIN-код: 4048-3444 (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3; e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru).

Author:

Pavel S. Uchvatov – Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of History of Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia; ORCID: 0000-0001-9993-7415, SPIN-код: 4048-3444 (3, L. Tolstogo st., Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation; e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru).

Для цитирования:

Учватов, П. С. История общественно-политического развития и государственного устройства Мордовии XX века в работах профессора В. А. Юрчёнкова / П. С. Учватов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 147–153.

For citation:

Uchvatov, P. S. The history of the socio-political development and state structure of Mordovia in the XX century in the works of Prof. V. A. Yurchyonkov / P. S. Uchvatov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 147–153.

Дата поступления статьи: 20.01.2026

Прошла рецензирование: 28.01.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 20.01.2026

Reviewed: 28.01.2026

Accepted: 20.02.2026

Этноэкономика как фактор сохранения социально-экономического развития горных территорий

Чочиева О. А.

Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
г. Цхинвал

iryston@inbox.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает этноэкономику как фактор сохранения и устойчивого развития горных территорий, ее роль в сохранении и развитии особенностей горных территорий. Особое внимание уделяет вопросам сохранения традиций, культурного наследия и повышения качества в условиях экономической и географической периферийности горных регионов. Этноэкономика выступает не только инструментом сохранения этнокультурной идентичности, но и важным фактором социально-экономической устойчивости.

Ключевые слова:

этноэкономика, горные территории, традиционное хозяйствование, этнокультура, устойчивое развитие

Введение

Горные территории традиционно характеризуются сложными природно-климатическими условиями, удаленностью от центров экономической активности и ограниченными возможностями инфраструктурного развития [1]. В большинстве этих регионов традиционные виды занятости коренного населения относятся к сельскохозяйственному сектору экономики. Большая часть местного населения горных территорий традиционно занята в сельском хозяйстве. Коренное население горных территорий широко использует опыт, накопленный предшествующими поколениями, например, различные сигналы окружающей среды для различных действий в сельском хозяйстве. При этом экосистемы горных территорий являются важнейшим естественным фактором, влияющим на формирование своеобразной жизнедеятельности и духовно-нравственного потенциала местного населения [2].

При этом существующая социокультурная среда и сохранение общей территориальной идентичности населения в полиэтничном многоконфессиональном регионе прямо и косвенно влияют на формирование национального самосознания. Эти факторы обуславливают необходимость поиска особых моделей хозяйствования, способных обеспечить устойчивое развитие регионов. Одним из таких

Ethnoeconomics as a factor in the preservation of social and economic development of mountainous territories

Chochieva O. A.

A. A. Tibilov South Ossetian State University,
Tskhinval

iryston@inbox.ru

Abstract

The paper discusses the role of ethnoeconomics as a factor in the preservation and sustainable development of mountainous territories. The role of ethnoeconomics in preservation and development of the unique characteristics of these territories is considered. Special attention is given to the preservation of traditions, cultural heritage, and the quality improvement in conditions of economic and geographical periphery of mountainous regions. Ethnoeconomics is not only a tool for preserving ethnocultural identity but also an important factor in social and economic sustainability.

Keywords:

ethnoeconomics, mountainous territories, traditional livelihoods, ethnoculture, sustainable development

подходов является этноэкономика. Этноэкономика – наука, изучающая особенности природной среды, материальной и частично духовной культуры, социальной организации и другие особенности традиционной хозяйственной деятельности народов мира. В этнологической литературе этот термин часто употребляется в связи с особенностями производственного процесса прошлой эпохи и экономики сельской общины [3]. Поскольку этнические группы играют важную роль в профессиональном разделении труда в большинстве стран, изучение этнокультурных особенностей их экономики весьма актуально для современной мировой экономики.

Таким образом, цель настоящего исследования – определение роли этноэкономики как инструмента сохранения и развития социально-экономического потенциала горных территорий. Объект представлен горными территориями Кавказа.

Состояние изученности

Понятие этноэкономика объединяет экономические отношения, формируемые на основе этнокультурных норм, традиций и институтов. В научной литературе этноэкономика традиционно рассматривается как часть народ-

ной экономики, способная гармонизировать отношения между природой, обществом и экономикой. Для горных территорий этноэкономика является естественным ответом на вызовы глобализации, так как позволяет сохранить самобытность и автономность местных сообществ, не разрушая их социально-культурную ткань. При этом проблема этноэкономического развития и его влияния на социально-экономические процессы в последние годы получила большее внимание со стороны отечественных исследователей. Однако степень ее научной разработанности остается неравномерной: если общетеоретические вопросы этноэкономики достаточно освещены, то прикладные аспекты, связанные с горными территориями, изучено фрагментарно.

Теоретические основы этноэкономики были заложены в трудах таких авторов, как В. Я. Ахметова, и Г. И. Бердниковой [4], которые рассматривали этноэкономику как систему хозяйственных отношений, опосредованную этнокультурными традициями и формами коллективного взаимодействия. Эти исследования сформировали базу для понимания этноэкономики как особой сферы экономики, где экономические мотивы тесно переплетены с культурными и социальными. В своих работах М. Исаев [5], А. Гаджиев [6], уделяли внимание практическому измерению этноэкономики в республиках Северного Кавказа. Они рассматривали этноэкономические формы (горное животноводство ремесла, традиционное земледелие) как основу занятости и социальной интеграции населения. Е. А. Брюханова, О. С. Нагаева [7] и Л. Имангулов [8] рассматривают этноэкономику в качестве основы создания этнохозяйственных кластеров развития этнотуризма. Исследования под эгидой ЮНЕСКО, Mountain Partnership и FAO [9] демонстрируют, что сохранение этноэкономических практик способствует повышению продовольственной безопасности, развитию экотуризма и охране биосферы. При этом следует отметить, что в большинстве исследований отсутствует учет взаимодействия этноэкономики, горного ландшафта и институциональной среды.

Результаты и их обсуждение

Этноэкономика в контексте развития горных территорий

Горные регионы республик Кавказа обладают богатым опытом традиционного природопользования, пастбищного животноводства, ремесленного производства, земледелия на террасированных склонах, а также коллективных форм организации труда. Эти виды деятельности не только обеспечивали выживание, но и сформировали устойчивую социально-экономическую структуру.

Социально-экономическое развитие горной территории определяется уникальным сочетанием широкого круга факторов, среди которых природные и климатические условия имеют важнейшее значение для формирования и дальнейшего развития этноэкономики, обуславливая специфические особенности функционирования природных экосистем и жизнедеятельности местного населения, влияющие на их здоровье и образ жизни, а также традиции, культуру и ментальность.

В этноэкономических исследованиях зафиксированы следующие формы этнического аспекта экономической жизни: традиционные для этноса виды жизнеобеспечения и хозяйства, возрождаемые народные промыслы (традиционное животноводство, горное земледелие и производство изделий народных промыслов); этническая специфика экономического поведения и деловых культур; этническое разделение труда и этническое доминирование в определенных профессиях и секторах экономики; этноэкономический менеджмент при формировании многонациональных трудовых коллективов; этнический бизнес и предпринимательство (этнотуризм и агротуризм); этноэкономическая стратификация с созданием привилегий и преференций для представителей одного народа и дискриминацией представителей других народов; этнические анклав и этнические секторы экономики, включающие комплекс видов хозяйственной деятельности, ориентированный на воспроизводство этнической группы; национальная экономика как этногетерогенное или этногетерогенное сообщество [10].

Горные территории Кавказа самым тесным образом связаны с природной окружающей средой как своего рода социопространством, в рамках которого потенциал местного населения исторически формировался и развивался, что предполагает интеграцию социопространственного и социоприродного подходов. Исторически сложилась глубокая взаимосвязь коренного населения, его образа жизни, форм хозяйствования, национальной культуры, сформировавшихся столетиями этнических традиций с местной природой, ее уникальностью, красотой и богатствами.

В настоящее время на горных территориях находятся исторические памятники и памятники природы, разнообразный и уникальный животный и растительный мир, создающий большие потенциальные возможности для развития туризма, развиваются традиционные формы хозяйства, представляющие большую агрокультурную ценность [11]. Однако современные вызовы – урбанизация, миграция, изменение климата, приводят к разрушению традиционных моделей хозяйствования. Однако именно этноэкономические практики могут стать основой для адаптивных стратегий развития, сочетающих инновации и традиции.

Этноэкономика как инструмент устойчивого развития горных территорий

Социально-экономическое развитие горных территорий в значительной степени определяется уникальным сочетанием множества факторов. Среди них особое место занимают природно-климатические условия, оказывающие существенное влияние на формирование человеческого потенциала, функционирование природных экосистем и условия жизни местного населения. Эти особенности влияют на здоровье людей и их образ жизни, традиции, культуру и менталитет. Коренные жители горных районов опираются на богатый опыт, накопленный предыдущими поколениями, и используют разнообразные природные сигналы для принятия решений в сельском хозяйстве. Важную роль в их жизни играют знания о природных циклах и народные при-

меты, отражающие закономерности изменений окружающей среды. Поскольку погодные условия и температурные показатели ежегодно существенно различаются, невозможно заранее точно определить оптимальные сроки для сельскохозяйственных работ. Вместо этого местные жители руководствуются биоиндикаторами, позволяющими предугадывать погодные изменения. Эти эмпирические знания глубоко укоренены в традициях и образе жизни горных сообществ.

На протяжении поколений они адаптировались к климатическим изменениям, формируя устойчивые практики природопользования. Их опыт представляет ценность для разработок современных стратегий управления горными территориями в условиях ускоряющихся климатических изменений.

Этнические формы хозяйствования способствуют сохранению традиционных знаний и экологически ориентированных методов ведения хозяйств, создают рабочие места в сфере ремесел, этнотуризма и производства локальной продукции, укрепляет культурную идентичность и обеспечивает преемственности поколений.

Следует особо отметить, что этноэкономика играет важную роль в поддержании ментальной и духовной связи между уникальной природой горных регионов, их экологией и жизнедеятельностью местного населения. Каждая культура обладает своей самобытностью и индивидуальностью, что позволяет ей сохранять внутреннюю целостность в процессе взаимодействия с окружающей средой.

В этом контексте особенно заметно влияние традиционных знаний и народной мудрости на формирование локальной идентичности, а также на развитие культурных традиций почитания гор, характерных для горных народов, являющихся неотъемлемой частью горных экосистем и обладающих богатым культурным наследием [12].

В ходе исторического освоения горных территорий различные этносы накопили уникальный опыт рационального природопользования и бережного отношения к природным ресурсам, что внесло значительный вклад в развитие как материальной, так и духовной культуры человечества. Знания, навыки и умения в сфере хозяйственной деятельности, передаваемые из поколения в поколение, тесно связаны с местным образом жизни, особенностями природной среды и образовательными традициями.

Традиционные формы хозяйствования способствуют укреплению социальной устойчивости горных сообществ, обеспечивая занятость населения и снижая уровень миграции из этих территорий.

Главной задачей этноэкономики являются сохранение и передача этнокультурных традиций, ремесел, форм хозяйствования и трудовых навыков. Традиционные формы хозяйствования поддерживают этнокультурную идентичность, язык, фольклор и обычаи. Использование природных ресурсов без разрушения экосистем отражает многовековой опыт гармоничного взаимодействия человека и природы. Этноэкономические практики, как правило, строятся на принципах экологической рациональности и гармонии с природой. Таким образом, этноэкономика способствует формированию экологической культуры и поддержанию экологического баланса.

Этнопредпринимательство ремесла, этнотуризм и производство местных товаров повышают экономическую самодостаточность территорий. Развитие этнотуризма, фермерства и народных промыслов формирует новые источники дохода, укрепляет местные бюджеты и может создать экспортный потенциал уникальной продукции.

Таким образом, этноэкономика становится инструментом самодостаточного развития, где экономический рост не противоречит культурным и экологическим ценностям. Однако существуют и барьеры для развития этноэкономики в горных территориях, к которым, по нашему мнению, можно отнести: слабую институциональную поддержку со стороны государства; сложный рельеф и изолированность территорий; миграцию населения, особенно молодежи; ограниченный доступ к рынкам и финансовым ресурсам; отсутствие инфраструктуры для продвижения этнопродукции; консерватизм и недоверие к внешним институтам, угроза утраты традиционных знаний; низкий уровень маркетинговой и предпринимательской компетенции у местных жителей; недостаток научных исследований по интеграции этноэкономики в региональное планирование.

Для преодоления этих барьеров необходимы меры государственной поддержки – создание этноэкономических кластеров, развитие этнобрендов, поддержка образовательных и культурных программ, развитие малых форм предпринимательства на основе местных традиций.

Заключение

Этноэкономика – важный инструмент сохранения культурного и социально-экономического потенциала горных территорий. Этноэкономика позволяет сохранить культурную идентичность и традиционные формы хозяйствования, одновременно создавая новые экономические возможности для локальных сообществ. Системная поддержка этноэкономики обеспечит устойчивое развитие горных территорий и сохранение их этнокультурного наследия.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Kovanova E., Badmaeva N., Alekseev S. Ethnoeconomy As A Factor Of Regional Development // *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2021. DOI:10.15405/epsbs.2021.04.58.
2. Семин, А. Н. Человеческий потенциал горных сельских территорий: особенности формирования и оценки / А. Н. Семин, О. А. Чочиева, А. Г. Шеломенцев // *Экономика сельского хозяйства России*. – 2024. – № 10. – С. 110–120. – DOI 10.32651/2410–110. – EDN YDUQHL.
3. Овчинников, В. Н. Этноэкономика как фактор развития / В. Н. Овчинников, Ю. С. Колесников // *Проблемы прогнозирования*. – 2006. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoekonomika-kak-faktor-razvitiya> (дата обращения: 06.11.2025).

4. Ахметов, В. Я. Этноэкономика и ее роль в устойчивом развитии регионов / В. Я. Ахметов, Г. И. Бердников // Устойчивое развитие территорий: теория и практика. – Уфа, 2009. – С. 32–37.
5. Исаев, М. Этноэкономические процессы в горных регионах Северного Кавказа / М. Исаев. – Махачкала: ДГУ, 2012. – 176 с.
6. Гаджиев, А. А. Этноэкономика как фактор устойчивого развития региона / А. А. Гаджиев, Т. Х. Бетров // Вестник КБГУ. – 2019. – № 3. – С. 112–119.
7. Брюханова, Е. А. Формирование арктического кластера как условие устойчивого развития региона / Е. А. Брюханова, О. С. Нагаева // Арктика и Север. – 2024. – № 55. – С. 5–23.
8. Имангулов, Л. Народные промыслы и социально-экономическое развитие территорий: анализ зависимостей / Л. Имангулов // Journal of Geography and Environmental Management. – 2022. – № 2. – С. 15–25.
9. FAO. Mountain Partnership Annual Report. – Rome, 2021. – 92 p.
10. Попков, Ю. В. Этнокультура и экономика: синергия возможностей / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // ЭКО. – 2018. – № 5 (527). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokultura-i-ekonomika-sinergiya-vozmozhnostey> (дата обращения: 06.11.2025).
11. Хуранов, А. Б. Природно-ресурсный потенциал Кабардино-Балкарской Республики как база для развития аграрного туризма / А. Б. Хуранов // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2017. – № 4. – С. 41–47.
12. Жумагулов, М. Ж. Горы – как естественная основа формирования экологических традиций Кыргызского народа / М. Ж. Жумагулов, К. Ш. Карабукаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 9. – С. 26–30.
- V. N. Ovchinnikov, Yu. S. Kolesnikov // Problems of forecasting. – 2006. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoekonomika-kak-faktor-razvitiya> (accessed: 06.11.2025).
4. Akhmetov, V. Ya. Etноekonomika i ee rol' v ustoichivom razvitii reegionov [Ethnoeconomics and its role in sustainable development of regions] / V. Ya. Akhmetov, G. I. Berdnikov // Sustainable development of territories: theory and practice. – Ufa, 2009. – P. 32–37.
5. Isaev, M. Etноekonomicheskie processy v gornyh regionah Severnogo Kavkaza [Ethnoeconomic processes in the mountain regions of the North Caucasus] / M. Isaev.– Makhachkala: DGU [Dagestan State Univ.], 2012. – 176 p.
6. Gadzhiev, A. A. Etноekonomika kak factor ustoichivogo razvitiya regiona [Ethnoeconomics as a factor of sustainable regional development] / A. A. Gadzhiev, T. Kh. Betrov // Bull. of KBSU [Kabardino-Balkarian State Univ.]. – 2019. – No. 3. – P. 112–119.
7. Bryukhanova, E. A. Formirovanie arkticheskogo klastera kak uslovie ustoichivogo razvitiya regfiona [Formation of the Arctic cluster as a condition for sustainable regional development] / E. A. Bryukhanova, O. S. Nagaeva // Arctic and the North. – 2024. – No. 55. – P. 5–23.
8. Imangulov, L. Narodnie promysly i socialno-ekonomicheskoe razvitie territorii: analiz zavisimostei [Folk crafts and socio-economic development of territories: an analysis of dependencies] / L. Imangulov // J. of Geography and Environmental Management. – 2022. – No. 2. – P. 15–25.
9. FAO. Mountain Partnership Annual Report. – Rome, 2021. – 92 p.
10. Popkov, Yu. V. Etnokultura i ekonomika: sinergiya vozmozhnostei [Ethnoculture and economy: synergy of opportunities] / Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev / EKO. – 2018. – No. 5 (527). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokultura-i-ekonomika-sinergiya-vozmozhnostey> (accessed: 06.11.2025).
11. Khuranov, A. B. Prirodno-resursnii potencial Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Natural resource potential of the Kabardino-Balkarian Republic as a base for the development of agritourism] / A. B. Khuranov // Bull. of Samara Municipal Institute of Management. – 2017. – No. 4. – P. 41–47.
12. Zhumagulov, M. Zh. Gory kak estestvennaya osnova formirovaniya ekologicheskikh tradicii Kyrgyzskogo naroda [Mountains as a natural basis for the formation of ecological traditions of the Kyrgyz People] / M. Zh. Zhumagulov, K. Sh. Karabukaev // Intern. J. of Humanities and Natural Sciences. – 2017. – No. 9. – P. 26–30.

References

1. Kovanova, E. Ethnoeconomy as a factor of regional development / E. Kovanova, N. Badmaeva, S. Alekseev // European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2021. – DOI:10.15405/epsbs.2021.04.58.
2. Semin, A. N. Chelovecheskii potencial gornyh selskikh territorii: osobennosti formirovaniya i ocenki [Human potential of mountain rural areas: features of formation and evaluation] / A. N. Semin, O. A. Chochieva, A. G. Shelomentsev // Economy of Agriculture of Russia. – 2024. – No. 10. – P. 110–120. – DOI 10.32651/2410-110. – EDN YDUQHL.
3. Ovchinnikov, V. N. Etноekonomika kak faktor razvitiya [Ethnoeconomics as a factor of development] /

Информация об авторе:

Чочиева Оксана Алановна – старший преподаватель Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова; ORCID: 0000-0003-1904-9587, SPIN-код: 9594-5529 (100001), Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, ул. Путина, д. 8; e-mail: iryston@inbox.ru.

Author:

Oksana A. Chochieva – Senior lecturer, A. A. Tibilov South Ossetian State University, ORCID: 0000-0003-1904-9587, SPIN-code: 9594-5529 (8, Putin st., Tskhinval 100001, South Ossetia; e-mail: iryston@inbox.ru).

Для цитирования:

Чочиева, О. А. Этноэкономика как фактор сохранения социально-экономического развития горных территорий / О. А. Чочиева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 154-158.

For citation:

Chochieva, O. A. Ethnoeconomics as a factor in the preservation of social and economic development of mountainous territories / O. A. Chochieva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 154-158.

Дата поступления статьи: 07.11.2025

Прошла рецензирование: 30.01.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 07.11.2025

Reviewed: 30.01.2026

Accepted: 20.02.2026

Детям о Республике Коми: работа по созданию учебно-методических пособий для воспитателей детских садов

Остапова З. В.*, Чудова Т. И.**

*Коми республиканский институт развития образования,

г. Сыктывкар

**Сыктывкарский государственный университет

им. Пителима Сорокина,

г. Сыктывкар

ChudovX@mail.ru

dzoljuk@gmail.com

Аннотация

В статье представлена характеристика учебно-методических пособий для воспитателей детских садов по внедрению этнокультурного компонента в дошкольном образовании Республики Коми. Формирование личности ребенка осуществляется на основе нравственных и эстетических идеалов народной культуры, а материалы научных исследований по этнографии коми (зырян) выступают важным инструментом в разработке пособий для проведения занятий по этнокультурному и экологическому воспитанию детей. Творческий союз этнографов, сотрудников лаборатории национальных проблем дошкольного образования Коми республиканского института развития образования и практикующих воспитателей детских садов позволил создать уникальные научно-методические разработки по формированию у детей целостной картины о народной культуре с использованием аутентичных фотоматериалов и фольклорных текстов, а полученные знания позволяют ребенку идентифицировать себя как представителя своей культуры, ощущать свою принадлежность к родному народу, что является основой воспитания патриотизма и гражданственности и дает надежду на сохранение в памяти народной культуры.

Ключевые слова:

детский сад, образовательная программа, этнокультурный компонент, научно-методические пособия, экологическое воспитание

В условиях современного общества встает вопрос о формировании политики памяти и пропаганде культурного наследия. В этой связи важное место отводится работе с подрастающим поколением, где формирование личности ребенка осуществляется на основе нравственных и эстетических идеалов народной культуры, а полученные знания позволяют ребенку ощущать свою принадлежность к родному народу. В современном мире наблюдается неподдельный интерес к своим корням, истокам. При этом нужно особо подчеркнуть, что традиционная культура

For children about the Komi Republic: work on the creation of educational and methodical manuals for kindergarten teachers

Ostapova Z. V.*, Chudova T. I.**

*Komi Republican Institute for Education Development,

Syktyvkar

**Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,

Syktyvkar

ChudovX@mail.ru

dzoljuk@gmail.com

Abstract

The paper presents the characteristics of educational and methodical manuals for kindergarten teachers on the introduction of an ethnocultural component in preschool education in the Komi Republic. Childrens' personality development is based on the moral and aesthetic ideals of folk culture, and research materials on the ethnography of the Komi (Zyryan) people serve as an important tool in developing teaching manuals for ethnocultural and environmental education classes for children. The creative union of ethnographers, employees of the Laboratory of National Problems of Preschool Education of the Komi Republican Institute for Education Development, and practicing kindergarten teachers allowed create unique scientific and methodical developments for the formation of a holistic picture of folk culture in children using authentic photographs and folklore texts. The knowledge gained allows children to identify themselves as representatives of their culture, to feel their belonging to the native people, which is the basis for fostering patriotism and citizenship and gives hope for the preservation of folk culture in memory.

Keywords:

kindergarten, educational program, ethnocultural component, scientific and methodical manuals, environmental education

быстро исчезает вместе с ранее существовавшей системой хозяйствования. В связи с утратой знаний о народной культуре остро стоит вопрос об использовании в образовательном процессе этнографических материалов и фольклорных текстов, которые позволяют знакомить детей с элементами традиционной культуры и обучать родному языку. Активный пересмотр концептуальных основ теории и практики приобщения подрастающего поколения к культуре своего народа потребовал подготовку и издание учебно-методических комплексов с краткой харак-

теристикой основ этнографии коми (зырян) и подборкой дидактического материала. При этом остро стоит вопрос о корректности использования в образовательном процессе научного материала, характеризующего именно свою культуру, а не той информации, которая «гуляет» в сети Интернета.

Одной из книг, дающих научное представление о народной культуре коми (зырян) и предназначенных для воспитателей детских садов, является издание «Мир детства в культуре коми», которое состоит из двух разделов. Первый раздел представлен статьями этнографов, занимающихся изучением социализации детей, игровым пространством и другими вопросами мира детства, которые отражают этнографическую ситуацию в Коми крае в XIX–XX вв. Второй раздел «Этнокультурный компонент в дошкольном образовании Республики Коми» освещает современное состояние воспитания и образования детей дошкольного возраста. В рамках национального образования активно внедряются радиопередачи «Дзюлюк» на коми языке, ее транслируют с 1996 г. Основная цель передачи – ознакомление с традиционной культурой на родном языке. Одним из важных средств этнокультурного воспитания дошкольников является также использование народной музыки. Песня в сочетании с хореографическими движениями способствует развитию музыкально-ритмических навыков, интонирования и т. д. В приложении к книге представлен аннотированный каталог программно-методических пособий для детских садов по работе этнокультурной направленности [1]. Выход такой книги представляется важным шагом в подготовке воспитателей для работы с детьми по этнокультурному воспитанию, так как она содержит не только дидактические материалы, но и этнографические сведения, позволяющие корректно использовать их при подготовке своих разработок.

В контексте развития языковых навыков детей и знакомства с традиционной кухней было разработано пособие «Неделя коми кухни» для дошкольных учреждений, где представлены технологические карты с указанием рецептуры, технологии приготовления и органолептических показателей пищи [2]. Материалы пособия востребованы дошкольными образовательными организациями, о чем свидетельствует четыре издания этого пособия. Включение недельного меню с блюдами национальной кухни позволяет на «вкус» изучить народную культуру. Это особенно актуально в силу того, что глобализация, унификация и стандартизация быта и форм культурного потребления достигли значительных масштабов. Практика погружения в языковую среду вкупе с подачей блюд национальной кухни и занятиями этнокультурной направленности дают положительные результаты по ознакомлению детей с народной культурой.

Союз практикующих воспитателей детских садов, научных сотрудников лаборатории национальных проблем дошкольного образования Коми республиканского института развития образования и этнографов Республики Коми позволил подготовить научно-методические пособия для организации образовательной и воспитательной работы с детьми по ознакомлению с народной культурой коми

(зырян). Одной из таких публикаций является учебно-методическое пособие «Ознакомление дошкольников с народной культурой коми (зырян) средствами музейной педагогики» [3], которое выдержало три издания. Как правило, в детских садах районов Республики Коми формируются этнографические уголки или мини-музеи, которые, выступая формой сохранения народной культуры и имея особый эмоциональный и эстетический характер коммуникационной системы, сочетают в себе возможности обучения, образования и воспитания. Такие этнографические уголки представляют собой источник передачи культурных традиций, демонстрируют органическую связь форм хозяйства со средой обитания, обусловленность народной культуры хозяйственно-географическим комплексом. Язык и культура тесно переплетены между собой, поэтому в малых жанрах фольклора, которые способствовали развитию ассоциативного мышления, посредством поэтических средств языка отразился быт. Здесь надо учитывать и то обстоятельство, что лексика коми языка тесно увязана с традиционной культурой, которая в современном обществе сильно трансформировалась. Из современного языка исчезают слова, обозначающие материальные объекты, уже не функционирующие, но сохранившиеся в народной памяти. Изучение лексики, связанной с объектами материальной культуры, использование загадок, пословиц и поговорок, отражающих ее особенности, расширяет горизонты изучения родного языка. Организация работы с использованием аутентичных музейных предметов позволяет расширить представления детей о хозяйственных занятиях, бытовых условиях жизни, создать особую эмоциональную обстановку радостного «поля» познания. При этом учитывается специфика, заключающаяся в том, что ребенок выступает не просто пассивным получателем знаний, а активным участником познания. Пособие состоит из трех разделов, первый включает принципы, методы и приемы организации этнографического уголка в дошкольном учреждении, что важно при создании эстетики музейного пространства. Второй раздел содержит методические разработки по различным темам о традиционной культуре коми (зырян) как на русском, так и коми языках. Этот раздел задает вектор развития тематических занятий по ознакомлению с аутентичными музейными предметами, а предметы из экспозиции этнографического уголка представляют визуальный ряд. Третий раздел состоит из справочного материала по материальной и духовной культуре коми (зырян), включение которого позволяет воспитателям детских садов использовать материалы, относящиеся именно к народной культуре коми (зырян).

Вторым научно-методическим пособием является «Коми народный календарь в системе работы детского сада» [4], которое выдержало три издания. Пособие состоит из двух частей, первая представляет собой этнографическое описание цикла календарной обрядности, где представлена целостная картина годового цикла праздничной культуры с характеристикой предметной сферы, игровых действий и фольклорных текстов. Календарные обряды каждого времени года имели свои функции, магическая направленность которых связывалась с обеспечением

благополучия, процветания семьи и хозяйства. Представляется важным особо обратить внимание на то, что включение данных по календарной обрядности именно коми (зырян) позволит избежать при создании методических разработок некорректного использования материалов, отражающих русские народные праздники. Особенность календарной обрядности зырян связана с тем, что, имея в целом аграрный характер, в нее органично вписаны обряды, связанные с промысловой деятельностью, что подчеркивает комплексный характер их хозяйства, сочетающий сельское хозяйство и промысловую деятельность, а в целом отражающий этнокультурную специфику. Хотя нужно подчеркнуть, что русские и коми на протяжении многих веков живут в непосредственной близости друг от друга, имеют много общего как в духовной, так и материальной культуре, но все же имеют отличительные особенности в праздновании некоторых дат народного календаря, что важно учитывать при создании методических разработок. Вторую часть пособия составляют методические разработки по организации работы с детьми по календарной тематике прошлого, подготовленные на коми и русском языках. Эти методические разработки дополнительно включают фольклорные тексты, способствующие не только знакомству с календарной обрядностью, но и изучению коми языка. Фактически, они задают направление по составлению методических разработок по ознакомлению детей с календарной обрядностью прошлого.

Итоговой работой по созданию научно-методических пособий по этнокультурному компоненту в дошкольном образовании является комплекс «Детям о Республике Коми», который состоит из отдельных частей: парциальная образовательная программа, рабочая тетрадь, мультимедийный диск и книга для педагогов.

Парциальная образовательная программа «Детям о Республике Коми» содержит несколько разделов: целевой, содержательный, организационный, а также перечень учебно-методической литературы и приложений. Цель разработанной программы – приобщение детей дошкольного возраста к истории, культуре, традициям и языку коми, формирование первоначальных представлений о Республике Коми, воспитание любви к своей Родине. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: формирование представлений детей об окружающем мире (о культуре, традициях, творчестве); формирование эмоционально-положительных чувств детей к окружающему миру (любви и привязанности к родной семье, дому, интереса к жизни, гордости за достижения родной республики, района/города/ села и уважения к культуре и традициям, любви к родному языку, уважения к человеку-труженику); формирование отношения к окружающему миру и деятельности (труд, игра, познавательная и музыкальная деятельность). В основу программы положены принципы: комплексно-тематического планирования образовательного процесса; научной обоснованности и доступности; интегрированный принцип организации освоения предлагаемого содержания; систематичности, последовательности и постепенности; наглядности и занимательности. Содержательный раздел программы вклю-

чает все образовательные области развития ребенка (социально-коммуникативное, познавательное, речевое, художественно-эстетическое и физическое), где через различные виды деятельности детей предполагается развитие интересов, любознательности и познавательной мотивации, формирование первичных представлений о Республике Коми, традициях, занятиях, праздниках, природе. Объем тематических занятий (я живу в Республике Коми, находки из прошлого, свой дом каждому дорог, мастерство дорожке богатства, традиционная одежда, кухня и утварь и др.) разбит на возрастные группы (младшая, средняя, старшая, подготовительная). А организационный раздел содержит комплексно-тематическое планирование по возрастным группам с указанием основного содержания работы и возможных итоговых мероприятий. В приложении представлены методические разработки по работе с детьми старшей и подготовительной групп на русском и коми языках [5].

В комплект программы входят рабочие тетради, разработанные сотрудниками лаборатории национальных проблем дошкольного образования КРИРО, где каждая тетрадь – своеобразный диалог с ребенком по тематике, представленной в программе. Работая с заданиями, дети знакомятся с традициями коми народа, становясь полноценными исследователями народной культуры [6].

Мультимедийный диск представляет собой собрание уникальных полевых фотографий из Национального музея Республики Коми, музея археологии и этнографии СГУ им. Питирима Сорокина, картин художников из фондов Национальной галереи Республики Коми, телевизионных фильмов КТРК «Юрган», мультфильмов, подготовленных сотрудниками Национального музея Республики Коми, практического материала, разработанного сотрудниками лаборатории национальных проблем дошкольного образования КРИРО и педагогов-победителей республиканских конкурсов этнокультурной направленности [7]. Материалы диска могут быть использованы как визуальный ряд в процессе обучения детей.

Составной частью программы «Детям о Республике Коми» выступает книга для педагогов под таким же названием. В работе представлены краткая характеристика этнографического материала по народной культуре коми (зырян) на русском и коми языках по всем темам образовательной программы с включением аутентичных фотографий [8]. Книга предназначена для подготовки методических разработок по проведению занятий этнокультурной направленности.

В контексте подготовки занятий для ознакомления детей с элементами традиционной культуры коми (зырян) важным инструментом получения достоверных знаний выступают страницы сайта СГУ им. Питирима Сорокина «Зырянский быт», которые позволяют подобрать материал для организации занятий. В тематическом разделе «Зырянский домострой» представлена характеристика этнокультурного пространства и всего комплекса, связанного с возведением жилых и хозяйственных построек, включая декор дома, внутреннюю планировку и интерьер избы, а также технологию и техносфию. Характеристика всех объектов

домостроя сопровождается видеорядом. Типы домов имеют привязку к карте Республики Коми, что позволяет наглядно представить локальные варианты [9]. Тематический раздел «Кухонный инструментарий» посвящен характеристике совокупности различных предметов, предназначенных для решения вопросов приготовления пищи. Характеристика типов кухонной утвари дополнена визуальным рядом [10]. В разделе «Зырянская кухня» представлены разнородные элементы: продуктивное сырье, технология его обработки и хранения, способы приготовления блюд, правила поведения за столом, составления повседневных и обрядовых трапез, составляющие культуры питания. Пищевые традиции, представляя собой сложившуюся форму деятельности по приготовлению и приему пищи, отражают этническую историю. Характеристика элементов зырянской кухни дополнена фотоиллюстрациями [11]. Тематический раздел «Зырянская одежда» представляет собой свод материалов, характеризующих женскую, мужскую и детскую одежду, включая вопросы производства тканей, поясов, вязаных и вышитых изделий. Традиционная одежда отражает способ адаптации к природной и социальной среде обитания, историко-культурные связи и контакты. Тематические разделы снабжены рядом фотографий [12]. Раздел «Традиционный календарь» представляет собой свод материалов, характеризующих праздничную культуру коми (зырян) в прошлом. Даты народного календаря, связанные с цикличностью природы, отмечавшие начало и конец хозяйственных работ, были прикреплены к соответствующим по времени датам церковного календаря, и получили христианские названия. Тематические разделы снабжены рядом фотографий [13].

Таким образом, научные исследования по этнографии коми (зырян) приобрели практическую направленность и выступают важным инструментом в разработке и внедрению этнокультурного компонента в дошкольном образовании Республики Коми. Сохранение народных традиций приобретает особую ценность в современном мире. Творческий союз научных работников и практикующих воспитателей детских садов позволил создать уникальные научно-методические разработки по формированию у детей целостной картины о народной культуре с использованием аутентичных фотоматериалов и фольклорных текстов, а полученные знания позволяют ребенку идентифицировать себя как представителя своей культуры, что является основой воспитания патриотизма и гражданской ответственности и дает надежду на сохранение в памяти народной культуры.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Мир детства в культуре коми / сост.: З. В. Остапова, Т. И. Чудова. – Сыктывкар: ООО «Издательство "Кола"», 2013. – 104 с.
2. Чудова, Т. И. Неделя коми кухни в детском саду: метод. пос. / Т. И. Чудова, Г. А. Кислякова. – Сыктывкар: ГАОУДПО (ПК) С РК «КРИРО», 2011. – 71 с.
3. Ознакомление дошкольников с народной культурой коми (зырян) средствами музейной педагогики / сост.: Т. И. Чудова, И. Н. Набиуллина, В. А. Муравьева [и др.]. – Сыктывкар: ГАОУДПО (ПК) С РК «КРИРО», 2013. – 95 с.
4. Коми народный календарь в системе работы детского сада: метод. пос. / сост.: Т. И. Чудова, В. А. Муравьева, И. Н. Набиуллина. – Сыктывкар: ГОУДПО «КРИРО», 2013. – 56 с.
5. Детям о Республике Коми: Парциальная образовательная программа дошкольного образования / З. В. Остапова, М. В. Рудецкая, И. Н. Набиуллина [и др.]. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020. – 144 с.
6. Рабочая тетрадь «Детям о Республике Коми» / сост.: И. Н. Набиуллина, И. А. Пасынкова, М. В. Рудецкая; под науч. рук. З. В. Остаповой; худ.: И. Н. Набиуллина, И. А. Пасынкова. – Сыктывкар: ООО «Кировская областная типография», 2018. – 44 с.
7. DVD-диск «Детям о Республике Коми» / сост.: З. В. Остапова, Т. И. Чудова, Л. Г. Кулышева [и др.]. – Сыктывкар: КРИРО, 2016.
8. Детям о Республике Коми: книга для педагогов / авт.–сост.: З. В. Остапова, Т. И. Чудова, М. Н. Рудецкая [и др.]. – Сыктывкар: ООО «Кировская областная типография», 2020. – 128 с.
9. Чудова, Т. И. Зырянский домострой / Т. И. Чудова, Ю. В. Гольчевский, И. А. Чаланов. – URL: <http://www.zv.syktu.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
10. Чудова, Т. И. Кухонный инструментарий / Т. И. Чудова, Ю. В. Гольчевский, Е. А. Савин. – URL: <http://www.zp.syktu.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
11. Чудова, Т. И. Зырянская кухня / Т. И. Чудова, Ю. В. Гольчевский, Т. В. Федяева. – URL: <http://www.zk.syktu.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
12. Чудова, Т. И. Традиционная одежда / Т. И. Чудова, Ю. В. Гольчевский, К. Ю. Иевлева. – URL: <http://www.zo.syktu.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
13. Чудова, Т. И. Традиционный календарь / Т. И. Чудова, Ю. В. Гольчевский, А. П. Малышок. – URL: <http://www.zc.syktu.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

References

1. Mir detstva v kulture komi [The world of childhood in Komi culture] / Comp. Z. V. Ostapova, T. I. Chudova. – Syktyvkar: "Kola" LLC, 2013. – 104 p.
2. Chudova, T. I. Nedelya komi kuhni v detskom sadu: metodicheskoe posobie [Komi Cuisine Week in kindergarten: methodical manual] / T. I. Chudova, G. A. Kislyakova. – Syktyvkar: KRIRO i PK [Komi Republican Institute for Education Development and Personnel Retraining], 2011. – 71 p.
3. Oznakomlenie doshkol'nikov s narodnoj kul'turoj komi (zyryan) sredstvami muzejnoj pedagogiki [Familiarization of preschoolers with the folk culture of Komi (Zyryan) by means of museum pedagogy] / Comps. Chudova T. I., Nabiullina I. N., Muravyeva V. A. [et al.]. – Syktyvkar: KRIRO [Komi Republican Institute for Education Development and Personnel Retraining], 2013. – 95 p.

4. Komi narodny kalendar v sisteme raboty detskogo sada: metodicheskoe posobie [Komi folk calendar in the kindergarten work system: methodical manual] / Comps. T. I. Chudova, V. A. Muravyeva, I. N. Nabiullina. – Syktyvkar: KRIRO [Komi Republican Institute for Education Development and Personnel Retraining], 2013. – 56 p.
5. Detyam o Respublike Komi: Parcialnaya obrazovatel'naya programma doskol'nogo obrazovaniya [For children about the Komi Republic: partial educational program for preschool education] / Z. V. Ostapova, M. V. Rudetskaya, I. N. Nabiullina [et al.]. – Syktyvkar: "Anbur" LLC, 2020. – 144 p.
6. Rabochaya tetrad' «Detyam o Respublike Komi» [Workbook "For children about the Komi Republic"] / Comp. I. N. Nabiullina, I. A. Pasyukova, M. V. Rudetskaya. – Syktyvkar: OOO «Kirovskaya oblastnaya tipografiya» ["Kirov Regional Printing House" LLC], 2018. – 44 p.
7. DVD-disk «Detyam o Respublike Komi» [DVD "For children about the Komi Republic"] / Comps.: Z. V. Ostapova, T. I. Chudova, L. G. Kulysheva [et al.]. – Syktyvkar: KRIRO [Komi Republican Institute for Education Development and Personnel Retraining], 2016.
8. Detyam o Respublike Komi: kniga dlya pedagogov [For children about the Komi Republic: a book for teachers] / Author-Comps.: Z. V. Ostapova, T. I. Chudova, M. N. Rudetskaya [et al.]. – Syktyvkar: OOO «Kirovskaya oblastnaya tipografiya» ["Kirov Regional Printing House" LLC], 2020. – 128 p.
9. Chudova, T. I. Zyryanski domostroi [Zyryan patriarchal despotism] / T. I. Chudova, Yu. V. Golchevsky, I. A. Chalanov. – URL: <http://www.zv.syktsu.ru> (accessed: 15.11.2025).
10. Chudova, T. I. Kuhonny instrumentarii [Kitchen tools] / T. I. Chudova, Yu. V. Golchesky, E. A. Savin. – URL: <http://www.zp.syktsu.ru> (accessed: 15.11.2025).
11. Chudova, T. I. Zyryanskaya kuhnya [Zyryan cuisine] / T. I. Chudova, Yu. V. Golchevsky, T. V. Fedyaeva. – URL: <http://www.zk.syktsu.ru> (accessed: 15.11.2025).
12. Chudova, T. I. Tradicionnaya odezhda [Traditional clothes] / T. I. Chudova, Yu. V. Golchevsky, K. Yu. Ilevleva. – URL: <http://www.zo.syktsu.ru> (accessed: 15.11.2025).
13. Chudova, T. I. Tradicionny kalendar [Traditional calendar] / T. I. Chudova, Yu. V. Golchevsky, A. P. Malyshok. – URL: <http://www.zs.syktsu.ru> (accessed: 15.11.2025).

Информация об авторах:

Остапова Зоя Васильевна – кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией национальных проблем дошкольного образования (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Орджоникидзе, д. 23; e-mail: dzoljuk@gmail.com).

Чудова Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина; Scopus Author ID: 54410495300, ORCID: 0000-0001-8142-9949, SPIN-код: 1062-8257 (167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: ChudovX@mail.ru).

Authors:

Zoya V. Ostapova – Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Laboratory of National Problems of Preschool Education (23, Ordzhonikidze st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: dzoljuk@gmail.com).

Tatiana I. Chudova – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian and Foreign History at the Institute of History and Law of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; Scopus Author ID: 54410495300, ORCID: 0000-0001-8142-9949, SPIN-code: 1062-8257 (55, Oktyabrsky ave., Syktyvkar 167001, Russian Federation; e-mail: ChudovX@mail.ru).

Для цитирования:

Остапова, З. В. Детям о Республике Коми: работа по созданию учебно-методических пособий для воспитателей детских садов / З. В. Остапова, Т. И. Чудова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 159-163.

For citation:

Ostapova, Z. V. For children about the Komi Republic: work on the creation of educational and methodical manuals for kindergarten teachers / Z. V. Ostapova, T. I. Chudova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 159-163.

Дата поступления статьи: 15.12.2025

Прошла рецензирование: 15.12.2025

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 15.12.2025

Reviewed: 15.12.2025

Accepted: 30.01.2026

Рецензии

Reviews

Фаузер В. В. Коренные народы Севера России. Серия «Библиотека демографа». Выпуск 25. – Екатеринбург: УрО РАН, 2025. – 308 с. (табл. 99, библиогр. назв. 183).

Fauzer V. V. Indigenous peoples of the North of Russia. «Demographer's Library» series. Issue 25. – Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, 2025. – 308 p. (99 tables, 183 biblio. ref).

В конце 2025 г. вышла в свет подготовленная в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН и отпечатанная в типографии ООО «Принт» г. Ижевска монография д-ра экон. наук, профессора В. В. Фаузера «Коренные народы Севера России» под грифом Уральского отделения РАН. Рецензентами монографии выступили Л. А. Попова, д-р экон. наук, доцент, зам. директора по научной работе ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; В. Г. Логинов, д-р экон. наук, доцент, зав. сектором регионального природопользования и геоэкологии Института экономики УрО РАН. Книга посвящается светлой памяти д-ра экон. наук, профессора Леонида Леонидовича Рыбаковского.

Работа представляет собой оригинальное издание о социально-демографических характеристиках шести статусных этносов Севера России (алтайцы, буряты, карелы, коми, тувинцы и якуты) и 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Наряду с общей информацией о демографическом развитии и расселении населения Севера России за 1926–2025 гг., в ней приводится уникальная информация о распределении супружеских пар по национальности супругов и супружеских парах, состоящих в однонациональном и межнациональном браке по переписи населения 2021 г. Рассматриваются вопросы родного языка и практика владения русским и иностранными языками. Приводятся этнические зарисовки о жизнедеятельности отдельных северных народов.

Монография состоит из шести глав. В первой главе «Север и Арктика в демографическом пространстве России» раскрываются особенности районирования северных и арктических территорий, показывается демографическая динамика с 1926 по 2024 год, отмечается, что без государственной социально-экономической политики Север и Арктика не выполнят возложенные на них ожидания. Во второй главе «Социально-экономические характеристики северных республик России» дается описание шести республик по обширному набору социально-

экономических и демографических показателей. Третья глава «Социально-демографические характеристики северных республик России» продолжает описание шести республик, приводятся данные по расселению, этническому составу, владению родным и иностранными языками, национальной однородности домохозяйств и супружеских пар. В четвертой главе «Воспроизводство населения в северных республиках России» подробно рассмотрены вопросы рождаемости и смертности, раскрываются основные причины депопуляции. В пятой главе «Автономные округа российского Севера» рассмотрена история образования автономных округов в СССР и РСФСР, демография автономных округов; этнические процессы в автономных округах: расселение и брачность. В заключительной шестой главе «Коренные народы российской окраины» показана история формирования перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, анализируется динамика численности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока за 1926–2021 гг. В параграфе 6.3 «Коренные народы Севера России: мифология и познавательные факты» приводятся оригинальные данные, взятые из литературных источников, по мифологии коренных народов Севера и Арктики.

Монография будет полезной научным работникам, специалистам государственной службы и управления, преподавателям экономики народонаселения и демографии, докторантам, аспирантам, магистрантам и студентам вузов, а также представляет интерес и для жителей северных регионов России.

*Доктор исторических наук,
директор Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Жеребцов И. Л.*

Кириллова Л. Е. Географические термины в удмуртской топонимии: монография / Л. Е. Кириллова. – Ижевск: Изд-во «УдмФИЦ УрО РАН», 2020. – 228 с. ISBN 978-5-6044266-4-7.

Kirillova L. E. Geographical terms in Udmurt toponymy: the monograph / L. E. Kirillova. – Izhevsk: Publishing House “UdmFSC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, 2020. – 228 p. ISBN 978-5-6044266-4-7.

Рецензируемая работа посвящена изучению особого разряда лексики удмуртского языка – географической терминологии. Отсутствие полного систематизированного источника не могло не отразиться для широких детализаций и исторических выводов. Изданная монография представляет собой первый опыт обобщающего сравнительно-исторического изучения удмуртской географической терминологии, сформировавшейся после распада финно-пермского языка-основы. В научный оборот введен новый материал, ранее не привлекавшийся к исследованию, на основе которого впервые осуществлена систематизация географических терминов, описаны семантические эволюции в зависимости от изменения физико-географических особенностей, определенных языковых процессов, выявлены термины уральского, финно-угорского, финно-пермского и общепермского происхождения [1].

Географические термины или местные географические термины (МГТ) служат основой топонимической системы любого языка, это неиссякаемый источник пополнения научной терминологии, они более конкретно и предметно информируют о контенте и нюансах географической реальности, естественного феномена.

Интерес к сбору, анализу и составлению словарей географических терминов в России зародился еще в середине XIX столетия. Лингвисты и географы, историки и картографы не только активно использовали географические термины в своих научных трудах, но и интенсивно собирали их, систематизировали, изучали. В 60–70-е гг. XX в. было издано несколько монографических исследований и региональных словарей: по сравнительному анализу славянских терминов (Н. И. Толстой), о западносибирских географических терминах (М. Ф. Розен; М. Ф. Розен, А. М. Малолетко), белорусских (И. Я. Яшкин), болгарских и македонских (Э. А. Григорян), балтийских (Л. Г. Невская). Серьезные монографии, посвященные анализу географической терминологии, опубликованы и за рубежом (R. Badjura, P. Nitsche, J. Schutz и др.).

Первым опытом обобщения географической лексики народов СССР стал «Словарь местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевых 1959 г. В 1968 г. появился «Энциклопедический словарь географических терминов», а в 1975 г. – «Словарь общегеографических терминов» в двух томах (перевод с английского). Однако в названных трудах географическая терминология народов, говорящих на славянских, тюркских, монгольских, финно-угорских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и других языках, представлена слабо. Наиболее полно она содержится в работе Э. М. Мурзаева «Словарь народных географических терминов». Словарь в какой-то мере обобщает материал по географической терминологии многих национальных республик России. Особую ценность представ-

ляют толкование научной терминологии и сравнительный анализ географической лексики.

Несмотря на то, что основным назначением указанных словарей является передача географических терминов и других слов на русском языке, они служат эмпирическим источником для перспективных исследований по финно-угорской географической терминологии. Тем не менее следует отметить, что значительное количество географических терминов в них не представлено, особенно в части микротопонимии. Вероятно, причина в том, что в качестве основного источника были использованы крупномасштабные карты, возможности которых ограничивают отражение фонетико-грамматических и лексико-семантических вариантов терминов тех или иных языков. Кроме того, в словарях фиксируется много неточностей написания отдельных терминов и названий.

Отдельные работы исследователей топонимии Русского Севера содержат интересный материал по географической терминологии пермских языков. Однако специально пермская географическая терминология не изучена, за исключением некоторых лексем, описанных в работах А. С. Кривошековой-Гантман, О. П. Аксеновой по коми-пермяцкому языку, Е. И. Овчинниковой, С. К. Бушмакина, А. И. Туркина, А. Г. Мусанова по коми-зырянскому языку, М. Г. Атаманова, Л. Е. Кирилловой, М. А. Самаровой, Е. А. Сундуковой по удмуртскому языку. Между тем территория Камско-Вятского междуречья чрезвычайно интересна как с точки зрения богатства географической лексики, так и их языкового разнообразия.

Для удмуртской (шире – пермской) топонимии свойственна тонкая градация наименования особенностей ландшафта. К примеру, в коми географической лексике для обозначения водных объектов имеется более 20 апеллятивов, например, *-ю, -юг (-юга), -ва, -ты, -шор, -öшмös, -мös* и т. д. В зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков существует свыше 20 названий возвышенностей, например, *дзиб, керös, казань, кыр, ыб, нöрыс, чук* и т. д. [2, с. 11].

По характеру описываемой топографической реальности удмуртская географическая терминология в работе представлена в виде отдельных семантических групп. В числе максимально продуктивных и распространенных – экономико-географические термины и термины социально-культурного характера, демонстрирующие самый большой пласт лексики в удмуртской топонимии, отражают занятия местного населения, его хозяйственную деятельность, быт и духовную культуру. Эта группа терминов в основном позднего удмуртского происхождения. Наиболее консервативный пласт лексики, традиционно представленный терминами, входящими в названия рек, озер, ручьев, заливов и т. п., является общепермско-угор-

ским. Впервые в работе описаны и определены границы распространения и локализации гидронимических терминов. Самую высокую частотность по употреблению имеет термин *шур* «ручей». Аналогичное наблюдается в топонимической системе коми языка, где соответствующий удмуртскому, апеллятив *шор* также широко используется, причем фиксируется в нескольких вариантах: *шар*, *-сьөр/рус. -сер/-сера, -шер/-шера, -чора, -чер/рус. -черь*. Появление фонетических вариаций с идентичным или близким значением могли быть как междиалектные субституции, так и разновременные адаптации посредством русского языка.

Анализ удмуртской ойконимии позволяет сделать вывод, что выбор апеллятивной лексики для номинации населенных пунктов прямо зависел от социально-исторических и естественно-географических условий территории и уровня общественного развития. Наиболее древним из них является слово *кар* «гнездо», «городище, укрепленная крепость; город». Исторически семантика лексемы *кар* была намного шире, ср., например, названия, зафиксированные на территории Республики Коми: *Из кар*, ур., букв. «камень-город», зд. апеллятив *кар* по семантике тождественен лексеме *сик* «совокупность, множество, группа однородных предметов», т.е. *Из кар* «место с множеством камней»; *Кар чой*, гора, букв. «город-гора», зд. *кар* в значении «гора, возвышенность» и т. д. [там же, с. 33].

Среди апеллятивов, содержащих характеристику географических свойств объектов, огромное количество составляют географические термины, образованные путем сравнения и уподобления каким-либо предметам (метафорические названия). Модель такого топонимобразования считается универсальной и характерна для разных языков мира.

В целом на территории Удмуртии и сопредельных регионов распространены достаточно известные по семантике географические термины, характерные и для других пермских языков и диалектов (*шур*, *ва*, *ошмэс ~ оймэс* и др.). Между тем зафиксированы термины, имеющие ограниченную территорию распространения (*чэткэр*, *лайыг*, *чошал ~ чочали* и др.).

В зависимости от изменения физико-географических особенностей, определенных языковых сдвигов в некоторых апеллятивах наблюдается процесс деэтимологизации, к примеру, географический термин *вис* (*виск-*) со значением «переулок» (ср., *быркыт/вис*, где *быркыт* – прозвище человека < *быркыт* ‘беркут, орел’, букв. ‘переулок *Быркыта*’; *пислэг/вис*, *пислэг* ‘синица’; в этом переулке жил мужчина по имени *Пислэг*) и др.; ср. в коми языке *вис* (*виск-*) в топонимии «протока, канал, соединяющий озе-

ро с рекой»; *вис* «исток на озере, протока, соединяющая озеро с рекой», в коми-пермяцком языке *виск(а)* «проток, канал, соединяющий болото или озеро с рекой»; «приток воды из болота»; апеллятив *кож* «переулок» (ср., *алдар/кож*, где *алдар* – мужское личное имя, «переулок расположен рядом с хозяйством *Алдара*»; *микон/кож*, где *микон* – удмуртская форма русского личного имени *Никон*, «переулок *Никона*») и др.; ср. коми *кӧдж* «лука, излуцина (реки)»; «выступ берега, образуемый излуциной реки», «залив» и др.

Также зафиксированы апеллятивы, вышедшие из активного словоупотребления, однако они сохранились в топонимии исследуемого региона. Благодаря топонимическим экспедициям автору работы удалось их зафиксировать и правильно определить мотивировку. Этимологический анализ позволил выявить параллели в родственных и неродственных языках и диалектах. Большое количество нарицательной лексики заимствовано из русского языка.

Не будет преувеличением сказать, что работа Л. Е. Кирилловой займет достойное место среди книг по региональной топонимике и послужит методологической базой, способствующей развитию собственно научных методов в этом направлении. Исследования подобного плана актуальны не только в общенаучном, но и в практическом плане.

Благодарность:

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система» № 126020216215-0.

Литература

1. Кириллова, Л. Е. Географические термины в удмуртской топонимии: монография / Л. Е. Кириллова. – Ижевск: Изд-во «УдмФИЦ УрО РАН», 2020. – 228 с.
2. Мусанов, А. Г. Географические названия Лузско-Летского района Республики Коми / А. Г. Мусанов. – Сыктывкар, 2006. – 144 с.

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
междисциплинарной исследовательской группы
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Мусанов А. Г.

Юбилей

Юбилей Дроновой Т. И.

22 января 2026 г. накануне Татьянинного дня отметила свой 60-летний юбилей **Татьяна Ивановна ДРОНОВА** – видный деятель науки, известный исследователь старообрядческой традиции, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Родилась Татьяна Ивановна в дер. Чукчино Усть-Цилемского района Коми АССР. В 1983 г. закончила Усть-Цилемскую среднюю школу и продолжила учебу на историческом факультете Сыктывкарского государственного университета (СГУ). В 1989 г. закончила СГУ и в том же году была приглашена в отдел этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. С тех пор ее жизнь и судьба неразрывно связаны с наукой. Еще во время учебы в университете увлеченную наукой студентку заметил профессор В. Семёнов, с его помощью она не только постигала основы этнографии как науки и знакомилась с культурной мозаикой России и республики, но и создала свои первые исследовательские штудии. Естественно, что интересную и перспективную студентку заметили не только в университете, но и в Институте ЯЛИ, куда она устроилась сразу же после окончания университета.

В 1991 г. Т. И. Дронова поступила в аспирантуру ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, за время учебы прошла хорошую научную школу в отделе этнографии под руководством Н. Д. Конакова, овладев методикой проведения полевых исследований, освоив теоретические подходы отечественных и зарубежных этнографических исследований. В 1998 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Семейная обрядность русских бассейна нижней Печоры конца XIX – первой трети XX вв.», в которой представлено комплексное описание семейной обрядности старообрядцев бассейна нижней Печоры. За плодотворную научную работу Т. И. Дро-

Anniversaries

Anniversary of T. I. Dronova

нова в 1998 г. была удостоена персональной стипендии Главы Республики Коми.

За годы работы Т. И. Дроновой издано более 150 научных работ, среди которых 20 отдельных книг и монографий по истории и культуре Усть-Цильмы; а также публикации в высочайших рейтинговых рецензируемых журналах. Особо следует выделить монографии: «Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX–XX вв.)» (Сыктывкар, 2002); «Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре» (Сыктывкар, 2011); «Семья и брак староверов Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в повседневной и обрядовой жизни (середина XIX – начало XXI вв.)» (Сыктывкар, 2013); а также «Тематический словарь пословиц, поговорок, присловий Усть-Цильмы» (Сыктывкар, 2014).

Исследования Т. И. Дроновой имеют большое практическое значение, ее работы используются в учреждениях культуры и образования. Т. И. Дронова сотрудничала с Коми республиканским колледжем культуры им. В. Т. Чисталева; являлась консультантом и автором сценария документального фильма «Пижемская свадьба» (1994), снятого по заказу Министерства культуры Республики Коми. Татьяна Ивановна активно сотрудничает с телекомпанией «Юрган»: является соавтором телевизионных передач о русской культуре в Республике Коми: «Крещение огнем» и «Удорские христиане» (КРТК, 2005); «Духовные наставницы. Староверы нижней Печоры» (2022).

С 2002 г. Татьяна Дронова является членом Совета Сыктывкарского представительства Межрегионального общественного движения «Русь Печорская», принимая живое участие в его работе, которую энергично ведет и ныне.

Активная общественная и научная деятельность Татьяны Ивановны не раз была отмечена республиканскими грамотами и наградами. В 2007 г. она стала лауреатом премии правительства Республики Коми, награждена почетными грамотами Коми научного центра, Усть-Цилемского района; за большой вклад в развитие и сохранение традиционной русской культуры в Республике Коми, духовное наследие устьцилемов – грамотами Министерства национальной политики, Министерства культуры, Министерства образования Республики Коми.

Сегодня все более актуальным направлением исследований становится визуальная антропология. Визуализация этнокультурного наследия дает возможность использовать различные интерактивные методы в историческом и этнокультурном образовании и просвещении. Т. И. Дронова мастерски использует ресурсы кино для фиксации различных элементов культуры русских староверов-беспоповцев, проживающих на нижней Печоре, создавая целостный кинообраз устьцилемов в этнографических фильмах: «Русь Печорская» (2006), «Горка» (2008), «Усть-Цилёма и изьватас: диалог культур» (2009). Фильм «Русь Печорская» удосто-

ен Гран-При Международного фестиваля документальных фильмов о русских старообрядцах (г. Улан-Удэ, 2007 г.); диплома XI Международного фестиваля телевизионных программ и фильмов (г. Ханты-Мансийск, 2007 г.); фильм «Горка» удостоен диплома III Международного мультимедийного фестиваля «Живое слово» (г. Нижний Новгород, 2008 г.). Фильм «Усть-Цильма и изъватас: диалог культур» в 2010 г. стал Победителем финно-угорского фестиваля «Тувейж» («Перекресток»).

В 2018 г. Т. И. Дронова защитила в МГУ имени М. В. Ломоносова докторскую диссертацию «Религиозный канон и народные традиции как механизмы формирования, сохранения и эволюции этноконфессиональной группы (на примере староверов Усть-Цильмы)». В работе, основанной на многолетних исследованиях автора, выявлены конфессиональные традиции, обеспечивавшие формирование, сохранение и воспроизводство традиционной духовной культуры староверов Усть-Цильмы как особой этноконфессиональной группы в исторической динамике. Ее докторская диссертация была хорошо принята не только диссертационным советом, но и оппонентами, среди которых были видные российские этнологи, а коллеги по цеху из разных научных центров не только активно цитируют труды Т. И. Дроновой, но и признают ее одним из лидеров российской этнологической школы.

В 2019 г. вышла в свет монография «Религиозный канон и народные традиции Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция» (Сыктывкар, 2019 г.). В этом же году Т. И. Дронова была удостоена высшей награды Уральского отделения РАН в области гуманитарных и общественных наук – медали имени члена-корреспондента РАН С. С. Алексеева. В 2021 г. Татьяне Ивановне было присвоено почетное звание «Заслуженный работник Республики Коми».

В планах у ученого новые исследования, публикация очередных солидных монографических работ и, конечно, активная пропаганда культурного наследия республики, причем с акцентом на демонстрацию поликультурности республиканского социума и исторических корней единства всех этнических групп населения РК, которые издавна проживают на ее территории, что будет ее личным вкладом в проведение года единства народов России, объявленного 5 февраля Президентом Российской Федерации В. В. Путиным.

С глубоким уважением поздравляем с юбилеем Татьяну Ивановну – замечательную женщину, талантливого ученого, доброго и отзывчивого человека! Желаем крепкого здоровья, творческого вдохновения, новых блестящих результатов, неиссякаемой энергии и благополучия!

*Коллектив Института языка,
литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ
Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Серия «История и филология»
№ 2 (87)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов

Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Милохин

Выпускающий редактор – И. В. Курляк

Редактор – О. А. Гросу

Переводчик – Т. А. Искакова

Оригинал-макет – С. Ф. Камалова, Е. Н. Старцева

Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 15.04.2026. Дата выхода в свет 17.04.2026.

Уч.-изд. л. 30,0. Усл.-печ. л. 21,0. Тираж 300. Заказ № 20.

Формат 60x84¹/₈. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.